

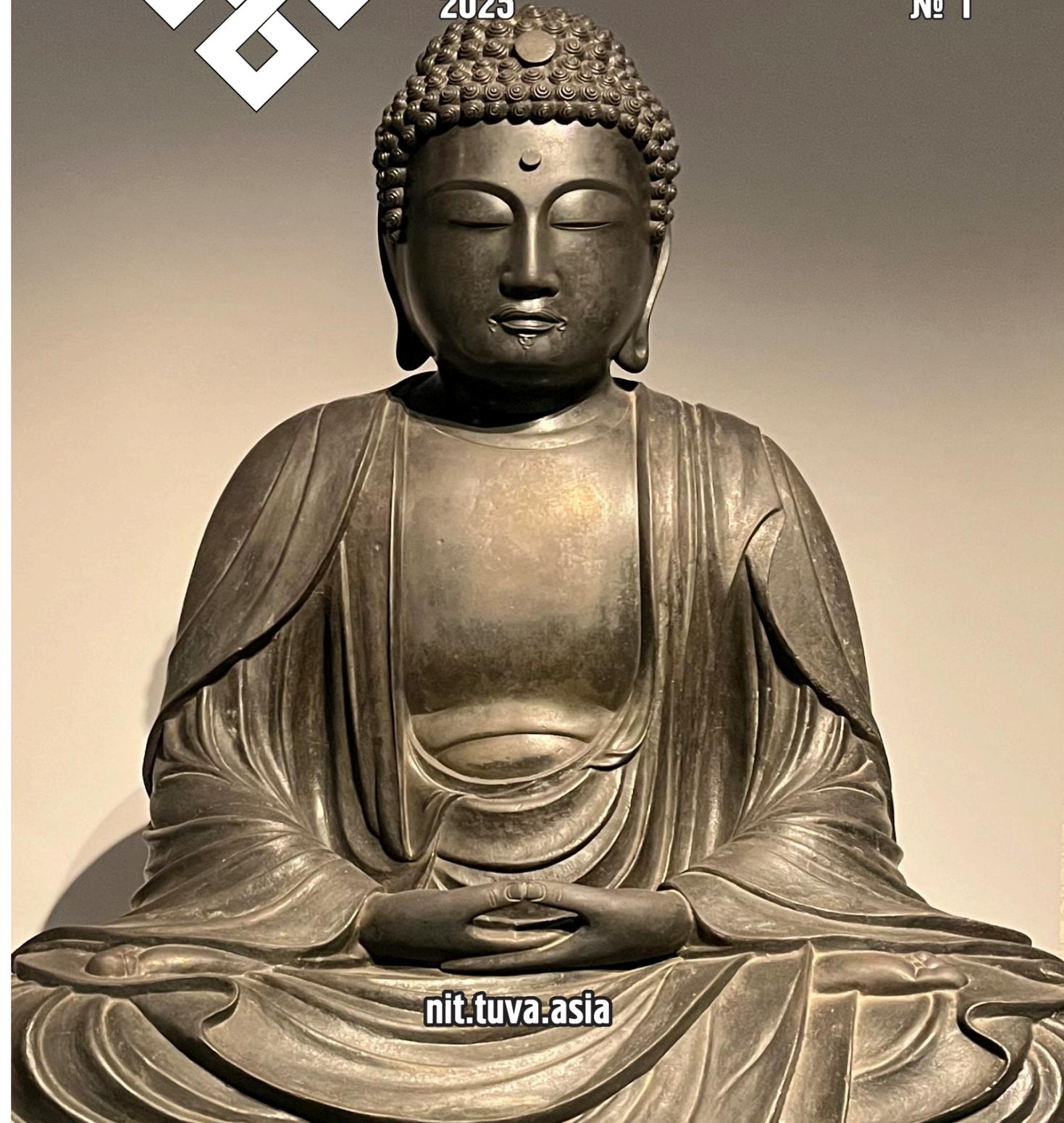
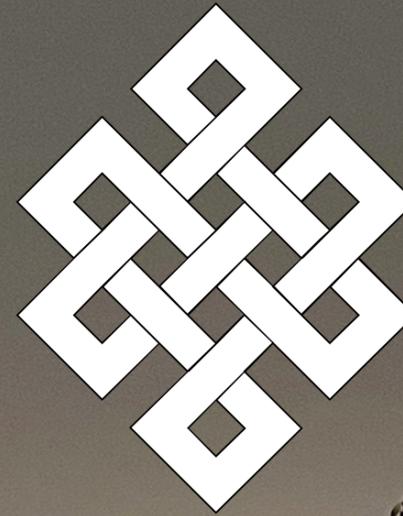
ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2025

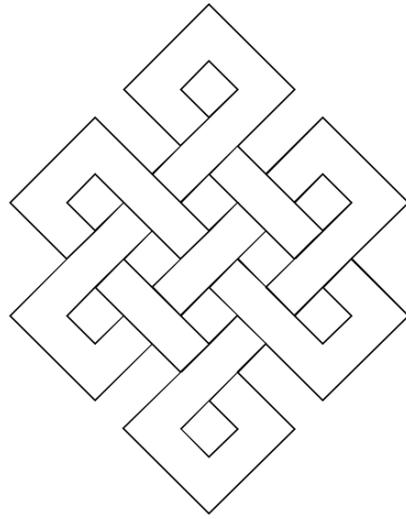
№ 1

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

№1
2025

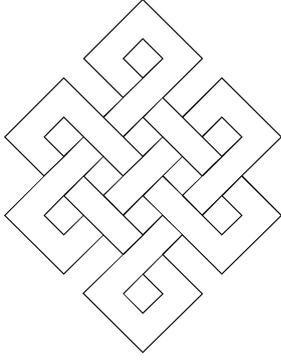
nit.tuva.asia

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

9 772079 848005

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2025

№ 1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив
 Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отроценко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского
 Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии
 Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных
 ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных
 социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США
Ксения Пименова, Парижский университет Нантерр, Франция

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр
 Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов
Туймебаев Ж. К., Казахский национальный университет
 имени аль-Фараби, Республика Казахстан

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор
Макаров В. С., редактор
Гайдин Б. Н., редактор

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
 Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

Издатель: Ч. К. Ламажаа, Россия, 117437, г. Москва, а/я 30,
 Соиздатель: Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
 Республика Казахстан, Алматы, 050040 пр. Аль-Фараби, д. 71.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology,
 Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroschchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National
 Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology,
 Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian
 Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy
 of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch,
 Russian Academy of Sciences
Galina F. Balakina, Tuvian Institute for Exploration of Natural
 Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social
 and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States
Ksenia Pimenova, l'Univesité Paris Nanterre, France

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva,
 Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch,
 Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia
Zhanseyt K. Tuymebaev, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager
Vladimir S. Makarov, Editor
Boris N. Gaydin, Editor

The New Research of Tuva welcomes contributions
 in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in
 ERIH PLUS, RINTS, CiberLeninka, PKP Index,
 Google Scholar, DOAJ, Scopus,
 ESCI Web of Science Core Collection.

Publisher - Ch. K. Lamazhaa (Postal box 30, Moscow, Russia, 117437);
 Co-publisher - Al-Farabi Kazakh National University (71 Al-Farabi Ave.,
 Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040).

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ламажаа Ч. К., Каиржанова А. Т. (Казахстан) Башкы: обращение, наставничество и социальные отношения5

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Красильникова Е. И., Трояк И. С. (Россия) Публикации тувинских сказок и героических сказаний на русском языке в советский период: аспект политики памяти26

Тиникова Е. Е., Канзычакова Н. Г. (Россия) Тувинско-хакасские браки и их роль в динамике национального состава населения Хакасии39

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., Кучмаева О. В. (Россия) Модели семей и семейные ценности в дискурсе СМИ Тувы48

Излученко Т. В., Гергилев Д. Н., Мамышева Е. П. (Россия) Религиозная ситуация в Туве: проблемы, направления и перспективы (по материалам западных исследований XXI в.)63

Балакина Г. Ф. (Россия) Исследования социокультурных процессов в Республике Тыва (1980-е гг. — наст. время)78

Тас-оол Л. Х., Куликова М. П. (Россия) История развития углехимических исследований в Туве91

Прудников С. Г., Ойдул Ч. К. (Россия) История развития фундаментальных геологических исследований в Туве102

Леденева В. Ю., Ростовская Т. К., Ойдул Т. М. (Россия) Сравнительный анализ социально-демографической ситуации в республиках Сибирского федерального округа (Алтай, Тува, Хакасия) 118

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

Туймебаев Ж. К., Аманжолова Д. Б., Жанабаев К., Тургенбаева А. Ш. (Казахстан) Формульный стиль устной поэзии тюркских народов134

Трофимова С. М., Мухаринов В. М. (Россия) Лексика по разделу «части тела животных» в монгольских языках (с привлечением тюркского материала)146

Нарожная В. Д., Кадеева М. И., Канаева Л. С. (Казахстан) Жесты приветствия в культуре общения на юге Казахстана156

Валиахметов Р. М., Зарипов А. Я., Вахитов Р. Р. (Россия) Становление и развитие национального образования в Республике Башкортостан172

Железняков А. С., Никифоров С. В. (Россия) Роль буддийского фактора в политических и цивилизационных процессах в Монголии188

Utebekov S. (Kazakhstan), Koç K. (Türkiye) Theoretical principles and criteria of historical and genetic differentiation of lexical parallels between Turkic and Mongolian languages 198

БУДДИЙСКИЙ МИР

Эрендженюва Ю. Ю., Бадмаев В. Н., Уланов М. С. (Россия) Буддийская идея «упая–праджня» в контексте стратегии развития современного общества212

C O N T E N T S

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

Lamazhaa Ch. K., Kairzhanova A. T. (Kazakhstan) Bashky: addressing, mentoring, and social relations 5

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Krasilnikova E. I., Troyak I. S. (Russia) Publications of Tuvan Fairy Tales and Heroic Tales in Russian during the Soviet Period: an aspect of Memory Policy.....26

Tinikova E. E., Kanzychakova N. G. (Russia) Tuvan-Khakassia marriages and their role in the dynamics of the national composition of the population of Khakassia39

Rostovskaya T. K., Vasilyeva E. N., Kuchmaeva O. V. (Russia) Family models and family values in Tuva media discourse48

Izluchenko T. V., Gergilev D. N., Mamysheva E. P. (Russia) Religious situation in Tuva: problems, directions and prospects (based on the materials of Western studies of the XXI century)63

Balakina G. F. (Russia) Studies of socio-cultural processes in the Republic of Tuva (1980s — present) 78

Tas-ool L. H., Kulikova M. P. (Russia) History of development of coal chemical research in Tuva 91

Prudnikov S. G., Oidup Ch. K. (Russia) History of development of fundamental geological research in Tuva ..102

Ledeneva V. Yu., Rostovskaya T. K., Oidup T. M. (Russia) Comparative analysis of the socio-demographic situation in the republics of the Siberian Federal District (Altai, Tuva, Khakassia) 118

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

Tuimebayev Zh. K., Amanzholova J. B., Zhanabayev K., Turgenbayeva A. Sh. (Kazakhstan) Formulaic style of oral poetry of Turkic peoples 134

Trofimova S. M., Mukharinov V. M. (Russia) Vocabulary on ‘Animal Body Parts’ in Mongolian languages (involving Turkic material)146

Narozhnaya V. D., Kadeyeva M. I., Kanayeva L. S. (Kazakhstan) Gestures of greeting in the culture of communication in the south of Kazakhstan156

Valiakhmetov R. M., Zaripov A. Ya., Vakhitov R. R. (Russia) Formation and development of national education in the Republic of Bashkortostan172

Zheleznyakov A. S., Nikiforov S. V. (Russia) The role of the Buddhist factor in political and civilizational processes in Mongolia188

Utebekov S. (Kazakhstan), Koç K. (Türkiye) Theoretical principles and criteria of historical and genetic differentiation of lexical parallels between Turkic and Mongolian languages 198

BUDDHIST WORLD

Erendzhenova Yu. Yu., Badmaev V. N., Ulanov M. S. (Russia) Buddhist idea of ‘upaya-prajnya’ in the context of development strategy of modern society212

Башкы: обращение, наставничество и социальные отношения

Чимиза К. Ламажаа, Адия Т. Каиржанова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье представлен комплексный анализ традиции «башкы» в тувинской культуре. «Башкы» рассматривается как концепт культуры, то есть анализируется с трех сторон: 1) термин тувинского языка, 2) его многоаспектное смысловое наполнение, 3) социально-регулирующая функция концепта. Таким образом исследуется то, что тувинцы производят, о чем думают и чем руководствуются в поступках.

Этимология слова показывает нам наличие культурных корней из китайской традиции наставничества. История традиции также связана с буддийским пониманием и почитанием учителей. Традиция наставничества адаптировалась к тувинской культуре, религиозное понятие буддийского учителя было перенесено на все просвещение, распространилось в фольклоре. Понятие также привнесло новый аспект социальных отношений между людьми, стремящихся в новым знаниям, появились отношения учителя и ученика вне традиционных социальных ролей в обществе.

В советское время термин «башкы» использовался только в сфере профессиональной педагогической деятельности, означал учителей. Эта трактовка продолжает сохраняться и ныне. Тем не менее исконные смыслы слова «башкы» также остаются в тувинском языке и не только в языке. Об этом говорят нам многочисленные примеры использования обращения «башкы» у тувинцев на протяжении всего XX века и до сегодняшнего дня.

Активно используя обращение «башкы», тувинцы показывают принятие идеи социальной иерархии в направлении строго снизу (от ученика) — вверх (к учителю) в формате добровольного признания его статуса, выражения его превосходства, интеллектуального и духовно-морального.

Ключевые слова: Тува; тувинцы; башкы; тувинский язык; концепт культуры; этнопедагогика; наставник; тувинская культура

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Каиржанова А. Т. Башкы: обращение, наставничество и социальные отношения // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 5-25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.1>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, приглашенный профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

Каиржанова Адия Тасболатовна — докторант кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: kairzhanova16@gmail.com

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Visiting Professor, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71/27 al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID: 0000-0003-1813-3605

KAIRZHANOVA, Adiya Tasbolatovna, Doctoral Student, Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71/27 al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Republic of Kazakhstan. E-mail: kairzhanova16@gmail.com

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

Article

***Bashky:*
addressing, mentoring, and social relations****Chimiza K. Lamazhaa, Adiya T. Kairzhanova***Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan*

The article provides a comprehensive analysis of the tradition of “bashky” in Tuvan culture. “Bashky” is examined as a cultural concept from three perspectives: (1) its meaning as a term in the Tuvan language, (2) its multifaceted semantic content, and (3) its socially regulatory function. This approach investigates what Tuvans articulate, think about, and are guided by in their actions.

The etymology of the word reveals cultural roots in the Chinese tradition of mentorship. The history of this tradition is also linked to the Buddhist understanding and veneration of teachers. Mentorship as a tradition adapted to Tuvan culture, transferring the religious notion of a Buddhist teacher to general education, and became embedded in folklore. The concept also introduced a new dimension to social relations, fostering teacher-student dynamics beyond traditional societal roles.

During the Soviet era, the term “bashky” was primarily used in the context of professional pedagogical activity and referred to teachers. This interpretation persists to this day. However, the original meanings of the word “bashky” have been preserved in the Tuvan language and beyond. Numerous examples of the use of the term “bashky” by Tuvans throughout the 20th century and into the present confirm this continuity.

Tuvans actively use the term “bashky” as a form of address, signifying their acceptance of a hierarchical social structure. This hierarchy moves strictly upward — from the student to the teacher — in the form of voluntary recognition of the teacher’s status and expression of their intellectual and moral-spiritual superiority.

Keywords: Tuva; Tuvans; bashky; Tuvan language; cultural concept; ethnopedagogy; mentor; Tuvan culture

For citation:

Lamazhaa Ch. K. and Kairzhanova A. T. *Bashky: addressing, mentoring, and social relations. New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 5-25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.1>

Введение

В повседневной жизни религиозных, образовательных, научных учреждений Тувы одним из часто звучащих слов является обращение по-тувински *башкы*. Так называют лам; учителей разных образовательных учреждений, ученых, абсолютное большинство которых также преподают, выступают с лекциями; а также наставников в любой сфере. Обращение *башкы* чаще всего произносят тувинцы, адресуя его тувинским учителям, но нередко и к русским. Оно заменяет обращение по имени и отчеству, и присутствует повсеместно там, где есть отношения «учитель/наставник — ученик», подчеркивая иерархию позиций, отношений. Нам уже приходилось писать об этом, анализируя особенности и проблемы социальных отношений в науке и образовании республики (Тува: Родная ... , 2023: 31–35).

Обращение *башкы* и соответствующая традиция его почитания имеют длительную историю, о чем нам говорит широкое присутствие слова в тувинском фольклоре (см.: Ооржак, 2019: 43). На

протяжении XX в. учителям *башкы* посвящали произведения тувинские писатели, поэты¹. Помимо простого обращения *башкы* (от ученика — к наставнику) есть и понятие *Улуг башкы*, которым старшего педагога называют тоже педагоги — его собственные ученики, коллеги, последователи². В среде тувинских педагогов также известен научно-популярный и методический журнал «Башкы», который начал издаваться в 1993 г.³

Несмотря на эти очевидные свидетельства того, насколько важна в тувинской культуре до сих пор традиция *башкы*, тем не менее удивительным образом тувиноведение до сих пор обходило ее вниманием. Лишь несколько лет назад на термин обратили внимание филологи (Ооржак, 2019; Бурькин, 2020; и др.⁴). В том числе они упомянули о экстралингвистических факторах использования слова *башкы*, однако, в силу своей специализации не углублялись в эту тему.

Мы подчеркнем, что *башкы* — не просто обращение к учителю, не просто слово, означающее учителя, наставника; за этим словом стоит целая традиция, имеющая свою историю и подразумевающая понимание тувинцами определенной социальной иерархии и соответствующих социальных отношений. Поэтому недостаточно разбора одного термина языка как формы обращения, именованного статуса, квалификации. *Башкы* следует рассмотреть как социокультурное явление, как концепт культуры, то есть как одну из важнейших идей тувинской культуры, которая имеет не просто богатство форм, в том числе словоформ, но и диалектически связана с человеческой активностью (Ламажаа, 2023: 16), а значит должна изучаться и как составляющая социокультурных практик.

Поэтому целью данной статьи будет комплексный анализ традиции *башкы* в тувинской культуре, который мы рассматриваем как концепт культуры. В обсуждении мы учитываем: 1) то, что имеем дело с термином тувинского языка, то есть будем обсуждать словоформу концепта, 2) что этот термин характеризуется многоаспектным смысловым наполнением, содержание которого требует категоризации (т. е. мы говорим и об идее концепта), а также то, что, 3) руководствуясь определенными идеями, люди опираются на них как на социальные регуляторы и ведут себя определенным образом (Ламажаа, 2023). То есть, разбирая традицию как концепт культуры, мы анализируем то, что тувинцы произносят, о чем думают и чем руководствуются в поступках. Соответственно такое исследование подразумевает применение методов разных научных дисциплин (филологии, истории, педагогики, антропологии и пр.), а также привлечение материалов родственных культур с тувинской, в которых есть и близкая терминология, и схожие традиции.

В качестве источников для нас выступили, помимо наблюдений за социокультурной жизнью современных тувинцев, также: словари; научная и художественная литература; тексты фольклора, тексты средств массовой информации, а также мнения наших коллег, занимающихся педагогической деятельностью в образовательных учреждениях Тувы.

Истоки традиции почитания учителя

Словоформой концепта, как мы сказали, уже заинтересовались филологи. Этот аспект интересно разобрала в своей статье С. С. Ооржак (Ооржак, 2019), ссылаясь на работы тюркологов. Добавим к этим заключениям и ряд дополнительных тезисов из других работ.

Этимология слова *башкы* ‘учитель, преподаватель, педагог; наставник (а также форма обращения к учителям, преподавателям)’, как установил Б. И. Татаринцев, восходит к древнетюркским, в основном древнеуйгурским памятникам X–XIII вв., где оно отмечается как *bagši* (Татаринцев, 2000: 201–202).

¹ Напр.: Чадамба Л. Башкы [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/8013> (дата обращения: 15.09.2024); Ооржак М. Верлиблер. Башкым Э. Б. Мижитке // Антология тувинской поэзии. Литературно-художественное издание. Кызыл, 2014. С. 442.

² Селиверстова Г. М. Улуг башкы // Вестник Тувинского государственного университета. 2013, № 4. С. 174.

³ Сат Ю. Журнал «Башкы». Миссия просвещения [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2023, 5 февраля. URL: <https://tuvappravda.ru/novosti/zhurnal-bashky-missiya-prosveshheniya/> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴ Напр.: Монгуш Ш. В., Матпай-оол А. С. Концепт башкы ‘учитель’ в тувинском языке // Научные труды Тувинского государственного университета: Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов Тувинского государственного университета, посвященной Году педагога и наставника в Российской Федерации, Году народной сплоченности в Республике Тыва, Кызыл, 28 октября 2023 года. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2023. С. 131–133.

При этом авторитетный тюрколог подчеркивает, что в древнеуйгурском языке слово оказалось заимствованием средневековой китайской формы слова, состоящей из компонентов ‘знающий’ и ‘ученый’ (там же: 202). А. Н. Кононов приводит следующую транскрипцию этого китайского слова — *pâk-sî* (Кононов, 1958: 93), правда упоминая, что сторонников «китайской» версии происхождения термина — меньшинство.

В тувинском языке, пишет Татаринцев, корневое *бакши* претерпело метатезу (перестановку слогов) *киш* > *шк*¹. Тем не менее, автор не исключил сближение со словом *баш* ‘голова’, *башкы* ‘первый (по счету), передний (головной)’ (Татаринцев, 2000: 202).

Подобное слово, означающее учителя, наставника, есть и в других тюркских языках, но в основном в его исходной форме: в якутском языке *баксы/бахсы* является частью сложного эпического имени одного из богов *Кыдай бахсы*, в монгольском — *баги* ‘учитель, наставник, преподаватель’ (там же). В казахском языке *баксы* трактуется прежде всего как ‘шаман, знахарь’ (Турсунов, 1999: 61) — тот, кто в тувинском языке именуется *хам* ‘шаман’. Однако есть и значения ‘учитель, наставник’ как заимствование через посредство монгольского языка (там же: 62).

Если опираться на мнение специалистов о китайском происхождении термина, то вырисовывается интересная траектория появления и развития традиции в тюркском (а также монгольском) культурном мире, в частности в Туве и того нового, которое она привнесла в социальные отношения населения региона. Для того, чтобы обозначить эту траекторию, обратимся к тому, что стоит за этой словоформой, то есть к идее концепта.

А она восходит в традициям учителей, наставничества в Китае.

Научная мысль, в частности синология, достаточно подробно изучила такую традицию китайской культуры как наставничество, которая, как утверждается, восходит к идеям первого профессионального учителя, древнего мыслителя VI–V вв. до н. э. Конфуция. Как пишет А. С. Мартынов (Мартынов, 2001), конфуцианство оказалось одним из тех вариантов духовной трансформации человечества в «осевое время» (по К. Ясперсу), когда человеческие коллективы стали меняться и разрываться, делиться по новым основаниям, чем прежде, в том числе на людей, которые живут как прежде, и тех, кто совершенствуется, преуспевает, переходит в более высокую категорию. Для последних становится важным духовное обучение и новый тип человеческих отношений — взаимоотношений наставника и ученика (там же: 136–138). При этом, в отличие от религий спасения (христианства, буддизма), ориентирующих людей на уход от мира, конфуцианство готовило людей для этого мира, а точнее — для государственной службы. Конфуцианская система образования выстроилась как часть государственной власти, как основа социальной иерархии, и история образования тесно переплелась в этой стране с историей политической системы, в которой должности могли достигаться путем прохождения обучения и сдачи экзаменов.

До сих пор сегодня в Китае образование и власть остаются взаимозависимыми частями целого, и социальная иерархия не только оформляет образование, но и определяет его характер (Закурдаев, 2012: 109). Современные китайские родители не просто хотят, чтобы их ребенок получил образование, но и чтобы он стал «драконом» (сын) или «фениксом» (дочь), то есть достиг успеха, стал выдающимся человеком (там же: 105–106).

В данной системе организации образования учитель был и остается больше чем учитель (Соломатина, 2020). Причем, специалисты уже рассматривают в китайском языке (как и в японском) термин, выражающий учителя, как концепт и пишут, что он в большей степени ассоциируется с понятием «наставник», «духовный учитель», или «предшественник» («тот, кто идет впереди») (Жанцанова, Дагюев, 2019: 35).

Особые связи между учителем и учеником были важнейшими в индийской и японской культурах. Причем и индийскую, и японскую, и китайскую культуры пронизывала буддийская традиция, соединяя и укрепляя традиции наставничества (Бабкова, Коляда, 2024). Как гласят древние китайские рукописи, буддийские проповедники передавали буддийское учение из Индии в Китай еще с 3 в. до н. э.,

¹ Очевидно, что то же произошло и со словом *акша* — *ашка* ‘деньги’. Толковый словарь тувинского языка под ред. Д. А. Монгуша трактовку термина *ашка* отсылает к определению термина *акша*, см.: Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. 1. С. 182 и 99.

но попытки увенчались успехом лишь в 1 в. н. э. и связано это было с тем, что император «созрел» для учения и смог стать учеником (там же: 10). М. В. Бабкова и М. С. Коляда подчеркивают, что в передаче учения огромную роль сыграл именно личностный фактор и личностные отношения «учитель — ученик». При этом данный процесс взаимодействия постоянный: ученик принимает учение, затем сам становится наставником (там же).

Буддизм в нескольких традициях, в каждой из которых была важной традиция наставничества, распространился на огромные территории Евразии (напр., см.: Марков, 2021), в том числе охватив и регионы с кочевой культурой шаманистов. В тибетском варианте буддизма, в традиции *гелуг*, культ наставничества был развит его основоположником — ламой Цонкапой (XIV–XV вв.), философом, религиозным деятелем, реформатором. Помимо совершенствования прочих символов буддийской веры, он утверждал о необходимости «ввериться Учителю», которого он называл «Благим Другом»¹, следуя наставлениям Будды о том, что учитель — это благой друг, благой спутник, благая опора (Эрендженова, 2019: 130). Самого же ученика Цонкапа описывал как «сосуд для послушания»².

Традиция распространилась в том числе на Монголию и через нее — на Туву. М. В. Монгуш цитирует статью из журнала «Современная Монголия» 1936 г., описывая масштабы подобного тибетского культа в Монголии: там «не было ни одного арата, ни одной юрты, которые не имели бы в ближайшем монастыре своего учителя-ламу» (Монгуш, 2001: 70). Будучи привнесенным в середине XVIII в. в Туву по монгольскому направлению при поддержке имперских властей маньчжурского Китая (там же: 36–94), буддизм внедрил в среду местного населения и новый аспект социальной иерархии — институт личного религиозного наставничества.

При этом мы помним о том, что в тувинском языке (как и других языках — тюркских и монгольских) слово *башкы* имеет более древние корни. То есть, очевидно, это слово и идеи существовали и до укоренения в регионе буддизма. Наличие словоформы с древней историей подсказывает нам то, что культурное влияние Китая на тюркские культуры имеет сложную и извилистую историю. Восстановить историю традиции *башкы* полностью невозможно, но, по крайней мере, можно говорить о ее китайских и буддийских корнях, которые наслаивались друг на друга и отдельные традиции укрепляли друг друга веками.

Башкы как источник знаний

Как и сам буддизм, традиция наставничества не изменила полностью тувинскую культуру, она лишь адаптировалась к ней, ассимилировалась с местными традициями. В Туве, как пишет М. В. Монгуш, понятие *башкы* «подменило собой все, что имело отношение к просвещению. В результате словом “башкы”, т. е. учитель, называли любого, кто обладал неизвестными для широких масс знаниями» (там же: 70–71). Более того, небесного божества Курбусту-хана, например, южные тувинцы именовали «Бурхан-башкы» (там же: 168). Самого Будду Шакьямуни тувинцы, как и другие народы с буддийской культурой, называют *Бурган башкы* (Бурыкин, 2020: 201; и др.³).

Приведем другие примеры из фольклора. В мифе о живой воде и вечнозеленых деревьях говорится о создании Бурган-башкы, т. е. Богом-наставником, живой воды для того, чтобы сделать бессмертными всех существ Вселенной⁴. Он же упоминается в мифе о происхождении змеиного яда. Здесь в том числе говорится о том, что Бурган-башкы живет в юрте и имеет своих учеников⁵. Бурган-башкы также фигурирует как тот, кто находит подходящие голоса новым появляющимся в природе животным⁶.

Башкы также именовали буддийских лам, причем различали их иерархию, например, «младший лама» и «старший лама» соответственно — *бичии башкы* ‘маленький учитель’ и *улуг башкы* ‘большой

¹ Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. I. Подготовительная часть и этап духовного развития низшей личности. СПб.: Нартанг, 1994. С. 64.

² Там же.

³ Туң-оол О. Харыы // Антология тувинской поэзии. Литературно-художественное издание. Кызыл, 2014. С. 249; Мижит Э. Өг // Антология тувинской поэзии. Литературно-художественное издание. Кызыл, 2014. С. 392.

⁴ Мифы, легенды и предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев и др. Новосибирск: Наука, 2010. С. 48, 49.

⁵ Там же. С. 52, 53.

⁶ Там же. С. 68, 69.

⁷ Там же. С. 84, 85.

учитель⁷. В одном из преданий встречается именование *Ачылыг-башкы* 'Благословенный учитель', под которым также подразумевался лама¹, возможно высокого ранга. В эпическом произведении «Хунан-Кара» также встречается упоминание о *башкы* — буддийском священнослужителе². Т. Г. Будегечиева пишет, что среди обращений к учителю у тувинцев есть *ном башкызы*, т. е. буквально 'книжный учитель' (Будегечиева, 2018: 91).

Учитывая то, что порочные, алчные, ленивые ламы достаточно часто высмеивались в малых жанрах фольклора, не удивительно, что их и изображали в сюжетах с помощью приставки «башкы» к имени или к сказочному образу. Например, в сказках с явными монгольскими заимствованными сюжетами (в свою очередь пришедшими из Индии, Тибета), отдельно исследованных А. С. Донгак, присутствуют сюжеты о коте-наставнике («Моортай-башкы»), учителе Эленмее («Элеңмей башкы»), учителе свинье («Хаван башкы»)³.

В сказке о коте-наставнике (*моортай-башкы*) говорится о голодном коте. Встретив кота в лесу, мыши признали его своим учителем *башкы*, соорудили для него теплое гнездо, делали ему подношения и молились ему, оставляя рядом с ним дежурных мышек, которые с каждым днем исчезали. Их поедал тайно кот, не пристрагиваясь к еде, которую ему приносили. Когда мыши наконец поняли причину постоянного уменьшения их численности, они осознали, что кот им не учитель, а враг. В завершении сказки кот съел предводителя мышей, что и стало началом постоянной вражды между мышами и котами⁴.

В другой сказке «Хаван-башкы» речь идет о старике, который перед ханом назвался Хаван-башкы, обладающим даром прорицателя. В ответ на просьбы богача он каждый раз требовал себе свиную тушу, которой и питался вволю⁵.

Эти и другие образцы фольклора выражают понимание людьми разницы между ламами-*башкы* праведными и не праведными, теми, кого можно считать настоящими праведниками и наставниками, и теми, кто только притворяется праведником и называется «башкы».

В одном из рассказов о тувинцах начала XX в., который записал И. Г. Сафьянов⁶, содержится весьма интересный сюжет, который показывает нам также это понимание.

Автор описывает встречу с богатым тувинцем знатного рода Ортун-мейрин, который получил духовный сан *хелин*, то есть имел прекрасное образование, знал монгольский и тибетский языки, бывал в Китае, совершал паломничества. В Туве же его назначили старшим чиновником особых поручений при амбын-нойоне, маньчжурском наместнике в крае. Лама исполнял свои обязанности до своей смерти, но не так как другие, возможно, без особого рвения перед начальством. Нойон на него гневался, но не мог ничего с ним поделать, даже не мог уволить, учитывая его ученость и популярность среди народа.

Лама этот отказался в свое время и от сана *камбы-лама* — главы крупнейшего в крае хурээ — Оюннарского. Отказ свой он свой объяснил, приведя сказку об охотнике, который на охоте убил маралуху. Она оказалась беременной и при падении со скалы распорол брюхо об камне; оттуда выпал детеныш, который также погиб. Охотник впал в ужас от этой картины и, глубоко раскаиваясь, решил покончить жизнь, бросившись с той же скалы. Но случилось чудо — он не упал, неведомая сила удержала его и унесла в небо. Все это видел великий праведник *бакши*⁷ лама, живший рядом в пещере и совершавший молитвы для просветления. Он подумал, что скала обладает определенной силой и он тоже может таким же образом вознестись на небо. Бросился — и разбился о камне. Умирал лама мучительно, проклиная жестокое небо⁸.

¹ Там же. С. 94, 305.

² Хунан-Кара // Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, С. 64.

³ См.: Донгак А. С. Сюжеты и мотивы «обрамленных повестей» в тувинской сказочной традиции : дисс. ... канд. филол. н. Кызыл, 2004.

⁴ Там же. С. 83–87.

⁵ Там же. С. 100–101.

⁶ Сафьянов И. Г. Прошлое и настоящее сойотского народа // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. Т. 5. С. 298–299.

⁷ Такое написание в источнике. Редакторы издания добавили в примечание написание *башкы*. Там же. С. 299.

⁸ Там же.

Так иносказательно Ортун-мейрин выразил мысль, что не верит в святость лам. Сам же он помогал бедным, растил и учил своих детей, был почитаем за свою человечность.

Как мы видим, понятие *башкы* вписалось в имеющиеся культурные традиции тувинцев, привыкших к социальному делению в обществе, к наличию богатых, вышестоящих, порочных людей. Тем не менее, постепенно также в культуру внедрялись и внесоциальные идеи наставничества, которые несли буддийская культура.

Как отмечает исследователь культа учителей в буддийских культурах Ю. Ю. Эрендженова, за учителями, ламами, т. е. людьми, прошедшими большую школу обучения, признавалась духовная власть, их почитали наравне с тремя драгоценностями буддизма, вера в них должна была быть безграничной. «Лама должен восприниматься учеником как эманация, или проявление Будды, и мудрость его не должна ставиться под сомнение» (Эрендженова, 2019: 132).

Безусловно, в целях решения государственных задач буддийская церковь, буддийское духовенство также были строго иерархичны и насаждаемый ими культ наставничества соответствовал духу вертикальных связей управления и подчинения (Хомушку, 2024: 46–47). Кроме того, далеко не все ламы обладали истинными качествами наставника. Тем не менее семантика языкового термина указывает нам на то, что идея наставничества принялась на тувинской «почве» и стала развиваться.

Разница между *башкы* тувинским-буддийским и учителем китайской традиции здесь отмечается в понимании предназначения учителя, его социальной роли и отношения к власти, а также к другим представителям духовенства. Если китайская система образования и учителя считались частью государственной системы, были призваны возвращать государственных мужей, людей, которые пополняли систему, то в тувинской традиционной культуре наставничества стало связываться с возникновением новых отношений между людьми в сообществе, где до этого были преимущественно только вертикальные связи управления и подчинения (богатый — бедный, *дарга* 'начальник' — *арат* 'труженик' и др.¹), и горизонтальные связи родоплеменных отношений (между членами больших и малых родственных групп). Помимо них в культуре появились и личные отношения между наставником и учеником в широком смысле слова, когда один другого превосходил своими знаниями и второй признавал это, считал необходимым учиться и сам обращался к первому для этого. То есть для определенной категории людей наставники были личным источником знаний, персональными наставниками личного совершенствования.

Такая установка, например, показана в сказке об Ачыты-башкы, к которому приходили за знаниями сироты². В другой сказке, в одной из версий о бесстрашном Хане-Хулюке, приведенной в сборнике «Тувинские народные сказки», составленном М. Ватагиным, есть сюжет о поездке героя к *башкы*:

«— Надо пойти за священной золотой книгой Аржи-Соржу-башкы, который живет на краю земли. Может быть, эта книга поможет твоей сестре, — сказала жена Сай-Куу.

Хан-Хулук направился к краю земли. По дороге заехал в черный чум.

— А теперь куда едешь — спросила Алдын-Хува.

— Моя сестра все еще больная. Я еду к Аржи-Соржу-башкы за священной золотой книгой.

Красавица опять написала письмо.

— Передай его мудрому башкы, — сказала она.

Хан-Хулук приехал на край земли, в аал мудрого башкы. Его окружили маленькие мальчики.

— Кто вы? — спросил богатырь.

— Мы ученики Аржи-Соржу-башкы, — ответили мальчики»³.

¹ Еще один важный в тувинском обществе человек шаман не был главенствующим над людьми, но он был, как выражается О. М. Хомушку, «первым среди равных» и тувинцы слушались его (Хомушку, 2024: 47).

² Донгак А. С. Сюжеты и мотивы «обрамленных повестей» в тувинской сказочной традиции: дисс. ... канд. филол. н. Кызыл, 2004. С. 114–117.

³ Тувинские народные сказки / перевод, составление и примечания Марка Ватагина; предисловие Д. С. Куу-лара. М.: Наука, 1971. С. 48.

То есть фольклор показывает нам, что в культуре появилась идея обращения тувинцев за знанием к определенным людям — образованным, обладающим мудростью, священными знаниями — *башкы*. Между людьми появились новые социальные отношения.

Тем не менее, также добавим: учитывая наличие в тувинском языке, как и во многих тюркских, слова *баш* 'голова, первый', о чем писал Татаринцев (см. выше), в источниках присутствуют и его производные, идентичные в написании со словом *башкы*. Например, среди чиновников центрального управления Тувы при амбын-нойоне также был чиновник главной печати *Башкы-танма* (Дулов, 1956: 297). Здесь очевидно, речь идет не о наставнике, который владел печатью, а именно о должности чиновника, который заведовал первой печатью (*башкы* 'первый', *таңма* 'печать').

Башкы как профессионал

Учитывая все вышесказанное, вызывает удивление тот факт, что до сих пор эта интереснейшая культурная традиция была обойдена вниманием тувиноведения. Казалось бы, что ею должны заниматься исследователи прежде всего традиции тувинской педагогики — отрасли, обращенной к педагогической сфере. Но первой причиной образования такой ситуации стала трансформация, которая произошла со словом *башкы* в советское время.

В связи с запретом религий, религиозной деятельности в Туве в 1930-е гг. (Монгуш, 2001: 106-109), понятие *башкы* утратило свою связь с религиозным статусом наставника (Ооржак, 2019: 45). Из понимания как буддийского ламы и даже наставника (в советское время не могло быть иных наставников, кроме одобренных партийными органами), *башкы* стало лишь названием профессии учителя, словом, означающим профессиональную деятельность и относящимся к сфере образования. В этом значении оно и определяется уже в тувинско-русском словаре 1968 г.: «*башкы* I преподаватель, преподавательницы, учитель, учительница, педагог // преподавательский, учительский, педагогический; ...»¹. Соответственно термин стал включаться в названия организаций, например: *башкы институту* 'педагогический институт', *башкылар билиш бедидер институту* 'институт повышения квалификации учителей' и пр.

То есть исконный смысл концепта культуры при переводе на другой язык был нивелирован (но, как мы увидим далее, не потерялся полностью).

Советская семантика заметна, например, в тексте известной монографии исследователей истории тувинской педагогики К. Б. Салчак и Л. П. Салчак «Тыва улусчу педагогиканың хөгжүлдеси = Развитие тувинской народной педагогики». Она была написана и издана в советское время (Салчак К., Салчак Л., 1984) и в 2016 г. переиздана на двух языках (Салчак К., Салчак Л., 2016), поскольку до сих пор остается ключевой работой для тувинских этнопедагогов².

В тувиноязычной части издания 2016 г. слово *башкы* встречается более 40 раз, но всякий раз именно в значении профессиональной деятельности. Например, во введении к книге, в представлении биографии одного из соавторов книги: «Шылгараңгай *башкы*, эртемден, тыва этнопедагогиканың үндезилекчизи Красс Байыр-оолович Салчак 1932 чылдың июнь 6-да Бай-Тайга кожууннуң Хөл деп черге төрүттүнген» (там же: 3; здесь и далее в цитатах выделено курсивом нами. — Авт.) («Известный ученый-педагог, основатель тувинской этнопедагогики Красс Байыр-оолович Салчак родился 6 июня 1932 года в м. Хөл Бай-Тайгинского кожууна» (там же: 155)). Здесь же указывается, что он окончил Абаканский педагогический институт («Абаканның *башкы* институтун дооскан соонда, ...»), учительствовал («*башкылап*»). В тексте встречается также и мудрость: «Амыдырал кайгамчык *башкы* болурундан аңгыда, шыңгыы негелделиг шылгакчы болуп турар» 'Жизнь не только замечательный учитель, но и требовательный экзаменатор' (там же: 40).

Соответственно уже в последующих работах тувинской этнопедагогики, которые выполняли и до сих пор выполняют ученики К. Б. Салчака, понятие *башкы* также не выделяется, автоматически заменяется на переводные слова. Например, его нет в монографии «Этнопедагогика тувинского на-

¹ Тувинско-русский словарь. Около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия. С. 95.

² Понятие «тувинские этнопедагоги» приводится в связи с тем, что специалисты по традициям тувинской народной педагогики практически все работают в научных и научно-образовательных учреждениях самой Тувы, то есть являются «внутренними» учеными (инсайдерами).

рода» авторства того же К. Б. Салчака с Г. Н. Волковым и А. С. Шаалы (Волков, Салчак, Шаалы, 2009). Эта тема не поднимается и в других публикациях этнопедагогов, в том числе и в постсоветское время — в материалах первых салчаковских этнопедагогических чтений — конференции, которая прошла в г. Кызыле в 2016 г.¹

Другой причиной следует назвать особенности этнопедагогической концепции Г. Н. Волкова, которой руководствовался К. Б. Салчак (см.: Дамба, 2016). Волков начал ее разрабатывать в 1970-х гг. и суть изложил в целом ряде изданий, в том числе учебнике под названием «Этнопедагогика», выдержавшем несколько переизданий². Концепция основана на том убеждении, что у этнических групп есть свой эмпирический опыт воспитания и образования детей, и этот опыт может изучать специальная дисциплина — этнопедагогика — история и теория народного (естественного, обыденного, неформального, нешкольного, традиционного) воспитания³. Ее предметом является народная педагогическая традиция⁴, что логически укладывалось в основы теории советской педагогики в те времена (см.: Недземковская, 2011).

В подобном ракурсе исследователи обращаются лишь к одной из сторон общественной жизни, условно говоря — «низовой», где представители старших поколений в семье учили младшие поколения народным знаниям, этикету, традициям и обрядам повседневной жизни. Рассмотрение же наставничества в более широком социальном контексте не было востребовано, тем более, что оно чаще всего относилось к сфере религиозной жизни, которую советская наука отмечала знаком отсталости, неактуальности, вредности и пр. Поскольку в период запрета или значительных ограничений для религий, религиозной жизни социальная роль религиозных деятелей оценивалась негативно, то и тема учителей — священников просто обходилась вниманием.

Продолжающееся инерционное развитие этнопедагогических исследований, не сходящее с намеченных еще в советское время исследовательских путей, приводит к тому, что традиция *башкы* игнорировалась и продолжает быть обойденной вниманием историков педагогической культуры.

Тем не менее глубинные смыслы слова *башкы* все же сохранялись в тувинском языке и не только в языке.

Башкы как наставник

Понимание *башкы* как в целом наставника, на наш взгляд, в советское время переместилось в коннотативные значения в термине.

И в этом качестве его можно найти в воспоминаниях и словах современных жителей Тувы, которые мы обнаруживаем в биографических очерках, интервью в материалах местной прессы, например, газет: «Центр Азии» (об источниковой ценности которой нам приходилось писать, см.: Ламажаа, Туймебаев, Шагимгереева, 2024), «Тувинская правда», «Шын». Также интересны для нас сюжеты, которые встречаются в произведениях тувинской литературы.

Писатель Леонид Борандаевич Чадамба, чьи воспоминания опубликовала в 2014 г. его дочь, писал о том, что когда тувинцев массово обучали грамотности в 1930-х годах, каждый, кто овладевал немало грамотой, мог помогать другим и тогда сам становился *башкы*. Он сам в 12 лет, окончив всего один класс начальной школы, также влился в этот процесс:

«Следуя призыву Токи, мы в самом деле стали обучать аратов, живших неподалеку от лагеря. И они, старшие, называли нас башкы — учитель. Когда к тебе обращаются со словом башкы, нет более восхитительного чувства. Я испытал его, будучи мальчиком-пионером. Это чувство не покидает меня, взрослого человека, и поныне. Учитель — это слово по значимости в жизни человека можно сравнить разве что со словом мама»⁵.

¹ Этнокультурное содержание образования. Материалы первых салчаковских этнопедагогических чтений / сост. Г. Д. Сундуй, А.-Ч. В. Куулар. Кызыл: ИПО «Билиг», 2016.

² Напр.: Волков Г. Н. Этнопедагогика: учебник. М.: Академия, 1999.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 5–6.

⁵ Леонид Чадамба. Из озера света [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2014, № 30. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2014/30/5056-leonid-chadamba-iz-ozera-sveta.html> (дата обращения: 06.06.2024).

Как основоположник тувинской детской литературы, а также автор учебников тувинской литературы, Л. Б. Чадамба был внесен в книгу почета жителей Тувы — «Заслуженные люди Тувы XX века» — с характеристикой: «Кысказы-биле чугаалаар болза, Леонид Борандаевич Чадамба шынапла чугле уежилеринге эвес, а келир салгалдарга база “башкы” бооп артар» ‘Словом, Леонид Борандаевич Чадамба останется *башкы* не только для своих современников, но и для будущих поколений’¹.

Добавим, что у самого писателя есть и стихотворение, посвященное *башкы*².

Такой же пример, когда грамотного мальчика старшие называли *башкы*, приводится и в романе М. Б. Кенин-Лопсана «Настигающий птицу» («Чугурук Сарала»):

«Было тогда мальчишке восемь лет. ... Еще немного времени прошло — получил Чанчык новое прозвище: “Учителем”³ его назвали люди. Была пора, слово “башкы” считалось вроде монашеского чина, одних лам — буддийских священнослужителей — называли так. В здешних местах, в Хондереге, до революции тоже был “башкы” — лама, хорошо знающий по-тибетски: так его учителем и звали, хоть он за всю жизнь ни одного мальчишки той мудреной грамоте не выучил. ...

По совести сказать, Чанчы особенного образования не имел: один только месяц проучился грамоте в красной юрте — уже легко стал читать газеты, рука привыкла держать карандаш, но писал еще коряво. Однако земляки, особенно старики, гурьбой стали ходить к нему, просить, чтобы он помог написать письмо или заявление. ... А потом и правду учителем стал в кружке ликбеза»⁴.

М. Б. Кенин-Лопсан также известен и поэмой «Бичии башкы» («Маленький учитель») (1963)⁵.

У тувинской писательницы Е. Тановой в повести «Тайна цветущей ивы» также есть сюжет о маленьком *башкы* по имени Чылбак, который проучившись сам в летней школе, получил удостоверение с печатью, дававшее ему право обучения взрослого населения грамоте. Теперь он сам учил отца и других земляков грамоте, терпеливо объяснял им буквы латинизированного алфавита, проверял их тетради и выставлял оценки⁶.

Башкы — наставники, которые не только учили грамоте, они были людьми, которые помогали не сбиваться с верного жизненного пути.

Так, доктор исторических наук Юрий Лудужапович Аранчын, много лет возглавлявший Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (1967–1994), вспоминал:

«Очень благодарен своему *башкы*: если бы не Обус Маннай-оолович Монгуш, я бы даже школу не окончил. Через месяц после приезда из Самагалтая в Кызыл так затосковал по дому, что решил убежать. От Кызыла до Самагалтая — 166 километров, но я был уверен, что дойду и не замерзну, ведь у меня был теплый тувинский тон — халат. Утром мы с другом втихаря убежали, а вечером на дороге нас догнал наш учитель и привез обратно в школу. Долго беседовал с нами, объясняя, как это важно — получить знания. Мне было очень стыдно, после этого случая стал учиться хорошо»⁷.

О том, что этот *башкы*-учитель наставил и его, говорил также судья и прокурор Шагдыр Седий-оолович Куулар:

«Привезли меня в Чадан — в школу. Не понравилось мне там сначала, очень тяготила оторванность от привычной жизни. Целый день сидишь в классе, воздуха не хватает, все это не мое — тетради, ручка, в интернате — непривычная кровать, на которой никак не могу заснуть. Хотелось вернуться в родную юрту, пасти своих баранов, смотреть в широкую степь, пить воду из Хемчика.

¹ Заслуженные люди Тувы XX века. Государственная книга Республики Тыва. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2004. С. 298.

² Чадамба Л. Башкы [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/8013> (дата обращения: 06.06.2024).

³ Перевод текста осуществляла С. Козлова, в оригинале было «Башкы». С. 224.

⁴ Глава третья [Электронный ресурс] // Радуга Тувы. URL: <https://tuvacheleesh.ru/490> (дата обращения: 06.06.2024).

⁵ В составе сборника: Кенин-Лопсан М. Бичии башкы: шулуктер, шулуглелдер, балладалар. Кызыл: ТывНУЧ, 1963.

⁶ Весна [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7585> (дата обращения: 06.06.2024).

⁷ Обус Монгуш. Заслуженный отец [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2013, № 27. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2013/27/4654-obus-mongush.-zasluzhenniy-otec.html> (дата обращения: 06.06.2024).

Решил вместе с другом убежать. Сорок пять километров прошли, добрались к вечеру. Смотрим: людей около юрты нет. Наверно, думаем, сели пить чай. Радостные, заходим в юрту и глазам своим не верим: сидит в ней наш башкы Обус Маннай-оолович Монгуш и разговаривает с моими отцом и матерью. Отец строго на меня посмотрел, сказал: “Переночуете, а завтра вернетесь в школу”. Но учитель возразил: “Пусть ребята покушают и сразу собираются в путь”. Нам обоим так стыдно было, больше мы никогда не убежали¹.

В словах Народного писателя Республики Тыва А. А. Даржая есть явное размежевание понимания учителя как профессионала и *башкы* как большее, чем учитель, как «высокое звание»:

«Да, у нас в Туве и пожилые люди, и юные учащиеся школ никогда не называли учителя по имени и отчеству, а почтительно и уважительно обращались: “Башкы”.

В кожуунах, в самых отдаленных селах больше всего работы приходится на долю учителей. В советское время они были агитаторами, активистами, вся жизнь села проходила с их участием.

Поэтому для нас звание учителя было особенно высоким и значительным.

А несет ли сегодня учитель высокое звание башкы? Нет, он сдал свои позиции. Его влияние на умы и души учеников ослабло. До недавнего времени учительская зарплата была такой низкой, что после урока учитель спешил на рынок продавать товар².

Поскольку тувинцы признавали авторитет *башкы*, то для них было важным отношение наставника к ним. Так, для тувинского артиста Максима Мунзука, которого пригласил на роль Дерсу Узала известный японский режиссер Акира Куросава, режиссер был *Башкы*, несмотря на то, что они были одногодками (оба родились в 1910 г.). Как вспоминает дочь артиста С. Мунзук, отец со съемок писал домой письма и упоминал:

«Сегодня снимали довольно трудный эпизод и я чувствовал, что Башкы недоволен мной. Он терпеливо объяснял сцену, без особого напряжения добивался нужного результата. Я сам больше нервничал. Меня поражает его внутренняя сила, выдержка и терпение в работе с актерами, другой бы на его месте давно накричал на меня³.

Причем, как вспоминает дочь, «папа в каждом письме называл режиссера именно так — уважительным тувинским словом Башкы. Это слово — учитель в переводе с тувинского — он всегда трепетно писал с большой буквы⁴.

Особое отношение к *башкы*, не просто как к учителям, но как к наставникам, передалось от тувинцев и русским жителям Тувы. Журналист Г. Мурыгина вспоминала:

«...Такое же отношение у меня и к совершенно удивительному, великолепному башкы — профессору Георгию Николаевичу Курбатскому. Мы, студенты, его обожали. За мудрость, непохожесть на других, часто очень посредственных преподавателей, любовь к древнему языку русичей, за семинары, которые всегда превращались в уроки любви к Родине. И еще — за смелость говорить открыто обо всем, в том числе, и о политике в стране в те семидесятые застойные годы прошлого столетия⁵.

Сам Г. Н. Курбатский писал о своем статусе и о том, как он ему помогал в сборе образцов фольклора при работе со стариками-информаторами, так:

«Между автором-собирателем и его информаторами, как правило, легко и просто устанавливались отношения диалога и партнерства. Порой наши отношения поднимались до уровня товарищества и подлинного дружества. Здесь многое определялось моим интересом к их прошлому и настоящему, а также тем, что я “башкы” — учитель их детей. Они поведали мне самое сокровенное» (Курбатский, 2001: 9).

Уже упоминавшаяся С. Мунзук, ныне архивариус Национального театра Тувы, описывая биографию Лидии Ивановны Куулар, педагога школ Барун-Хемчикского района, в дни ее 90-летия, подчеркнула в завершении очерка:

¹ Там же.

² Александр Даржай. Космос любви [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2010, № 3. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2010/3/3208-kosmos-lyubvi.html> (дата обращения: 06.06.2024).

³ Мунзук С. Всему свое время (окончание) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2011, № 38. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2011/38/4031-vsему-svoe-vremya.html> (дата обращения: 06.06.2024).

⁴ Там же.

⁵ Галина Мурыгина, журналист: мужчины склоняются, женщины — нет! [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2014, № 2. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2014/2/4820-galina-murigena-zhurnalist-muzhchini.html> (дата обращения: 06.06.2024).

«Своим созидательным трудом Лидия Ивановна Куулар оставила след в образовании Тувы и в сердцах сотен своих учеников. И многие из них, уже взрослые люди, встречая ее, всегда обращаются к ней, как в детстве уважительно и с любовью Башкы»¹.

Слова благодарности своему Башкы — педагогу Светлане Чоодуевне Шулуу-Маадыр — высказывает музыкант, участница ансамбля «Тыва кызы» Шолбана Белек-оол:

«Наша Башкы полвека посвятила себя служению педагогике, из них 34 года работает в кузнице талантов: в гимназии № 9 г. Кызыла и 30 лет бесменно работает в центре народной педагогики школы “Улусчу журлар”! Мы счастливы, что стали частью Вашей жизни, Башкы! Благодарим Вас за Ваши уроки мудрости, доброты, уроки любви к своей Родине, родному языку, народу и их вековым традициям!»²

Башкы используется не только в упоминаниях о школьных учителях, *башкы* могут быть любые специалисты, которые учат других профессии, мастерству, воспитывают, опекают.

Заслуженный деятель культуры Тувинской АССР Дыдый Сотпа вспоминала об основоположнике тувинского профессионального театра, с которым ездили студенты театральной студии на гастроли:

«Нашим бригадиром был Виктор Шогжапович Кок-оол — Кок-оол башкы, как мы его называли. Его все уважали, куда бы мы ни приезжали, несли чайники с горячим чаем, угощали от души. Этот великий артист, драматург, композитор был удивительно человечный, простой и веселый. Он никогда не уставал рассказывать об истории создания тувинского театра, о своих произведениях и приключениях»³.

Один из воспитанников известного исполнителя тувинского горлового пения — хоомейжи Конгар-оола Ондара Эртине Тумат вспоминал о своем наставнике:

«Я благодарю судьбу за то, что встретил на своем пути такого Башкы. Благодаря ему я счастливый человек. Если бы были крылья — я бы взлетел. Своего Башкы я боготворю, если бы он был жив, то, наверное, всех учеников созвал бы, устроил бы грандиозные проводы с горловым пением аж до самого перевала с оленьей скульптурой”. Улыбаясь, выдержав паузу, Эртине с гордостью сказал: “Башкымнын ачызы-дыр! (Это заслуга моего учителя)”»⁴.

В сельской местности учителей *башкы* и вовсе называли «самыми уважаемыми людьми села» (*Башкы — суурнуң эң хүндүткелдиг кижизи*). Например, под таким названием прошла встреча учителей в с. Тээли Байтагинского кожууна в 2020 г.⁵

Причем сами люди, которых именовали *башкы*, к которым так обращались, отмечают чувство гордости, удовлетворения, счастья, а порой и неловкости от того, что их теперь так зовут.

В интервью газете «Центр Азии» в 1995 г. тувинский политик В. Багай-оол пояснял почему долгое время не хотел уходить из преподавания во властные структуры:

«Честно скажу, мне не хотелось расставаться со свободой. Будучи преподавателем, я был независимым, свободным человеком. И отношения со студентами и преподавателями были прекрасными. И сейчас, когда ко мне обращаются “башкы” (учитель), я радуюсь. Не люблю, когда ко мне обращаются “дарга” (начальник)». Терпеть не могу»⁶.

Ныне писательница Зоя Донгак в своей трудовой биографии сменила несколько ипостасей. Когда она стала преподавать в медицинском училище, то услышала в свой адрес новое обращение, что ей очень понравилось:

¹ Мунзук С. Лидия Куулар: «Я проросла корнями в Туве» [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2023, 26 июля. URL: <https://tuvpravda.ru/novosti/lidiya-kuular-ya-progosla-korniami-v-tuve/> (дата обращения: 06.06.2024).

² Учитель, пред именем твоим [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2022, 10 октября. URL: <https://tuvpravda.ru/novosti/uchitel-pred-imenem-tvoim/> (дата обращения: 06.06.2024).

³ Дыдый Сотпа. Жизнь в телевизоре [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2013, № 17. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2013/17/4589-didiy-sotpa.-zhizn-v-televizore.html> (дата обращения: 06.06.2024).

⁴ Ортеней Т. С благословения учителя [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2015, 6 октября. URL: <https://tuvpravda.ru/arkhiv/s-blagoslovenii-uchitelia/> (дата обращения: 06.06.2024).

⁵ Ондар М. Башкы — суурнуң эң хүндүткелдиг кижизи [Электронный ресурс] // Шын. 2020, 11 февраля. URL: <https://shyn.ru/novosti/bashky-suurnun-en-khundutkeldig-kizhizi/> (дата обращения: 06.06.2024).

⁶ Владимир Багай-оол. «Плох тот генерал, который забыл, что был солдатом» (беседовала Н. Антүфьева) // Люди Центра Азии. 50 интервью. Кызыл, 1998. С. 131.

«Мне очень нравилась моя новая профессия — башкы. До этого все время слышала приветствие: “Экии, эмчи! Здравствуйте, доктор!” И вдруг: “Экии, башкы! Здравствуйте, учитель!”

Как это приятно и гордо звучит! Каждый день преподавания был для меня праздником»¹.

Воспитатель детского сада г. Кызыла О. У. Шинин с 30-летним стажем работы говорит:

«Ко мне приходят дети уже моих выпускников. Улыбаются, благодарят, говорят, что всегда с теплотой вспоминают свои детсадовские годы. Вообще часто встречаю своих воспитанников в городе. Слышу: “Здравствуйте, башкы! Спасибо, башкы!” — это очень приятно»².

На вопрос журналиста о том, почему профессиональная титулованная артистка (Заслуженная артистка Российской Федерации) Галина Мунзук «скатилась» до уровня самодеятельности, то есть поучаствовала однажды в 2015 г. в самодеятельной постановке со школьниками, она ответила, что хотела помочь кружку, в котором занимались дети с ограниченными возможностями. При этом, когда она приходила, дети приветствовали ее «Здравствуйте, башкы». Артистка вспоминает: «Даже неудобно было. Какой я башкы — учитель? Просто понимала, что некому с ними заняться, а им этого так хочется»³.

Мы также знаем, что определение *башкы* распространилось на всех авторитетов, в том числе и политических.

Так, тувинцы *башкы* называли и Ленина — *Ленин башкы* (*Лээнэй башкы*⁴), о чем пишут сами же педагоги К. П. Салчак и Л. П. Салчак (Салчак К., Салчак Л., 2016: 96). Такие определения встречаются и в произведениях тувинской литературы советского времени⁵. Г. Н. Курбатский приводит целый спектр определения Ленина в тувинских песнях раннего советского времени:

«Ленин в песнях “учитель” — башкы, “великий учитель” — улуг башкы, “наш дорогой учитель” — энерел-диг башкы, “самый правдивый учитель” — эң-не шыңчы башкы, “добродетельный учитель” — ачылыг башкы, “отец” — ада»⁶.

Башкы называли и Сталина — *башкы Сталин*⁷. Советское государство определялось как *башкы чурту* ‘страна учителя’⁸.

Также называли и московского филолога А. А. Пальмбаха, одного из создателей тувинской письменности на основе кириллицы⁹ — *башкы Пальмбах*¹⁰. *Башкы* даже обозначили и газету «Шын» как учителя тувинского языка¹¹, то есть идея наставничества даже может связываться не только с человеком.

И подобное понимание важности *башкы* сохраняется до сегодняшнего дня.

Филолог У. Монгуш о своем научном руководителе — докторе филологических наук И. В. Кормушине пишет в 2021 г. в газете «Тувинская правда», упоминая также учителя своего учителя (т. е. *башкы* ее *башкы*):

¹ Донгак З. Экзамен жизни (продолжение) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2012, № 11. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2012/11/4189-ekzamen-zhizni.html> (дата обращения: 06.06.2024).

² Монгуш А. Спасибо, воспитатель! [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2024, 28 сентября. URL: <https://tuvapravda.ru/novosti/spasibo-vospitatel/> (дата обращения: 30.09.2024).

³ Галина Мунзук. Как на ладошке [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2016, № 13. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2016/13/5288-galina-munzuk.-kak-na-ladoshke.html> (дата обращения: 06.06.2024).

⁴ Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тувинское книжное издательство. С. 258.

⁵ Например, в романе К.-Э. Кудажи «Неугомонный Улуг-Хем. Золотой том»: Глава вторая [Электронный ресурс] // Радуга Тувы. URL: <https://tuvacheleesh.ru/553> (дата обращения: 06.06.2024).

⁶ Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тувинское книжное издательство. С. 259.

⁷ Из романа А. Салчак-оола «Кровь и пот»: Глава пятая. Большой концерт [Электронный ресурс] // Радуга Тувы. URL: <https://tuvacheleesh.ru/798> (дата обращения: 06.06.2024).

⁸ Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре ... С. 268.

⁹ Пальмбах [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2701074> (дата обращения: 06.06.2023).

¹⁰ Хадаханэ М. А. Тувинские страницы. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2020. С. 196.

¹¹ Демчик Р. Шын — тыва бижиктин башкызы [Электронный ресурс] // Шын. 2020, 30 октября. URL: <https://shyn.ru/novosti/sn-tyva-bizhiktin-bashkyzy/> (дата обращения: 06.06.2024).

«Несмотря на ограниченное время нашего уважаемого Башкы (так называли раньше лам — буддийских монахов, которые духовно поддерживали народ; в настоящее время данное слово употребляется в значении ‘учитель’, ‘наставник’), никто из нас (5–6 аспирантов) не остается без его чуткого внимания»¹,

«Мой рассказ о нем может длиться бесконечно, так как очень много моментов, в которых улавливала нравственные качества моего Башкы для восхищения и подражания ему. И наша совместная работа с Игорем Валентиновичем непосредственно связана с именем Его башкы — великого тюрколога Владимира Михайловича Надеяева»².

В 2024 г. глава республики В. Ховалыг, вспоминая Народного учителя Тувы Регину Рафаиловну Бегзи в день ее 100-летия, назвал ее «нашей всенародной Башкы»³.

Все эти примеры указывают нам, что понятие *башкы* даже за много десятилетий, когда оно было отнесено к сфере профессиональной деятельности, не потеряло своего первоначального смысла, связанного с идеями наставничества, выходящего за пределы педагогической сферы. И его использование вызывало у тувинцев положительные чувства, эмоции и воспоминания: уважение, почтение, любовь, восхищение, благодарность.

Признание башкы

Мы уже упомянули причины отсутствия внимания этнопедагогике к традиции *башкы*. Скажем несколько слов в целом о гуманитарном научном знании.

Проблема отсутствия внимания научной мысли к этой теме, на наш взгляд, заключается в том, что традиция *башкы* не укладывается в ряд обычных предметов исследования для сформировавшихся в советское время научных дисциплин, которые сами опираются на наследие дореволюционной науки. Для первых исследователей Тувы слово *башкы* было лишь названием лам, формой обращения к ним, то есть связывалось только с религиозными отношениями. Для советской науки слово достаточно быстро было перенесено в название профессиональной деятельности учителей, педагогической профессии. Для этнографов здесь не было особых ритуалов, обрядов, материальных выражений. У традиции *башкы* не было специальных сводов, законов, сформулированных, например, как у Конфуция и отраженных в многочисленных документах, что заинтересовало бы историков, культурологов и пр.

Данная традиция не материальна, не вещественна и выражается лишь в слове — в номинации, с которым люди обращаются друг к другу в определенных ситуациях. Она плохо формализуемая для специалистов в определенных научных полях, и для ее понимания как объекта исследования следует выходить за привычные дисциплинарные рамки. При этом ее невозможно назвать культом, учитывая то, что культом считают религиозное почитание, поклонение (от лат. *cultus*), что опять же нас «уносит» в сферу религиозных отношений.

В самых общих словах это именно традиция в том смысле, что это некий культурный образец, это культурная идея, которая передается от поколения к поколению.

Именно поэтому пока темой заинтересовались только филологи, поскольку они имеют дело с традиционным сюжетом — языковым термином. Аспект же поведения людей при обращении к *башкы* учеными пока не замечается, особенно когда речь заходит о современных социокультурных практиках.

Тем не менее, на наш взгляд, традиция эта значима и многогранна для тувинской культуры. И изучать ее (как и другие подобные традиции, не имеющие ритуальных, обрядовых форм) можно, рассматривая ее как концепт культуры, причем не с тех позиций, которые распространены в российской лингвокультурологии (см.: Ламажаа, 2023: 8–12), а в нашей интерпретации, названной нами

¹ Монгуш У. Поклон Башкы. Письмена на камнях не сотрешь... [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2021, 30 июля. URL: <https://tuvpravda.ru/novosti/poklon-bashky-pismena-na-kamniakh-ne-sotriosh/> (дата обращения: 06.06.2024).

² Там же.

³ Владислав Ховалыг: «Сегодня мы вспоминаем Народного учителя Тувы Регину Рафаиловну Бегзи. Педагогу, ученому, уважаемой Башкы исполнилось бы 100 лет» [Электронный ресурс] // Тувинская правда. 2024, 2 января. URL: <https://tuvpravda.ru/novosti/vladislav-hovalyg-segodnya-my-vspominaem-narodnogo-uchitelya-tuvy-reginu-rafailovnu-begzi-pedagogu-uchenomu-uvazhaemoj-bashky-ispolnilos-by-100-let/> (дата обращения: 06.06.2024).

концептуализацией этнокультуры (там же: 14–20). Эта традиция выражена в языковом термине (*концепт-словоформа*), содержит глубокий смысл, значения, ассоциации (*концепт-идея*), и побуждает людей данной культуры действовать, взаимодействовать, поступать так, как они понимают этот смысл (*концепт — социальный регулятор*). То есть от поля филологов, культурологов мы переходим к полям культурной и социальной антропологии, применения подходов которых современному тувиноведению так не хватает (см.: Ламажаа, 2016).

Обсудив первые два аспекта концепта *башкы*, обратимся к третьему.

Первое, на что, обращает внимание использование данного слова, это принятие людьми идеи иерархии отношений, причем в направлении строго снизу — вверх, не наоборот. Не когда вышестоящий человек требует подчинения и признания своего положения, а когда «нижестоящий» сам подчеркивает, что кто-то другой его превосходит. Именно тогда он произносит «Башкы». Самому себя *башкы* называть у тувинцев не было принято (за исключением случаев, когда речь идет о религиозном деятеле, об этом — далее)¹. Как показывает нам спектр примеров в предыдущем разделе, речь идет именно об обращении ученика к учителю-наставнику в формате понимания его превосходства, признания его статуса и права руководить, наставлять

При этом превосходство это имеет две важнейших стороны: интеллектуальную и духовно-моральную.

Рассмотрим вопрос интеллектуального превосходства. Здесь оно достаточно близко к пониманию другого близкого понятия — *эртем*, который в тувинском языке означает «науку, знание»². Этот термин имеет также свою историю, встречается в тюркских и монгольских языках в значении «знание, мудрость»³. Человек ученый, мудрый соответственно называется *эртемден*.

Понятие *эртем* и его производное прежде всего относятся к сфере профессионального знания, самой научной отрасли и профессии, и особенно они распространились в советское время, когда в Туве появилось всеобщее светское образование, когда появилась своя научная интеллигенция. В «Тувинско-русском словаре» 1968 г. при пояснении термина *эртемден* «ученый» в качестве примера приводится такая фраза *совет эртемденнерниңи чайынналчак ажыдышкыннары* «блестящие открытия советских учёных»⁴. В современной Туве *эртем* и *эртемден* относятся только к сфере науки. В 2004 г. в Туве была создана общественная организация «Эртем». Как указано в ее уставной документации, целью ее является организация временных научных коллективов ученых для работы над социально значимыми для Тувы проблемами; содействие социально-экономическому, культурному и духовному развитию общества; защиты гражданских, экономических, социальных, культурных и политических прав и законных интересов ученых Республики Тува и пр. (Анайбан, 2009: 128). Организация до сих пор существует, но, судя по сообщениям в СМИ, достаточно формально. Помимо нее появились и другие объединения, в частности, Совет молодых ученых и специалистов Республики Тыва, проводящий свои мероприятия, в частности конференцию «Аныяк эртем» («Молодой ученый»)⁵.

Отношение тувинцев к *эртемден* также можно назвать уважительным, почтительным, но оно не увязывается с иерархией отношений обращающегося подчиненного человека к своему авторитету. Чаще всего самих ученых-*эртемден* называют *башкы* их ученики (студенты, аспиранты, докторанты, младшие научные сотрудники) — *эртемден башкы*⁶. Очевидно, что сами ученые *эртемден* встроены

¹ Хотя, надо сказать, что сегодня в тувинской части Интернета, например, в социальной сети ВКонтакте появились профили, подписанные с использованием слова «башкы», когда люди стали себя сами позиционировать: «Ондар башкы», «Башкы физрук», «Мерген-башкы Кыргыз» и пр. Полагаем, что здесь люди опираются на значение термина как профессионала.

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. Изд. 2-е. Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2014. С. 618.

³ Erdem [Электронный ресурс] // The Etymological Dictionary of Contemporary Turkish. URL: <https://www.nisanyansozluk.com/kelime/erdem> (дата обращения: 12.09.2024).

⁴ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. Изд. 2-е. Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2014. С. 618.

⁵ Молодых исследователей Тувы приглашают на научно-практическую конференцию «Аныяк эртем» («Молодая наука») [Электронный ресурс] // ИА «Туваонлайн». 2022, 12 сентября. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2022/09/12/molodyh-issledovateley-tuvy-priglashtayut-na-nauchno-prakticheskuyu-konferenciyu-anyyak-ertem-molodaya-nauka.html> (дата обращения: 12.09.2024).

⁶ Например: Монгуш Ш. Эртемден башкы [Электронный ресурс] // Шын. 2022, 9 июля. URL: <https://shyn.ru/medeeler/ertemden-bashky/> (дата обращения: 12.09.2024).

в более широкую традицию *башкы*, в такую иерархию отношений, которая выходит за рамки только профессиональной иерархии должностей и статусов.

Скажем несколько слов о *башкы* — религиозных учителях, служителях культа. В связи с возрождением в Туве традиционных религий, в том числе развитием шаманизма и буддизма, воспроизводством в республике священнослужителей (Тензин, 2018: 88–91), слово снова вернулось в свою традиционную «среду». Это отразилось и на его словарных трактовках. В «Толковом словаре тувинского языка» 2003 г. *башкы* дается сначала первое определение «служитель культа, лама» и только потом уже второе — «учитель, преподаватель, педагог, наставник»¹.

Причем, как пишет С. С. Ооржак, в религиозной сфере слово функционирует не только как обращение, но и как приложение к имени, подчеркивая, очевидно, статус религиозного авторитета, которое при переводе на русский язык может опускаться: «Чырыткылыг XIV Далай-Лама башкы» 'Его святейшество Далай Лама XIV', «Геше Джампа Тинлей башкы» 'Геше Джампа Тинлей' (Ооржак, 2019: 47).

Автор также указывает на расширение использования слова *башкы* в последние годы и на среду шаманов:

«Наряду с выражениями хамга кирер 'зайти к шаману', хамга баар 'пойти к шаману' говорят хам башкыга кирер 'зайти к шаману-учителю', или хам башкыга баар 'пойти к шаману-учителю'. В устной речи часто в шаманских обществах используют слово башкы: Кайы башкыга кирер силер? 'Кому зайдете? (букв.: какому учителю зайдёте?)'; Башкы кижы хулээп тур 'Учитель (шаман) принимает посетителя (букв.: человека)'; Башкы хосталы берди 'Учитель (шаман) освобожден'» (там же).

Функционирование слова *башкы* в религиозной сфере побуждает нас перейти к стороне духовно-морального превосходства, которое содержится в семантике этого термина. Причем речь не идет о превосходстве как некоем социальном положении, речь идет о признании за человеком качеств, позволяющих его считать наставником, превосходящим другого своими знаниями и опытом. Как подчеркивает Ю. Ю. Эрендженова, сами тибетцы под «ламой» понимают квалифицированного религиозного учителя, обладающего совершенными знаниями и духовными реализациями (Эрендженова, 2019: 129). Поэтому сама идея наставничества содержит в себе больше, чем идею только интеллектуального превосходства. Здесь важен и аспект морального авторитета, жизненного опыта, которые важно передавать другому человеку — ученику, а тот должен иметь «безграничную веру» в своего учителя (там же).

В этом смысле в тувинском языке присутствуют такие сокращенные имена с приставками *башкы*, которые далеко не всегда связываются только с религиозными практиками. Они скорее универсальны для определения людей, которые получили в народе статус *башкы* благодаря своей учености, многолетней деятельности, в том числе просветительской, наставнической. Например: известный целитель *Серенот башкы* (см.: Ламажаа А., Ламажаа Ч., 2018: 99), популярный в народе лама-просветитель *Буян башкы*².

Смысл духовно-морального превосходства также сохранился в тувинском концепте *башкы* и влияет на поведение учеников в присутствии учителя. Признавая его авторитет, тувинцы не склонны подвергать сомнению слова *башкы*, его знания. Они ему подчиняются, не перечат, не сомневаются в его словах.

Это определенным образом затрудняет педагогическую работу по воспитанию в учащихся самостоятельности и особенно критического мышления, которое считается отправной точкой творческого мышления, вмещает в себя идею воспитания лидеров и во многом базируется на способности к самостоятельности (Тихонова, 2018).

Нам не приходилось встречать научных публикаций педагогов на эту тему, за исключением небольших методических текстов по общим вопросам формирования критического мышления учащихся начальных школ. Поэтому обрисовываем данную ситуацию в качестве предварительного материала для последующих исследований.

¹ Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I. А–Й. С. 232.

² Черкасова И. Тензин Чимба (Буян Сандык): «Все мы одинаковы. Все страдаем. Все хотим счастья» [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2004, № 7. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2004/7/1481-tenzin-chimbabujan-sandyk-vse-my.html> (дата обращения: 12.12.2024).

Так, мы обратились с вопросами к нескольким педагогам, постоянно работающим в высшем образовательном учреждении Тувы — Тувинском государственном университете — с просьбой описать свои впечатления об особенностях поведения тувинских студентов на занятиях, в повседневной учебной жизни. Как нам сообщили коллеги, в целом, группы с разным этническим составом студентов не сильно различаются между собой, гораздо больше различий между учащимися разных специальностей и/или горожанами и сельчанами. Однако, при описании особенностей студентов-тувинцев коллеги чаще всего использовали две характеристики: «послушные» и «застенчивые». Выполнение творческих задач, «мозговые штурмы», дискуссионные занятия происходят в разных группах без существенных особенностей. Тем не менее, ребята могут критиковать друг друга, показывать творческое мышление, но при этом не хотят критиковать педагога. Даже если и есть желание негативно оценить своего преподавателя, то студенты предпочитают это делать не «в лицо», а за его спиной, между собой или, в крайнем случае, другому педагогу, или руководству факультета, при этом прося об анонимности слов.

Послушность и застенчивость, на наш взгляд, здесь не случайны. Эти состояния психики и обусловленное ими поведение человека органически укладываются в общие характеристики политической культуры тувинского населения — послушания и подчинения вышестоящим людям, о чем нам приходилось ранее писать (Ламажаа, 2008). И хотя мы описывали эти характеристики, говоря о вертикальной системе отношений в социальной иерархии, связанной с политическим и религиозным управлением в обществе, тем не менее, очевидно, что установка на подчинение распространяется и другую вертикальную систему отношений — с тем, кого ты сам добровольно признаешь превосходящим себя человеком. Безусловно, речь идет не о какой-то особой тувинской специфической черте, это весьма известная, распространенная культурная особенность, присущая практически всем восточным, азиатским культурам.

Интеллектуальное и духовно-моральное превосходство, которое признается за людьми, называемыми *башкы*, формирует дополнительную сторону в иерархии социальных отношений, в которой развилась культура личных отношений между теми, кто признает превосходство одних над собой и подчиняется им, и их наставниками. Это не иерархия социальных позиций, это *дополнительная социальная иерархия, основанная на добровольности*, безотносительно признака возраста (как мы видели, иногда *башкы* может оказаться моложе своих «учеников»). Тем не менее, эта иерархия отношений дополняет существующие традиции политической культуры общества.

Практически все сказанное выше связывалось только с позитивными сторонами традиции (уважение, почитание, лучшие воспоминания, радость от обращения и пр.). Есть ли у этой традиции негативные стороны?

Наш коллега, профессор Ю. В. Попков из Института философии, социологии и права СО РАН (г. Новосибирск) поделился своими впечатлениями о работе с тувинскими студентами в период, когда он читал лекции по философии в Тувинском госуниверситете на историческом факультете с 1999 по 2006 г. Он отметил, что также был удостоен чести называться *башкы*, причем его так именовали только тувинские студенты. При этом, сообщил он нам, некоторые использовали обращение *башкы* как своего рода хитрость:

«Они (студенты. — Авт.) начинали делать вид, что приехали из села, плохо знают русский язык, поэтому не могут выразить свои знания. Мне кажется, что и тогда некоторые специально дополнительно использовали обращение *башкы* (“Башкы, я плохо говорю по-русски”...). Я это интерпретирую так, что они выказывали уважительное отношение и одновременно немного хитрили»¹.

Кроме того, можно сказать, что традиция подчинения *башкы*, в которой есть иерархия отношений, теоретически имеет основу для возникновения властных отношений одних над другими, когда одни начинают управлять другими, подчиняя своей воле. Но, как уже было сказано, добровольность признания превосходства «учеников» перед своими наставниками не позволяет этой основе разрастись до жестких социальных связей. *Башкы* считается только тот, кого сами ученики признают. Если он не отвечает ожиданиям, перегибает палку, то он просто перестанет считаться истинным наставником, он переходит в разряд плохих профессионалов, он теряет статус и «ореол» *башкы*.

¹ Из личной переписки с авторами статьи в сентябре 2024 г. (приводится с разрешения автора цитаты).

Тот факт, что признание *башкы* может считаться и некоей наградой как раз позволяет скорее самими признающим лукавить, хитрить, пытаясь польстить тому, кто не только учит, но и оценивает знания, экзаменует.

Этот «низовой характер» выстраивания социальной иерархии отношений, а также отсутствие материальных причин для корысти, пожалуй, и не позволяют традиции вырождаться в очередную схему властных отношений со всеми негативными сторонами. Здесь можно вспомнить геополитическое понятие «мягкой силы» (*soft power*), которой характеризуется комплекс внешнеполитических методов и инструментов, предполагающих способность влиять на другие государства и добиваться желаемых результатов через сотрудничество и формирование положительного образа стороны влияния (Нье, 1990). Традиция признания *башкы* тоже имеет характер «мягкой силы», которая не соотносится с идеями принуждения и, в целом, силы, доминирования.

Башкы считается, признается тот, чьи намерения и действия направлены на то, чтобы ученики совершенствовались интеллектуально, росли и преуспевали духовно, морально. И когда люди произносят *башкы*, они признают ценность такого управления собой, ведения себя к лучшему, подчиняются этому управлению добровольно. Поэтому люди, признаваемые *башкы*, испытывают чувство радости, порой даже смущения от того, что «награждаются» данным статусом.

Заключение

Таким образом, мы полагаем, что традиция *башкы* незаслуженно была обойдена вниманием тувиноведения, в целом гуманитарного научного знания. Есть определенные исторические и научные причины сложившейся ситуации, которые мы отметили в своем исследовании. Традиция *башкы* не имеет обрядовой, ритуальной формы, она не имеет конкретных источников, и даже самой традиции обсуждения ее. Она четко выражена лишь в языковом термине. И учитывая ее тесную связь с религиозно-культурной деятельностью, не удивительно, что в советское время была попытка нивелировать данную традицию, перекавалифицировав значение языкового термина. Однако, несколько десятилетий не смогли искоренить исконное значение концепта — понимание тувинцами *башкы* как наставника в широком смысле слова, почитание его, уважением, признанием за ним превосходства интеллектуального и духовно-морального.

Чтобы проанализировать данную традицию в тувинской культуре, в том числе ее эволюцию в XX в., мы опирались на тот методологический подход, который позволяет исходить из наличия в лингвокультуре концепта. Он может исследоваться не только в языке, но и в идеях, ценностях культуры, а также в социокультурных практиках, социальных отношениях. И мы полагаем, признание *башкы* как концепта как нельзя лучше позволяет выявить эту традицию, очертить ее формы, идеи, ассоциации и регулятивные функции.

Подчеркнем, что в данном случае речь идет о предварительном пути анализа, поскольку, на наш взгляд, тема достойна быть развитой всем богатством аспектов в большом исследовании культуры наставничества у тувинцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В. (2009) Политические и общественные объединения Республики Тува на современном этапе // Институты гражданского общества в Сибири (XX — начало XXI в.). / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск : Изд-во Новосибирского госуниверситета. 182 с. С. 125–137.

Бабкова, М. В., Коляда, М. С. (2024) Учитель и ученик в «Собрании стародавних повестей» // Японские исследования. № 2. С. 6–20. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2024-2-6-20>

Будегечиева, Т. Г. (2018) Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации. Кызыл : Издательство ТувГУ. 115 с.

Бурыкин, А. А. (2020) Буддийские мотивы в фольклоре (на материале калмыцких, тувинских и бурятских эпических произведений и богатырских сказок) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 189–209. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.14>

Волков, Г. Н., Салчак, К. Б., Шаалы, А. С. (2009) Этнопедагогика тувинского народа. Кызыл : Изд.-полиграф. отдел «Билиг». 212 с.

Дамба, Н. Ч. (2016) Красс Байыр-оолович Салчак — основоположник этнопедагогических исследований в Туве // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. № 4. С. 182–188.

Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М. : Издательство Академии наук СССР. 609 с.

Жанцанова, М. Г., Дагбаев, Д. Э. (2019) Концепт «учитель» в современной лингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. № 2. С. 32–36.

Закурдаев, А. А. (2012) Школа и школьник в китайской концепции образования: традиции и современность // Этнографическое обозрение. № 5. С. 104–118.

Кононов, А. Н. (1958) Родословная туркмен. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР. 284.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ламажаа, Ч. К. (2008) Политическая культура Тувы // Полис. Политические исследования. № 4. С. 48–54.

Ламажаа, Ч. К. (2016) Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях // Новые исследования Тувы. № 2. С. 32–51.

Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Ламажаа, А. М., Ламажаа, Ч. К. (2018) Тувинский целитель Станислав Кужугетович Серенот // Новые исследования Тувы. № 4. С. 93–111. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.5>

Ламажаа, Ч. К., Туймебаев, Ж. К., Шагимгереева, Б. Е. (2024) «Люди Центра Азии» как научный источник // Новые исследования Тувы. № 1. С. 39–54. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.3>

Марков, Д. Є. (2021) “Рангджунг еше” в Україні: тибетська буддійська традиція, адаптація, ідентичність та український контекст (на прикладі громад Києва і Львова) // Східний світ. № 4 (113). С. 77–96. DOI: <https://doi.org/10.15407/orientw2021.04.077>

Мартынов, А. С. (2001) Конфуцианство. «Лунь юй» : в 2 т. СПб. : Петербургское востоковедение. Т. 1. 368 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.

Недземковская, Г. В. (2011) Зарождение и развитие этнопедагогики. М. : Эдитус. 307 с.

Ооржак, С. С. (2019) Слово «башкы» в тувинском языке // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 3. С. 42–49.

Салчак, К. Б., Салчак, Л. П. (1984) Развитие тувинской народной педагогики. Кызыл : б. и. 228 с.

Салчак, К. П., Салчак, Л. П. (2016) Тыва улусчу педагогиканың хөгжүлдеси = Развитие тувинской народной педагогики. 2-е изд. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 228 с. (На тув. и рус. языках).

Соломатина, М. Н. (2020) Больше чем учитель: особенности вербализации концепта учитель в китайской лингвокультуре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 2. С. 92–99.

Татаринцев, Б. И. (2000) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. 1. А–Б. 341 с.

Тензин, Ч. М.-Х. (2018) Буддизм в духовной жизни тувинского общества // Вестник Бурятского государственного университета. № 3. С. 87–83.

Тихонова, В. Л. (2018) Формирование критического мышления — основа воспитания лидерских качеств студенчества // Манускрипт. № 10 (96). С. 92–95. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.17>

Тува: Родная земля (2023) / Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б., Санчай Ч. Х.; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Турсунов, Е. Д. (1999) Возникновение баксы, акынов, сэри и жырау. Астана : ИКФ «Фолиант». 252 с.

Хомушку, О. М. (2024) Религии в Туве: история и современность. Новосибирск : Наука. 176 с.

Эрендженова, Ю. Ю. (2019) Духовный учитель как универсалия тибетской буддийской культуры // Вестник Калмыцкого государственного университета. № 2. С. 128–134.

Нye, J. (1990) Bound to lead: The changing nature of American power. New York : Basic Books. 307 p.

Дата поступления: 12.11.2024 г.

Дата принятия: 11.12.2024 г.

REFERENCES

- Anayban, Z. V. (2009) Political and Social Associations of the Republic of Tuva at the Present Stage. In: *Institutions of Civil Society in Siberia (XX— Early XXI Centuries)*. Ed. by V. I. Shishkin. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publishing House. 182 p. Pp. 125–137. (In Russ.)
- Babkova, M. V. and Kolyada, M. S. (2024) Teacher and Student in “The Collection of Ancient Tales”. *Japanese Studies*, no. 2, pp. 6–20. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2024-2-6-20>
- Budegechieva, T. G. (2018) *Tuvan Culture: Material and Spiritual, Traditions and Innovations*. Kyzyl, TuvGU Publishing House. 115 p. (In Russ.)
- Burykin, A. A. (2020) Buddhist Motifs in Folklore (Based on Kalmyk, Tuvan, and Buryat Epic and Heroic Tales). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 189–209. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.14>
- Volkov, G. N., Salchak, K. B. and Shaaly, A. S. (2009) *Ethnopedagogy of the Tuvan People*. Kyzyl, Bilig Printing and Publishing Department. 212 p. (In Russ.)
- Damba, N. Ch. (2016) Kras Baayr-Oolovich Salchak — Founder of Ethnopedagogical Research in Tuva. *Bulletin of Tuvan State University. Pedagogical Sciences*, no. 4, pp. 182–188. (In Russ.)
- Dulov, V. I. (1956). *The Socio-Economic History of Tuva. XIX — Early XX Century*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publishing House. 609 p. (In Russ.)
- Zhantsanova, M. G. and Dagbaev, D. E. (2019). The Concept of “Teacher” in Modern Linguistics. *Bulletin of Buryat State University. Education. Personality. Society*, no. 2, pp. 32–36. (In Russ.)
- Zakurdaev, A. A. (2012). School and Student in the Chinese Concept of Education: Traditions and Modernity. *Ethnographic Review*, no. 5, pp. 104–118. (In Russ.)
- Kononov, A. N. (1958) *The Genealogy of Turkmen*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. 284 p. (In Russ.)
- Kurbatsky, G. N. (2001) *Tuvans in Their Folklore (Historical and Ethnographic Aspects of Tuvan Folklore)*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 464 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2008) Political Culture of Tuva. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 48–54. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2016) Tuvan Ethnicity and Society in Ethnosociological and Anthropological Research. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 32–51. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2023) Concepts of Culture: Form, Idea, Social Regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Lamazhaa, A. M. and Lamazhaa, Ch. K. (2018) Tuvan Healer Stanislav Kuzhugetovich Serenot. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 93–111. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.5>
- Lamazhaa, Ch. K., Tuimebayev, Zh. K. and Shagimgereeva, B. E. (2024) “People of Central Asia” as a Scientific Source. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 39–54. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.3>
- Markov, D. (2021). “Rangjung yeshe” in Ukraine: Tibetan Buddhist tradition, adaptation, identity and Ukrainian context (on the example of the communities of Kyiv and Lviv). *The World of the Orient*, no. 4 (113), pp. 77–96. (In Ukr.) DOI: <https://doi.org/10.15407/orientw2021.04.077>
- Martynov, A. S. (2001). *Confucianism. “Lun Yu”*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. Vol. 1. 368 p. (In Russ.)
- Mongush, M. V. (2001) *The History of Buddhism in Tuva (Second Half of VI — Late XX Century)*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.)
- Nedzemkovskaya, G. V. (2011). *The Emergence and Development of Ethnopedagogy*. Moscow, Editus. 307 p. (In Russ.)
- Oorzhak, S. S. (2019) The Word “Bashky” in the Tuvan Language. *Bulletin of Tuvan State University. Social and Humanitarian Sciences*, no. 3, pp. 42–49. (In Russ.)
- Salchak, K. B. and Salchak, L. P. (1984) *Development of Tuvan Folk Pedagogy*. Kyzyl, s. n. 228 p. (In Russ.)
- Salchak, K. P. and Salchak, L. P. (2016) *Tyva Uluschu Pedagogikanyň Khözhüldezhi = Development of Tuvan Folk Pedagogy*. 2nd ed. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 228 p. (In Tuv. and Russ.)
- Solomatina, M. N. (2020) More Than a Teacher: Features of Verbalizing the Concept of Teacher in Chinese Linguoculture. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, no. 2, pp. 92–99. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.17>

- Tatarintsev, B. I. (2000) *Etymological Dictionary of the Tuvan Language* Novosibirsk: Nauka. Vol. 1. 341 p. (In Russ.)
- Tenzin, Ch. M.-Kh. (2018) Buddhism in the Spiritual Life of Tuvan Society. *Bulletin of Buryat State University*, no. 3, pp. 87–83. (In Russ.)
- Tikhonova, V. L. (2018) Critical Thinking Formation as the Basis for Leadership Qualities Development Among Students. *Manuscript*, no. 10 (96), pp. 92–95. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.17>
- Tuva: Native Land* (2023) / Lamazhaa Ch. K., Suvandii N. D., Kuzhuget Sh. Yu., Mainy Sh. B., and Sanchay Ch. Kh.; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-History. 344 p. (In Russ.)
- Tursunov, E. D. (1999) *The Origin of Baksy, Akyns, Seri, and Zhyrau*. Astana, IKF Foliant. 252 p. (In Russ.)
- Khomushku, O. M. (2024) *Religions in Tuva: History and Modernity*. Novosibirsk, Nauka. 176 p. (In Russ.)
- Erenzhenova, Yu. Yu. (2019). The Spiritual Teacher as a Universal of Tibetan Buddhist Culture. *Bulletin of Kalmyk State University*, no. 2, pp. 128–134. (In Russ.)
- Nye, J. (1990) *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York, Basic Books. 307 p.

Submission date: 12.11.2024.

Acceptance date: 11.12.2024.

Публикации тувинских сказок и героических сказаний на русском языке в советский период: аспект политики памяти

Екатерина И. Красильникова

Новосибирский государственный технический университет, Российская Федерация,

Ирина С. Трояк

Государственная публичная научно-техническая библиотека

Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

В статье характеризуется влияние советской политики памяти на публикацию в книжных русскоязычных изданиях 1950–1980-х гг. тувинских сказок и героических сказаний. В процессе исследования было выявлено 19 изданий (включая переиздания) тувинских сказок и героических сказаний на русском языке, а также 23 сборника сказок разных народов, содержащие произведения тувинского фольклора.

Выявляются условия и факторы публикации русскоязычных книг, содержащих тувинские народные сказки. Раскрываются политико-идеологические контексты составления сборников, которые определяются как глобальный проект формирования советской культуры — национальной по форме, социалистической по содержанию. Выявляются универалистские смыслы советской политики памяти, повлиявшей на подготовку сказок к изданию.

Приведены примеры изменений от издания к изданию содержания отдельных сказок, обусловленные государственной политикой памяти. Выделены основные, качественно различающиеся этапы выпуска сборников сказок. Показаны различия между живой фольклорной традицией и сказками как достоянием книжной культуры, а также поверхностность культурных изменений в Туве советского времени, отражённых практикой издания народных сказок.

Ключевые слова: сказочный фольклор; сборник сказок; политика памяти; советская культурная модернизация; Тува; тувинская культура; тувинский фольклор

Работа выполнена при финансовой поддержке Новосибирского государственного технического университета, проект ТП-ИИП-1_25; Работа выполнена по плану научно-исследовательской работы Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук, проект «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.», № 122041100088-9.

Для цитирования:

Красильникова Е. И., Трояк И. С. Публикации тувинских сказок и героических сказаний на русском языке в советский период: аспект политики памяти // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 26–38. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.2>

Красильникова Екатерина Ивановна — доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории и политологии Новосибирского государственного технического университета. Адрес: Россия, г. Новосибирск, 630073, пр-т К. Маркса, д. 20. Эл. адрес: katrina97@yandex.ru

Трояк Ирина Сергеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории книговедения Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: Россия, г. Новосибирск, 630102, ул. Восход, д. 15. Эл. адрес: troyak@spsl.nsc.ru

KRASILNIKOVA, Ekaterina Ivanovna, Doctor of History, Head, Department of History and Political Science, Novosibirsk State Technical University. Postal address: 20 K. Marksa Av., 630073, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: katrina97@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0014-0655

TROYAK, Irina Sergeevna, Candidate of History, Senior Researcher, Laboratory of the Book Studies, State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 15 Voskhod St., 630102, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: troyak@spsl.nsc.ru

ORCID: 0000-0002-3325-4280

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Publications of Tuvan Fairy Tales and Heroic Tales in Russian during the Soviet Period: an aspect of Memory Policy

Ekaterina I. Krasilnikova

Novosibirsk State Technical University, Russian Federation,

Irina S. TroyakState Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The article characterizes the influence of Soviet memory policy on the publication of Tuvan fairy tales and heroic epics in Russian-language book editions of the 1950s–1980s. During the study, 19 editions (including reprints) of Tuvan fairy tales and heroic epics in Russian were identified, along with 23 collections of fairy tales from various peoples that contained works of Tuvan folklore.

The authors identified the conditions and factors influencing the publication of Russian-language books containing Tuvan folk tales and revealed the political and ideological contexts of compiling these collections. These contexts are interpreted as part of the broader project of shaping Soviet culture — national in form, socialist in content. The study also highlights the universalist meanings embedded in Soviet memory policy, which influenced the preparation of fairy tales for publication.

The article provides examples of content changes in specific fairy tales from one edition to another, driven by state memory policy. The study identifies key qualitatively distinct stages in the publication of fairy tale collections. It also demonstrates the differences between the living folklore tradition and fairy tales as part of book culture, as well as the superficiality of cultural changes in Soviet-era Tuva, as reflected in the practice of publishing folk tales.

Keywords: fairy tale folklore; fairy tale collection; memory policy; Soviet cultural modernization; Tuva; Tuvan culture; Tuvan folklore

Financing

The work was carried out with the financial support of Novosibirsk State Technical University, the TP-IIP-1_24 project; The work was carried out according to the research plan of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the project “Transformation of book culture in social communications of the XIX–XXI centuries”, No. 122041100088-9.

For citation:

Krasilnikova E. I. and Troyak I. S. Publications of Tuvan Fairy Tales and Heroic Tales in Russian during the Soviet Period: an aspect of Memory Policy. *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 26-38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.2>

Введение

Признание сказочных традиций народов России в качестве нашего общего культурного наследия воспринимается сегодня как данность, как нечто самоочевидное. Однако до сих пор слабо осознается то, что в самом обобщенном, часто клишированном виде народная сказка излагает историю народа, формируя в сознании человека и общества базовое представление об актуальном прошлом и отношении к этому прошлому. Общеизвестно то, что под воздействием модернизационных процессов живые сказочные традиции ослабевают и вовсе прерываются. Средством спасения сказки от забвения обычно мыслится письменная фиксация текстов, а также их последующее представление в книжных изданиях.

Несмотря на все более широкое распространение в современности электронных форматов записи и репрезентации произведений фольклора, выпуск сказок в виде традиционных печатных книг про-

должается, регулярно переиздаются популярные в советское время сборники народных сказок. Многие поколения российских детей воспитаны на этих произведениях.

Книгоизданию сказок предшествовала работа ученых-фольклористов, собиравших и обрабатывавших сказки. Современная фольклористика во многом опирается на советский опыт. Иными словами, сказки народов России, в том числе и тувинские сказки, известны современным читателям преимущественно посредством книг, созданных в советское время. Это обстоятельство побуждает задуматься о политико-идеологических наслоениях сказочных текстов и об их продолжающемся влиянии на коллективную память. Уже поверхностное знакомство с «кухней» советского фольклориста приводит к признанию того, что сказка, некогда исполнявшаяся сказителем, и сказка книжная — разительно отличаются, будучи достоянием культур разного типа. Книжная сказка репрезентирует историческое прошлое довольно специфично. В советское время эта специфика во многом определялась государственной политикой памяти, но ее влияние на книгоиздание народных сказок изучено еще слабо.

Необходимо учитывать, что в живой традиции сказка воспринималась далеко не только как детское развлечение. К примеру, тувинское понятие *тоол* относится не только к сказкам, но и к героическим сказаниям¹. Эпос и героические сказания исполнялись для взрослых слушателей и зимними вечерами, и на похоронах, и во время пребывания на охоте, и в длительных поездках (Орус-оол, 2019: 200). На этапе перехода сказки в книжный формат произведения фольклора народов Сибири публиковались как в детских книжных сборниках, так и в журналах, рассчитанных на взрослую аудиторию, к примеру, в «Сибирских огнях». Сказка была призвана не только воспитывать подрастающее поколение, но и формировать мировоззрение взрослых, которые должны были участвовать в государственном проекте строительства социалистической культуры на фундаменте культуры народной с ее исходными представлениями о прошлом. Именно поэтому нам представляется актуальным взгляд на публикацию на русском языке сказок народов Сибири, как на функционирование канала трансляции государственной политики памяти, определявшей массовые представления об истории отдельных этнокультурных общностей и советского общества в целом.

Целью данного исследования является характеристика влияния советской политики памяти на публикацию в книжных русскоязычных изданиях 1950–1980-х гг. тувинских сказок и героических сказаний. В задачи исследования входит определение исторических условий и факторов создания русскоязычных сборников тувинских сказок и героических сказаний и последующей их публикации в сборниках сказок народов СССР; выявление контекстов советской политики памяти, влиявшей на разных исторических этапах на процесс книгоиздания сказок и героических сказаний тувинцев; демонстрация примеров изменения содержания тувинских сказок от издания к изданию, обусловленных влиянием динамики советской политики памяти.

В ситуации, когда по политико-идеологическим причинам необходимы восстановление или искусственное конструирование утверждаемой этнокультурной традиции, важным источником интерпретации исторического прошлого народа становится его устное народное творчество. Это касается, прежде всего, советской политики памяти, в рамках которой осуществлялся поиск проявлений идеологически и классово «верной» ориентации в культурах этносов, как правило, не имевших своей письменной истории. Итоги и перспективы изучения истории тувинского фольклора и фольклористики отражены в работах И. А. Вчерашней, Д. С. Куулара, Л. В. Гребнева, А. К. Калзана, С. М. Орус-оол, М. А. Хадаханэ, З. Б. Самдан (Вчерашняя, 1955; Гребнев, 1960; Калзан, 1971; Куулар, 1959; Орус-оол, 2001, 2011; Самдан, 1987, 1994, 2003, 2015; Хадаханэ, 2008) и др. Однако в них по большей части анализировались сами фольклорные тексты, а не издательская практика их выпуска и ее идеологическая составляющая.

Методологическим ориентиром исследования послужило проблемное поле *Memory studies*, в рамках которого активно разрабатываются подходы к изучению политики памяти и ее влияния на коллективную память об общем прошлом различных социальных групп, включая региональные сообщества больших государств (Политика памяти ... , 2023: 5–23).

Источниками исследования послужили русскоязычные книжные издания тувинских сказок и героических сказаний, вышедшие в РСФСР в 1950–1980-е гг., а также опубликованные в советский

¹ Кара-оол Ч. А. Детский фольклор как механизм социализации ребенка в традиционной культуре тувинцев (конец XIX — нач. XXI в.): дис. ... канд. ист. наук, Улан-Удэ, 2015. С. 89–90.

период сборники сказок разных народов, включавшие произведения тувинского фольклора. Публикации на тувинском языке нами не использовались.

Всего с момента вхождения Тувы в 1944 г. в состав СССР и до его распада в 1991 г. на тувинском и русском языках было выпущено около 40 отдельных изданий тувинских сказок и героических сказаний. Публикация началась в Кызыле. Первый сборник на тувинском языке вышел в 1947 г.¹, на русском — в 1954 г.² В 1961 г. тувинские сказки были опубликованы отдельным изданием в московском «Детгизе»³. Помимо сборников, тувинские сказки печатались в виде моноизданий какого-то одного произведения для детской аудитории. Такая практика часто использовалась при публикации сказочного фольклора разных народов. В процессе исследования было выявлено 19 изданий (включая переиздания) тувинских сказок и героических сказаний на русском языке, вышедших с 1954 по 1988 г., из которых 12 было выпущено в Кызыле, 6 — в Москве и одно — в Новосибирске.

В 1950–1970-е гг. количество изданий тувинских сказок на тувинском и русском языках было практически одинаковым, а в 1980-е гг. выпуск этого вида произведений тувинского фольклора отдельными изданиями уменьшился как на русском, так и на тувинском языках. Одновременно можно отметить увеличение числа сборников сказок народов СССР, которые, помимо центральных, выходили в каждом республиканском, краевом или областном издательстве. До конца 1960-х гг. в сборниках сказок народов СССР печатались только сказки титульных наций союзных республик. Тувинские сказки в этот период включались в сборники сказок народов Сибири. Публикация сказок представителей национальных автономий и малых народов СССР в сборниках общесоюзного охвата и тематических изданиях со сказками разных народов началась в 1970-е гг. и продолжалась в следующем десятилетии. К настоящему моменту нами выявлено 23 таких сборника, содержащих произведения тувинского сказочного фольклора на русском языке.

Условия и факторы публикации тувинских сказок на русском языке в советское время

В конце 1920-х гг. в тувинская культура быстро трансформировалась под воздействием политических преобразований. В Тувинской Народной Республике образцом для культурной трансформации выступал СССР. В ориентире на СССР, руководство республики приняло решение о преподавании во всех школах русского языка, что являлось важным условием сближения прежде мало связанных между собой тувинской и русской культур. С 1941 г. тувинский язык был переведен на кириллицу с латиницы, которой пользовались в республике с момента введения письменности в 1930 г. (Кужугет, 2006: 182). Распространение грамотности стимулировало развитие литературы, которая изначально конструировалась по европейским образцам. Творчество писателей и поэтов было в высокой степени идеологизированным, перед литературой ставились, прежде всего, задачи политической борьбы за социализм. Фольклор не отрицался, но официальное отношение к народной культуре являлось избирательным. Предполагалось разделять традиции «прогрессивные» и «реакционные». Соответственно, с идеологической позиции оценивались сказки и героические сказания, подвергавшиеся просеиванию через идеологическое сито.

Процессы трансформации культуры усилились после вхождения Тувы в СССР в 1944 г. Тува включилась в строительство универсальной для СССР социалистической культуры. Это требовало коренных изменений в образе жизни, а также, помимо всего прочего, включения книжного дела Тувы в советскую модель книжной культуры. Прежде кочевывшие тувинцы переходили к оседлости, осваивали грамоту, привыкали к книжному формату знания как к общедоступному. В республике стало печататься множество журналов, газет и книг, как на родном, так и на русском языке. По мнению А. К. Кужугет, народная культура и профессиональная развивались практически параллельно, мало пересекаясь в силу разницы в задачах (там же: 224). Однако работа фольклористов происходила именно на стыке культуры народной и профессиональной. Специалисты, собиравшие, записывавшие, обрабатывавшие и готовившие к изданию сказки реально соприкасались с живой народной традицией, при этом им невольно приходилось участвовать в ее радикальном изменении. Фольклор в советское время

¹ Тыва улустун тоолдары. Кызыл: ТывНУЧ, 1947.

² Тувинские народные сказки / пер. и лит. обработка И. А. Плоткиной и Л. В. Гребнева. Кызыл: б. и., 1954.

³ «Детгиз» — издательство детской литературы.

считался истоком литературы тувинского народа. Однако советская литература ставила перед собой задачу воспитания нового человека, именно поэтому измениться должны были и традиционные сказки, поскольку, посредством их исконных версий задача переформатирования мировоззрения не могла быть достигнута.

Значительным фактором формирования книжного пласта социалистической культуры Тувы следует признать личностный фактор. Сказки собирались, обрабатывались и печатались благодаря деятельности целого ряда крупных ученых своего времени. Предыстория советской фольклористики в Туве открывается исследованиями В. В. Радлова и Г. Н. Потанина, начавшими сбор сказок еще в третьей четверти XIX в. В начале XX в. эту работу продолжили Н. Ф. Катанов и ссыльный революционер Ф. Я. Кон¹. Однако, в дальнейшем, вплоть до 1930-х гг. произведения фольклора в Туве не записывались и не изучались.

После введения письменности в ТНР, местная газета «Шын» объявила конкурс на сбор легенд и преданий. Лучшие из записей печатались в газете. За этим стояла инициатива Тувинской народно-революционной партии по сбору и изучению произведений устно-поэтического творчества с целью их использования в борьбе с так называемыми «пережитками феодального прошлого». X Великий хурал ТРНП принял постановление о необходимости публикации сказок, песен, пословиц, поговорок, загадок, частушек. В итоге, в период с 1938 по 1941 гг. был издан ряд сказок и героических сказаний на тувинском языке².

С созданием в 1945 г. Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) началось планомерное собирание и публикация сказок и героических сказаний. Наибольшее их количество было записано в 1940-е и 1950-е гг. С 1953 г. в Кызыле проводились Слеты народных сказителей и певцов Тувы, материалы которых продолжают публиковаться (Кунгаа, 2012). В последующие годы преимущественно фиксировались варианты уже известных фольклорных произведений. При публикации сказок и героических сказаний для широкого круга читателей и для детской аудитории предпочтение отдавалось не точности перевода, а литературной обработке³.

Первая публикация на русском языке текстов тувинских сказок для массового читателя состоялась в 1949 г. в сборнике «Сибирские сказки»⁴, составленном известным писателем А. Л. Коптеловым. Он же осуществил литературную обработку представленных в нем тувинских сказок «Жадный лама» и «Лисица и охотник», которые записал студент Новосибирского сельскохозяйственного института С. К. Бимбин.

В 1954 г. в Кызыле был опубликован первый выпуск сборника тувинских сказок на русском языке в переводе и литературной обработке Л. В. Гребнева⁵ и И. А. Плоткиной⁶. В него вошли переводы сказок, напечатанных ранее в изданиях на тувинском языке. В 1955 г. сборник был переиздан с некоторыми исправлениями. В это время свою деятельность по изучению тувинского фольклора начала М. А. Хадаханэ⁷. Она, совместно с Н. А. Сердобовым⁸, осуществляла литературную обработку и являлась составителем второго выпуска тувинских сказок (Кызыл, 1958)⁹; готовила к изданию сборники «Утес у солнца» (М.: Детгиз, 1961)¹⁰, «Тувинские сказки» (Новосибирск, 1970)¹¹, «Тувинские народные сказки» (М.: Детская литература, 1984)¹².

¹ Тувинские народные сказки / пер., сост. и примеч. М. Ватагина. М.: Наука, 1971. С. 6.

² Там же.

³ Тувинские народные сказки ... Новосибирск: Наука, 1994. С. 10–13.

⁴ Сказки народов Сибири / сост. А. Коптелов. Новосибирск: Новосиб. обл. гос. изд-во, 1949.

⁵ Гребнев Леонид Васильевич (1921–?) — историк-этнограф, исследователь Тувы и тувинского героического эпоса, первый заведующий сектором истории, археологии и этнографии ТНИИЯЛИ.

⁶ Тувинские народные сказки ... Кызыл: б. и., 1954.

⁷ Хадаханэ Мария Андреевна (1933–2021) — литературовед, переводчик, исследователь тувинской литературы и фольклора.

⁸ Сердобов Николай Алексеевич (1916–1986) — историк, писатель, педагог, специалист по новейшей истории Тувы, в 1951–1967 гг. директор ТНИИЯЛИ.

⁹ Тувинские народные сказки. Вып. 2 / лит. обработка Н. А. Сердобова и М. А. Изынеевой ; сост. М. А. Изынеева. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1958.

¹⁰ Утес у солнца: Тувинские народные сказки. Москва : Детгиз, 1961. Переиздан в 1967 г. под названием «Тувинские народные сказки».

¹¹ Тувинские сказки / предисл. М. Хадаханэ. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970.

¹² Тувинские народные сказки / пересказ и лит. обраб. для детей М. Хадаханэ. М.: Дет. лит., 1984. Переиздан в 1988 г.

Рис. 1. Примеры изданий тувинских сказок 1950–1970-х гг.
 Fig. 1. Examples of editions of Tuvan fairy tales of the 1950s – 1970s.

В 1960–1970-е гг. в Кызыле были изданы третий выпуск тувинских народных сказок¹ (1964; подготовлен Н. А. Сердобовым), тексты героических сказаний в переводе и литературной обработке Л. В. Гребнева (1960, 1969, 1973), две сказки в отдельных книжках для детей младшего школьного возраста² и небольшой сборник для детей среднего школьного возраста³ (рис. 1).

После публикации в 1971 г. в московском академическом издательстве «Наука» сборника «Тувинские народные сказки»⁴ в переводе М. Г. Ватагина⁵ (по подстрочникам О. Кодур-оола) произведения тувинского фольклора вошли в широкий научный оборот. Однако, по мнению З. Б. Самдан, подача текстов в этом издании не отвечала всем фольклористическим требованиям⁶.

Литературная обработка произведений и формирование состава большинства сборников тувинских сказок, выпущенных в Кызыле, Новосибирске и Москве, принадлежали М. А. Хадаханэ. Тувинские сказки в книгах со сказками разных народов, независимо от места издания, представлены преимущественно в пересказе М. Г. Ватагина. Следует также отметить, что после 1960-х гг. не публиковались тувинские сказки в обработке А. Л. Коптелова, а в обработке Л. В. Гребнева и Н. А. Сердобова печатались крайне редко. В качестве примера можно привести книгу сказок народов Сибири «Сказание о просторе»⁷ (Ленинград: Лениздат, 1988), подготовленную Ч. Таксами. Большинство тувинских сказок в ней даны в переводе М. Г. Ватагина, но есть тексты из кызыльских изданий 1955, 1958 и 1964 гг.

¹ Тувинские народные сказки. Вып. 3 / лит. переложение Н. А. Сердобова; сост. А. К. Калзан. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1964.

² Золотая птица: тувинская народная сказка. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1964; Парень с тремя знаниями: тувинская народная сказка / пер. с тувин. М. Ватагина. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1972.

³ Оскюс-оол и Золотая дангына: Тувинские народные сказки / пер. с тувин. М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1980.

⁴ Тувинские народные сказки ... М.: Наука, 1971.

⁵ Ватагин Марк Германович (1933) — писатель, переводчик. В 1965 г. работал в газете «Тувинская правда», собирал произведения тувинского фольклора.

⁶ Тувинские народные сказки ... Новосибирск: Наука, 1994. С. 13.

⁷ Сказание о просторе: Сказки народов Бурятии, Горн. Алтая, Калмыкии, Тувы, Хакасии, Якутии и малых народов Сибири — долган, тофаларов и шорцев / сост., авт. послесл. и коммент. Ч. М. Таксами. Ленинград: Лениздат, 1988. 383 с.

Читая предисловия: влияние политики памяти на составление сборников сказок

Рассмотрим политико-идеологические контексты издания тувинских сказок и героических сказаний.

Первый русскоязычный сборник тувинских сказок предварялся кратким предисловием, концентрированным сообщавшим цель издания, а, по сути, отражавшим основные смыслы того, что сегодня можно назвать государственной политикой памяти. Помимо значимости сказки как средства сохранения и утверждения «лучших традиций и моральных качеств трудового народа»¹, произведения устного народного творчества мыслились как средство воспитания у трудящихся ненависти к угнетателям, а также как средство призвать народ к борьбе за свободную и счастливую жизнь. В заключение отмечалось, что «тувинский народ нашел свое счастье в братской семье народов Советского Союза»². Именно поэтому досоветское прошлое тувинского народа изображалось в сказках обобщенно и резко негативно с подчеркиванием остроты социальной несправедливости и неравенства. На генетическую связь сказки и религии внимания не обращалось.

В предисловии к изданию «Сказаний о богатырях» 1960 г.³, излагалась политизированная версия истории тувинского народа, определившая условия складывания фольклора и его главные смыслы. Тувинский народ был представлен как вечно угнетенная жертва порабовавших его монгольских и маньчжуро-китайских феодалов⁴, а в дальнейшем и Российской империи. Развитию мешала колониальная эксплуатация, а также внутренние проблемы Тувы — набеги и междоусобицы. Лишь после Октябрьской революции тувинцы «вдохнули свободу». Под этим стоит понимать не только изменение политики России в отношении тувинцев, но и их собственные изменения, прежде всего, мировоззренческие. Позитивным следствием этих перемен в изложенной Л. В. Гребневым официальной версии была названа национально-освободительная революция 1921 г., приведшая народ Тувы к последующему вхождению «в семью равноправных народов СССР»⁵.

Важнейшим историческим результатом этого политического решения виделось «успешное преодоление отсталости», выразившееся в создании своей «национальной по форме и социалистической по содержанию культуры»⁶. Л. В. Гребнев пояснял, что элементы национальной культуры, созданные на протяжении многих веков тувинским народом, получили в современности «дальнейшее всестороннее развитие и обогащение»⁷. Нам представляется важным обратить внимание на слово «элементы». Безусловно, Л. В. Гребнев не мог говорить о сколько-нибудь полной преемственности, перед ним стояла непростая задача показать хотя бы какие-то примеры преемственности смыслов, однако, эта попытка, на наш взгляд получилась мало убедительной. В сфере литературы преемственность определялась им как неизменное отражение «движения от тяжелого прошлого к светлому коммунистическому будущему». Безусловно, мечты о коммунистическом будущем в традиционных сказках отсутствовали. Однако автор предисловия предлагал видеть признаки этой мечты в таких сказочных мотивах, как стремление к мирной трудовой жизни⁸, борьба героев из числа трудового населения с феодалами-теократами, черты которых, воплотились в образах злых духов Албыса и Шулбуса⁹, а также с ханами-грабителями, ханами-угнетателями¹⁰. Одновременно Л. В. Гребнев признавал, что «мечты народа не шли дальше хорошего, доброго хана»¹¹, что тувинцы верили в доброту ханов прошлого. Таким образом, идея движения к коммунистическому будущему, якобы, присутствующая уже в героических сказаниях, осталась неубедительной.

В 1960 г. была опубликована монография Л. В. Гребнева «Тувинский героический эпос» (Гребнев, 1960). В этой научной работе, более свободной от идеологического пафоса, подробнее, нежели в

¹ Тувинские народные сказки / пер. и лит. обработка И. А. Плоткиной и Л. В. Гребнева. Кызыл: б. и., 1954. С. 3.

² Там же. С. 5.

³ Сказания о богатырях: Тувин. героич. эпос / предисл., пер. и коммент. Л. В. Гребнева. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1960.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 11.

¹¹ Там же.

предисловии к изданию сказаний о богатырях, излагалось понимание автором исторических корней эпоса, определивших его содержание. Гребнев признавал, что эпос не выражал развитого классового самосознания народа (там же: 63). Однако, в духе времени сюжеты эпоса трактовались им в контексте классовой борьбы, хотя собственно классы и не назывались, речь шла преимущественно о «трудовом народе» и «угнетателях». Смысл эпоса виделся автору монографии в противостоянии героев, олицетворяющих народные ожидания, с захватчиками и ханами, грабившими и порабоцавшими трудовой народ. При этом, отвечающей политико-идеологической атмосфере послевоенного времени, когда Гребнев работал над монографией, представляется нам его идея о мирной созидательной жизни, как о главной исторической мечте тувинского народа. Характеризуя героя эпоса не только как заступника, но и как «товарища по труду» (там же: 60–61), автор монографии буквально переносил в эпическое прошлое современные ему представления о герое послевоенного восстановительного периода, когда защитники Родины возвращались к станку и трактору.

Следуя общим для страны идеологическим установкам, Л. В. Гребнев старался показать не связь эпоса с религией, а его противостояние буддизму и шаманизму. Ученый уличал феодально-бюрократические круги в «обработке» эпоса, который они «пытались использовать для распространения в народе ламаизма» (там же: 66). За этим разоблачением следовал бездоказательный тезис об отрицательном отношении народа к распространению буддизма (там же: 66).

Предисловие к третьему русскоязычному сборнику тувинских сказок, вышедшему в 1964 г., не отражает каких-либо явных изменений, связанных с влиянием на тексты политики памяти. Сказки характеризовались как глубоко самобытные, однако подчеркивались их смыслы, представлявшие в это время универсальными: отчетливое противопоставление аратов-бедняков ханам, чиновникам, шаманам и ламам; ненависть к поработителям; моральное превосходство простого человека, его честность, смелость, гуманизм, трудолюбие; вековая мечта о свободной и счастливой жизни, которая воплотилась только после Великого Октября¹.

Изданный в Новосибирске в 1970 г. сборник тувинских сказок² отразил обновление политико-идеологических установок, связанных с широкой пропагандой интенсивного хозяйственного освоения сибирских окраин и свершившегося преодоления их прежней «отсталости». В 1970-х гг. писалась «наиновейшая» история успехов социалистического строительства в последние годы, которая угрожала буквально перечеркнуть всю местную историю до этой великой модернизации. Поддержание внимания к культурному наследию, в частности к национальным сказкам, понималось как мера по предотвращению такой дегуманизации. Предисловие к сборнику, написанное М. А. Хадаханэ, начиналось описанием богатства тувинских недр, а также «строителей новой жизни» — «замечательных тружеников»³ Тувы. Это предисловие отразило новый этап в понимании смыслов сказочного фольклора. Тема классовой борьбы более не акцентировалась, подчеркивались морально-этические смыслы сказок: «Настоящее место на земле — человеку честному трудолюбивому, смелому и бескорыстному»⁴. Бесклассовое общество мыслилось уже построенным, поэтому достаточным было обобщить: «Человек может быть счастлив в борьбе за лучшую жизнь — такова основная мысль сказок»⁵. Сказка воспринималась как артефакт, сохранившийся от прежней эпохи, отражающий ее инаковость. М. А. Хадаханэ говорила о Туве как о месте, где еще живы традиции, до сих пор существуют сказители, к которым фольклористы ездят каждое лето, но известны народные сказки новому поколению тувинцев уже скорее из книг, имеющихся в каждом доме⁶. Однако при всем смягчении отношения к прошлому, оно должно было восприниматься как нечто вторичное в сравнении с современностью — временем, более прекрасным, чем время всякой волшебной сказки.

Выпущенный в 1971 г. в московском издательстве «Наука» сборник тувинских сказок⁷ еще ярче отразил изменения в трактовке исторических условий, в которых формировался сказочный фольклор Тувы. Академичность издания предполагала обращение к истокам тувинской культуры, осмысление

¹ Тувинские народные сказки ... Кызыл: Тувкнигоиздат, 1964. С. 3.

² Тувинские сказки / предисл. М. Хадаханэ. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Тувинские народные сказки / пер., сост. и примеч. М. Ватагина. М.: Наука, 1971.

ее связи с историей других народов Сибири, в том числе с письменной древнетюркской культурой. Прошлое Тувы более не характеризовалось в категориях отсталости и мрачности. Напротив, подчеркивалось, что «остатки древних городищ, древних выработок, многие тысячи курганов, обелиски, сохранившиеся до наших дней, говорят о существовании самобытной цивилизации на территории Тувы»¹. Характеризуя смыслы сказок, составители сборника минимально затронули тему классовой борьбы, лишь пояснив, что в сказках мечта о социальной справедливости превращалась в историческую мечту о добром хане, которым должен стать простой человек, бедняк. Эта же мечта делала героя судьей. Общий же смысл сказок характеризовался как сражение богатырей между собой и с иноземными захватчиками, защита «народной земли» и утверждение превосходства человека над фантастическими обитателями неведомых мест.

В конце 1960-х гг. Л. В. Гребнев подготовил к изданию еще одно героическое сказание — «Бокту-Кириш и Бора-Шээлей», которое было опубликовано в Кызыле в 1969 г.² Несмотря на изменения идеологического фона, Гребнев оставался верен своим, сложившимся еще в 1950-х гг., взглядам на историю, отраженную тувинским эпосом. Однако его введение к новой книге было уже не столь одиозным, как в прежних изданиях. Л. В. Гребнев повторял мысли о противостоянии здорового устного народного творчества шаманизму и ламаизму, о проявленном в сказках осознании тувинским народом необходимости борьбы за лучшую долю, о ненависти к угнетателям и стремлении к справедливости³.

Наконец, уже в 1984 г. вышел еще один советский сборник сказок, составленный М. А. Хадаханэ. Предисловие к этому сборнику провело еще более четкую разделительную грань между прошлым и настоящим, чем предисловие к сборнику 1970 г. Если в предыдущем издании М. А. Хадаханэ отмечала, что в Туве еще живы сказочные традиции, то в середине 1980-х гг. она говорила о сказках как «бережно сохраненной традиции», однако, уже оторванной от естественной среды ее бытования. Автор предисловия поясняла, что еще недавно тувинцы жили в юртах, кочевали в долинах рек и были неграмотными. Теперь же они живут в благоустроенных домах, а в горах, которые ранее считались священными и неприступными, найдены и добываются уголь, асбест, металл⁴.

Вспоминая своего деда, когда-то рассказывавшего сказки внукам в юрте у очага, М. А. Хадаханэ очевидно ностальгировала. Это настроение было типичным для того времени, когда после ускоренной модернизации и последовавшей за ней урбанизацией начала явно осознаваться неоднозначность отказа от традиционной культуры. Однако смысл сказок обобщался с использованием привычных старых формулировок: «В сказках раскрывались думы простых тружеников, сталкивались интересы бедных и богатей. В сказках простые люди почти всегда выходят победителями, несмотря на все препятствия, они продолжают бороться и в конце концов обретают счастье»⁵.

Изменения содержания сказок в контексте политики памяти

Корпус текстов, которые печатались в сборниках тувинских сказок или произведений сказочного фольклора разных народов, окончательно определился к началу 1970-х гг. Всего в рассматриваемый период на русском языке было опубликовано около 80 тувинских сказок.

Наиболее часто встречающейся⁶ (14 раз) является сказка «Парень с тремя знаниями»⁷, которая входит в состав трех сборников тувинских сказок и восьми сборников сказок народов СССР и других, а также дважды выпущена в качестве моноиздания для детей. 11 раз (в т. ч. 7 раз в сборниках тувинских сказок) была напечатана сказка «Голодный волк и козленок»⁸, по 10 раз публиковались сказки «Каша

¹ Тувинские народные сказки ... М.: Наука, 1971. С. 5.

² Бокту-Кириш и Бора-Шээлей : Тувин. нар. сказание / пер. с тувин., предисл. и коммент. Л. Гребнева. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1969. Переиздано там же в 1973 г.

³ Бокту-Кириш и Бора-Шээлей : Тувин. нар. сказание / пер. с тувин., предисл. и коммент. Л. Гребнева. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1973. С. 8–9.

⁴ Тувинские народные сказки ... М.: Дет. лит., 1984. С. 3.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Подсчет проводился, включая переиздания.

⁷ Также печаталась под названиями «Оксюс-оол, постигший три науки», «Оксюс-оол, который постиг три науки».

⁸ Др. названия «Голодный волк и козлик», «Голодный волк и жирный козленок».

в кувшине»¹ и «Храбрый козлик»². В числе распространенных можно также назвать сказки «Ленивая сова» (9 раз), «Верблюды»³, «Мудрый филин» и «Почему птицы не говорят» (по 8 раз). Всего около четверти из опубликованных на русском языке в 1949–1991 гг. тувинских сказок включались в книжные издания от 5 до 10 раз, примерно половина – от 2 до 4 раз. Наиболее редко встречающимися (публиковались только один раз) являются некоторые сказки из сборников, выпущенных в Кызыле в 1954–1955 гг. и 1958 г., а также примерно третья часть произведений из московского издания 1971 г.

Исследователи тувинского фольклора в качестве основных видов тувинских сказок называют богатырские, волшебные, бытовые, о животных (Самдан, 1994: 14–17). При этом отмечается, что богатырские сказки в народе четко не отделяются от героического эпоса и часто его отрывки превращались в самостоятельные сказочные сюжеты (там же: 18). По числу записей, сделанных сотрудниками ТНИИЯЛИ, преобладают бытовые и волшебные сказки (там же: 33). Они же составляют 2/3 от всех опубликованных в советское время тувинских сказок. Однако в ряду произведений, наиболее часто встречающихся в сборниках, количественно доминируют сказки о животных, лишь потом следуют бытовые. Это вполне объяснимо, учитывая ориентацию большинства изданий на детскую аудиторию. Среди напечатанных в сборниках не более одного раза преобладают богатырские сказки.

Сравнение содержания наиболее часто публикуемых в советский период тувинских сказок в зависимости от места и времени публикации позволяет сделать вывод, что корректировки текстов были связаны в первую очередь с их литературной редакцией, и не сильно зависели от изменений социально-политической конъюнктуры, как это удалось ранее выявить при изучении алтайских сказок (Красильникова, Вальдман, Трояк, 2021). Политико-идеологические контексты прописывались в предисловиях к сборникам в соответствии с требованиями времени, однако глубинные пласты народной культуры, несмотря на проводившуюся обработку сказочного тувинского фольклора, похоже, не были затронуты и не подверглись сильным искажениям. Следует также отметить, что некоторые отличия в текстах тувинских сказок обуславливались еще и с тем, что литературные обработчики использовали разные варианты записей.

Самая печатаемая тувинская сказка «Парень с тремя знаниями» на русском языке впервые была опубликована в сборнике «Тувинские народные сказки» (Кызыл, 1954) в обработке Л. В. Гребнева и И. А. Плоткиной. В 1960-е гг. сказка не публиковалась, и появилась вновь только в московском издании 1971 г., подготовленном М. Г. Ватагиным. Потом, в его же пересказе, она еще 8 раз включалась в сборники сказок разных народов.

Развитие сюжета не претерпевало изменений от издания к изданию. Однако интерес вызывает завершение сказки. Ее главный герой Оксюз-оол, победив хана в игре в шахматы, по условиям договора отрубает ему голову. В публикации 1954 г. в заключение говорится: «Так с помощью своих знаний избавил Оксюз-оол народ от жестокого Караты-хана»⁴. В варианте, опубликованном в сборнике издательства «Наука» в 1971 г. сказано, что «больше никто в тех землях на голову не играл. А Оксюз-оол, постигший три науки, стал править ханством»⁵. Именно в этом варианте сказка и публиковалась в дальнейшем в большинстве известных нам сборниках сказок народов СССР. Однако в некоторых адресованных детям изданиях⁶ сказка была явно переделана с учетом аудитории и вместо жестокой игры на голову, Оксюз-оол играл с ханом на освобождение его пастухов. При этом в выпущенном в Кызыле в 1972 г. моноиздании⁷ этой сказки для младшего школьного возраста оригинальная версия текста была сохранена.

Сказка «Голодный волк и козленок» (вторая по числу опубликований — 11) на русском языке впервые была напечатана в сборнике тувинских сказок, изданном в Кызыле в 1958 г. в литературной обработке Н. А. Сердобова и М. А. Хадаханэ (Изынеевой). В сборник издательства «Наука» (Москва, 1971), подготовленный М. Г. Ватагиным, сказка включена под названием «Голодный волк и жирный

¹ Др. название «Жадный лама». В сб. 1964 г. сюжет является частью сказки «Лама и суслик».

² Др. названия «Храбрый козленок», «Козлик — медные рожки».

³ Др. название «Как верблюд стал некрасивым».

⁴ Тувинские народные сказки... Кызыл: б. и., 1954. С. 60.

⁵ Тувинские народные сказки ... М.: Наука, 1971. С. 155.

⁶ Например, в изданиях: Оксюз-оол и злой хан : Тувин. нар. сказки / пересказал М. Ватагин. М.: Малыш, 1971; Сказки народов СССР / составитель Г. Ертлесова. Алма-Ата: Жалын, 1986. С. 95–97.

⁷ Парень с тремя знаниями ...

козлик». Сюжетно тексты не отличаются, разница заметна лишь в обработке. Текст, представленный М. Г. Ватагиным, характеризуется более пространными описаниями, в то время как вариант М. А. Хадаханэ лаконичен. В конце сказки в переводе М. Хадаханэ охотник «убил волка наповал», а у М. Г. Ватагина после выстрела охотника «волк упал». Обе версии впоследствии публиковались. При этом перевод М. А. Хадаханэ печатался чаще (7 раз) и входил во все подготовленные ею сборники тувинских сказок, а перевод М. Г. Ватагина после публикации 1971 г. помещался только в сборники сказок народов СССР.

Интересна судьба тувинских сказок «Жадный лама» и «Лисица и охотник», представленных А. Л. Коптеловым в сборнике «Сказки народов Сибири» (Новосибирск, 1949). В обеих сказках отрицательные персонажи (лама и хан) погибают от рук бедняков. Судя по всему, сказки были достаточно сильно литературно обработаны, а их трагическое завершение для персонажей, представлявших угнетателей простого народа, символизировало закономерный итог революционных преобразований. Об этом можно судить, например, по эпитетам, которыми характеризуется лама. На протяжении всего текста подчеркивается его жадность и отсутствие стыда («как и у всякого ламы»). Если в начале сказки бедняки по традиции относятся к нему как к «святому человеку», то в конце сказки называют «хитрым» и «поганым». Последнее объясняется тем, что «Лама сам не работал, а чужую кашу ел»¹.

Сказка «Жадный лама» в 1961 г. вышла под названием «Каша в кувшине», в подготовленном М. А. Хадаханэ сборнике тувинских сказок в Москве. В этом варианте лама тоже погибает, но не от рук простых людей, а задохнувшись от быстрого бега. В 1964 г. в сборнике «Тувинские народные сказки» (Кызыл, 1964) данный сюжет является частью сказки «Лама и суслик». В этой версии лама не погибает, а всего лишь оказывается посрамлен из-за своей жадности. Во всех других изданиях сказка печаталась в варианте, представленном М. А. Хадаханэ в 1961 г. Нужно сказать, что резко отрицательное описание ламы присутствует лишь в тексте, подготовленном А. Л. Коптеловым. Во всех других изданиях лама — это скорее глуповатый и жадный, однако, вполне безобидный персонаж, хотя и символизирующий досоветское прошлое. Такое изменение можно объяснить снижением к началу 1960-х гг. необходимости демонстрировать на примерах фольклора остроту классово-борьбы.

В обработке А. Л. Коптелова тувинские сказки встречаются только в выпущенных в Новосибирске в 1950, 1956 и 1964 гг. переизданиях «Сказок народов Сибири»² и сборнике сибирских сказок «Серебряная книга», вышедшем в 1962 г. в Горно-Алтайске³. Интересно, что в сборнике «Сказки народов Сибири», выпущенным Западно-Сибирским книжным издательством в 1984 г., переводчиком указана М. А. Хадаханэ, но при этом сказка «Лисица и охотник» дословно повторяет текст в обработке А. Л. Коптелова из вышеназванных изданий. Больше сказка «Лисица и охотник» нигде не публиковалась.

Заключение

Появление тувинских сказок в виде русскоязычных книжных сборников стало результатом планомерной реализации советской культурной политики на всей территории государства и в Туве, в частности. Встав на социалистический путь развития еще до вступления в состав СССР, Тува испытывала значительное культурное влияние Советского Союза. После Великой Отечественной войны, в Туве реализовывались типовые для всей страны приемы и методы культурного строительства, мыслившегося советской властью как единый, всесоюзный процесс. Культура и фольклор Тувы были еще очень плохо знакомы русским.

Как мы выяснили ранее, в 1930-х гг. сказки народов Сибири, к примеру, алтайские, нередко переписывались составителями сборников под воздействием жесткой государственной политики памяти, поэтому, к 1950-м гг. их публикации сильно отличались от тех, что выходили в 1920-х гг. (Красильникова, Вальдман, Трояк, 2021). Сказки Тувы не претерпели таких метаморфоз. В 1950-х гг. на русском языке их печатали впервые, прежде всего, чтобы доказать русскоязычным читателям

¹ Сказки народов Сибири... С. 192.

² Сказки народов Сибири / сост. А. Коптелов. Новосибирск: Новосиб. обл. гос. изд-во, 1950; Сказки народов Сибири / сост. А. Коптелов. Новосибирск: Кн. изд-во, 1956; Сибирские сказки / сост. и предисл. А. Л. Коптелова. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1964.

³ Серебряная книга: сибирские сказки / лит. обработка А. Л. Коптелова. Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 1962.

универсальность основного содержания тувинских сказок. Готовя предисловие и комментарии к сказочным изданиям, составители сборников старались следовать актуальным для текущего момента трендам государственной политики памяти.

Однако нельзя не заметить некоторого отставания Тувы от этих трендов. Первые сборники должны были доносить до читателей ранее утвердившуюся в СССР идею выражения сказками смыслов классовой борьбы. Но уже в 1960-х гг. считалось, что с классовой борьбой в стране было покончено, соответственно терялась острота актуальности соответствующих сказок, в числе которых были богатырские. Прошлое репрезентировалось книжными сказками как условно другое в социальном смысле время — отдаленный от современности этап закладки существующих порядков и ценностей, когда добро начало побеждать зло, некогда господствовавшее в мире. При этом, чем дальше, тем сильнее подчеркивалась эта инаковость сказочного прошлого и его отдаленность от настоящего — времени воплощения сказочных мечтаний. Заметно смягчалась сюжетная острота, зафиксированная в самых ранних сказочных текстах на русском языке. В этом можно усмотреть признаки разрыва с фольклорной традицией, усугубление отказа принимать ценность ее самобытности. Составители сборников шли на «облагораживание» сюжетов в расчете на читателя, которому будут непонятны «жестокости», слабо связанные по своему культурному происхождению с формированием универсалистских советских представлений о социальной справедливости. Однако в кызыльских изданиях, даже ориентированных на детей, содержание сказок оставалось ближе к традиционному и не искажалось с учетом возраста аудитории. Это подтверждает уже установленную тенденцию поверхностности изменений духовной культуры Тувы в советское время¹ и во многом показной характер ее трансформаций по советскому сценарию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вчерашняя, И. А. (1955) Тувинские народные сказки // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 3. Кызыл : Тувкнигоиздат. 151 с. С. 136–148.
- Гребнев, Л. В. (1960) Тувинский героический эпос : опыт историко-этнографического анализа. М. : Издательство восточной литературы. 147 с.
- Калзан, А. К. (1971) О тувинской фольклористике // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 15. Кызыл : б. и. 296 с. С. 186–191.
- Красильникова, Е. И., Вальдман, И. А., Трояк, И. С. (2021) Издания алтайских сказок и героических сказаний в контексте конструирования советской политики памяти 1920–1980-х годов // Научный диалог. № 11. С. 235–253. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-235-253>
- Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово : Издательство КемГУКИ. 319 с.
- Кунгаа, М. Б. (2012) Новый сборник сказок на тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 215–216.
- Куулар, Д. С. (1959) О тувинских легендах и преданиях // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 7. Кызыл : б. и. 302 с. С. 134–142.
- Орус-оол, С. М. (2001) Тувинские героические сказания (Текстология, поэтика, стиль). М. : МАКС ПРЕСС. 424 с.
- Орус-оол, С. М. (2011) О тувинской фольклористике: основные направления развития // Российская тюркология. № 1. С. 53–62.
- Орус-оол, С. М. (2019) Полевые исследования фольклора тувинцев-тоджинцев // IV Всероссийский конгресс фольклористов: Тула, 1–5 марта 2018 г. : сб. науч. ст. в 3 т. / сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова ; ред. А. Б. Ипполитова. М. : ГРДНТ имени В. Д. Поленова. Т. 2. Многообразие фольклорных традиций: история и современность. 416 с. С. 197–207.
- Политика памяти в России — региональное измерение (2023) / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН. 471 с.
- Самдан, З. Б. (1987) От фольклора к литературе : (На материале тувин. прозы 40–70-х гг.). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 80 с.

¹ Харунова М. М. Социально-политические преобразования в Тувинской автономной области (1944–1961 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2003. С. 22.

Самдан, З. Б. (2003) Тувинские мифы и сказки: система образов и поэтико-стилевые особенности // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. С. 95–102.

Самдан, З. Б. (2015) Роль научной школы А. К. Калзана в развитии духовной культуры тувинского народа // История науки и техники. № 8. С. 42–50.

Самдан З. Б. (1994) Мир тувинской сказки // Тувинские народные сказки / сост., вступ. ст., подгот. и подстроч. пер. текстов, коммент. и словари З. Б. Самдан. Новосибирск : Наука. 460 с. С. 10–34.

Хадаханэ, М. А. (2008) Очерки тувинской культуры. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 66 с.

Дата поступления: 05.09.2024 г.

Дата принятия: 27.09.2024 г.

REFERENCES

Vcherasnyaya, I. A. (1955) Tuvan folk tales. In : *Uchënye zapiski TNIYALI*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing house. Issue 3. 151 p. Pp. 136–148. (In Russ.).

Grebnev, L. V. (1960) *Tuvan heroic epic: An experience of historical and ethnographic analysis*. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoy literatury. 147 p. (In Russ.).

Kalzan, A. K. (1971) On Tuvan folklore studies. In: *Uchënye zapiski TNIYALI*. Kyzyl, s. n. Issue 15. 296 p. Pp. 186–191. (In Russ.).

Krasil'nikova, E. I., Val'dman, I. A., and Troyak, I. S. (2021) Publications of Altai fairy tales and heroic legends in the context of constructing Soviet memory policy of the 1920s–1980s. *Nauchnyy dialog*, no. 11, pp. 235–253. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-235-253>

Kuzhuget, A. K. (2006) *Spiritual culture of the Tuvans: Structure and transformation*. Kemerovo, Izdatel'stvo KemGUKI. 319 p. (In Russ.).

Kungaa, M. B. (2012) A new collection of fairy tales in the Tuvan language. *New Reserch of Tuva*, no. 4, pp. 215–216. (In Russ.).

Kuular, D. S. (1959) On Tuvan legends and traditions. In: *Uchënye zapiski TNIYALI*. Kyzyl, s. n. Issue 7. 302 p. Pp. 134–142. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2001) *Tuvan heroic legends (Textology, poetics, style)*. Moscow, MAKS Press. 424 p. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2011) On Tuvan folklore studies: Main directions of development. *Rossiyskaya tyurkologiya*, no. 1, pp. 53–62. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2019). Field research on the folklore of the Tuvan-Todzhins. In: *IV All-Russian Congress of Folklorists: Tula, March 1–5 2018: collection of scientific articles: in 3 vol. / comp. V. E. Dobrovol'skaya and A. B. Ippolitova; ed. by A. B. Ippolitova*. Moscow, GRDNT imeni V. D. Polenova. Vol. 2. 416 p. Pp. 197–207. (In Russ.).

Memory policy in Russia — regional dimension (2023). Ed. by A. Miller and D. V. Efremenko. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 471 p. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (1987) *From folklore to literature: Based on Tuvianian prose of the 1940s–1970s*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing house. 80 p. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2003) Tuvan myths and fairy tales: Image system and poetic-stylistic features. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 95–102. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2015) The role of A. K. Kalzan's scientific school in the development of the spiritual culture of the Tuvan people. *Istoriya nauki i tekhniki*, no. 8, pp. 42–50. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (1994). The world of the Tuvianian fairy tale. In: *Tuvan folk tales / comp., introd. art., prep. and word-for-word trans. of texts, comments and glossaries by Z. B. Samdan*. Novosibirsk, Nauka. 460 p. Pp. 10–34. (In Russ.).

Khadakhane, M. A. (2008) *Essays on Tuvan culture*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing house. 66 p. (In Russ.).

Submission date: 05.09.2024.

Acceptance date: 27.09.2024.

DOI: 10.25178/nit.2025.1.3

Статья

Тувинско-хакасские браки и их роль в динамике национального состава населения Хакасии

Елена Е. Тиникова, Надежда Г. Канзычакова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Российская Федерация

В статье представлен анализ влияния миграционных процессов, в частности миграции тувинцев из Тувы в Хакасию, роста числа межнациональных браков на динамику национального состава населения Хакасии. Анализ основан на данных официальной статистики, интервью с экспертами и людьми, состоящими в брачных союзах между тувинцами и хакасами, а также рожденных в них. Интервью проводились в двух российских республиках в июле — августе 2024 г.

Всероссийская перепись населения 2020 г. зафиксировала рост числа тувинцев, проживающих в Хакасии. Если в 2010 г. их насчитывалось 936 чел. (0,2% от общей численности населения Хакасии), то в 2020 г. — уже 2051 чел. (0,5% от общего числа жителей республики).

Наличие семейных связей с жителями Хакасии стимулирует переезд тувинцев в республику как среди молодежи, когда речь идет об образовательной миграции, так и среди лиц среднего и старшего возраста, ориентированных на трудоустройство в республике. Заключение брачных союзов приезжих тувинцев с представителями титульного этноса Хакасии может являться сглаживающим фактором их адаптации в новой социальной среде. Это в свою очередь оказывает стимулирующее влияние на их закрепление в республике. В перспективе это может привести к дальнейшему росту численности тувинцев, проживающих в Хакасии, что значительно повлияет на ее национальный состав.

Ключевые слова: Тува; Хакасия; межнациональный брак; национальный состав; метис; тувинцы; хакасы

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–10040, <https://rscf.ru/project/23-28-10040/>

Для цитирования:

Тиникова Е. Е., Канзычакова Н. Г. Тувинско-хакасские браки и их роль в динамике национального состава населения Хакасии // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 39–47. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.3>

Тиникова Елена Евгеньевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела по международным и межрегиональным связям Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Адрес: 665017, Россия, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 23. Эл. адрес: lena.tinikova@mail.ru

Канзычакова Надежда Германовна — научный сотрудник лаборатории этнопсихологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Адрес: 665017, Россия, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 23. Эл. адрес: kanzychakova.nadia@yandex.ru

TINIKOVA, Elena Evgenievna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of International and Interregional Relations, Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History. Postal address: 23 Shchetinkina St., Abakan, Russia, 665017. E-mail: lena.tinikova@mail.ru ORCID: 0000-0002-5501-8940

KANZYCHAKOVA, Nadezhda Germanovna, Researcher, Laboratory of Ethnopsychology, Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History. Postal address: 23 Shchetinkina St., Abakan, Russia, 665017. E-mail: kanzychakova.nadia@yandex.ru

Article

Tuvan-Khakassia marriages and their role in the dynamics of the national composition of the population of Khakassia

Elena E. Tinikova, Nadezhda G. Kanzychakova

*Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History,
Russian Federation*

The article analyzes the impact of migration processes, particularly the migration of Tuvans from Tuva to Khakassia, and the increasing number of interethnic marriages on the dynamics of the ethnic composition of Khakassia's population. The analysis is based on official statistical data, interviews with experts and individuals in marital unions between Tuvans and Khakassians, as well as those born in such families. The interviews were conducted in two Russian republics in July-August 2024.

The 2020 All-Russian Population Census recorded an increase in the number of Tuvans residing in Khakassia. While in 2010 their number was 936 people (0.2% of the total population), by 2020, it had risen to 2,051 people (0.5% of the total population of the republic).

Family ties with residents of Khakassia stimulate the relocation of Tuvans to the republic, both among young people, in the context of educational migration, and among middle-aged and older individuals seeking employment in the region. The formation of marital unions between incoming Tuvans and representatives of Khakassia's titular ethnic group may serve as a factor facilitating their adaptation to the new social environment. In turn, this has a reinforcing effect on their long-term settlement in the republic. In the future, this process may contribute to the further growth of the Tuvan population in Khakassia, significantly influencing its ethnic composition.

Keywords: Tuva; Khakassia; interethnic marriage; national composition; mestizo; Tuvans; Khakassians

Financing

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-10040, <https://rscf.ru/project/23-28-10040/>

For citation:

Tinikova E. E. and Kanzychakova N. G. Tuvan-Khakassia marriages and their role in the dynamics of the national composition of the population of Khakassia. *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 39-47. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.3>

Введение

Территориальное соседство Тувы и Хакасии, их тесные социально-экономические, культурные, общественные связи, которые уходят вглубь веков, — все это служит прочным фундаментом для дальнейшего межрегионального сотрудничества. Эти же факторы способствуют активному миграционному обмену между двумя субъектами. Еще на рубеже XIX–XX вв. хакасы стали осваивать земли Урянхайского края (Котюшева, 2020). После вхождения Тувы в состав РСФСР миграционный оборот между двумя автономиями стал интенсивнее. В него были втянуты, в том числе и титульные этносы национальных автономий. Согласно последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Тувинской АССР проживало 2258 хакасов, в Хакасии — 521 тувинец¹.

¹ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly — Приложение. Справочник статистических показателей. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=7 (дата обращения: 25.08.2024).

После распада СССР направление миграционных потоков в изучаемом регионе изменилось. Для хакасов, как и многих титульных этносов Сибири, стало характерным «стягивание» в их национальные субъекты. Так, за период с 1989 г. по 2020 г. доля хакасов, проживающих в Хакасии, выросла с 80,1 до 89,9%. Первоначально этот процесс был характерен и для тувинцев: доля проживающих на исторической родине в 1989 г. составляла 96,3%, в 2002 г. — 96,7%. Однако увеличение миграционного оттока тувинцев за пределы республики в XXI в. привело к тому, что в 2020 г. в Туве проживало уже 94,7% всех тувинцев России¹. Миграция тувинцев за пределы республики последние годы привлекает внимание исследователей (Анайбан, 2020; Бадмаева, Натсак, 2021; Кышпанакоев, 2023; Чернышев и др., 2023). Отмечаются такие ее особенности как увеличение масштабов, расширение направлений миграций, рост образовательной миграции, покупка жилья «на перспективу» в соседних регионах.

Обращает на себя внимание также увеличение миграции тувинцев в Хакасию. Всероссийская перепись населения 2020 г. зафиксировала рост числа тувинцев, проживающих в Хакасии. Если в 2010 г. их насчитывалось 936 чел. (0,2% от общей численности населения Хакасии), то в 2020 г. — уже 2051 чел., что соответствует 0,5% от общего числа жителей республики. Тувинцы после русских (356325 чел.), хакасов (55144 чел.), немцев (2831 чел.) стали наиболее многочисленным этносом, официально зарегистрированным на территории республики. При этом большинство из них проживает в городской местности — 1814 чел. (88,4%).

Целью данного исследования является анализ влияния тувинско-хакасских браков на динамику национального состава населения Хакасии, в частности увеличения численности тувинцев, проживающих на территории республики. Рабочая гипотеза исследования строится на утверждении о важной роли тувинско-хакасских браков в указанных процессах. Наличие семейных связей с жителями Хакасии стимулирует переезд тувинцев в республику как среди молодежи, когда речь идет об образовательной миграции, так и среди лиц среднего и старшего возраста, ориентированных на трудоустройство в республике. Заключение брачных союзов приезжих тувинцев с титульным этносом Хакасии может являться сглаживающим фактором их адаптации в новой социальной среде. Это в свою очередь оказывает стимулирующее влияние на их закрепление в республике. В перспективе это может привести к дальнейшему росту численности тувинцев, проживающих в Хакасии, что значительно повлияет на национальный состав ее населения.

Данное исследование основано на материалах официальной статистики, интервью с экспертами и людьми, состоящими в тувинско-хакасских браках, а также их детьми, достигшими совершеннолетнего возраста. Интервью проводились в Туве и Хакасии в июле — августе 2024 г. Всего нами было опрошено девять экспертов (n=9), представляющих вузы, научные общественные организации, региональные СМИ и органы власти Республики Хакасия. Гайд интервью включал в себя два основных блока: оценка миграционных потоков в Туве и миграции тувинцев в Хакасию; характеристика тувинско-хакасских семей через призму языковой, социокультурной, религиозной составляющих, этнической идентичности детей, рожденных в такого рода брачных союзах.

Работа с информантами из тувинско-хакасских семей проводилась методом библиографических интервью, подразумевающим личную и продолжительную беседу в форме полуструктурированных интервью. Было опрошено 7 тувинцев, переехавших в Хакасию в различные годы и заключивших здесь брак с хакасами. Также были взяты интервью у 3 детей, рожденных в тувинско-хакасских семьях.

Статья является продолжением исследований национально-смешанных браков в Республике Хакасия в рамках проекта «Метисация населения как один из ключевых трендов этноэволюционных процессов Хакасии», получившего поддержку Российского научного фонда и Правительства Республики Хакасия (Тиникова 2023, 2024; Лушников 2023; Винокурова 2023; Канзычакова 2024).

Хакасия — «ийи дугаар Тыва» («вторая Тува»)

Миграционная активность жителей Тувы в последние десятилетия растет с каждым годом. Речь идет как о внутрирегиональной, так и внешней (для региона) миграции. Доля мигрантов, выезжающих

¹ Национальный состав населения. Итоги ВПН–2020. Том 5. Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 15.02.2024).

за пределы республики, в общем количестве мигрантов увеличивается особенно динамично: в 2000 г. она составляла 22,2%, в 2010 г. — 29%, в 2020 г. — 51,2%, в 2023 г. — 51,8%¹.

Сегодня, согласно данным последней Всероссийской переписи населения 2021 г., тувинцы проживают практически во всех субъектах Российской Федерации (за исключением Республики Адыгея). Большинство из них вне родной республики оседают в соседних регионах, по данным на 2021 г.: в Красноярском крае — 2719 чел., Республике Хакасия — 2051 чел., Республике Бурятия — 1124 чел., Новосибирской области — 1308 чел., Иркутской области — 990 чел., Кемеровской области — 822 чел., Томской области — 694 чел., а также Москве — 550 чел., Сахалинской области — 508 чел. и Санкт-Петербурге — 439 чел.² Хакасия является третьим регионом в стране по количеству проживающих здесь тувинцев. Только в 2023 г. из Тувы в Хакасию переехали 1391 чел. (21,6% из всех выехавших из Тувы)³.

Исследование миграционных намерений населения Тувы, проведенное в апреле 2023 г. Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, показало, что 32,8% опрошенных жителей Тувы положительно относятся к идее миграции (Натсак, Даржаа, 2023: 201). При этом 43,3% из тех, кто имеет миграционные намерения, планируют выехать за пределы республики. Абакан занимает третью строчку после Новосибирска и Москвы по количеству желающих переехать в этот город (Натсак, Даржаа 2023: 207).

Значительная доля респондентов, планирующих переезд, но еще не определившихся, куда или не желающих отвечать на этот вопрос (17%), наталкивает на мысль о распространенности среди мигрантов стратегии уехать «откуда», а не «куда». Данная стратегия характерна для восточных территорий страны (Винокурова, Ардалянова, Шаривхан 2020). Основные причины, «выталкивающие» жителей Тувы из республики в основном лежат в социально-экономической плоскости (Натсак, Даржаа 2023: 209–212). Это связано с существенным отставанием региона от среднероссийского уровня по основным показателям качества жизни и развития человеческого потенциала (Валиахметов, Туракаев, Абылкаликов, 2023).

По данным нашего исследования, помимо стандартных причин миграции (связанных с образованием, работой, семейными обстоятельствами) для Тувы характерны такие специфические причины, как необходимость решать проблемы снижения высокой долговой нагрузки по кредитам (Натсак, 2022: 182), потребность в безопасности (эксперт, корреспондент, житель Хакасии), существующая клановость (эксперт, профессор, житель Хакасии), отсутствие желания заниматься традиционными видами деятельности (эксперт, преподаватель, житель Хакасии), а также низкая доступность жилья (эксперт, преподаватель, житель Тувы).

Жилищная проблема в Туве остается одной из самых острых проблем региона на протяжении последних десятилетий. Причины этого кроются в одних из самых низких темпах жилищного строительства в стране. По вводу в действие жилых домов на 1000 населения Тува занимает 71 место среди всех регионов России. В условиях дефицита городского жилья для республики характерны высокие рыночные цены на его стоимость (средняя цена за квадратный метр общей площади на вторичном рынке жилья в республике в 1,3 раза в 2021 г. превышала среднероссийский показатель и в 1,5 раза среднесибирский⁴) и покупка недвижимости за пределами региона.

Географическая близость Хакасии, ее привлекательный образ среди жителей Тувы (эксперт, научный сотрудник, житель Тувы), высокие темпы строительства нового жилья в Абакане, что позволяет удерживать относительно невысокие цены на недвижимость в городе, привлекают внимание тувинских мигрантов. Последние годы в Абакане фиксируется «феномен тувинских квартир», когда уроженцы Тувы активно скупают недвижимость в хакасской столице (эксперт, сотрудник Пра-

¹ Число выбывших [Электронный ресурс] // ЕМИСС — Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 24.08.2024).

² Национальный состав населения. Итоги ВПН–2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 15.02.2024).

³ Число выбывших [Электронный ресурс] // ЕМИСС — Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 24.08.2024).

⁴ Жилищное хозяйство в России. 2022: статистический сборник. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13234> (дата обращения: 28.08.2024).

вительства Республики Хакасия, житель Хакасии). При этом зачастую это жилье приобретает не с целью постоянного проживания, а для детей или в качестве вложения денег (Анайбан, 2020: 65). Также Абакан рассматривается некоторыми мигрантами из Тувы как пункт временной дислокации. Транспортная доступность города позволяет не только путешествовать за пределы соседних регионов, но и переселяться в них спустя некоторое время. Переезжая в Абакан, часть мигрантов рассчитывает позже переселиться в более крупные регионы города страны, в том числе Москву, Санкт-Петербург, Новосибирск (эксперт, преподаватель, житель Тувы). В связи с этим неудивительно, что тувинцы, говоря о Хакасии, порой используют выражение «ийи дугаар Тыва» («вторая Тува») (эксперт, научный сотрудник, житель Тувы), а также «Абакан — второй Кызыл» (эксперт, научный сотрудник, житель Тувы).

«Хакасия — дом народов»

Республика Хакасия является полиэтничным регионом, в котором проживает более ста национальностей. Руководство республики уделяет особое внимание сохранению добрососедских отношений между народами и позиционирует Хакасию как «настоящий дом для разных национальностей»¹.

Исследователями отмечается, что жители Хакасии в своем большинстве оценивают межнациональные отношения в республике как благоприятные (Анжиганова, 2018: 215). Рост внешней миграции, по оценкам специалистов, «отчасти сглаживает проблемы взаимоотношений русского и титульного этноса республики» (Аксютин, 2021: 11). Исследование, проведенное ранее авторами статьи — сотрудниками Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 2018 г.², показало, что опасения возможных угроз в сфере межнациональных отношений больше характерны для этнически русских респондентов в сравнении с хакасами (6,4% и 2,5% соответственно). Но в то же время хакасы чаще русских отмечали наличие напряжения в данной сфере (44,4% хакасов и 34,1% русских).

Между тем, миграция оказывает существенное влияние на национальный состав населения региона. За прошедшие десятилетия XXI в. численность хакасов, согласно данным Всероссийских переписей, снизилась на 10 тыс. чел. и составила в 2021 г. всего 55,1 тыс. чел. Последняя перепись зафиксировала не только снижение численности титульного этноса в республике, но и падение ее доли в общей массе населения. Эти процессы вызывают серьезные опасения у экспертов:

«В отличие от тувинцев, которые составляют большинство населения своей республики и, в связи с этим, спокойны, как мамонты, не испытывая угроз ассимиляции, а также алтайцев, представляющих в своем национальном регионе треть населения, и потому сохраняют себя как субъекты, хакасы испытывают на себе стресс меньшинства, уязвимость. Я считаю, что это такая этническая апатия и капитуляция перед всеми миграционными процессами. Вот так мощно мы демонстрируем это, в том числе и через межэтнические браки» (эксперт, профессор, житель Хакасии).

Полевые исследования 2018 г. показывают, что 17,8% опрошенных испытывают боязнь по отношению к тувинцам. Мы не обладаем объективными сведениями о причинах подобного выбора ответов, материалами, свидетельствующими об актуальности этой темы в публичном дискурсе, поэтому нам сложно оценить и дать взвешенные комментарии данным результатам исследования. Следует также отметить, что среди опрошенных респондентов, переехавших жить в Хакасию из Тувы, и заключивших здесь брак с хакасами, среди сложностей адаптации в новой среде ни разу не упоминались проблемы межнационального характера.

Привлекателен Абакан для тувинских мигрантов по разным причинам.

«... Из разговора с врачом скорой помощи, который приехал в Абакан из Кызыла, я понял, что основным мотивом его переезда стала потребность в безопасности. Он рассказывал, что каждый раз, выезжая ночью на вызов, опасался того, что могут прирезать. Хотя, думаю, что привлекают тувинцев здесь в первую

¹ Дом народов: глава Миннацполитики Хакасии Лев Сафьянов — в «Вопресе дня» (06.03.2024) [Электронный ресурс] // Телеканал РТС. URL: <https://tvrts.ru/news/dom-narodov-glava-minnatspolitiki-khakasii-lev-safyanov-v-voprose-dnya/> (дата обращения: 22.08.2024).

² По материалам авторского опроса жителей Хакасии в августе 2018 г. Проведено в пяти городах (Абакан, Черногорск, Саяногорск, Сорск, Абаза) и трех поселках городского типа (Аскиз, Бискамажа, Вершина Теи). Опрошено 1000 чел. Результаты исследования публикуются впервые.

очередь цены на жильё, которые у нас значительно ниже, чем в Кызыле. Здесь выше уровень жизни, больше развита социальная инфраструктура» (эксперт, корреспондент, житель Хакасии).

Ещё одной из причин миграции тувинцев в Хакасию экспертами названа сохраняющаяся в Туве клановость:

«... в Туве очень сложная социальная архитектура. В Хакасии в этом плане значительно проще. Поэтому есть смысл переезда в другой регион, когда ты понимаешь, что твои возможности в карьерном плане на родине ограничены» (эксперт, профессор, житель Хакасии).

Сами тувинские мигранты отмечают:

«Для меня Абакан очень уютный город, тихий, комфортный. Находится близко к нашей республике. Здесь продукты дешевле и выбор больше. Есть железная дорога и аэропорт. Люди здесь доброжелательные» (ж., 33 года).

По оценкам одного из экспертов, на данный момент реальная численность проживающих в Хакасии тувинцев значительно выше официальных статданных и составляет около 5 тыс. чел. (эксперт, преподаватель, житель Хакасии).

Сами мигранты рассказывают:

«Когда я купила квартиру в Абакане, то удивилась, что в нашем районе много тувинцев и машин с 17 регионом¹. Думаю, риелтор по этой причине предложила нам этот район» (ж., 36 лет).

Исследования, позволяющие оценить степень распространенности возвратной миграции среди тувинцев, пока отсутствуют. Однако в целом в последние годы наблюдается тенденция оседания мигрантов на новом месте и их редкое возвращение на родину (Чистанов, Еремин 2021: 100). Обусловлено это изменением состава мигрантов и мотивов их переезда: если раньше в Абакан тувинцы приезжали с образовательными целями, то в последнее время среди мигрантов доминируют люди с профессиональным образованием, нацеленные на трудоустройство в регионе и переезжающие сюда вместе с семьями.

Тувинско-хакасские браки

Рост численности тувинцев в Хакасии может способствовать росту национально-смешанных браков в регионе. Речь, в том числе идет, о брачных союзах между хакасами и тувинцами:

«... конечно, в связи с миграцией в регион тувинцев, гипотетически количество браков между хакасами и тувинцами может расти. Я сам знаком с несколькими подобными семьями, проживающими в Алтайском районе и пригородах Абакана. Но говорить о том, что это какое-то массовое явление пока преждевременно» (эксперт, сотрудник Правительства Республики Хакасия, житель Хакасии).

Принципиально важным вопросом в этой связи является проблема трансляции детям, рожденных в национально-смешанных браках, этнокультурных традиций. В них она ощущается острее, чем в моноэтнических семьях. На эти семьи возлагается особая дополнительная нагрузка в части выполнения ими воспитательной функции, определения содержания и методов инкультурации (этнической социализации) детей, будь это осознанный или неосознанный выбор родителей или лиц старшего поколения. При этом воспитание в национально-смешанных браках не обязательно влечет за собой приобщение к миру двух разных культур.

Все интервьюируемые тувинцы, состоящие в браке с хакасами, владеют тувинским языком, часть из них понимают или даже немного говорят на хакасском языке. Знание или понимание хакасского языка зависит во многом от того, владеет и использует ли его в повседневной жизни супруг/супруга. Однако в качестве языка для внутрисемейного общения в семьях информантов выбирают русский язык. Лишь одна семья из Аскиза, с которыми мы беседовали, показала отличие:

«Дома общаемся на русском и хакасском языках. Дети знают хакасский язык, но больше общаются на русском языке. Родным считают хакасский язык» (м., 45 лет).

Степень владения тувинским языком зависит от плотности общения с тувинскими родственниками:

«В нашей семье трое детей. Старший сын ближе к родственникам мужа, он истинный хакас. А вот двое младших ближе к тувинцам. Они часто ездят со мной в Туву. Сын ездит на коне, говорит на тувинском, сам больше похож на тувинца. Дочка тоже ближе ко мне. Она соблюдает тувинские традиции, знает язык» (ж., 58 лет).

¹ 17 — автомобильный код Республики Тыва.

Любопытно, что во всех опрошенных семьях в повседневную жизнь вплетены элементы культуры двух этносов. Дома готовят национальные блюда, празднуют национальные праздники, соблюдают обычаи и хакасской, и тувинской культур. Возможно, это обусловлено близостью двух этнических культур, способствующей быстрому усваиванию и пониманию традиций друг друга. В то время как в хакасско-русских семьях традиционная хакасская культура реже становится ценностью, которую родители стремятся непременно передать своим детям (Тиникова, 2023: 1568).

Большинство опрошенных тувинско-хакасских семей позиционируют себя в качестве светских. Но при случае «кормят» огонь, окуривают помещения горным можжевельником (*артыш*), по тувинской практике, или богородской травой (*ирбен*), по хакасской практике. Элементы буддийской культуры также порой используются в повседневности:

«Я не очень религиозный человек, но дома у меня есть икона Будды, статуэтка Будды, защита дома от глаза, мешок “счастья” и всякие буддийские украшения. А у мужа иконы свои, где он молится» (ж., 29 лет, тувинка).

Стоит отметить, что среди опрошенных семей в основном преобладают патрилинейные установки выбора этнической идентичности детей. В пяти из семи опрошенных семей информанты заявили о том, что этническая принадлежность ребенка определяется «по отцу». Однако следует подчеркнуть, что в этих семьях отцы являются хакасами. Поэтому есть вероятность того, что в этих случаях на выбор этнической идентичности ребенка накладывает свой отпечаток не только этническая принадлежность каждого из родителей, но и среда (преимущественно хакасская) в которой он воспитывается. Вместе с тем, в некоторых семьях выбирают амбилинейную стратегию этнической идентификации детей:

«Сын все время расспрашивал, кто он. Ему это было интересно. Говорил: “Если папа хакас и живем в Хакасии, то я должен говорить, что хакас. Когда я в Туве, то должен говорить, что я тувинец, раз мама тувинка? Я же не знаю ни хакасского, ни тувинского, что я тогда русский?” Мы ему сказали, чтоб он говорил в Хакасии, что хакас, а в Туве, что — тувинец» (ж., 39 лет).

Таким образом, заключение браков между хакасами и тувинцами не несет в себе угрозы в аспекте размывания этнической идентичности их детей, а, значит, и ассимиляции хакасского этноса. Разделяя позицию сторонников онтологического подхода возникновения национально-смешанных семей (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1999), полагаем, что тувинско-хакасские семьи, проживающие в Хакасии, выполняют одну из главных своих функций — поддержание культурных традиций обоих народов.

С другой стороны, подобные союзы способствуют адаптации приезжающих тувинцев в новой среде. Обрастая новыми родственными социальными связями, они легче усваивают стандарты поведения, принятые в регионе.

Заключение

Процесс переезда тувинцев на постоянное место жительства в Хакасию, набравший обороты в последние годы, оказывает влияние на динамику национального состава населения Хакасии. Заключение браков с жителями республики является одним из факторов их успешной адаптации. По мнению опрошенных экспертов, численность реально проживающих в республике тувинцев значительно выше количества официально зарегистрированных. При этом наличие семейных связей с жителями Хакасии стимулирует переезд тувинцев в республику как среди молодежи, когда речь идет об образовательной миграции, так и среди лиц среднего и старшего возраста, ориентированных на трудоустройство в республике.

В Абакане сегодня формируются целые кварталы, заселенные тувинцами. Однако эксперты указывают, что в связи с тем, что в Хакасию переезжают преимущественно образованные тувинцы, имеющие за плечами определенный социальный багаж и стремящиеся в первую очередь решить вопросы, связанные с трудовой деятельностью, встраивание их в новую социальную среду происходит относительно спокойно. На данном этапе никаких угроз для социально-экономической сферы Хакасии в этой связи не обнаружено. Напротив, приезжающие из Тувы специалисты помогают решить кадровые проблемы в бюджетных отраслях экономики. Прежде всего, речь идет о здравоохранении.

Важно, что в образующихся тувинско-хакасских семьях значительное внимание уделяется воспитанию традиционных хакасских ценностей, уважительному отношению к культуре обоих родителей, а также подчеркивается необходимость усвоения этнической идентификации родителей-хакасов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В. (2020) Современная миграционная ситуация в Республике Тыва // Sciences of Europe. № 49–4 (49). С. 62–66.

Аксютин, Ю. М. (2021) Оценки жителями Хакасии характера межэтнического взаимодействия в постсоветский период (по данным социологических исследований) // Актуальные вопросы социально-экономического и культурного развития Республики Хакасия (1991–2021): Материалы Региональной научно-практической конференции, посвященной 30-летию образования Республики Хакасия, Абакан, 11 ноября 2021 года / отв. ред. Н. С. Майнагашева Абакан : Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова. 228 с. С. 8–12.

Анжиганова, Л. В. (2018) Принимающее сообщество и трудовые мигранты Республики Хакасия: риски и перспективы взаимодействия // Миграционные процессы в Сибири: народы, культуры, государственная политика: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции / под ред. М. А. Жигуновой, И. И. Кротта. Омск : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский центр КАН». 328 с. С. 212–222.

Арутюнян, Ю. В., Дробижина, Л. М., Суколов, А. А. (1999) Этносоциология. М. : Аспект Пресс. 271 с.

Бадмаева, Н. В., Натсак О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Валиахметов, Р. М., Туракаев, М. С., Абылкаликов, С. И. (2023) Этнический фактор развития человеческого потенциала Калмыкии и Тувы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 111–124. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.8>

Винокурова, А. В. (2023) Место и роль метисации в процессе регионального этнодемографического развития (на примере Республики Хакасия): к постановке проблемы // Общество: социология, психология, педагогика. № 12 (116). С. 32–37. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2023.12.3>

Винокурова, А. В., Ардалянова, А. Ю., Шаривхан, Ж. (2020) Уехать «куда» или «откуда»: условия жизни и миграционные стратегии жителей дальневосточного российско-китайского приграничья // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 4 (55). С. 7–15. DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-4/7-15>

Канзычакова, Н. Г. (2024) Межэтнические семьи Республики Хакасия: выбор этнической идентичности // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 26–29 июня 2024 года / отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова. Казань : Академия наук Республики Татарстан. 224 с. С. 84–86.

Котюшева, Т. Е. (2020) Архивные документы по вопросам переселения хакасов в Урянхайский край в конце XIX — начале XX в. // Новые исследования Тувы. № 2. С. 213–223. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.15>

Кышпанак, В. А. (2023) Динамика расселения коренных народов Саяно-Алтая по территории России (по данным переписей 2010 и 2020 гг.) // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 4 (40). С. 13–22. DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2023.4.40.002>

Лушникова, О. Л. (2023) Этническое самосознание в межнациональных браках: проблема метисации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 10. С. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.92.38.021>

Натсак, О. Д. (2022) Финансово-экономические стратегии тувинских семей (по материалам социологических исследований) // Власть. Т. 30. № 1. С. 180–190. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8803>

Натсак, О. Д., Даржаа, Ч. Б. (2023) Миграционные намерения населения Республики Тыва: направления, причины и мотивы // Азиатские исследования: история и современность. № 2–3. С. 193–219. DOI: <https://doi.org/10.24412/2782-6139-2023-6-7-193-219>

Тиникова, Е. Е. (2023) Метисация хакасов как фактор ассимиляции коренного населения Хакасии // Oriental Studies. Т. 16. № 6. С. 1562–1571. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-70-6-1562-1571>

Тиникова, Е. Е. (2024) Этносоциальные процессы в Республике Хакасия: динамика и тенденции развития (по материалам экспертного опроса) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 1 (68). С. 11–19. DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/11-19>

Чернышев, К. А., Митягина, Е. В., Чернышева, Н. В., Петров, Е. Ю. (2023) Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодежи // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>

Чистанов, М. Н., Еремин Л. В. (2021) Современные городские диаспоры: факторы социальной динамики (на примере тувинской диаспоры в г. Абакане) // Гуманитарный вектор. Т. 16. № 5. С. 99–105. DOI: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-99-105>

Дата поступления: 30.08.2024 г.

Дата принятия: 24.09.2024 г.

REFERENCES

- Anayban, Z. V. (2020) The modern migration situation in the Republic of Tuva. *Sciences of Europe*, no. 49–4, pp. 62–66. (In Russ.).
- Aksyutin, Yu. M. (2021) Assessments by the inhabitants of Khakassia of the nature of interethnic interaction in the post-Soviet period (based on sociological research data). In: *Current issues of socio-economic and cultural development of the Republic of Khakassia (1991–2021)*: Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference dedicated to the 30th anniversary of the Republic of Khakassia. Ed. by N. S. Maynagasheva. Abakan, V. M. Torosov Khakass Book Publishing House. 228 p. P. 8–12. (In Russ.).
- Anzhiganova, L. V. (2018) The host community and labor migrants in the Republic of Khakassia: risks and prospects of interaction. In: *Migration processes in Siberia: peoples, cultures, state policy*: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Ed. by M. A. Zhigunova and I. I. Krott. Omsk, Izdatel'skiy tsentr KAN. 328 p. Pp. 212–222. (In Russ.).
- Arutyunyan, Yu. V., Drobizheva, L. M. and Susokolov, A. A. (1999) *Ethnosociology*. Moscow, Aspekt Press. 271 p. (In Russ.).
- Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, sociocultural, and gender aspects. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>
- Valiakhmetov, R. M., Turakaev, M. S. and Abylkalikov, S. I. (2023) Ethnic factor in the development of human potential in Kalmykia and Tuva: a comparative analysis. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 111–124. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.8>
- Vinokurova, A. V. (2023) The place and role of mestization in the process of regional ethnodemographic development (on the example of the Republic of Khakassia): problem statement. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, no. 12(116), pp. 32–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2023.12.3>
- Vinokurova, A. V., Ardalyanova, A. Yu. and Sharivkhan, Zh. (2020) Leaving “where” or “from where”: living conditions and migration strategies of residents of the Russian Chinese borderlands. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, no. 4(55), pp. 7–15. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-4/7-15>
- Kanzachakova, N. G. (2024) Interethnic families in the Republic of Khakassia: choice of ethnic identity. In: *Positive experience in regulating ethnosocial and ethnocultural processes in the regions of the Russian Federation*: Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Ed. by G. F. Gabdrakhmanova. Kazan, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 224 p. Pp. 84–86. (In Russ.).
- Kotysheva, T. E. (2020) Archival documents on the resettlement of the Khakas people to the Uryankhai region in the late 19th – early 20th century. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 213–223. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.15>
- Kyshpanakov, V. A. (2023) Dynamics of settlement of indigenous peoples of Sayano-Altai on the territory of Russia (based on the data of the censuses of 2010 and 2020). *Scientific Review of Sayano-Altai*, no. 4 (40), pp. 13–22. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2023.4.40.002>
- Lushnikova, O. L. (2023) Ethnic self-awareness in interethnic marriages: the problem of mestization. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 10, pp. 28–32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.92.38.021>
- Natsak, O. D. (2022) Financial and economic strategies of Tuvan families (based on sociological research). *Vlast'*, no. 30(1), pp. 180–190. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8803>
- Natsak, O. D. and Darzhaa, Ch. B. (2023) Migration intentions of the population of the Republic of Tuva: directions, reasons and motives. *Asian Studies: History and Modernity*, no. 2-3, pp. 193–219. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2782-6139-2023-6-7-193-219>
- Tinikova, E. E. (2023) Mestization of the Khakass people as a factor of assimilation of the indigenous population of Khakassia. *Oriental Studies*, no. 16(6), pp. 1562–1571. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-70-6-1562-1571>
- Tinikova, E. E. (2024) Ethno-social processes in the Republic of Khakassia: dynamics and development trends (based on the materials of the expert survey). *Oikumena. Regional Studies*, no. 1 (68), pp. 11–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-1/11-19>
- Chernyshov, K. A., Mityagina, E. V., Chernyshova, N. V. and Petrov, E. Yu. (2023) Scale and directions of educational migration of Tuvan youth. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>
- Chistanov, M. N. and Eremin L. V. (2021) Modern urban diasporas: factors of social dynamics (on the example of the Tuvan diaspora in Abakan). *Gumanitarny Vector*, vol. 16, no. 5, pp. 99–105. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-5-99-105>

Submission date: 30.08.2024.

Acceptance date: 24.09.2024.

DOI: 10.25178/nit.2025.1.4

Статья

Модели семей и семейные ценности в дискурсе СМИ Тувы

Тамара К. Ростовская

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН;

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Екатерина Н. Васильева, Оксана В. Кучмаева

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Российская Федерация

В статье характеризуются модели семей и семейные ценности жителей Республики Тыва, которые транслируются в местных СМИ. Источником анализа выступают выпуски тематической передачи «Семейный портрет» телеканала «Тува 24» 2024 г., которая стала выходить в рамках мероприятий Года семьи в России.

Семьи, принявшие участие в программе, характеризуются как молодые семьи (заключили брак, реализовали репродуктивные планы в период до 35 лет). Они могут называться многопоколенными семьями, так как в них несколько поколений участвует в воспитании детей, отмечаются тесные межличностные связи, забота о старшем поколении. По количеству детей представлены многодетные, двудетные, однопородные, в том числе с не полностью реализованными репродуктивными планами. В семьях реализуются партнерские и амбивалентные отношения между супругами (мужчина — глава семьи, но женщина участвует в принятии решений).

Отмечено, что этнокультурные традиции титульного этноса Республики Тыва — тувинцев — влияют на повседневные практики не только тувинских семей, но и межэтнических семей. Передача транслирует целый ряд ценностей, важных для общероссийского дискурса: патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, крепкая семья, созидательный труд, взаимопомощь и взаимоуважение, преемственность поколений, единство народов России и пр.

Ключевые слова: современная семья; семейная ценность; семейная традиция; повседневная практика; родитель; Республика Тыва; тувинцы; русские Тувы; межнациональный брак

Для цитирования:

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., Кучмаева О. В. Модели семей и семейные ценности в дискурсе СМИ Тувы // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 48-62. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.4>

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; директор Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. Адреса: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: rostovskaya.tamara@mail.ru

Васильева Екатерина Николаевна — доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1. Эл. адрес: vasilevaen@yandex.ru

Кучмаева Оксана Викторовна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1. Эл. адрес: kuchmaeva@yandex.ru

Family models and family values in Tuva media discourse

Tamara K. Rostovskaya

*Institute of Demographic Studies, Federal Research Sociological Centre, Russian Academy of Sciences;
RUDN University, Russian Federation,*

Ekaterina N. Vasilieva, Oksana V. Kuchmaeva

*Institute of Demographic Studies of the Federal Research Sociological Centre
of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The article characterizes family models and family values of the residents of the Republic of Tuva as represented in local mass media. The source of analysis includes episodes of the thematic television program “Family Portrait”, broadcast on the Tuva 24 channel in 2024, as part of the activities of the Year of the Family in Russia.

The families participating in the program are characterized as young families (those who married and fulfilled their reproductive plans before the age of 35). They can be classified as multigenerational families since multiple generations participate in child-rearing, with strong interpersonal bonds and care for the older generation being noted. In terms of the number of children, the families include large families, two-child families, and single-child families, some of which have not fully realized their reproductive plans. The relationships between spouses are described as both partnership-based and ambivalent (with the man as the head of the family, but the woman also participating in decision-making).

It is noted that the ethnocultural traditions of the titular ethnic group of the Republic of Tuva — the Tuvans — influence the daily practices not only of Tuvan families but also of interethnic families.

The program conveys a range of values important to the all-Russian discourse: patriotism, civic responsibility, service to the Fatherland and accountability for its future, strong family bonds, constructive labor, mutual assistance and respect, intergenerational continuity, the unity of the peoples of Russia, etc.

Keywords: *modern family; family value; family tradition; everyday practice; parent; Republic of Tuva; Tuvans; Russians of Tuva; interethnic marriage*

For citation:

Rostovskaya T. K., Vasilyeva E. N. and Kuchmaeva O. V. Family models and family values in Tuva media discourse. *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 48-62. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.4>

ROSTOVSKAYA, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, Institute of Demographic Studies, Federal Research Sociological Centre, Russian Academy of Sciences; Director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University. Postal addresses: 6/1 Fotieva St., 119333, Moscow, Russia; 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1629-7780

VASILYEVA, Ekaterina Nikolaevna, Doctor of Sociology, Associate Professor, Chief Scientific Associate, Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Centre, Russian Academy of Sciences. Postal address: 6/1 Fotieva St., 119333, Moscow, Russia. E-mail: vasilevaen@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0460-5539

KUCHMAEVA, Oksana Viktorovna, Doctor of Economics, Professor, Chief Scientific Associate, Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Centre, Russian Academy of Sciences. Postal address: 6/1 Fotieva St., 119333, Moscow, Russia. E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0386-857X

Введение

Стратегии современных семей характеризуются гибким подходом к выбору жизненного пути, множеством различных стилей жизни, что определяет разные модели семей. Многообразие моделей российских семей обусловлено многими факторами, в том числе этнической культурой, местом проживания, внутренними установками и т. д. Это побуждает государство к поиску индикаторов общности российских семей, а также к поиску новых форм и мер семейной политики, направленных на сохранение и укрепление семейных ценностей, престижа семьи и семейного образа жизни, признающих общественную и личную значимость семейной жизни, учитывающих потребности различных групп населения.

Теоретическая интерпретация понятия «современная семья» позволяет выделить два подхода к объяснению данного понятия. Во-первых, это семья современников. Во-вторых, это семья, обладающая специфическими чертами, отличными, например, от «патриархальной семьи» (Гурко, 2020; Елисеева, 2020). В этом отношении необходимо обозначить, какие признаки, кроме базового — семьи современников — можно использовать, чтобы классифицировать семьи как современные? Актуальность данного вопроса растет, т. к. основой единства российского общества провозглашены «традиционные ценности» и «крепкая семья»¹. Еще один важный вопрос: как реализуются в повседневных практиках также обозначенные в документах «уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии» и «культурно-исторический опыт» многонационального народа России?

В Указе Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года семьи» от 22 ноября 2023 г. № 875² Правительству было поручено разработать и утвердить план основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года семьи. В план мероприятий включен пункт «Создание тематического контента в рамках духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи, продвижения семейных ценностей, поддержки детства и материнства»³. В документе утверждено два показателя эффективности реализации мероприятий в рамках проведения в Российской Федерации Года семьи, в том числе продвижение позитивных публикаций в средствах массовой информации и социальных сетях на тему семьи, традиционных семейных ценностей⁴. Для того, чтобы реализовать запланированные мероприятия, специалисты, работающие в СМИ (средства массовой информации) отбирают для участия в программе крепкие семьи. В процессе интервью информанты рассказывают о повседневных практиках своих семей.

СМИ являются источником информации о том, как формируется и как проявляется общественное мнение, т.к. общественное мнение является одним из регуляторов поведения, влияет на повседневные практики, ценностные установки и ориентации. Выделяют целенаправленное влияние СМИ на общество посредством политической коммуникации (Отрощенко, 2017: 41; Ростовская, Васильева, 2022). При этом можно сопоставить, какие образы, установки и ценности транслируют официальные СМИ, какие — агенты влияния через неофициальные СМИ, а также выделить социальные группы, которые формируются на базе средств массовой коммуникации (в социальных сетях) для обмена информацией, организации дискуссий и т. д. Группы бывают как открытыми, так и закрытыми, а создаваемый ими контент, по значимым для участникам вопросам, является источником эмпирической информации (Карпикова, Артамонова, 2018; Бадмацыренов, Хандаров, Бадараев, 2020; Боргоякова, Лопсан, 2024; и др.).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Правительство России. 2022, 9 ноября. URL: <http://government.ru/docs/all/144022/> (дата обращения: 12.08.2024).

² Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года семьи» от 22 ноября 2023 года № 875 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ol7h1jN3jzDnvgTCwVT2XTokT6lI4Org.pdf> (дата обращения: 12.08.2024).

³ План основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года семьи (утвержден 26 декабря 2023 г. №21515-П45-ТТ) [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/an2QCdQNdArpxg3AFBO2ZqO4a3uAjoEI5.pdf> (дата обращения: 12.08.2024).

⁴ Там же.

В настоящем исследовании использовался метод качественного анализа контента СМИ, имеющего представительство как на официальном сайте, так и на разных площадках сети Интернет. В качестве источника информации были отобраны тематические передачи «Семейный портрет», выходившие в 2024 г., на одном из телеканалов Республики Тыва — «Тува 24»¹.

Актуальность исследования определяется тем, что статистические данные показывают, что в республике выросло число разводов и число матерей-одиночек, поэтому особенно важно, как формируется и интерпретируется образ семьи населением, как транслируется через СМИ. В научных публикациях показаны разрывы между ценностными образами главы семьи и реальными практиками (Натсак, 2021, 2022); между традициями и практиками воспитания детей (Доржу, 2018).

Обзор литературы

Признаки современных семей (кровно-родственные связи, общность бюджета и жилища, характер отношений между супругами и характер внутрисемейных отношений) выделены в работе И. И. Елисейевой (Елисейева, 2020). Автор показывает эволюцию понятия «современная семья», отмечает, что основным типом семьи является нуклеарная семья (одна брачная пара) с несовершеннолетними детьми, которую можно рассматривать как основную семью. Она подчеркивает, что современная семья не всегда предполагает официальную регистрацию брака, т. к. это является последствием декларации свободных отношений в советское время, не всегда семья имеет в собственности жилье, ведет общий бюджет и т. д. Важно, что, определяя семью как современную, мы можем наблюдать разные типы отношений между супругами (патриархальные, эгалитарные, амбивалентные (взаимодействие ситуативно)) и внутрисемейных отношений (патриархальные, супружеские, детоцентристские, амбивалентные). Подробнее понятие амбивалентность обосновано в работе Т. А. Гурко (Гурко, 2020).

В то же время можно констатировать, что большой вклад в исследование традиционных семейных ценностей вносят работы, раскрывающие специфику современных семейных отношений в межэтнических семьях (Афзали, Кучмаева, Ростовская, 2022; Доржу, 2019), в семьях титульных народов этнических регионов России (Бурханова, 2015; Ондар Л., Ондар А.-А., 2016; Хасбулатова, 2018; и др.); работы, описывающие трансформацию семейных ценностей в русской семье (Пушкарева, 1996), «советской семье» (Володина, 2013: Электр. ресурс) и «российской семье» (Вишневецкий, 2008; Дементьева, 2004).

Современное тувиноведение имеет значительный задел исследований культурно-исторических процессов формирования и функционирования семьи в Республике Тыва. В работах М. Б. Кенин-Лопсана в едином комплексе рассматривается традиционная культура тувинцев (Кенин-Лопсан, 2006), собраны данные о традициях и обрядах. Не все обряды сегодня реализуются в повседневных практиках тувинцев, а некоторые обряды трансформировались (напр.: Дагылга: тувинские ... , 2021). В советское время вышли научные труды, в которых описываются социально-демографические характеристики семей, проживающих в Туве (Гончарова, Биче-оол, 1981; Козлов, 1982; и др.).

Состав и традиции семей определялись этническим составом населения. Традиционная семья тувинцев была многофункциональной социальной группой, выполнявшей хозяйственную и общественную функции (Биче-оол, 2018; и др.). С появлением и ростом численности представителей других этносов в Туве (Козлов, 1982: 90–120), прежде всего русских, в регионе стали распространяться и межэтнические браки. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г. национальный состав населения Республики Тыва: 88,66% тувинцы, 10,12% русские, 1,22% — другие этносы. В 2024 г. на сайте Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва размещено эксклюзивное издание «Семьи республики Тувы»², однако в публикации нет информации о количестве интернациональных семей в Туве. Соответственно современные семьи, проживающие в Республике Тыва, не являются однородным явлением, они включают в себя разные характеристики — культурно-исторические, социально-демографические, ценностные, а межнациональная среда позволяет разным культурам взаимнообогащаться.

¹ Телеканал «Тува 24». Главная страница [Электронный ресурс] // «Тува 24». <https://tyva24.ru> (дата обращения: 12.08.2024).

² Семьи Республики Тыва [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: [https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Семьи%20Республики%20Тыва\(1\).pdf](https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Семьи%20Республики%20Тыва(1).pdf) (дата обращения: 12.08.2024).

Выделим основные направления исследования семей, проживающих в Туве, на которые мы будем опираться в процессе эмпирического исследования. Во-первых, работы, определяющие место семьи в системе ценностных ориентаций населения и молодежи (Гончарова, Савельев, 2004; Кужугет, 2019; Куулар, 2020; Ламажаа, 2021ab; Ондар, Доспан-оол, 2017; Ростовская и др., 2024; Трошкина, Ойдул, Дилекова, 2024). Во-вторых, работы, анализирующие тувинскую обрядовую сторону заключения брака, реализации социальных семейных практик на разных этапах семейной жизни (Даш, 2018; Ламажаа, Майны, 2020; Майны, 2021; Майны, Ламажаа, 2022; и др.). В-третьих, исследования этнокультурных традиций народа, лежащих в основе воспитания детей (Волков, Салчак, Шаалы, 2009; Доржу, 2018; Кара-оол, 2015; Тарбастаева, 2010; Хурен-оол, 2018; Шаалы, 2020; и др.). В-четвертых, работы, в которых характеризуются роли мужчин и женщин во внутрисемейных отношениях и социальной практике (Доржу, 2016; Натсак, 2021, 2022; Монгуш, 2019; Салчак, 2020; Седен, 2012; и др.).

«Семейный портрет» на телеканале «Тува 24»

Наше исследование включало анализ контента программы «Семейный портрет», открытой в ряду мероприятий Года семьи. Выборка выпусков программы формировалась целенаправленно (см. таб. 1). Критерии отбора были следующие: открытый доступ выпуска (часть выпусков опубликована на официальном сайте телеканала «Тува 24», часть — на официальной странице телеканала «Тува 24» в социальной сети ВКонтакте); наличие среди героев программы как минимум одной семейной пары, кроме выпуска 10 (супруг был на работе, но выпуск включен как пример многодетной семьи с десятью детьми); место постоянного проживания семейной пары — городская или сельская местность Республики Тыва; язык повествования — преимущественно программа на русском языке.

Таблица 1. Выпуски телепередачи «Семейный портрет» телеканала Тува 24 2024 г., выложенные в открытом доступе¹

Table 1. Issues of the TV programme “Family Portrait” of Tuva TV channel 24 2024, posted in open access

Выпуски	Комментарии	Доступ
№ 1	Семья проживает в городе: супруг, супруга, трое детей.	https://vk.com/video-54122259_456253176
№ 2	Семья проживает в сельской местности: супруг, супруга, четверо детей.	https://vk.com/video-54122259_456253243
№ 3	Семья проживает в городе: супруг, супруга, пятеро детей, на передаче присутствовали родители обоих супругов.	https://vk.com/video-54122259_456253389
№ 4	Семья проживает в сельской местности: супруг, супруга, пятеро детей, бабушка.	https://vk.com/video-54122259_456253446
№ 5	Семья проживает в городе: интернациональная семья, супруг тувинец и супруга бурятка, сын с женой, две внучки.	https://vk.com/video-54122259_456253514
№ 6 от 11 марта 2024 г.	Семья проживает в городе: супруг, супруга, двое детей.	https://tyva24.ru/news/8743.tv
№ 10 от 22 апреля 2024 г.	Семья проживает в сельской местности: супруга, десять детей, супруг не присутствовал, был на работе.	https://tyva24.ru/news/8801.tv

¹ У ряда выпусков, видеозаписи которых размещены ВКонтакте, не указана точная дата выхода.

№ 12 от 28 мая 2024 г.	Семья проживает в сельской местности: супруг, супруга, пятеро детей, бабушка (русская семья).	https://vk.com/video-54122259_456254270
№ 14 от 1 июля 2024 г.	Семья проживает в городе: интернациональная семья, супруг, супруга, двое детей, присутствовали родители супруга, сестра супруга с двумя детьми и мама супруги.	https://tyva24.ru/news/9306.tv
№ 15 от 15 июля 2024 г.	Семья проживает в городе: супруг, супруга, двое взрослых детей — сын и дочь (армянская семья).	https://tyva24.ru/news/9405.tv
№ 17 от 2 августа 2024 г.	Семья проживает в сельской местности: супруг, супруга, трое детей, внук, на программе присутствовала бабушка, младший брат супруга, зять.	https://tyva24.ru/news/9511.tv
№ 18 от 16 сентября 2024 г.	Семья проживает в сельской местности: супруг, супруга, четверо детей, внуки.	https://tyva24.ru/news/9842.tv
№ 19 от 14 октября 2024 г.	Семья проживает в городе: интернациональная семья (супруг тувинец, супруга хакаска), четверо детей.	https://tyva24.ru/news/10066.tv

Выпуски телепередачи «Семейный портрет» (рис. 1) построены как интервью ведущего программы со всеми участниками передачи. Первый вопрос традиционно задается главе семьи (мужчине, хозяину дома), кроме выпуска № 15, в котором снимается семья известной тувинской журналистки, но и в этом случае слово сразу передается главе семьи, и выпуска № 10, где глава семьи отсутствовал.

План интервью включает следующие вопросы: представьте свою семью, где родились, где учились, как вы познакомились со своей супругой, как ухаживали за супругой, как приняли решение создать

Рис. 1. Заставка телепередачи «Семейный портрет» телеканала «Тува 24».
Fig. 1. Screensaver of the TV programme “Family Portrait” on Tuva 24 TV channel.

семью, кем работаете, почему выбрали эту профессию, как воспитываете детей, как отдыхаете, что можете пожелать, посоветовать молодым семьям в Год семьи (в некоторых случаях пожелать в Год здоровья)? Таким образом, за время программы формируется понимание повседневных практик современной семьи.

В ходе исследования систематизировались дискурсы, связанные с означенными в Указе Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года семьи» от 22 ноября 2023 года № 875 ценностями: «патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»¹. Также фиксировались дискурсы, показывающие повседневные практики современных семей жителей Тувы.

Визуальные образы и повседневные практики в семьях жителей Тувы

Анализ видеоряда позволяет сделать выводы не только на основе фиксирования текста речи, но и на основе систематизации визуальных образов. Можно констатировать, что ценности исторической памяти и преемственности поколений показываются в видео через трансляцию фотографий семьи, встроенных в видеоряд, а также могут присутствовать в кадре в виде хоо (фотостенда), также фотографии могут выступать оберегом (Ламажаа, Майны, Кужугет, 2024).

Так, в выпуске с семьей участника специальной военной операции (СВО), супруга просит дочь принести фотографию супруга и демонстрирует важность священных ритуалов защиты:

— Все обряды сделали, все обереги, защиту ставили ... И когда он уехал, в теплое всемя я с детьми все священные места города, нашей республики... Всегда молились не только за своего мужа, но за всех наших ребят. И у нас такой оберег (просит дочь принести оберег), мы каждое утро, у нас традиция, мы его можевельником... Эта фотография, если я на дальнюю дорогу уезжаю, я всегда с собой беру... Я детей всегда учила, мы когда спать собирались... Сели на кровати и все начали молиться. Помолвились, потом легли спать. Просыпаемся — чай с молоком, выхожу, прошу у духов своих... чтоб охранили, защитили. И вот так каждый день пока... (выпуск № 1, супруга).

В некоторых выпусках видно, что на стенах комнаты, в которой проводится запись беседы, размещены религиозно-культурные предметы, стены украшены традиционными орнаментами. В качестве признаков трансляции ценности «преемственность поколений» можно рассматривать фотографии членов семьи в традиционной тувинской одежде. В ряде случаев все члены семьи или только самые старшие (супруг и супруга или бабушки) одеты во время записи передачи в традиционную тувинскую одежду.

Ценности «коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение», «приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость» и «крепкая семья» сочетаются с практиками многопоколенной семьи, а также реализуются через крепкие семейные связи, которые прослеживаются, когда на передаче присутствуют не только супруги и их дети, но и родители супругов, их братья или сестры, в некоторых случаях с семьями. Например, выпуск № 18 показывает многопоколенную семью не глазами младшего поколения, пригласившего родителей на запись передачи, а глазами старшего поколения, пригласившего на запись передачи детей с супругами и/или детьми. Присутствуют рассказы о расширенных семейных встречах, в том числе о родовых сборах:

— Всегда, когда каникулы, приезжают дети моих братьев, сестер... (выпуск № 2, супруг);

— Очень большое влияние на наших детей имеет в целом наша большая семья, наши родители, наши бабушки, наши дети даже имеют возможность общаться с прабабушкой, общались с прадедами... Всегда говорю детям, что вы очень счастливые, что имеете возможность общаться с такими замечательными людьми (выпуск № 3, супруга);

— Ну, сколько бы я не развивался, все равно за советом к нему (примечание — к отцу) приду (выпуск № 15, сын);

¹ Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года семьи» от 22 ноября 2023 года №875 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/017h1jN3jzDnvgTCwVT2XTokT6lI4Org.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).

— На родовые сходы ездим по папиной линии <...> Несколько раз ездили в Хакасию, у них есть родовые сходы (выпуск № 19, супруг).

Видно, что для жителей Тувы важна ценность «созидательный труд», который показан как через визуальные образы: зрителям показывается хозяйство семьи (огород, животные), так и в обсуждениях на соответствующие темы.

— Мы прививаем традиционные ценности. Я всегда видел, как трудится мой отец, как трудится моя мама... Труд — это самое главное. ... Мы стараемся, чтобы наши дети были сопричастны событиям семейным, чтобы понимали — для чего что-то происходит (выпуск № 3, супруг);

— В нашей семье детей мы с детства приучали к труду, практически с первого класса девочки все домашние работы выполняли, когда они подросли, мы стали их обучать нашим традиционным обычаям (выпуск № 3, мама супруги);

— Нас с детства приучали к труду (выпуск № 12, супруга);

— Мои родители для меня очень большой пример, потому что они очень трудолюбивые, они прямо с юности работают (выпуск № 17, дочь).

В программе показано, как ресурсозатратная профессия мужчины-супруга накладывает повышенную ответственность на женщину-супругу. Так, врач-реаниматолог с напряженным графиком работы отмечает — хорошо, что:

— ... когда ты на дежурстве, знаешь, что дети накормлены, сыты, в тепле (выпуск № 6, супруг).

В то же время супруга врача-реаниматолога тоже работает. В представленных выпусках практически нет кейсов, где жена была бы только домохозяйкой. Так, в выпуске № 10 участвует мама десятерых детей, имеющая стаж работы в Почте России.

В проанализированных выпусках формируется образ ребенка-помощника, которым гордятся его родители. Это могут быть как достижения в учебе, спорте, творчестве, так и ситуации, когда ребенок становится на защиту слабых, родители показывают гордость, если дети приучены к труду и умеют ухаживать за хозяйством, помогают семье, защищают слабых.

Отношение к рождению детей у тувинцев показано в следующем высказывании:

— У нас, у тувинцев, один, два — это мало (выпуск № 17, супруг, отвечая на вопрос, что он думает о том, что некоторые семьи говорят, что достаточно одного-двух детей).

Отношение к многодетности других этнических групп в выпусках не показано, в то же время русская семья, принявшая участие в программе — многодетная, а родители, у которых единственный ребенок, активно включены в воспитание двух внуков (выпуск № 5).

Отдельно рассматривался вопрос о том, какое влияние обычаи оказывают на формирование семей. Преимущественно супруги, принявшие участие в записи выпусков, были знакомы с детства или познакомились в период получения школьного, профессионального или высшего образования. Для семей, принявших участие в программе, характерен достаточно быстрый переход от романтических отношений к брачно-семейным. Это обусловлено тем, что для большинства тувинской молодежи, как показывают исследования, материальное положение будущего супруга/супруги не так важно, как ценные личные качества (Ондар, Доспан-оол, 2017). Не всегда совместное проживание начинается с заключения брачного союза; сегодня вполне распространено, что дети рождаются, а брак еще не заключен:

— В 2018 году поженились, долго ходила невестой я (выпуск № 3, супруга);

— Через три месяца стали вместе жить <...> Когда поступили в вуз, уже были дети (выпуск № 3, супруга).

Показательно высказывание главы русской семьи:

— Через месяц посватались. Был у меня опыт, отношения были затянуты и ни к чему не привели (выпуск № 12, супруг).

Причем такая практика — *анаа олуржуп алган улус*, когда люди просто начинали жить вместе, была принятой и ранее у тувинцев.

В анализируемых программах мужчина представлен в романтический период как активный актер, готовый взять на себя ответственность за семью, а потом, как глава семьи, которого слушаются дети:

— Когда папа посмотрит, все все поняли (выпуск № 12, супруга);

— Больше всего меня в нем зацепили такие качества как... Прежде всего верность своему слову, надежность <...> Поженились мы через год (выпуск № 14, сестра супруга).

Практика совместного проживания без регистрации брака была распространена и у русских в раннее советское время (Елисеева, 2020), и у народов, исповедующих ислам (обряд *никах*, который не всегда сопровождается заключением брака в органах ЗАГС). В современных семьях наблюдаются разные стратегии, как откладывание официальной регистрации и презентации союза, так и полный цикл подготовки и исполнения свадебных обрядов:

— Был период дружбы. Потом, как принято в нашем народе, у нас были «просины руки». Было очень красивое мероприятие... по всем традициям проведено было. Тогда официально мы стали женихом и невестой... Это было зимой, а летом у нас состоялась свадьба. Но так как я еще училась, то через несколько дней я вынуждена была уехать, продолжать учебу (выпуск 3, супруга).

Герои передач подчеркивают, что главное в их семье:

— ... это терпение и уважение друг к другу (выпуск № 15, супруга).

Передачи показывают, что визуальные образы являются отражением традиционных семейных ценностей. Кроме фотографий, предметов религиозного культа во многих семьях на стене комнаты, в которой проходила запись передачи, были размещены грамоты и дипломы детей, участвующих в спортивных соревнованиях, творческих конкурсах.

Герои передач демонстрируют взаимодействие разных поколений как в процессе приучения к труду, так и процессе организации семейных встреч, в уважении к труду профессиональному, домашнему, детскому (включая учебу, участие во внешкольных творческих и спортивных проектах, помощь родителям). Указанные ценности влияют на повседневные практики заключения брака и подготовку к рождению детей, распределение домашних обязанностей и выполнение трудовых задач. Воспитание детей показано как совместный процесс нескольких поколений, а дети, воспитанные в уважении к старшим, являются примером выдержки — не перебивают взрослых, спокойно присутствуют на записи программы или удаляются для того, чтобы поиграть самостоятельно или под надзором старших детей.

Многие семьи, по типологии И. И. Елисеевой (Елисеева, 2020), можно назвать детоцентристскими, но они и амбивалентные (дети выходят на первый план, если это необходимо; если же важнее в конкретный период отношения или работа супругов, то дети должны уважать приоритет заботы о другом члене семьи). Воспитание в семьях, показанных в программах «Семейный портрет», направлено на формирование не ребенка-иждивенца, а ребенка, которым смогут гордиться родители, многопоколенная семья.

В тувиноведении есть важные работы, посвященные отношению тувинцев к детям (Доржу, 2018; Ламажаа, 2021а; Хурен-оол, 2018; и др.). Авторы подчеркивают, что у тувинского народа не было в обычаях унижать достоинство внебрачного ребенка, как это было принято во многих европейских культурах, укоренялись обычаи усыновления детей и др. обряды, показывающие ценность детей в тувинском обществе. В то же время в некоторых интервью информанты отмечают рост иждивенческих практик, сформированных, если ребенок получает все, что пожелает, не прикладывая усилий. Семьи не являются детоцентричными в том числе потому, что родители совмещают воспитание детей с профессиональной занятостью, а старшее поколение помогает в воспитании детей.

Воспитание уважения к другим народам и формирование патриотизма

Ценность «единство народов России» показана в выпусках о семьях не титульных этносов Республики Тыва и в выпусках об интернациональных семьях:

- Мы воспитаны в духе интернационализма, патриотизма (выпуск № 14, отец супруга);
- У родителей есть близкие друзья, несколько семей тувинцев, с которыми мы дружим уже давно (выпуск № 15, дочь);
- Мать у нас бурятка. Сейчас тоже вот активно в городе Кызыле, в республике, проходят землячества бурятов. Так как я полубурят, полутувинец, то с супругой ходим постоянно на землячество бурятское (выпуск № 14, супруг).
- Да, действительно у нас очень такая интернациональная семья... Мы совмещаем все вместе, особенно я... Так как был начальником по охране общественного порядка в г. Кызыле... Что Шагаа — я участвовал везде во всех мероприятиях, что православные праздники — Пасха, Крещение, Радоница. Порой у меня даже супруга не посещает сколько церковь, как я посещаю (выпуск № 14, супруг).

Проживая в Туве, представители не титульных этносов, даже если не вступают в интернациональный брак, все равно адаптируются к важным для тувинцев обычаям и традициям через постоянное общение, ежедневное взаимодействие. Так ведущая выпуска № 15 отметила, что на столе хозяев есть *хаан* 'кровяная колбаса':

— У нас есть *хаан*, наши друзья-тувинцы приедут... Мы варим, они нас научили, мы сами делаем уже *хаан*. Мы любим, да (выпуск № 15, супруга).

Эти же элементы культуры — традиционные блюда, обычаи, язык — являются основой сохранения культуры любой другой семьи в Туве:

— Дети к нам приезжают, бабушка национальные бурятские блюда готовит — *буузы* (выпуск № 14, отец супруга);

— Сагаалган отмечаем (бурятский праздник. — *Авт.*) (выпуск № 14, супруг);

— Каждый человек должен знать свой родной язык, это обязанность человека, это язык матери (выпуск № 15, супруг).

Представителям не титульных этносов необходимо прилагать усилия, чтобы сохранить собственную культуру, включаться в деятельность соответствующих общественных организаций (в выпуске № 12 супруга отмечает, что русские женщины организовали хор и исполняют русские народные песни), учить язык, если родной язык не тувинский и не русский. Освоение другой культуры всегда связано с усилием, научением, не равнодушием акторов:

— Когда я начала работать, я сомневалась... <думала> что я не смогу, что мне будет тяжело, потому что все равно очень сложно привыкнуть к тувинской культуре, потому что, когда ты работаешь журналистом, ты должен вникать в каждую тему. Это опять же имена и фамилии, должности, районы, но я благодаря этой работе объехала всю республику (выпуск № 15, дочь).

Важным фактором единства жителей Тувы является природа. Семьи отмечают, что любят природу родного края, озера, горы, ценят целительную силу источников:

— Лечиться с родителями ездили к Кара-Суу в Аржан-Суу (целебный минеральный источник. — *Авт.*) (выпуск № 1, супруг);

— Самое любимое у нас место — озеро Кара-Холь (выпуск № 17, супруг).

Ценности патриотизма, служения Отечеству и ответственность за его судьбу также передаются через визуальные образы — военные, полицейские на записях передачи одеты в соответствующую форму; зрителям показываются армейские фотографии. В то же время ценности «гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу» показаны как составляющие многих сфер профессиональной деятельности — строительства, медицины, искусства и др. Информанты рассказывают, как выбрали профессию, что гордятся выбранным делом, тем, что получили образование и помогли получить образование детям, что внуки продолжают учебу после окончания школы.

Заключение

В результате исследования изучены модели современной семьи, освещенные в одном из тувинских СМИ. Семьи, принявшие участие в программе, можно охарактеризовать по критериям возраста заключения брака, как «молодые семьи». Это семьи, которые заключили брак, реализовали репродуктивные планы в период до 35 лет. Вторая важная модель — это «многопоколенная семья». Не обязательно члены семьи проживают в одном домохозяйстве, многопоколенность — это участие нескольких поколений в воспитании детей, тесные межличностные связи, забота о старшем поколении.

Модели семьи по критерию количества детей в семье представлены многодетными семьями, двухдетными, однодетными. В то же время показано, что у части семей репродуктивные планы полностью не реализованы. По критериям, выделенным И. И. Елисеевой (Елисеева, 2020), модели объединяет следующий признак современной семьи — в семьях реализуются партнерские и амбивалентные отношения между супругами (мужчина — глава семьи, но женщина участвует в принятии решений).

В процессе анализа контента СМИ мы выявили показатель «социальная включенность семьи», который предлагаем включить в число критериев современной семьи. Включенность в социальные процессы, а не только во внутрисемейную жизнь, определяется наличием образования у супругов, профессиональной занятостью членов семьи (работающие отец и мать), а также реализацией стратегии ответственного родительства.

Таким образом, модели современной семьи, транслируемые тувинскими СМИ, разные. Их объединяет ряд характеристик: ориентация на семейный образ жизни, уважение к старшим, ценность труда, сохранение культуры этноса, сочетающаяся с открытостью культурам других этносов, воспроизводство гармоничных брачных и детско-родительских отношений.

Перспективой продолжения данного исследования может стать анализ образов современной семьи, проживающей в Туве, в других СМИ, в социальных сетях, а также опросы, позволяющие оценить распространенность выделенных характеристик современной семьи и их оценку, в общественном мнении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афзали, М., Кучмаева, О. В., Ростовская, Т. К. (2022) Российско-иранские кросс-культурные браки: социологический анализ // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 2. № 3. С. 59–70. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.5>

Бадмацыренов, Т. Б., Хандаров, Ф. В., Бадараев, Д. Д. (2020) Российский буддизм и социальные медиа: тувинские буддийские онлайн-сообщества ВКонтакте // Новые исследования Тувы. № 4. С. 120–134. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.9>

Биче-оол, С. М. (2018) Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период. Абакан : Журналист. 128 с.

Боргоякова, Т. Г., Лопсан, А. (2024) П. Гендерная проблематика в тувинском Интернет-дискурсе // Новые исследования Тувы. № 4. С. 46–60. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.4>

Бурханова, Ф. Б. (2015) Брак и семья у башкир // Социологические исследования. № 8 (376). С. 66–74.

Вишневский, А. Г. (2008) Эволюция российской семьи. Кризис семейных ценностей с исторической точки зрения // Экология и жизнь. № 7. С. 4–11.

Волков, Г. Н., Салчак, К. Б., Шаалы, А. С. (2009) Этнопедагогика тувинского народа. Кызыл : Билиг. 211 с.

Володина, Н. А. (2013) Советская семья под контролем государства: 1917–1930-е гг. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. № 5 URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10628> (дата обращения: 12.06.2024).

Гончарова, Г. С., Савельев, Л. Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск : Нонпарель. 288 с.

Гончарова, Г. С., Биче-оол, С. М. (1981) Структура и функции городской семьи // Городское население Тувинской АССР : Опыт социол. исслед. / отв. ред. В. И. Бойко. Новосибирск : Наука. 223 с. С. 34–45.

Гурко, Т. А. (2020) Понятие амбивалентности в изучении семейных отношений // Социологические исследования. № 2. С. 63–73. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008526-1>

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : ООО Изд-во «Офсет». 188 с.

Даш, Л. А. (2018) Обряд приучения матери к ребёнку в традиционной тувинской семье // Проблемы социально-экономического развития Сибири. № 1 (31). С. 82–86.

Дементьева, И. Ф. (2004) Трансформация ценностных ориентаций в современной российской семье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 1 (6–7). С. 150–160.

Доржу, З. Ю. (2019) Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Туве (на примере национально-смешанных семей) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 144–156. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>

Доржу, М. Д. (2016) Об усилении роли мужчины-отца в тувинской семье // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12–1. С. 201–203.

Доржу, М. Д. (2018) Актуальность воспитания детей добротой и взаимопомощи в современных тувинских семьях // Мир науки, культуры и образования. № 5 (72). С. 321–323.

Елисеева, И. И. (2020) Основная семья: предыстория и перспективы // Демографическое обозрение. Т. 7. № 4. С. 6–35. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12042>

Кара-оол, Ч. А. (2015) Детский фольклор периода младенчества в традиционной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 130–135.

Карпикова, И. С., Артамонова, В. В. (2018) Привлечение аудитории к цифровым СМИ с помощью элементов геймификации // Вопросы теории и практики журналистики. Т. 7. № 4. С. 599–614. DOI: [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7\(4\).599-614](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(4).599-614)

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 230 с.

Козлов, В. И. (1982) Национальности СССР. Этнодемографический обзор. 2-е изд. М. : Финансы и статистика. 303 с.

Кужугет, А. К. (2019) Тувинская семья: традиции и трансформация // Учёные записки ТИГПИ. Вып. XXII. Кызыл : ТИГПИ. С. 240–253.

Куулар, С. В. (2020) Исследование представлений о семейных ценностях у тувинской молодежи // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. Вып. 4. № 1 (59). С. 6–13. DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-0458-2020-10026>

Ламажаа, Ч. К. (2021a) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Ламажаа, Ч. К. (2021b) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. Т. 13. № 2. С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б., Кужугет, Ш. Ю. (2024) Тувинский семейный фотоальбом: социальные практики создания и хранения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. Т. 23. № 1. С. 86–97. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-86-97>

Майны, Ш. Б. (2021) Семейный обряд *хылбык дой* городских тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 76–88. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.6>

Майны, Ш. Б., Ламажаа, Ч. К. (2022) Тувинская традиция передачи старых детских вещей *эргинди* // Oriental Studies. Т. 15. № 5. С. 1050–1063. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-63-5-1050-1063>

Монгуш, А. М.-О. (2019) Мужчина в гендерных взаимодействиях в традиционном тувинском обществе // Genesis: исторические исследования. № 6. С. 19–26. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.6.30122>

Натсак, О. Д. (2021) Особенности гендерной асимметрии в современной тувинской семье // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 2. С. 120–143. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143>

Натсак, О. Д. (2022) Распределение гендерной власти в современной тувинской семье // Теория и практика общественного развития. № 2. С. 28–36. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.3>

Ондар, Л. М., Ондар, А.-А. А. (2016) Подходы к изучению тувинской семьи в тувиноведении // Современные наукоемкие технологии. № 7–1. С. 177–180.

Ондар, Л. М., Доспан-оол, Д. В. (2017) Представления тувинской студенческой молодежи о семье и браке // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 1 (15). С. 72–80. DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2017-1-72-80>

Отрощенко И. В. (2017) Вхождение Тувы в состав СССР: альтернативные мнения // Новые исследования Тувы. № 4. С. 36–76. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.4.3>

Пушкарева, Н. Л. (1996) Русская семья X–XVII вв. в контексте «новой» и «традиционной» демографической истории // Этнографическое обозрение. № 3. С. 66–79.

Ростовская, Т. К., Васильева, Е. Н. (2022) Освещение семейно-демографической политики в СМИ: результаты всероссийского исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 27. № 1. С. 236–248. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.20>

Ростовская, Т. К., Золотарева, О. А., Васильева, Е. Н., Накисбаев, Д. В. (2024) Студенческая семья глазами тувинской молодежи // Новые исследования Тувы. № 2. С. 225–242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.14>

Салчак, А. М. (2020) Особенности образа отца младших подростков в Республике Тыва // Человеческий капитал. № 9 (141). С. 232–243. DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2020.09.21>

Седен, А. В. (2012) Гендерные различия в представлениях тувинской молодежи о семье и браке // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. С. 54–57.

Тарбастаева, И. С. (2010) Тувинская семья — традиции и современность // Новые исследования Тувы. № 2. С. 259–267.

Трошкина, И. Н., Ойдуп, Т. М., Дилекова, С. Д. (2024) Семейные ценности населения Республик Южной Сибири в оценках алтайцев, тувинцев, хакасов (по данным социологического исследования 2022 г.) // Новые исследования Тувы. №1. С. 166–183. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.11>

Хасбулатова, З. И. (2018) Этикет и культура поведения чеченцев как основа нравственной культуры в семейных отношениях в XIX — начале XX в. // Культура и цивилизация. Т. 8. № 2А. С. 137–144.

Хурен-оол, С. Х. (2018) Трудовое воспитание детей в тувинской семье // Сибирский педагогический журнал. № 2. С. 66–71.

Шаалы, А. С. (2020) Духовно-нравственное воспитание школьников на традиционных семейных ценностях тувинского народа // Мир науки, культуры, образования. № 3 (82). С. 310–311. DOI: <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00555>

Дата поступления: 06.11.2024 г.

Дата принятия: 12.12.2024 г.

REFERENCES

Afzali, M., Kuchmaeva, O. V. and Rostovskaya, T. K. (2022) Russian-Iranian cross-cultural marriages: sociological analysis. *DEMIS. Demographic Research*, no. 2(3), pp. 59–70. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.5>

Badmatsyrenov, T. B., Khandarov, F. V. and Badaraev, D. D. (2020) Russian Buddhism and social media: Tuvan Buddhist online communities on VKontakte. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 120–134. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.9>

Biche-ool, S. M. (2018) *Traditional marriage and family relations among the Tuvans and their transformation in the Soviet period*. Abakan, Zhurnalist. 128 p. (In Russ.)

Borgoyakova, T. G. and Lopsan, A. P. (2024) Gender issues in Tuvan Internet discourse. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 46–60. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.4>

Burkhanova, F. B. (2015) Marriage and family among the Bashkirs. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 66–74. (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (2008) Evolution of the Russian family. Crisis of family values from a historical perspective. *Ecology and Life*, no. 7, pp. 4–11. (In Russ.)

Volkov, G. N., Salchak, K. B. and Shaaly, A. S. (2009) *Ethnopedagogy of the Tuvan people*. Kyzyl, Bilig. 211 p. (In Russ.)

Volodina, N. A. (2013) The Soviet family under state control: 1917–1930s. *Modern Problems of Science and Education*, no. 5 [online] Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10628> (access: 12.06.2024). (In Russ.)

Goncharova, G. S. and Saveliev, L. Ya. (2004) *Marriage and family relations among the peoples of Siberia: problems, trends, perspectives*. Novosibirsk, Nonparel. 288 p. (In Russ.)

Goncharova, G. S. and Biche-ool, S. M. (1981) Structure and functions of the urban family. In: *Urban Population of the Tuvan ASSR: Experience of Sociological Research* / Ed. by V. I. Boyko. Novosibirsk, Nauka. 223 p. Pp. 34–45. (In Russ.)

Gurko, T. A. (2020) The concept of ambivalence in the study of family relationships. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 63–73. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008526-1>

Dagylga: Tuvan rites of blessing in the 21st century (2021) / Ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ.)

Dash, L. A. (2018) The rite of accustoming the mother to the child in the traditional Tuvan family. *Problems of Socio-Economic Development of Siberia*, no. 1, pp. 82–86. (In Russ.)

Dementieva, I. F. (2004) Transformation of value orientations in the modern Russian family. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, no. 1, pp. 150–160. (In Russ.)

Dorzhu, Z. Yu. (2019) Interethnic interaction between Russians and Tuvans in Soviet and post-Soviet Tuva (based on the example of mixed-national families). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 144–156. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>

Dorzhu, M. D. (2016) Strengthening the role of the father in the Tuvan family. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, no. 12–1, pp. 201–203. (In Russ.)

Dorzhu, M. D. (2018) The relevance of raising children in kindness and mutual assistance in modern Tuvan families. *World of Science, Culture, and Education*, no. 5, pp. 321–323. (In Russ.)

Eliseeva, I. I. (2020) The nuclear family: prehistory and prospects. *Demographic Review*, no. 7 (4), pp. 6–35. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12042>

Kara-ool, Ch. A. (2015) Children's folklore of the infancy period in the traditional culture of the Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 130–135. (In Russ.)

Karpikova, I. S. and Artamonova, V. V. (2018) Engaging audiences in digital media using gamification elements. *Journalism Theory and Practice*, no. 7 (4), pp. 599–614. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7\(4\).599-614](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(4).599-614)

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditional culture of the Tuvans*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 230 p. (In Russ.)

Kozlov, V. I. (1982) *Nationalities of the USSR: Ethnodemographic Review* (2nd ed.). Moscow, Finance and Statistics. 303 p. (In Russ.)

Kuzhuget, A. K. (2019) The Tuvan family: Traditions and transformation. *Scientific Notes of TIGPI*. Kyzyl, TIGPI. Issue XXII. Pp. 240–253. (In Russ.)

Kuular, S. V. (2020) A study of Tuvan youth's perceptions of family values. *Bulletin of Tuva State University. Pedagogical Sciences*, no. 4 (1), pp. 6–13. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-0458-2020-10026>

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Children for Tuvans: Changes in attitudes in sociocultural transformations. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Main issues in studying kinship and kinship groups of modern Tuvans: Documentation, terminology, and kinship maintenance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2020) Tuvan wedding rituals: From establishing family ties to social presentation. *Oriental Studies*, no. 13 (2), pp. 405–421. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Lamazhaa, Ch. K., Mainy, Sh. B. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2024) Tuvan family photo albums: Social practices of creation and preservation. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*, no. 23(1), pp. 86–97. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-1-86-97>

Mainy, Sh. B. (2021) The family rite *khylyk doi* of urban Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 76–88. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.6>

Mainy, Sh. B. and Lamazhaa, Ch. K. (2022) The Tuvan tradition of passing down old children's items (*ergindi*). *Oriental Studies*, no. 15(5), pp. 1050–1063. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-63-5-1050-1063>

Mongush, A. M.-O. (2019) The role of men in gender interactions in traditional Tuvan society. *Genesis: Historical Research*, no. 6, pp. 19–26. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.6.30122>

Natsak, O. D. (2021) Features of gender asymmetry in the modern Tuvan family. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, no. 2, pp. 120–143. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-2-18-120-143>

Natsak, O. D. (2022) Distribution of gender power in the modern Tuvan family. *Theory and Practice of Social Development*, no. 2, pp. 28–36. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.3>

Ondar, L. M. and Ondar, A.-A. A. (2016) Approaches to the study of the Tuvan family in Tuvan studies. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, no. 7–1, pp. 177–180. (In Russ.)

Ondar, L. M. and Dospan-ool, D. V. (2017) Ideas of Tuvan student youth about family and marriage. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Pedagogical Review*, no. 1 (15), pp. 72–80. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2017-1-72-80>

Otroshchenko, I. V. (2017) The entry of Tuva into the USSR: alternative opinions. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 36–76. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.4.3>

Pushkareva, N. L. (1996) The Russian family of the 10th–17th centuries in the context of “new” and “traditional” demographic history. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 66–79. (In Russ.)

Rostovskaya, T. K. and Vasilieva, E. N. (2022) Coverage of family and demographic policy in the media: results of a nationwide study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 27, no. 1, pp. 236–248. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.20>

Rostovskaya, T. K., Zolotareva, O. A., Vasilieva, E. N. and Nakisbaev, D. V. (2024) The student family through the eyes of Tuvan youth. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 225–242. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.14>

Salchak, A. M. (2020) Features of the father's image in younger adolescents in the Republic of Tyva. *Chelovecheskiy kapital*, no. 9 (141), pp. 232–243. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25629/HC.2020.09.21>

Seden, A. V. (2012) Gender differences in Tuvan youth's ideas about family and marriage. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 54–57. (In Russ.)

Tarbastaeva, I. S. (2010) The Tuvan family – traditions and modernity. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 259–267. (In Russ.)

Troshkina, I. N., Oidup, T. M. and Dilekova, S. D. (2024) Family values of the population of the Republics of Southern Siberia in the assessments of Altaians, Tuvans, and Khakasses (based on the 2022 sociological research). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 166–183. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.11>

Khasbulatova, Z. I. (2018) Etiquette and culture of behavior of the Chechens as the basis of moral culture in family relations in the 19th – early 20th centuries. *Kultura i tsivilizatsiya*, vol. 8, no. 2A, pp. 137–144. (In Russ.)

Khuren-ool, S. Kh. (2018) Labor education of children in the Tuvan family. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*, no. 2, pp. 66–71. (In Russ.)

Shaaly, A. S. (2020) Spiritual and moral education of schoolchildren based on traditional family values of the Tuvan people. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, no. 3 (82), pp. 310–311. DOI: <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00555> (In Russ.)

Submission date: 06.11.2024.

Acceptance date: 12.12.2024.

DOI: 10.25178/nit.2025.1.5

Статья

Религиозная ситуация в Туве: проблемы, направления и перспективы (по материалам западных исследований XXI в.)

Татьяна В. Излученко*Сибирский федеральный университет; Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Российская Федерация,***Денис Н. Гергилев***Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»; Сибирский федеральный университет, Российская Федерация,***Елена П. Мамышева***Сибирский федеральный университет, Российская Федерация*

В статье представлена авторская классификация опубликованных в начале XXI в. трудов западных исследователей, посвященных религиозной ситуации в постсоветской Туве. Проведенный анализ позволил выявить сложившиеся тенденции к изучению многообразия религиозного опыта местного населения. Несмотря на присутствие в регионе религиозных объединений, принадлежащих к различным религиозным традициям, научно-исследовательский интерес неизменно вызывают шаманские практики. Сопутствующая изменениям в политико-правовой сфере институализация шаманизма актуализировала изучение трансформации религиозной жизни тувинцев, взаимодействия шаманов с буддийским духовенством.

Авторами выявлены и охарактеризованы следующие направления. В обзорных исследованиях Ф. Уолтерса, Э. Поппе, Б. Донахо рассматриваются особенности религиозного ландшафта Тувы, тенденции развития местных верований и тибетского буддизма, их трансформацию в постсоветских реалиях. В отдельных исследованиях шаманизма (Е. Фридман, К. Хамфри, Г. Линдквист, К. Зорбас) анализируется влияние досоветских духовных элементов на процесс возрождения шаманских практик. В других работах (П. Брамвел, Т. Левин, К. Пегг) актуализируется этномузикальная составляющая шаманизма и местных песнопений (фольклора), подчеркиваются анимистический характер и взаимодействия тувинцев с окружающим миром. Особо выделены когнитивные работы (К. Ван Дьюзен, Б. Пуржицкий, Ч. Степанофф, Т. Михаэль, М. Стельмажик, Б. Кристерсон), рассматривающие становление специфики местного религиозного сознания, онтологических представлений и деятельности шамана как социального актора, коммуницирующего с духами и обеспечивающего социальный миропорядок. Исследования шаманистско-буддийского синтеза представлены трудами Д. Харрисона, К. Пименовой, А. Ольшгегель, в которых предпринимается попытка выявить общее и особенное в сложившемся религиозном синкретизме между шаманизмом и буддизмом.

Ключевые слова: Тува; тувинцы; постсоветская Тува; религиозная ситуация; шаманизм; буддизм; история религии

Для цитирования:

Излученко Т. В., Гергилев Д. Н., Мамышева Е. П. Религиозная ситуация в Туве: проблемы, направления и перспективы (по материалам западных исследований XXI в.) // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 63-77. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.5>

Излученко Татьяна Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского федерального университета; старший научный сотрудник лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук». Адреса: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79; 660036, Россия, г. Красноярск, Академгородок, д. 50. Эл. адрес: izluchenko@mail.ru

Гергилев Денис Николаевич — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»; заведующий кафедрой истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета. Адреса: 660036, Россия, г. Красноярск, Академгородок, д. 50; 660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, д. 79. Эл. адрес: turilak@yandex.ru

Мамышева Елена Петровна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета. Адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79. Эл. адрес: sozor@mail.ru

Article

Religious situation in Tuva: problems, directions and prospects (based on the materials of Western studies of the XXI century)

Tatiana V. Izluchenko

*Siberian Federal University; Krasnoyarsk Research Centre, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Russian Federation,*

Denis N. Gergilev

*Krasnoyarsk Research Centre, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences;
Siberian Federal University, Russian Federation,*

Elena P. Mamysheva

Siberian Federal University, Russian Federation

The article presents the author's classification of works by Western researchers published in the early 21st century that focus on the religious situation in post-Soviet Tuva. The analysis has made it possible to identify established trends in the study of the diversity of religious experiences among the local population. Shamanic practices consistently attract scientific research interest, despite the presence of religious organizations in the region that belong to various religious traditions. The modern institutionalization of shamanism has highlighted the need to study the transformation of the religious life of Tuvans, the interaction between shamans and Buddhist clergy.

The authors have identified and characterized the following research directions. In overview studies by F. Walters, E. Poppe, and B. Donahoe, the features of Tuva's religious landscape, trends in the development of local beliefs and Tibetan Buddhism, and their transformation in post-Soviet realities are examined. In specialized studies on shamanism (E. Friedman, C. Humphrey, G. Lindquist, K. Zorbas), the influence of pre-Soviet spiritual elements on the revival of shamanic practices is analyzed. Other works (P. Bramwell, T. Levin, K. Pegg) highlight the ethnomusical component of shamanism and local chants (folklore), emphasizing their animistic nature and the interaction of Tuvans with the surrounding world. Particular attention is given to cognitive studies (K. Van Deusen, B. Purzycki, C. Stephanoff, T. Michael, M. Stelmazik, B. Christerson), which explore the formation of the specificity of local religious consciousness, ontological representations, and the role of the shaman as a social actor who communicates with spirits and ensures social order. Studies on shamanic-Buddhist synthesis are represented by the works of D. Harrison, K. Pimenova, and A. Olschlegel, who attempt to identify the common and unique aspects of the religious syncretism between shamanism and Buddhism.

Keywords: Tuva; Tuvans; post-Soviet Tuva; religious situation; shamanism; Buddhism; history of religion

For citation:

Izluchenko T. V., Gergilev D. N. and Mamysheva E. P. Religious situation in Tuva: problems, directions and prospects (based on the materials of Western studies of the XXI century). *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 63-77. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.5>

IZLUCHENKO, Tatiana Vladimirovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Siberian Federal University; Senior Researcher, Laboratory of Historical and Socio-Economic Research of Siberia and Central Asia, Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal addresses: 79 Svobodny av., 660041, Krasnoyarsk, Russia; 50 Akademgorodok, 660036, Krasnoyarsk, Russia. E-mail: izluchenko@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5644-301X

GERGILEV, Denis Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Head, Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Siberian Federal University. Postal addresses: 50 Akademgorodok, 660036, Krasnoyarsk, Russia; 79 Svobodny Ave., 660041, Krasnoyarsk, Russia. E-mail: turilak@yandex.ru

 MAMYSHEVA, Elena Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Siberian Federal University. Postal address: 79 Svobodny av., Krasnoyarsk, 660041, Russia. E-mail: sozor@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1620-5679

Введение

В условиях современного общества проблема социетальной безопасности, заключающаяся в сохранении устойчивого развития традиционных форм культуры, религии, языка и укреплении самобытности общества, приобретает свою актуальность по причине ее связи с этнокультурной идентичностью (Roe, 2021: 221–235). Для проведения исследований, акцентирующихся на взаимодействии различных культур на определенной территории с ограниченным внешним влиянием, Тува представляет уникальные возможности. Она является своеобразным перекрестком не только в экологическом и политико-административном, но языковом и религиозном планах. На ее территории, выступающей пограничьем, трансграничьем, лимитрофной зоной между цивилизациями, происходит формирование исключительной социокультурной общности кочевников, шаманистов и буддистов (Ламажаа, 2021: 179–180).

На развитие религиозной ситуации, специфику возрождения традиционных верований влияют, в первую очередь, местные факторы, обусловленные этнической идентичностью, хозяйственной деятельностью, картиной мира этноса и политической историей. Согласно закону Республики Тыва от 1 апреля 1995 г. № 253 «О свободе совести и религиозных организациях» к традиционным конфессиям в регионе отнесены шаманизм, буддизм и православие¹. Нами под «религиозной ситуацией» понимаются исторически сложившиеся на определенной территории межрелигиозное взаимодействие и модель государственно-религиозных отношений. Традиционными представляются религиозные верования, передаваемые от поколения к поколению местного населения, отражающие идентификационные ориентиры и институализирующие, формализирующие религиозный опыт.

С конца XX в. Тува стала местом притяжения различных зарубежных исследователей (этнолингвистов, фольклористов, антропологов, историков), получивших в результате изменений политической ситуации возможность проведения полевых работ (Монгуш, 2010). Предметами их исследований стали социокультурная специфика постсоветского пространства, механизмы возрождения религиозной жизни, межэтническое и межрелигиозное взаимодействие, музыка, в частности горловое пение. Однако в рамках имеющей место быть тенденции к исследованию шаманизма, наибольший интерес был связан с местными традиционными верованиями (шаманские практики, анимизм). На волне популярности такого рода социальных практик тувинские шаманы приглашались в разные страны мира «для оказания услуг по запросам», выполняя лечебно-оздоровительные функции, обеспечивая информационное сопровождение духовных семинаров и делясь своим трансцендентным опытом (Харитоновна, 2018: 55–57). Институтом социальной антропологии им. Макса Планка г. Халле (Германия) в рамках научного семинара «К оценке религиозной ситуации в Сибири и соседних регионах» был обозначен спектр вопросов: нешаманизм, религиозная ситуация в Сибири и необходимость соответствующих теоретических разработок². Популяризации тувинского шаманизма способствовала деятельность физика Р. Лейтона, вдохновленного своим коллегой Р. Фейнманом и создавшего объединение «Друзья Тувы (Friends of Tuva)» (1989). Этнограф Х. Лаппалайнен организовал проведение Международного симпозиума по изучению шаманизма в Туве (1993)³.

Целью данной статьи является выявление направлений в западных исследованиях начала XXI в., посвященных религиозной ситуации в Туве, согласно предмету исследования, примененной методологии и практической ориентации. Фокус нашей работы определяется востребованностью дальнейшего проведения анализа трудов западных исследователей в области культурной и социальной антропологии, основывающегося на новых теоретико-методологических подходах и специальных аналитико-типологических исследованиях. Анализ и характеристика передовых научных методологических разработок применительно к местной религиозной специфике позволят в даль-

¹ Закон Республики Тыва от 1 апреля 1995 г. № 253 «О свободе совести и религиозных организациях» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Информационно-правовое обеспечение Гарант+. URL: <https://base.garant.ru/28700018/?ysclid=m1rckcme9d336893791> (дата обращения: 02.10.2024).

² Балалаева О. Э., Харитоновна В. И. Научный семинар. К оценке религиозной ситуации в Сибири и соседних регионах [Электронный ресурс] // Этнографическое обозрение Online. 2007. URL: https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/2007/01/eoarchive_eoo2007_1d.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

³ Ночным камланием на священной горе открылся Второй международный симпозиум по шаманству [Электронный ресурс] // ИА «Туваонлайн». 2003, 11 августа. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2003/08/11/second-symposium.html> (дата обращения: 15.10.2024).

нейшем использовать полученные данные и апробированные принципы для развития академической базы тувиноведения.

Методы и материалы исследования

Проведенный анализ опубликованных исследований западных ученых основывался на теоретико-методологических принципах функциональной стилистики, требующих изучения текста в системной речевой организации с учетом экстралингвистических факторов научной коммуникации (Баженова, 2018: 54). Посредством когнитивно-дискурсивного подхода в варианте авторизационной модели научного текста были выявлены речевые единицы, ответственные за хранение, переработку и презентацию научного знания в виде авторской концепции, обусловленной картиной мира исследователя. Текст рассматривался как эвристическая величина, коммуникационный акт, обусловленный мотивами, целями и ожидаемыми результатами познавательной деятельности (Гричин, 2020). Выделенный аксиологический аспект эпистемологической ситуации указывал на оценочную квалификацию, отражающую «критичность научного мышления, способность и готовность субъекта к самоконтролю над процедурами получения нового знания» (Чернявская, 2017: 69). В процессе типологизации были определены сходства и отличия представленных научных концепций западных авторов, сформулировано содержание научных направлений исследований религиозной ситуации в Туве XXI в. Историко-религиоведческий подход позволил соотносить адекватность приведенных данных с современным религиозным положением, принципами религиоведения и исторической науки. В основе последовательности описания выявленных направлений находился хронологический принцип.

Рассмотренные нами тексты были представлены научными работами (энциклопедиями, статьями, монографиями и диссертациями), изданными преимущественно на английском языке, а также отдельными трудами — на французском в первой четверти XXI в. Все они выполнены учеными — религиоведами, историками, этномузыковедами, культурными антропологами и социологами.

Обзорные работы религиозной ситуации

С начала бурного роста многообразия религиозного опыта и увеличения численности религиозных объединений в России исследователей всего мира интересовала специфика постсоветского пространства, сочетающая наследие атеистического прошлого и свободу вероисповедания настоящего. Республика Тыва, ранее почти не исследованная западными учеными по причине недоступности посещения ими данного региона, стала новым полем для изучения.

В рамках совместного проекта российских и западных ученых «Энциклопедия современной религиозной жизни России» (1997–2004) под руководством Кестонского университета (Великобритания) были изданы результаты исследований под редакцией английского священника М. Бурдо и отечественного исследователя С. Филатова (Атлас современной ... , 2005; Современная религиозная ... , 2005, 2006; и др.).

В первом томе «Атласа современной религиозной жизни России» приводится анализ материала, собранного С. Филатовым, Ф. Уолтерсом, Л. Воронцовой, Р. Лункиным и посвященного историческим особенностям религии в Туве, религиозной политике, краткому экскурсу религиозных объединений (христианство различных направлений, буддизм) (Атлас современной ... , 2005: 307–321). О ситуации, связанной с возрождением, укреплением и распространением шаманизма авторы писали следующее: «На 2004 г. в республике официально действует семь шаманских объединений» (там же: 321). Что касается буддизма, то авторы связывают возрождение буддизма с очередной волной национального движения 1980-х гг., позиционируемого консолидирующей силой тувинского общества. Ими характеризуется специфика тувинского буддизма: а) первенство школы *гелуг* при наличии иных философско-религиозных школ и б) близкая связь с местными традициями шаманизма (культами *оваа* и *эзренов*) (Современная религиозная ... , 2005: 276–286). Авторами рассматриваются институализация шаманизма, роль в этом процессе М. Кенин-Лопсана и отмечается, что Тува сохранила традиции по причине изолированности от других регионов, получая больше самоуправления от Китая и СССР. Тем не менее авторы подчеркивают значение буддизма, обеспечившего сохранение самобытности и продолжение культурного и исторического развития (Современная религиозная ... , 2006: 129–134).

Обзорному рассмотрению истории религии в Туве посвящена работа британского исследователя Ф. Уолтерса (Walters, 2001). В ней охарактеризована динамика религиозной жизни, начиная с XIII в. и заканчивая концом XX в., основной акцент сделан на изменениях государственной политики в указанной сфере. В исследовании подчеркнута озабоченность буддийских и шаманских организаций по поводу распространения протестантских церквей среди тувинского населения, которое наблюдалось в конце XX в. (там же: 38). Приведенные данные использовались нидерландским антропологом Э. Поппе, чей интерес был обращен к межгрупповым отношениям тувинцев и русских (Porre, 2007). Он подчеркнул, во-первых, существование двуязычия как результата русификации в советское время, во-вторых, симбиоз шаманизма и тибетского буддизма, который, по его мнению, представляет значимый маркер идентичности (там же: 329).

Сравнительный анализ противоречий буддийских верований и шаманизма применительно к современной религиозной ситуации Тувы был предпринят американским социальным антропологом Б. Донахо (Donahoe, 2004). Исследователь подчеркивает особое отношение тувинцев к природе, отмечает противоречие между буддийским верованием, которое ближе к атеистическому мировоззрению и игнорирует праксиологическую сторону оленеводства и охоты (отсутствие предписаний), и шаманизмом как вариации анимизма (наличие жестких требований в отношениях с окружающим миром). Анимистические практики, как пишет автор, в большей мере отражают систему верований тувинцев, основывающуюся на молчаливом усвоении бытия и убежденности в проявлении духовного мира в природе¹. Обоснование ключевого значения анимистических практик осуществляется в рамках исследования влияния окружающей среды на личностные особенности, которая формирует, по мнению автора, не только уникальную национальную идентичность, но и претензии на суверенитет над природными ресурсами.

Наличие христианства в Туве западными исследователями связывалось с присутствием русскоязычного населения, в частности с существованием старообрядческих общин. Так, американский филолог Т. Моррис совместно с российским коллегой в период 2016–2018 гг. проводила среди последователей часовенного согласия старообрядчества сбор материалов, относящихся к визуально-текстовой агиографии (Костров, Моррис, 2019).

Интерес западных исследователей, активно проводивших с 1990-х гг. полевые работы на территории Тувы, преимущественно сводился к автохтонным религиям тувинского населения. Основными направлениями научных изысканий можно обозначить следующие: исследования шаманизма и шаманистско-буддийского синтеза (или своеобразного мировоззренческого синкретизма). Исследования буддизма преимущественно проводились применительно к его взаимосвязи с шаманизмом на повседневном, культурном и институциональном уровнях. В работах значительное внимание уделялось вероучительной специфике (тибетский буддизм, школа *гелуг*) и отношениям с государственной властью.

Исследования шаманизма

Одними из первых исследователей возрождения шаманизма были Е. Дж. Фридман — американский психотерапевт и антрополог, которая изучала с 1996 по 2002 гг. трансформацию ритуальных практик и влияние политических факторов на количество и организацию шаманских объединений среди народов Калмыкии, Тувы и Бурятии, а также М. Н. Уолтер — английский исследователь, религиовед, директор Ассоциации изучения центральноазиатских цивилизаций и шелкового пути (*Shamanism: an encyclopedia ...*, 2004). Полученные результаты популяризировались при поддержке организации «Cultural Survival», базирующейся в г. Кембридже, штат Массачусетс (США). Организация выступает с 1972 г. за права коренных народов и поддерживает самоопределение, культуру и политическую устойчивость этнических общин.

Е. Дж. Фридман сравнивала дореволюционные шаманские практики и современное направление (нео)шаманизма, акцентируя внимание на институционализированности и организованности последнего. Она подчеркивала значимость шаманизма как неотъемлемой духовной динамично существующей

¹ Donahoe D., Halemba A. Local Perspectives on Hunting and Poaching / Research report for WWF Russia Altai-Saiana Ecoregion. 2008. [Электронный ресурс] // Academia.edu. URL: https://www.academia.edu/1077299/Local_perspectives_on_hunting_and_poaching (дата обращения: 15.10.2024)

твующей силы, которая постоянно развивается. В постсоветский период именно шаманизм вернул местным жителям ритуальные практики и целительство (там же: 637–642).

Целительство представлено как основная традиционная сфера деятельности шамана, связанная с устной передачей знания, родством и местностью. Однако согласно предъявляемым требованиям к членам общества тувинских шаманов «Дунгур», шаману необходимо получить соответствующее разрешение. По мнению автора, данная процедура во многом похожа на лицензирование медицинских профессий в США (Fridman, 2004). Данная работа была встречена западным научным сообществом с определенной долей критики. Недостатками работы указывались слабое знание тувинского языка автором и некомпетентность в вопросах буддизма (Wallace, 2006).

Продолжение исследований институализации шаманизма на рубеже XX–XXI вв. и возникновения неошаманизма, специализирующегося на целительстве в городской местности, отмечается в работах антрополога Стокгольмского университета (Швеция) Г. Линдквист (Lindquist, 2005). Шаманизм представляется постмодернистским религиозным движением, реализуемым в рамках международного тренда формирования традиционного наследия идентичности в постколониальном контексте (там же: 263). Автор в совместной работе с коллегой из Еврейского университета г. Иерусалим Д. Хандельманом развивает тезисы об использовании религии в локальных играх за власть в постсоветской Туве и о большей перспективе буддизма стать республиканской религией (*state religion*) в сравнении с шаманизмом. С одной стороны, тибетский буддизм отображает культуру тувинского этноса и формирует этническую идентичность, репрезентирует Туву в виде конструкции буддийской ступы, а с другой — обеспечивает внутренним социальным устройством, сопоставимым с онтологическими принципами иерархичности и вертикализации, целостности и стабильности. Тувинский шаманизм же представляет «космос», простирающийся во все стороны по ландшафту, в котором разные существа пребывают в разных местах, а целостность поддерживается интерактивностью, внутренней активностью самого шамана (Handelman, Lindquist, 2011: 11).

В рамках исследования культурной специфики постсоветского пространства на примере южно-сибирских территорий британский антрополог К. Хамфри отмечает методологическую дилемму, вызванную рассмотрением социализма как своеобразной культуры со специфическими практиками и идентичностями (Хамфри, 2010). Кризис постсоветской России объясняется методами этнографии, антропологии, истории и экономики. Востребованность шаманских практик раскрывается желанием тувинцев снять социальное напряжение, преодолеть социальный нигилизм, разочарования и душевную пустоту нетрадиционного для них образа жизни. Автор отмечает, что в результате неослабевающего спроса на услуги шаманов шаманизм приобретает черты коммерческой деятельности (там же: 371–372).

Тема темной стороны шаманизма — проклятий как выражения социокультурной жизни постсоветского населения Тувы — является оригинальным взглядом греческого антрополога К. Зорбаса в попытке объяснить механизмы борьбы с социально-экономическим разочарованием и ненадежностью 1990-х гг. (Zorbas, 2021). Ритуальные практики накладывания проклятий с привлечением шаманов существовали и в досоветский период. Они были связаны с религиозными нарушениями, но, актуализировавшись в постсоветском пространстве, изменили контекст с межгруппового на межличностный, фрагментированный конфликт. Причины автор находит в психологической напряженности современных жителей, индивидуализации своего успеха и/или несчастья, моральной пустоте после распада СССР, ценностном кризисе. В результате трансформационного опыта в шаманской практике клиент убеждается в наличии мощного проклятия от конкурента, против которого будет вынесено встречное проклятие — логика возмездия. Применительно к практике проклятий подробно характеризуются ритуалы (гадание, очищение, проводы умершего, целительство). Значимой идеей представлена роль шаманов в постсоветском пространстве как онтологического правительства (там же: 33). Рецензентами книги Ч. Ламажаа и У. Бахтикиреевой справедливо было добавлено, что в период кризиса социальных трансформаций шаманские практики представляются актуализацией архаичных культурных практик, вызванной отказом от прежних ценностей и возврату к традициям предков (Ламажаа, Бахтикиреева, 2022).

В рамках когнитивного подхода тема проклятий в шаманизме продолжается шотландским социальным антропологом М. Стельмажик (Stelmaszyk, 2018). Ее работы посвящены прагматическому отношению к шаманским практикам со стороны клиентов (как форме ведения домашнего хозяйства)

и феномену проклятия в контексте неопределенности (турбулентности) социально-экономического положения местного населения. Межличностный конфликт в постсоветском пространстве Тувы, как пишет автор, выражается в проклятиях, отражающих социальную напряженность между людьми и духами, что приводит к социокосмической драме. Проклятие в целом представляется формой выражения беспокойства духами своих жертв, провоцирующего ощущение турбулентности, неразберихи, депривацию и непредсказуемое поведение. Следовательно, негативные состояния здоровья воспринимаются через призму наложенных проклятий, как следствие более широкой социокосмической политики, в которую вовлечены люди и духи (там же: 49–51, 117). Целительство становится противодействием наложенным другими шаманами проклятиям. Автором предложена оригинальная версия роли звука как результата взаимодействия между людьми и сверхъестественными агентами, проявляющегося в нелингвистической вокализации. Посредством звуков (горловое пение, бубен) шаман организует встречу с духами, ретранслирует переживания клиента в иной мир для их разрешения.

Помимо когнитивного аспекта шаманских практик М. Стельмажик характеризует современное противостояние между институциональным тувинским шаманизмом и индивидуалистами-практиками, заключающееся в организации профессиональной деятельности, содержании и способах ритуалов, отношении к клиентам. В шаманских организациях преобладает работа на зрителя (транс, мистицизм, потеря сознания), а у индивидуалистов — помощь клиенту, разрешение причин и снятие ощущения турбулентности (Stelmaszyk, 2022). Достоинством данной работы отметим попытку проанализировать внутриличностное отношение тувинцев к постсоветской реальности, на которое накладываются традиционные онтологические категории и механизмы разрешения проблем преимущественно при помощи шаманов.

Особый интерес западных этномузыковедов вызывает самобытная музыкальная традиция тувинцев, включающая эпическое повествование и уникальный фольклор, одновременно связанная с шаманскими практиками. При работе с фольклором тувинцев западные исследователи в той или иной степени обращались к личности и трудам М. Кенин-Лопсана. Причинами можно назвать его популярность на Западе, полученное от американского «Фонда шаманских исследований» звание «Живое сокровище шаманизма» в 1994 г. и научно-исследовательскую деятельность. Британский филолог П. Брамвел занимался сбором литературных произведений (мифов, легенд), фольклора со всего мира и сопоставлением их с научными данными (Bramwel, 2009). В его труде отмечается гендерная нейтральность тувинского шаманизма и приводится подробный анализ некоторых шаманских песнопений, которые основываются на ритмико-синтаксическом параллелизме и представляют собой рассказ шамана о своих действиях и впечатлениях. Повествовательный синтаксис шаманских текстов, включающий пролог, экспозицию, сюжет, авторское отступление, кульминацию, развязку и пролог, он рассмотрел на высказываниях М. Кенин-Лопсана (там же: 116–117). Автором приводятся эмпирические данные, архивные документы ровно в той мере, которая необходима для его обзорной работы.

Американский этномузыковед Т. Левин, цитируя М. Кенин-Лопсана и демонстрируя видеоклипы, аудиозаписи, утверждает миметическую природу воспроизведения звуков природы тувинскими музыкантами (Levin, 2020). Он справедливо отмечает стремление тувинцев к налаживанию глобальных, международных связей при сохранении силы и остроты своих музыкальных традиций. Отдельного внимания заслуживает большой вклад исследователя в популяризаторскую деятельность в области продвижения тувинской музыки как классики мировой музыки: сбор материала, записи и размещение их на музыкальных интернет-платформах, продажа аудиозаписей; выступления на международных этномузыкальных симпозиумах. Благодаря ему тувинская музыка стала частью, как отмечает М. Шапошников, мирового рынка World Music (Шапошников, 2017).

Значимой академической работой в этномузыковедении последних лет является книга британского этномузыковеда К. Пегг, исследовавшей более 20 лет музыку на Алтае, в Хакасии и Туве (Pegg, 2024). Она утверждает, что звуковые ландшафты вдохновлены горно-степной экологией, традициями кочевников, чувством своего места и создаются посредством перформативных речевых практик. Они не ограничиваются ни политическими границами, ни земными, т. к. согласно шаманско-анимистической картине мира наравне с людьми существуют и иные духовные акторы. Музыка представляется коммуникацией с миром духов, воплощением самости и онтологической демонстрацией. Местное население стремится к досоветскому наследию, для которого характерны межплеменная и клановая

демаркация, родственные связи с духами. Современные шаманы опираются на традиции, но адаптируют их к своим процессам инициации и институализированного шаманизма, используя различные вокализации и ударные звуки. Значимым предположением является объяснение сохранения алтая-саянского эпического наследия в советский период благодаря его секуляризации как эпического искусства и превращению в концертную программу (там же: 189–215).

Исследователями-этномузыковедами, работающими в направлении сбора и анализа фольклора населения Тувы, подчеркивается анимистическая составляющая культуры тувинцев, выражающаяся в как религиозных, так и повседневных песнопениях. Тем самым объясняется вокальная специфика, вобравшая в себя географию, климат и природу Тувы. Однако нередко шаманские песни рассматриваются в отрыве от совершаемых ритуальных действий, контекста их воспроизводства, повода, места и аудитории.

Востребованность когнитивного религиоведения для изучения религиозной ситуации и понимания природы религиозного мышления продемонстрировали некоторые современные западные исследователи Тувы. Шаманизм представляется последовательным набором репрезентативных схем и реляционных устройств, которые способствуют разделению социума на мирян и лиц, обладающих врожденными особенностями, коммуницирующих со сверхъестественными агентами (шаманы). Канадский исследователь К. Ван Дьюзен указывает, что шаманская традиция есть функциональное, адаптивное мировоззрение местного населения (Van Deusen, 2004). Оно сохранилось в качестве параллельной, неофициальной системы в условиях промышленного развития и государственного (российского) регулирования. Шаманизм конструирует миры и обеспечивает успешное исцеление (физическое и психическое), а посредством шаманского пения осуществляется межонтологическая связь и адаптация к городским условиям (там же).

Французский антрополог Ч. Степановф предлагает методологию, включающую когнитивный и прагматический подходы при учете этнографических и исторических данных, которая позволит объяснить устойчивость феномена тувинского шаманизма (Stepanoff, 2018). Непрерывность развития тувинского шаманизма, по его мнению, основывается на сочетании а) эссенциалистической концепции уникальности шамана, постоянном воспроизводстве шаманов; б) логики взаимоотношений (открытое тело–шаман + закрытое тело–клиент + сверхъестественные акторы), требующей ритуализованного владения бубном и костюмом, что позволяет дублировать повседневную реальность в мир духов. Шаман позиционируется как лицо, пользующееся монополией на определенные ритуальные действия в силу присущих ему врожденных и неизменных способностей, которые проявляются в физических свойствах. Он отделен от социума по причине признания его отношений с духами, «пористости тела», обеспечивающей соединения потоков сил, видимой и невидимой частей бытия. В ритуальных действиях проявляется уникальность физических свойств конкретного шамана (там же: 324). В качестве недостатка работы можно отметить игнорирование повседневной жизни шамана и его взаимодействие с людьми вне ритуальных действий. На наш взгляд, рассмотрение становления модели мышления шамана, его перехода из мирян (инициация) и отношение к самому себе обогатило бы новыми данными научное сообщество, культурную антропологию и религиоведение.

Объяснение шаманизма как теоретической и географической категории, свойственной многочисленным этническим культурам по всему миру, предпринял американский историк религии Т. Михаэль (Michael, 2015). В содержание понятия шаманизма включаются представления о предписаниях, собственной культурной специфике, верованиях и сеансах, являющихся общими для ряда культур и заключающихся в прямом общении между людьми и бестелесными существами на благо социума. На содержание сеансов влияет географическое расположение, которое обуславливает индивидуальность совершаемых действий. В шаманизме демонстрируется отношение социума к сверхъестественным агентам, коммуникации с ними и соответствующим событиям, которое опредмечивается в эпическом виде (там же: 12–13).

Согласно исследованиям просоциального поведения и моральности местного населения Тувы, проведенным датским культурным антропологом Б. Пуржицким, специализирующимся на когнитивном, эволюционном и этнографическом изучении религии, установлено наличие межличностного социального поведения как неотъемлемого контекста религиозного познания вне зависимости от религиозной традиции (сравнение авраамических религий и местных верований) (Purzyski, 2013). Автор пришел к выводу о том, что ритуальные практики любой религиозной системы минимизируют антисоциальное поведение даже в том случае, когда в верованиях не регламентируются моральные

вопросы, утверждаются отсутствие явного интереса и безразличие сверхъестественных агентов к ним. Причиной такого феномена называются скрытые когнитивные процессы, ответственные за моральное поведение, — моральный компонент религиозного сознания (Purzycki, 2016). Также автором совместно с В. Кулундари было выявлено, что вопреки теории усиления просоциальности на основе общей религиозной идентичности в Туве местные верования и буддизм способствуют фаворитизму к своим единоверцам из местной общины, но не справедливости к единоверцам в иных территориях в угоду этнической принадлежности (Purzycki, Kulundary, 2018). Религия Тувы представляется сложной синкретической системой, включающей анимизм, тотемизм, шаманизм и буддизм. Наблюдаемые различия в верованиях местного населения объясняются спецификой местности и экологическими условиями. Достоинством данной работы, на наш взгляд, является разграничение духов на зооморфных и антропоморфных по критерию привязки к ландшафту. Первые относятся к глобальным объектам: рекам, деревьям, озерам, а вторые несут локальное значение для определенных семей (холм, ручей, камень).

Противоположная позиция представлена в работе норвежско-нидерландского религиоведа У. Кристерсена, подчеркивающего локальность тувинского шаманизма, тесно переплетенного с осознанием тувинцами окружающего ландшафта и родственных структур¹. Жизнь человека связывается со сверхъестественными агентами и природой прошлого и настоящего, переплетается с местным ландшафтом. Управление человеческой жизнью осуществляется посредством ритуального взаимодействия с духами, природными существами. Шаманскими практиками обеспечивается гибкость и стабильность социума, реализуется диалектика микро и макрокосмических символов, а с помощью космологических символов переосмысливается ландшафт как значимое, священное место (там же).

Предпринятые попытки исследования тувинского шаманизма в рамках когнитивного подхода продолжают в тенденциях современного религиоведения и развития наук о сознании и мышлении. Включение географического контекста как одного из ключевых определяющих мировоззрение элементов безусловно является новым и эффективным методологическим приемом. Фиксируемое многообразие религиозного опыта внутри одной религиозной традиции (шаманизм), сконцентрированное на географически ограниченной территории Тувы и взаимосвязанное с тибетским буддизмом, анимистическими верованиями, предоставляет неиссякаемый источник для научной работы в области как культурной антропологии, так и междисциплинарных исследований.

В каждой антропологической, этномузыковедческой, когнитивно-религиоведческой работе, посвященной исследованию шаманизма в Туве, представлено подробное описание наблюдаемых шаманских практик, а также фиксируется институализация шаманизма, осуществляемая в соответствии с российским законодательством. Оформление шаманских организаций определяется как специфическая черта возрождения шаманизма в постсоветском пространстве, при которой шаманы относятся к исполнению ритуальных практик как к профессиональным обязанностям. Сбор и анализ эмпирических данных преимущественно учеными осуществлялся в рамках интерпретативной антропологии, в частности методами насыщенного наблюдения, систематизации данных и формулировании выводов с учетом специфики объекта исследования.

Исследования шаманистско-буддийского синтеза, мировоззренческого синкретизма

Многовековое сосуществование шаманских практик и буддийского вероучения на территории Тувы привело к возникновению синкретического мировоззрения у населения, которое обращается к обеим религиозным традициям в зависимости от предмета их беспокойства и возникших потребностей. Сложившиеся в досоветский период различия в области содержания ритуальных практик и институализации деятельности в постсоветском пространстве стали менее выраженными, что способствовало возникновению конкуренции между шаманскими организациями и буддийским духовенством.

¹ Kristensen W. B. The Landscape of Knowledge. A Discussion of the Construction of Shamanistic Knowledge among Rural and Urban Tuvans. 2002. [Электронный ресурс] // AnthroBase. URL: http://www.anthrobase.com/Txt/K/Kristensen_B_01.htm (дата обращения: 15.10.2024).

Специфика исторически сложившегося тесного взаимодействия как на повседневном, культурном, так и институциональном уровнях между шаманизмом и буддизмом находила отражение в фольклоре. После успешной защиты диссертации в 2000 г. американско-канадский лингвист Д. Харрисон¹ продолжил свое исследование устной традиции тувинцев (Harrison, 2005). Он отмечает анимистический характер их духовной культуры, который выражается в убежденности присутствия земных духов, обитающих в значимых топографических объектах (пещеры, родники) и животных (медведь). Тувинская космология включает большое количество сверхъестественных существ нижнего и верхнего миров. Шаманизм интерпретируется вдохновляющими практиками и традиционным сопровождением анимистического мировоззрения. Добуддийские элементы космологии наряду с шаманскими песнями и иными священными текстами выступают первоисточниками знаний о системе верований. По мнению исследователя, современной проблемой является упадок эпического повествования в сравнении с шаманскими песнями и буддийскими молитвами по причине увлечения местной молодежи поп-культурой, в частности популяризации горлового пения (там же: 3).

Распространенность в повседневной жизни населения постсоветской Тувы ритуальных практик обеих религиозных традиций и практика обращения за помощью и к шаманам, и к буддийскому духовенству позволяет говорить о наличии мировоззренческого синкретизма. Трансформациям религиозной жизни тувинцев, выражающимся в возрождении шаманизма и тибетского буддизма (школы *гелуг*), после разрушения советского варианта буддизма и маргинализации шаманизма посвящены труды антрополога из Парижского университета Нантер (Франция) К. Пименовой².

Шаманизм и буддизм рассматриваются автором как два отдельных, но взаимосвязанных объекта, каждый из которых сталкивается с императивами построения религиозной власти, восстановлением и использованием утраченных ритуальных знаний. Тем не менее, основная часть работы К. Пименовой была посвящена более популярной в западной аудитории теме шаманизма. Автор разработала карту преемственности тувинского шаманизма и зафиксировала устную традицию о шаманах, духах, священных местах и воспоминания о буддийском духовенстве³.

Она приводит двухуровневый анализ шаманизма. На первом выделяется социология религиозных организаций, результатами которого стало определение специфики институализации. С одной стороны — организация взаимоотношений между исторически новыми субъектами (шаманами и буддийским духовенством), а с другой — взаимодействие с местными политическими кругами и международными нешаманскими и буддийскими организациями. К. Пименова выделяет два типа шаманизма, которые совместно структурируют современный религиозный ландшафт, процедурно и содержательно различаются по обучению и инициации:

1) постсоветский тувинский шаманизм имеет локальный характер, стремится к возрождению местных религиозных традиций. Его спецификой обозначены наследственная преемственность знаний и практик, направленность ритуалов на помощь клиенту, разделение на шаманов и мирян;

2) основной шаманизм — городской — возникает в результате международного сотрудничества, в частности с Фондом шаманских исследований, характеризуется смешением, деконтекстуализацией и отсылками к духовным движениям Запада. Городским шаманизмом продвигаются широкая доступность и открытость шаманского опыта, эклектичность ритуальных практик, а прошлое и настоящее переосмысливаются в контексте взаимодействия с аудиторией (Pimenova, 2013).

Второй уровень представленного анализа относится к социологии идентичности и ритуальных практик. Основными проблемами шаманизма и буддизма обозначаются: а) необходимость восполнения пробелов в религиозных знаниях; б) утверждение преемственности с прошлым и в) адаптация к новому политическому и культурному контексту⁴. В (нео)шаманизме, который исторически несовместим с государством, создается сеть иерархично зависимых местных организаций и изменяются

¹ Harrison K. D. Topics in Phonology and Morphology of Tuvan [Электронный ресурс] // Dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the Doctor of Philosophy in Linguistics. Yale University. September 1, 2000 URL: <https://vinspace.edu.vn/bitstream/handle/VIN/15/Harrison-Dissertation.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 14.10.2024).

² Pimenova K. Les sources de savoirs. Le renouveau du bouddhisme et du chamanisme chez les Touvas de la Sibérie du Sud / These de doctorat en sociologie, soutenue à l'École des hautes études en sciences sociales, le 13 septembre 2012.

³ Там же. С. 645–663.

⁴ Там же. С. 668–669.

практики, вводятся новые категории из политики и права. В результате этого формируются основы коллективной идентичности шаманов как новой профессиональной корпорации и новое общественное измерение шаманизма (Рименова, 2013). В буддизме возрождение и импорт религиозных знаний приводит к дестабилизации местной религиозной власти и распаду ранее сложившегося сообщества последователей.

Немецкий социальный антрополог А. Ольшлегель предлагает методологию исследования религиозной ситуации, сочетающую феноменологический подход и социальный конструктивизм (теорию множественности интерпретации миров) (Oelschlaegel, 2016). С помощью данной методологии были выявлены следующие модели интерпретации мира современными тувинцами. Первая — модель доминирования. Она отражает отношение человека к окружающему миру как совокупности неодушевленных объектов, является результатом русского влияния в регионе. Вторая — модель взаимодействия — представляется традиционной анимистическо-шаманской картиной мира, в которой человек сосуществует с различными акторами (боги, духи, объекты природы). В третьей модели реализуется специфическая тувинская ламаистская картина мира тибетского образца, используемая в повседневной практике. Применительно к конкретному событию с учетом социокультурного и политического контекста человек совершает выбор в пользу той или иной модели, регулярно балансируя между ними в своей жизнедеятельности (там же: 201–203). Автор довольно успешно систематизировала повседневный религиозный опыт местного населения, учла необходимость ориентации тувинцев на политическую и социальную обстановку, культурные тенденции возрождения традиции и международное влияние.

Представленные результаты компаративистских исследований свидетельствуют о трансформации взаимоотношений между представителями шаманских практик, ставших в постсоветском религиозном пространстве официальными лицами, и буддийским духовенством. Однако отметим, что это не приводит к межрелигиозным конфликтам в Туве, в отличие от иных территорий Южной Сибири (напр., в Республике Алтай). Для большинства тувинцев сложившаяся ситуация способствует росту синкретизма религиозного опыта и расширению клиентоориентированных ритуальных практик.

Заключение

Проведенный анализ показал, что религиозная ситуация в постсоветской Туве оказалась в числе тем, привлекательных для западных исследователей. Несмотря на то, что традиционными религиями Тувы являются шаманизм, буддизм и православие, можно сказать, что западных исследователей интересуют преимущественно автохтонные религии, связанные с традициями тувинцев, а не всех жителей республики. Ими подчеркивалось, что столь оригинальная религиозная ситуация в постсоветской Туве сформировалась под воздействием таких факторов, как географический ландшафт, политический опыт автономности и самостоятельности, хозяйственные виды деятельности (оленоводство, охота, кочевое скотоводство), тесное взаимодействие с природой и духовное богатство, обеспеченное местными шаманскими практиками и принадлежностью к буддизму как мировой религии. Западные антропологи, религиоведы, этномузыковеды и филологи сделали акцент не только на уникальности исторически сложившегося сосуществования шаманизма и буддизма, особенно ярко проявившегося в постсоветское время, но и на предпринятых в тувинском обществе способах сохранения и возрождения религиозных традиций.

Западными авторами были проанализированы внутрирелигиозные и религиозно-государственные процессы, рассмотрены модели мышления и поведения тувинцев которые в постсоветских условиях жизни деятельностно ориентируются на сочетание возрождаемых религиозных практик (шаманизма, буддизма). Специфика кросс-культурной повторяемости определялась через авторские интерпретации ритуальных практик и выявление устойчивости религиозных убеждений, обусловленных этнической идентичностью, ландшафтом и ощущением социокосмической драмы.

Безусловной ценностью рассмотренных трудов западных ученых является эмпирический материал, полученный в полевой работе: наблюдение за совершением шаманских практик, непосредственное участие в них, опросы шаманов и мирян, сопоставление содержания и используемых техник с клиентскими запросами и мировыми ритуальными действиями. Своеобразным правилом западной антропологической науки стало исследование образа тувинской жизни, включающее обязательное изучение тувинского языка и коммуникацию с местным населением на его языке. В то же время дан-

ное обстоятельство подчеркивает и ограниченность их научных проектов по проблемам религиозной ситуации, как основанных лишь на результатах полевой практики.

Сложно назвать западные исследования законченными, точнее будет сказать, что в западной науке продолжается процесс накопления репрезентативного научного и фактического материала по данной теме. Тем не менее, очевидно, что проведенные исследования открывают перспективу дальнейших исследований проблемы в рамках новых культурно-антропологических подходов, которые позволят комплексно объяснить религиозную ситуацию по всей Южной Сибири, а также экстраполировать успешный опыт межрелигиозного взаимодействия Тувы на другие полирелигиозные территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атлас современной религиозной жизни России (2005) : в 3 т. / отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. М. : СПб. : Летний сад. Т. I. 621 с.

Баженова, Е. А. (2018) Современные подходы к изучению научного текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 2(191). С. 54–60. DOI: <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-2-54-60>

Гричин, С. В. (2020) Авторизационная модель научного текста. Новосибирск : Изд-во НГТУ. 292 с.

Костров, А. В., Моррис, Т. Б. (2019) Визуально-текстовая агиография в настенных листах современных старообрядцев часовенного согласия // Новые исследования Тувы. № 1. С. 95–107. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.7>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Ламажаа, Ч. К., Бахтикиреева, У. М. (2022) «Проклятые жизни» и ценностный кризис в тувинском обществе // Новые исследования Тувы. № 1. С. 266–275. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.18>

Монгуш, М. В. (2010) Зарубежные исследователи Тувы (краткий обзор) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 203–237.

Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания (2005) : в 4 т. / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М. : Логос. Т. III. 464 с.

Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. (2006) в 4 т. / отв. ред. М.: Бурдо, С. Филатов. М. : Университетская книга ; Логос. Т. IV. 366 с.

Хамфри, К. (2010) Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки); предисл. Б. Базаров; пер. с англ. А. и Н. Космарских; науч. ред. пер. Н. Космарской. М. : Наталис. 384 с.

Харитоновна, В. И. (2018) Тувинский (нео)шаманизм как культовая и целительная практика в современном мире // Новые исследования Тувы. № 4. С. 47–76. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.3>

Чернявская, В. Е. (2017) Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М. : ЛЕНАНД. 144 с.

Шапошников, М. (2017) Тувинская музыка и World Music // Новые исследования Тувы. № 2. С. 122–141. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.2.5>

Bramwel, P. (2009) Pagan Themes in Modern Children's Fiction: Green Man, Shamanism, Earth Mysteries. Palgrave Macmillan. 224 p.

Donahoe, B. (2004) A line in the Sayans: history and divergent perceptions of property among the Tozhu and Tofa of South Siberia. Bloomington : Indiana University. 606 p.

Fridman, E. (2004) Sacred Geography: Shamanism Among The Buddhist Peoples Of Russia. Budapest : Akademiai Kiado. 324 p.

Handelman, L., Lindquist, G. (2011) Religion, Politics, and Globalization: The Long Past Foregrounding the Short Present — Prologue and Introduction // Religion, Politics, and Globalization: Anthropological Approaches. N.-Y. : Berghahn. 316 p. P. 1–66.

Harrison, D. (2005) A Tuvan Hero Tale, With Commentary, Morphemic Analysis, And Translation // Journal Of The American Oriental Society. Vol. 125. Issue 1. P. 1–30.

Levin, T. (2010) Where Rivers and Mountains Sing: Sound, Music, and Nomadism in Tuva and Beyond. Indiana University Press. 312 p.

Lindquist, G. (2005) Healers, Leaders and Entrepreneurs: Shamanic Revival in Southern Siberia // Culture and Religion. Vol. 6. P. 263–285. DOI: <https://doi.org/10.1080/01438300500226430>

Michael, T. (2015) Shamanism Theory and the Early Chinese Wu // Journal of the American Academy of Religion. Vol. 83 (3). P. 649–696. DOI: <https://doi.org/10.1093/jaarel/lfv034>

- Oelschlaegel, A. (2016) *Plural Word Interpretations. The case of the South-Siberian Tyvins*. Berlin : LIT Verlag. 266 p.
- Pegg, C. (2024) *Drones, Tones, and Timbres: Sounding Place among Nomads of the Inner Asian Mountain-Steppes*. University of Illinois Press. 360 p.
- Pimenova, K. (2013) *Lorsque les esprits voyagent. Echanges entre le chamanisme touva et le core shamanism dans la Russie postsoviétique // Civilisations*. Vol. 61–2. P. 89–105. DOI: <https://doi.org/10.4000/civilisations.3263>
- Pimenova, K. (2013) *The «Vertical of Shamanic Power»: The Use of Political Discourse in Post-Soviet Tuvan Shamanism // Laboratorium*. Vol. 5 (1). P. 118–140.
- Poppe, E. (2007) *A hotspot of intergroup relations: Russians and Tuvans in Tuva // E. Poppe & M. Verkuyten (Eds.) Culture and Conflict: Liber Amicorum for Louk Hagendoorn*. Amsterdam : Aksant. 367 p. P. 325–334.
- Purzycki, B. (2013) *The minds of gods: a comparative study of supernatural agency // Cognition*. Vol. 129. Issue 1. P. 163–179. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2013.06.010>
- Purzycki, B. (2016) *The Evolution of Gods' Minds in the Tyva Republic // Current Anthropology*. Vol. 57 (s 13). P. 88–104. DOI: <https://doi.org/10.1086/685729>
- Purzycki, B., Kulundary, V. (2018) *Buddhism, identity, and class: fairness and favoritism in the Tyva Republic // Religion, Brain & Behavior*. Vol. 8:2. P. 205–226. DOI: <https://doi.org/10.1080/2153599X.2016.1267031>
- Roe, P. (2021) *Societal Security // Contemporary Security Studies / ed. by A. Collins*. Oxford University press. 524 p. P. 221–235.
- Shamanism: an encyclopedia of world beliefs, practices, and culture (2004) / ed. by M. N. Walter, E. J. Fridman*. Santa Barbara: Manufactured in the United States of America. 1055 p.
- Stelmaszyk, M. (2018) *Turbulent beings. Curses and systems of healing cooperation in post-Soviet Tuva // Curare, Journal of Medical Anthropology*. Vol. 41 (1+2). P. 51–62.
- Stelmaszyk, M. (2022) *Shamanism in Siberia Sound and Turbulence in Cursing Practices in Tuva*. London : Routledge. 162 p.
- Stepanoff, Ch. (2018) *Chamanisme, rituel et cognition: Chez les Touvas de Sibérie du Sud*. Éditions de la Maison des sciences de l'homme. 416 p.
- Van Deusen, K. (2004) *Singing story, Healing Drum: Shamans and Storytellers of Turkic Siberia*. Montreal : McGill-Queen's University Press. 205 p.
- Wallace, V. (2006) *Eva Jane Fridman, Sacred Geography: Shamanism Among The Buddhist Peoples Of Russia*. Bibliotheca Shamanistica // *Religion*. Vol. 36. P 55–57.
- Walters, Ph. (2001) *Religion in Tuva: Restoration or Innovation? // Religion, State and Society*. Vol. 29. № 1. P. 23–38.
- Zorbas, K. (2021) *Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives*. Cambridge Scholar Publishing. 125 p.

Дата поступления: 05.10.2024 г.

Дата принятия: 30.10.2025 г.

REFERENCES

- Atlas of Contemporary Religious Life in Russia (2005) : in 3 vols. / ed. by M. Burdo, S. B. Filatov*. Moscow, St. Petersburg, Letniy Sad. Vol. I. 621 p. (In Russ.)
- Bazhenova, E. A. (2018) *Modern Approaches to the Study of Scientific Text. Vestnik of Tomsk State Pedagogical University*. no. 2(191), pp. 54–60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-2-54-60>
- Grichin, S. V. (2020) *Authorization Model of Scientific Text*. Novosibirsk, NGTU Publishing. 292 p. (In Russ.)
- Kostrov, A. V. and Morris, T. B. (2019) *Visual-Textual Hagiography in Wall Sheets of Contemporary Old Believers of the Conventual Agreement. New Research of Tuva*. no. 1, pp. 95–107. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.7>
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Tuva as a Limiting Zone: Language, Religion, and Identification of the Tuvans. New Research of Tuva*. no. 3, pp. 178–194. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Lamazhaa, Ch. K. and Bakhtikireeva, U. M. (2022) *Cursed Lives and the Value Crisis in Tuvan Society. New Research of Tuva*. no. 1, pp. 266–275. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.18>
- Mongush, M. V. (2010) *Foreign Researchers of Tuva (A Brief Overview). New Research of Tuva*. no. 2, pp. 203–237. (In Russ.)
- Contemporary Religious Life in Russia. Experience of Systematic Description (2005): in 4 vols. / Ed. by M. Burdo, S. Filatov*. Moscow, Logos. Vol. III. 464 p. (In Russ.)
- Contemporary Religious Life in Russia. Experience of Systematic Description (2006): in 4 vols. / Ed. by M. Burdo, S. Filatov*. Moscow, Universitetskaya Kniga; Logos. Vol. IV. 366 p. (In Russ.)

Humphrey, C. (2010) *Post-Soviet Transformations in the Asian Part of Russia (Anthropological Essays)*; Preface by B. Bazarov; Translated from English by A. and N. Kosmarskikh; Scientific Editor of the Translation N. Kosmarskaya. Moscow, Natalis. 384 p. (In Russ.)

Kharitonova, V. I. (2018) Tuvan (Neo)Shamanism as a Cultic and Healing Practice in the Contemporary World. *New Research of Tuva*. no. 4, pp. 47–76. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.3>

Chernyavskaya, V. E. (2017) *Scientific Discourse: The Presentation of Results as a Communicative and Linguistic Problem*. Moscow, LENAND. 144 p. (In Russ.)

Shaposhnikov, M. (2017) Tuvan Music and World Music. *New Research of Tuva*. no. 2, pp. 122–141. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.2.5>

Bramwel, P. (2009) *Pagan Themes in Modern Children's Fiction: Green Man, Shamanism, Earth Mysteries*. Palgrave Macmillan. 224 p.

Donahoe, B. (2004) *A line in the Sayans: history and divergent perceptions of property among the Tozhu and Tofa of South Siberia*. Bloomington, Indiana University. 606 p.

Fridman, E. (2004) *Sacred Geography: Shamanism Among The Buddhist Peoples Of Russia*. Budapest, Akademiai Kiado. 324 p.

Handelman, D. and Lindquist, G. (2011) Religion, Politics, and Globalization: The Long Past Foregrounding the Short Present — Prologue and Introduction. In: *Religion, Politics, and Globalization: Anthropological Approaches*. Ed. by G. Lindquist and D. Handelman. N.-Y., Berghahn. 316 p. Pp. 1–66.

Harrison, D. (2005) A Tuvan Hero Tale, With Commentary, Morphemic Analysis, And Translation. *Journal Of The American Oriental Society*, vol. 125, issue 1, pp. 1–30.

Levin, T. (2010) *Where Rivers and Mountains Sing: Sound, Music, and Nomadism in Tuva and Beyond*. Indiana University Press. 312 p.

Lindquist, G. (2005) Healers, Leaders and Entrepreneurs: Shamanic Revival in Southern Siberia. *Culture and Religion*, vol. 6, pp. 263–285. DOI: <https://doi.org/10.1080/01438300500226430>

Michael, T. (2015) Shamanism Theory and the Early Chinese Wu. *Journal of the American Academy of Religion*, vol. 83 (3), pp. 649–696. DOI: <https://doi.org/10.1093/jaarel/lfv034>

Oelschlaegel, A. (2016) *Plural Word Interpretations. The case of the South-Siberian Tyvans*. Berlin, LIT Verlag. 266 p.

Pegg, C. (2024) *Drones, Tones, and Timbres: Sounding Place among Nomads of the Inner Asian Mountain-Steppes*. University of Illinois Press. 360 p.

Pimenova, K. (2013) Lorsque les esprits voyagent. Echanges entre le chamanisme touva et le core shamanism dans la Russie postsoviétique. *Civilisations*, vol. 61–2, pp. 89–105. DOI: <https://doi.org/10.4000/civilisations.3263>

Pimenova, K. (2013) The «Vertical of Shamanic Power»: The Use of Political Discourse in Post-Soviet Tuvan Shamanism. *Laboratorium*, vol. 5 (1), pp. 118–140.

Poppe, E. (2007) A hotspot of intergroup relations: Russians and Tuvans in Tuva. In: E. Poppe and M. Verkuyten (Eds.) *Culture and Conflict: Liber Amicorum for Louk Hagendoorn*. Amsterdam, Aksant. 367 p. Pp. 325–334.

Purzycki, B. (2013) The minds of gods: a comparative study of supernatural agency. *Cognition*, vol. 129, issue 1, pp. 163–179. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2013.06.010>

Purzycki, B. (2016) The Evolution of Gods' Minds in the Tyva Republic. *Current Anthropology*, vol. 57 (s 13), pp. 88–104. DOI: <https://doi.org/10.1086/685729>

Purzycki, B. and Kulundary, V. (2018) Buddhism, identity, and class: fairness and favoritism in the Tyva Republic. *Religion, Brain & Behavior*, vol. 8:2, pp. 205–226. DOI: <https://doi.org/10.1080/2153599X.2016.1267031>

Roe, P. (2021) Societal Security. In: *Contemporary Security Studies* / ed. by A. Collins. Oxford University press. 524 p. Pp. 221–235.

Shamanism: an encyclopedia of world beliefs, practices, and culture (2004) / ed. by M. N. Walter and E. J. Fridman. Santa Barbara, Manufactured in the United States of America. 1055 p.

Stelmaszyk, M. (2018) Turbulent beings. Curses and systems of healing cooperation in post-Soviet Tuva. *Curare, Journal of Medical Anthropology*, vol. 41 (1+2), pp. 51–62.

Stelmaszyk, M. (2022) *Shamanism in Siberia Sound and Turbulence in Cursing Practices in Tuva*. London, Routledge. 162 p.

Stepanoff, Ch. (2018) *Chamanisme, rituel et cognition: Chez les Touvas de Sibérie du Sud*. Éditions de la Maison des sciences de l'homme. 416 p.

Van Deusen, K. (2004) *Singing story, Healing Drum: Shamans and Storytellers of Turkic Siberia*. Montreal, McGill-Queen's University Press. 205 p.

Wallace, V. (2006) Eva Jane Fridman, Sacred Geography: Shamanism Among The Buddhist Peoples Of Russia. *Bibliotheca Shamanistica. Religion*, vol. 36, pp. 55–57.

Walters, Ph. (2001) Religion in Tuva: Restoration or Innovation? *Religion, State and Society*, vol. 29, no. 1, pp. 23–38.

Zorbas, K. (2021) *Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives*. Cambridge Scholar Publishing. 125 p.

Submission date: 05.10.2024.

Acceptance date: 30.10.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.1.6

Статья

Исследования социокультурных процессов в Республике Тыва (1980-е гг. — наст. время)

Галина Ф. Балакина

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов
Сибирского отделения РАН, Российская Федерация

В статье рассматривается процесс становления и развития социокультурных исследований в Туве — научных исследований в разных областях социального и гуманитарного знания, направленных на анализ социокультурных явлений и процессов. Анализируются этапы формирования подходов к изучению социальных, культурных и экономических процессов в регионе.

Выделены следующие этапы генезиса социокультурных знаний: 1) 1980-е гг. — 2000 г. — осознание значимости проблемы, формирование основ системы социокультурных исследований, изучения влияния социокультурных факторов (этнорегиональных особенностей трудовой деятельности населения, процессов и моделей адаптации, социального самочувствия, этнической идентификации, ценностных ориентаций, трудовых предпочтений и др.), на функционирование системы общественных институтов, наработка опыта масштабных социологических опросов населения; 2) 2001–2015 гг. — разработка теоретических концепций; создание в республике базы социологических исследований, активизация опросов населения учеными, привлечение к опросам населения студентов; 3) 2016 г. — настоящее время — расширение сферы и географии социокультурного анализа, развитие теоретических разработок, повышение конкурентоспособности исследований ученых Тувы, получение ими ряда престижных грантов, выпуск монографических трудов.

Отдельно рассмотрены основные этапы проведения лонгитюдного исследования социокультурных процессов в Республике Тыва (1990–2023 гг.), которые проводились и продолжают проводиться под руководством автора статьи.

На основе анализа современного состояния сформулированы перспективные пути развития исследований социокультурных процессов в Туве.

Ключевые слова: Тува; наука Тувы; история науки; тувиноведение; социокультурный процесс; ТувИКОПР СО РАН; ТИГПИ; ТувГУ

Статья подготовлена в рамках исследования по проекту Российского научного фонда № 23-28-10009 «Социально успешные и не-успешные адаптационные практики этнорегиональных общностей в условиях масштабных инновационных изменений (на примере Республики Тыва)», <https://rscf.ru/project/23-28-10009/>.

Для цитирования:

Балакина Г. Ф. Исследования социокультурных процессов в Республике Тыва (1980-е гг. — наст. время) // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 78-90. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.6>

Балакина Галина Федоровна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник лаборатории региональной экономики Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Эл. адрес: balakina.gal@yandex.ru

BALAKINA, Galina Fedorovna, Doctor of Economics, Chief Scientific Associate, Laboratory of Regional Economics, Tuvianian Institute for Exploration of Natural Resources of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117A Internatsionalnaya St., Kyzyl, 667007, Russia. E-mail: balakina.gal@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2387-7190

Article

Studies of socio-cultural processes in the Republic of Tuva (1980s – present)

Galina F. Balakina

*Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Natural Resources,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The article examines the formation and development of sociocultural research in Tuva – scientific studies in various fields of social and humanities knowledge aimed at analyzing sociocultural phenomena and processes. The stages of shaping approaches to studying the interrelation between social and economic processes in the region are analyzed.

The following stages of research genesis are identified: 1) 1980s – 2000: Recognition of the problem's significance, formation of the foundations of the sociocultural research system, and study of the influence of sociocultural factors (ethnoregional characteristics of labor activities, adaptation processes and models, social well-being, ethnic identity, value orientations, labor preferences, etc.) on the functioning of public institutions, along with the accumulation of experience in conducting large-scale sociological surveys of the population; 2) 2001–2015: Development of theoretical concepts, establishment of a sociological research base in the republic, activation of population surveys by scholars, and involvement of students in survey activities; 3) 2016 – present: Expansion of the scope and geography of sociocultural analysis, advancement of theoretical developments, increased competitiveness of Tuva's researchers, acquisition of prestigious grants, and publication of monographic studies.

Additionally, the main stages of longitudinal research on sociocultural processes in the Republic of Tuva (1990–2023) are examined separately. These studies have been conducted and continue to be carried out under the supervision of the article's author.

Based on the analysis of the current state of research, prospective directions for further development are outlined.

Keywords: Tuva; science in Tuva; history of science; Tuvan studies; sociocultural process; TuvIKOPR SB RAS; TIGPI; TuvSU

Financing

The article was prepared within the framework of the research under the project of the Russian Science Foundation № 23-28-10009 "Socially successful and unsuccessful adaptation practices of ethno-regional communities in the conditions of large-scale innovative changes (on the example of the Republic of Tuva)", <https://rscf.ru/project/23-28-10009/>.

For citation:

Balakina G. F. Studies of socio-cultural processes in the Republic of Tuva (1980s – present). *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 78-90. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.6>

Введение

В последние несколько десятилетий в российских гуманитарных науках стали широко использоваться понятия «социокультурные процессы», «социокультурная сфера», «социокультурный подход» и др. Логика исследований динамики развития общества и процессов модернизации привела учёных к необходимости введения таких дефиниций, синтезирующих понятия «социальное» и «культурное». Взаимосвязь социального и культурного, опосредованная развивающей деятельностью различных субъектов, рождает особую реальность, суть которой выражается понятиями «социокультурное развитие» и «социокультурные процессы». В качестве субъектов социокультурных процессов исследователями рассматриваются: личность, социальная группа, этнос, нация, регион, общество, человечество в целом.

Сформировались основы социокультурного подхода. С точки зрения Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева, он: «... предполагает рассмотрение общества как единства культуры и социальности, формируемого в

процессе и в результате деятельностной активности человека» (Попков, Тюгашев, 2018: 24). При этом исследователями предлагается использовать общественно-историческое рассмотрение культуры, когда «общество понимается как ансамбль культур, а социокультурное — как социальное в его культурном разнообразии» (там же: 25).

В соответствие с указанным подходом под социокультурными процессами мы понимаем совокупность социальных изменений жизнедеятельности человека в их культурном разнообразии, формирование ценностей и норм социального поведения, приспособления к изменяющимся условиям социальной среды. Под социокультурным развитием далее понимается созидательная деятельность личности, социальной группы, этноса, нации, содержание которой составляют процессы создания, освоения, сохранения и развития традиций, ценностей и норм культуры.

Здесь мы будем рассматривать процесс изучения культуры этнических групп Республики Тыва (Тувыв), формирования и динамики моделей трудового поведения, адаптации, процессов социокультурной модернизации как части истории науки республики. Методология исследования представляет собой синтез системного анализа исторических процессов, анализа содержания научных публикаций в анализируемом периоде (1989–2024 гг.), методов сравнения и группировок. Источниковой базой являются научные публикации (статьи, монографии), защищенные диссертации, подвергнутые авторскому контент-анализу. Начало данного периода выбрано в связи с появлением первых научных коллективов, публикаций по проблемам динамики социокультурных процессов, получивших признание научной общественности.

Научная новизна данной работы заключается в попытке систематизации и периодизации научных исследований, публикаций по проблемам развития социокультурных процессов в Тувыве.

Теоретической основой социокультурных исследований можно считать работы западных ученых: М. Вебера (Вебер, 2002), Г. Хофстеде (Hofstede, 1980), П. Сорокина (Сорокин, 1992) и др.; труды российских ученых по вопросам социокультурной модернизации и взаимодействия экономики, культуры и общества: Н. И. Лапина (Лапин, 1993; Социокультурные исследования ... , 2022), Т. И. Заславской, Р. В. Рывкиной (Заславская, Рывкина, 1991 и др.); а также публикации по результатам исследования социальных процессов в Республике Тыва: В. И. Бойко, В. Н. Белошапкиной, В. Г. Костюка (Очерки социального ... , 1983), Ю. В. Попкова, Е. А. Тюгашева (Попков, Тюгашев, 2012, 2018), З. Т. Голенковой, Ю. В. Голиусовой, П. Е. Сушко (Социально-стратификационные ... , 2020), Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2011, 2021b) и др.

Анализ литературы позволил выделить следующие три этапа генезиса социокультурных исследований:

— 1980-е гг. — 2000 г. — осознание значимости проблемы, формирование основ системы социокультурных исследований, влияния социокультурных факторов (этнорегиональных особенностей трудовой деятельности населения, процессов и моделей адаптации, социального самочувствия, этнической идентификации, ценностных ориентаций, трудовых предпочтений и др.) на функционирование системы общественных институтов;

— 2001–2015 гг. — создание в республике базы социологических исследований (открытие сектора социологии в Тувинском институте гуманитарных и прикладных исследований (ТИГПИ), привлечение сотрудников Тувинского государственного университета (ТувГУ) к опросам населения);

— 2016 г. — настоящее время — расширение сферы социокультурного анализа, в том числе в ТувГУ, повышение конкурентоспособности исследований ученых Тувывы по рассматриваемой проблематике, получение ряда престижных грантов, выпуск серии монографических трудов.

Критерием разграничения этапов служит степень распространенности социокультурной тематики (количества научных публикаций) и создание системы организационных форм, в рамках которой осуществляются социокультурные исследования. Для первого этапа характерны исследования, проводимые по инициативе отдельных ученых и временных творческих коллективов, зачастую финансируемые за счет грантов научных фондов, выпуск одной монографии и нескольких статей. На втором этапе наблюдается появление первых организационных форм исследовательской работы: научных подразделений (секторов, кафедр, научных тем, базовых проектов и т. п.), сопровождаемое целевым бюджетным финансированием; изданы несколько монографий, защищены диссертации, опубликован ряд статей. Третий этап отличается формированием нескольких центров социокультурных исследований: в ТувГУ, ТИГПИ и Тувинском институте комплексного освоения природных ресур-

сов Сибирского отделения Российской академии наук (ТувИКОПР СО РАН). Произошел качественный рост числа монографий и статей по данной проблематике.

Изложение автором результатов исследований будет производиться в данном порядке.

Первый этап (1980-е гг. — 2000 гг.)

До 1980-х гг. исследования динамики социальных процессов (социальной стратификации, мобильности и адаптивности трудовых ресурсов и др.), их мониторинг в Туве проводились фрагментарно и не систематически.

Собственно культурные процессы и культурные феномены с позиций советской идеологии достаточно полно изучались в рамках исследований Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории — ТНИИЯЛИ (ныне — ТИГПИ), ТувГУ, в исследованиях российских ученых. В советское время об обрядах писали этнографы Л. П. Потапов (Потапов, 1969), С. И. Ванштейн (Ванштейн, 1972), В. П. Дьяконова (Дьяконова, 1977). Праздники Тувы описаны в работе этнографа Г. Н Курбатского (Курбатский, 1973), тувинские игры как составная часть праздников рассмотрены в работе И. У. Самбуу (Самбуу, 1978). Большой вклад в изучение тувинского шаманизма внес М. Б. Кенин-Лопсан (Кенин-Лопсан, 1987).

При этом изучение процессов социальной стратификации, стратегий адаптации к изменениям на рынке труда, социальных процессов было достаточно суженным вследствие отсутствия средств и специализированных организаций. Как пишет Ч. К. Ламажаа: «комплексное изучение тувинского общества осуществлялось в конце 1970х гг. объединенным коллективом сотрудников Тувинского НИИЯЛИ и Института истории, филологии и философии СО РАН. В 1990–2000е гг. социологические работы в Туве выполнялись по отдельным вопросам и отдельными авторами. Бюджета на комплексное социологическое изучение региона не было по причине бедности» (Ламажаа, 2021а: 166).

Одной из вех формирования исследований собственно социокультурных процессов в Туве, по мнению автора статьи, можно считать формирование временного научного коллектива в Тувинском комплексном отделе СО АН СССР (ныне — ТувИКОПР СО РАН) в составе трех молодых кандидатов наук (экономических — Г. Ф. Балакиной, исторических — З. В. Анайбан, психологических — Л. В. Копеел). Их проект был удостоен гранта для исследований молодых ученых Сибирского отделения Академии наук СССР в 1989 г.

Работа осуществлялась под руководством Г. Ф. Балакиной по теме «Исследование социокультурных факторов развития экономики региона (на примере Тувинской АССР» в 1990–1992 гг., затем по гранту Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в 1993–1994 гг.¹ В ходе работы была разработана анкета, проведен опрос жителей районов и городов республики, опубликованы статьи в ведущем российском социологическом журнале «Социологические исследования» (Балакина, 1994, 1998) и монография Г. Ф. Балакиной и З. В. Анайбан «Современная Тува: социокультурные и этнические процессы» (Балакина, Анайбан, 1995). При этом, надо отметить, исследователи сталкивались с неустоявшейся терминологией, отсутствием фундаментальных работ по данной проблематике (фундаментальная ныне работа Хофстеде не была широко известна в России (Hofstede G., 1980), а М. Вебер негласно считался одним из идеологов германского нацизма).

В 1989–2000 гг. в научных работах обосновывалась важность и значимость подхода к регулированию социально-экономических процессов в зависимости от характерных черт культуры (этнической, социальной, конфессиональной, семейно-бытовой, экономической) жителей региона. Тогда как в советский период при достижении цели «расцвета наций через сближение» отрицались и замалчивались особенности культуры, запрещались культивирование этнических традиций, которые по мнению партийных функционеров могли привести к разобщению этнических групп. Так, открытое празднование буддистского нового года — Шагаа — стало возможным в Туве только с 1991 г.²; возрождение народной традиции отражено в ряде научных публикаций (см. например: Кужугет, 1998; Кужугет, 2006: 66–78; Тютрина, 2010).

¹ Балакина Г. Ф. Экономическое развитие Республики Тыва в условиях перехода к рыночной экономике. Социокультурные факторы развития экономики региона // Информационный бюллетень РФФИ. 1994. Т. 2. № 6. С. 16.

² Об объявлении Шагаа народным праздником Тувинской АССР. Постановление Верховного совета Тув. АССР от 08.02.91 г. // Тувинская правда. 1991. 12 февраля. С. 1.

В этот период проведены научные исследования, поддержанные грантами российских и международных научных фондов. Произошло осознание ответственностью научной значимости социокультурной проблематики и возможностей ее развития.

Второй этап (2001–2015 гг.)

На втором этапе спектр исследований социокультурных процессов в Туве стал значительно разнообразным, создана система базовых понятий, определились коллективы, заинтересованные в изучении данных процессов (ТувИКОПР СО РАН, ТИГПИ, ТувГУ), защищен ряд диссертаций по социокультурной проблематике, издание монографий стало регулярным, увеличился выход научных статей (во многом благодаря созданию журнала «Новые исследования Тувы» в 2009 г.), укрепились связи с научными коллективами других регионов (Новосибирска, Москвы), освоено использование грантовой поддержки как источника финансирования.

За период 2001–2015 гг. проведена серия социологических опросов населения и анализа процессов социокультурной динамики, по результатам которых защищены диссертации¹. Исследования по рассматриваемой тематике проводились сотрудниками ТИГПИ, ТувИКОПР СО РАН, преподавателями ТувГУ, которые стали привлекать студентов и аспирантов для проведения опросов населения (напр.: Севек, Соян, Севек, 2015: 402–403). Для этого периода характерен переход от единичных опросов населения к серии опросов, повторяющихся периодически.

Параллельно с прикладными исследованиями, были проведены и теоретические. В том числе Ч. К. Ламажаа была разработана концепция архаизации общества, рассмотренная на примере социальных процессов постсоветской Тувы (Ламажаа, 2013а). Под архаизацией автор понимает стихийное, неосознанное массовое обращение к архаическим культурным смыслам и социальным практикам; под неотрадиционализмом — осознанный процесс возрождения традиций этнической культуры, в том числе архаических, для решения проблем социокультурного развития общества.

Исследования социокультурных процессов в Туве осуществлялись зачастую с использованием средств научных фондов: Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), что свидетельствует об осознании научной ответственностью значимости проблемы и конкурентоспособности исследовательских проектов по социальному развитию Тувы. Здесь можно указать получение грантов: Ч. К. Ламажаа «Научно-исследовательская база данных “Российские модели архаизации и неотрадиционализма в условиях модернизации”» в 2013 г. (Ламажаа, 2013б); Г. Ф. Балакиной «Особенности этнорегиональных моделей социально-экономической адаптации в Республике Тыва в постсоветский период» (грант РГНФ, 2010)²; Ш. Ч. Соян «Исследование уровня жизни населения Республики Тыва» (грант РГНФ, 2012)³; А. Ч. Кылгыдай «Рынок труда неурбанизированного региона в период социально-экономических трансформаций» (грант РГНФ, 2015)⁴.

Издан ряд монографий по проблемам развития социокультурных процессов (Кужугет, 2006; Ламажаа, 2011; Балакина, Кылгыдай, 2015а).

¹ Кужугет А. К. Социокультурные детерминанты исторической динамики духовной культуры тувинцев: автореф. дисс. ... д. культ. Кемерово, 2006; Булытова Ч. Б. Телевидение в процессе социокультурной модернизации Республики Тыва: автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 2007; Ламажаа Ч. К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена): автореф. дисс. ... д. филос. н. М., 2011.

² Балакина Г. Ф. Особенности этнорегиональных моделей социально-экономической адаптации в Республике Тыва в постсоветский период. Грант РГНФ. Отчет о НИР/НИОКР (итоговый), 2011 [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53772023> (дата обращения: 20.09.2024).

³ Соян Ш. Ч. Исследование уровня жизни населения Республики Тыва отчет о НИР/НИОКР (итоговый). Грант РГНФ. Руководитель НИР: Соян Ш.Ч., номер проекта: 11-12-17004, 2012 [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53775864> (дата обращения: 20.09.2024).

⁴ Кылгыдай А.Ч. Рынок труда неурбанизированного региона в период социально-экономических трансформаций. Грант РГНФ. Отчет о НИР/НИОКР (итоговый), 2015. [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53786911> (дата обращения: 20.09.2024).

Продолжил работу сектор социологии в ТИГПИ, проводящий регулярный мониторинг социальных процессов в Туве, материалы которых составили основу ряда публикаций (Монгуш, 2012; Кан, 2010, 2012; и др.¹).

На втором этапе развития направления исследования были углублены; помимо прикладных исследований были проведены и теоретические разработки; укрепились исследовательские коллективы, которые стали получать грантовое финансирование.

Современный этап (2016 г. — настоящее время)

На современном этапе исследований социокультурных процессов уточняются базовые понятия. Так, экономическая культура, рассматриваемая ранее как система норм, правил и образцов, ценностей и обсуждений экономического поведения (Throsby, 2001: 3–4), ныне трактуется как конкретно-исторический вариант существования общества в его качественно определенной специфике. Именно такое общественно-историческое понимание поддерживается ЮНЕСКО² (Попков, Тюгашев, 2018: 24–25).

С 2016 г. выпуск монографий по проблемам анализа социокультурных процессов существенно возрос, на сегодня подготовлено и издано более 10 монографий и брошюр.

За этот период были систематизированы уже имеющиеся данные разных социальных и гуманитарных дисциплин (социологии, психологии, этнологии, культурологии, лингвистики и др.). Менялись методы сбора, анализа и обработки данных эмпирических исследований, обобщения на основе сравнительного анализа, различные варианты метода опросов (интервьюирование и т. д.), наблюдения (в том числе включенного) и др.

Изучению проблем бедности и социально-структурных изменений в Туве в условиях трансформационных преобразований российского общества посвящена коллективная монография «Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва, подготовленная в 2020 г. коллективом социологов ФНИСЦ РАН (Москва) под руководством докт. филос. наук З. Т. Голенковой, при участии Ю. В. Голиусовой, Т. И. Гориной, В. Б. Кефели, А. Д.-Б. Самба, П. Е. Сушко, в которой анализируются результаты комплексного изучения особенностей социальных процессов в Республике Тыва на базе результатов социологического исследования, проведенного в республике в апреле 2019 г. (Социально-стратификационные ... , 2020). Особое внимание уделяется проблематике бедности и рационального использования человеческого капитала в разрезе различных социально-демографических и социально-профессиональных групп. Авторы анализируют специфику модернизационных процессов в регионе, исследуют значение традиционных ценностей населения, модели поведения, трудовые практики представителей коренного этноса Тувы. Исследуется финансовое поведение жителей республики, их сберегательные и потребительские стратегии (см. также: Ламажаа, 2021a).

В тувиноведении также развиваются и теоретические разработки, в которых рассматривается взаимосвязь культуры и социальных практик. Эта проблематика находится в центре внимания подхода под названием «концептуализация культуры», созданного в 2021 г. в ТувГУ в лаборатории этнологии и лингвокультурологии под руководством Ч. К. Ламажаа. Исследовательский коллектив лаборатории работал в рамках трехлетнего грантового проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» в 2021–2023 гг. при поддержке гранта Российского научного фонда. Ученые опубликовали значительное количество научных трудов по динамике культуры тувинского этноса³. Работы осуществлялись под руководством доктора филос.

¹ Монгуш А. А. Отношение молодежи Республики Тыва к приезжим специалистам в связи со строительством железной дороги и освоением месторождений // Этнокультурный и межконфессиональный диалог в уралоповолжском полиэтническом пространстве: исторический опыт и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. С. 123–125; Монгуш А. А. Оценка удовлетворенности этнокультурных и религиозных потребностей учащихся школ РТ // Башкы. 2014. № 2. С. 84.

² Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 02.08.2024).

³ См.: Аннотированный каталог основных научных изданий Лаборатории этнологии и лингвокультурологии ТувГУ. 2021–2023 гг. / под ред. Ч. К. Ламажаа и Н. Д. Сувандии. Кызыл, 2024.

наук Ч. К. Ламажаа. Концептуализация культуры, по словам авторов, представляет собой адаптированную методологию применения тезаурусного подхода Вал. А. Лукова и Вл. А. Луковых к анализу этнической культуры. Исследователи анализировали и конструировали тезаурус этнической культуры тувинцев в ее современном состоянии с сочетанием элементов традиционности, внутрикультурных вариаций, влияний разных культур, неотрадиционализма¹. Сотрудниками лаборатории опубликовано шесть монографий (в т. ч.: Ламажаа, 2021b; Тувинцы: Родные ..., 2022; Тува: Родная ..., 2023). Данный коллектив также предложил новый тренд — формирование серийных изданий в едином дизайне.

Исследователи к настоящему времени уже в полной мере освоили возможности грантовой поддержки как исследований, так и подготовки и издания научно-популярных трудов².

Современный этап исследования социокультурных процессов в Туве характеризуется значительным разнообразием изучения взаимосвязей и влияния социальных и культурных трансформаций: социологических изменений, этнографических, исторических, экономических, психологических, поведенческих и др.; укреплением организационной составляющей (создание лаборатории в ТувГУ, продолжение работы сектора социологии в ТИГПИ). Конкурентоспособность исследований ученых Тувы в данной сфере подтверждена получением ряда грантов престижных научных фондов, например, Российского научного фонда.

Лонгитюдное исследование (1990–2023 гг.)

Для определения особенностей социокультурных процессов, формирующихся моделей трудового поведения и адаптации населения Тувы к современным трансформациям в течение последних 30–35 лет на материалах значительного массива опросов населения и экспертов проводится лонгитюдное изучение социокультурных процессов в Туве. Оно начало осуществляться с 1990 г. под руководством и при участии Г. Ф. Балакиной по разработанной ею анкете. В разные годы в исследованиях участвовали д. и. н. З. В. Анайбан, С. Ю. Смирнова (ТИГПИ), канд. псих. наук Л. В. Копеев, Е. Ю. Владимирова, канд. экон. наук О. Н. Монгуш, А. О. Оюн (ТувГУ), а также сотрудники ТувИКОПР СО РАН: канд. ист. наук Г. В. Колмаков, В. В. Уварова, С. Б. Даваа, О. Х. Зотова, П. Ю. Корниенко, Т. В. Подойницына, К. Д. Тас-оол, А. Ч. Кылыгдай, канд. экон. наук Х. Б. Бадарчи.

Многолетним исследованием, которое охватывает все три рассматриваемых нами этапа, стало исследование социокультурных процессов в Туве под руководством и при участии Г. Ф. Балакиной с 1990 г. За более трех десятков лет (1990–2023 гг.) был накоплен значительный массив данных социологических опросов населения Республики Тыва, проведенных поэтапно (*табл.*).

¹ Там же. С. 4.

² Ламажаа Ч. К. Национальный характер тувинцев. Руководитель НИР: Ламажаа Ч. К. Отчет о НИР/НИОКР (итоговый), 2016; Балакина Г. Ф. Особенности этнорегиональных моделей социально-экономической адаптации в Республике Тыва в постсоветский период. Грант РГНФ. Отчет о НИР/НИОКР (итоговый), 2011 [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53772023> (дата обращения: 18.09.2024); Кылыгдай А. Ч. Рынок труда неурбанизированного региона в период социально-экономических трансформаций. Грант РГНФ. Отчет о НИР/НИОКР (итоговый), 2015. [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53786911> (дата обращения: 18.09.2024); Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного Российским научным фондом [Электронный ресурс] // Российский научный фонд. URL: <https://rscf.ru/project/22-18-20113/> (дата обращения: 19.09.2024); Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного Российским научным фондом [Электронный ресурс] // Российский научный фонд. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-10009/> (дата обращения: 19.09.2024).

Таблица. Лонгитюдное исследование социокультурных процессов (1990–2023 гг.)*
Table. Longitudinal study of socio-cultural processes (1990–2023)

Тематика и год проведения опросов	Количество опрошенных, человек	Районы (кожууны) проведения опросов	Публикация результатов (научная ссылка)
«Изучение социокультурных факторов развития экономики региона (на примере Тувинской АССР)», 1990–1991 гг.	943	г. Кызыл; Каа-Хемский, Пий-Хемский, Бай-Тайгинский районы	(Балакина, 1994: 159–161; 1998а; Балакина, Анайбан, 1995).
«Особенности вхождения населения Республики Тыва в рыночные отношения», ноябрь 1992 г.	400	г. Кызыл, Кызылский район	
«Исследование социокультурных факторов развития экономики региона», 1994–1995 гг.	517	г. Кызыл; Чаа-Хольский, Улуг-Хемский и Каа-Хемский районы	(Балакина, 1996, 1998b).
«Динамика степени вхождения в рынок, отношения населения к реформам в экономике», май 1997 г.; апрель 1999 г.	604 512	гг. Кызыл, Туран, Шагонар; Барун-Хемчикский, Пий-Хемский, Кызылский районы	(Балакина, 1999, 2000).
«Изучение динамики вхождения жителей Тувы в рыночную экономику, модификации ценностных ориентаций, скорости адаптационных процессов», май — июнь 2010 г.	402	Эрзинский, Тандинский, Улуг-Хемский районы и г. Кызыл	(Балакина, Кылгыдай, 2010, 2012: 69–77; 2015а; Балакина, 2023).
«Специфика адаптационных процессов к рыночной экономике жителей Республики Тыва», 2014 г.	420	Тандинский, Пий-Хемский, Улуг-Хемский, Эрзинский районы; гг. Кызыл, Шагонар	(Балакина, Кылгыдай, 2015b).
«Анализ социального самочувствия учащейся молодежи Тувы», май — июнь 2021 г.	301	Учебные заведения г. Кызыла	(Анайбан, Балакина, 2022).
«Процессы социо-культурной динамики тувинцев-тоджинцев», 2021–2022 г.	400	Тоджинский район	(Балакина, Харунова, 2023).
«Изучение адаптационных практик населения Тувы», май — июнь 2023 г.	421	гг. Кызыл, Ак-Довурак, Шагонар, Чадан, Туран; Кызылский, Овюрский, Пий-Хемский, Каа-Хемский, Улуг-Хемский, Тандинский, Эрзинский районы	(Балакина, 2023ab; Натсак, Балакина, 2024).

По итогам исследований для сохранения данных социологических опросов населения городов и административных районов (кожуунов) Республики Тыва, проведенных в 2010 г. и 2014 г., повышения их сохранности оформлены авторские свидетельства. Показатели зарегистрированных баз данных 2010 г.¹ и 2014 г.² могут использоваться при прогнозировании перспектив изменения показателей социально-экономических процессов, динамики человеческого потенциала регионов, выработке путей совершенствования регулирования социокультурных процессов, миграционных потоков, показателей состояния межэтнического взаимодействия др.

Анкета для опроса населения регулярно актуализировалась: добавлялись новые вопросы, отражающие отношения к возникающим трансформациям, и убирались вопросы, потерявшие важность, уточнялись формулировки в контексте социально-экономических изменений в стране при сохранении основных блоков вопросов для обеспечения сопоставимости результатов. Так, при составлении анкет при участии руководителя проекта, З. В. Анайбан и М. М.-Б. Харуновой использованы отдельные вопросы из «Опросных листов» Л. М. Дробижевой (Гражданская, этническая ..., 2013: 446–472).

Современное исследование социокультурных процессов в 2023 г. проведено по модифицированной анкете, содержащей 56 вопросов. Сейчас анкета содержит несколько блоков вопросов:

- по социально-экономической ситуации;
- по социальному положению и уровню жизни;
- по этнополитической ситуации в Республике Тыва, исследованию этнических стереотипов;
- по занятости и о процессах в сфере труда, включая отношение и включенность в инновационные процессы, изменениям в быту и на производстве;
- личные данные: уровень доходов, образование, возраст, этническая принадлежность, место и длительность проживания.

По данным лонгитюдного исследования прослеживается динамика изменения наиболее желательных занятий по группам населения. Определяются характерные черты отношения к труду населения Тувы: инертность в поиске работы, ориентация на помощь влиятельных родственников, ожидание помощи со стороны государства, неготовность к работе в жестких условиях индустриализации и урбанизации и др. При этом анализируется специфика трудового поведения как всего населения, так и групп молодежи. Делается вывод, что население региона встраивается в рыночные условия хозяйствования с достаточно меньшей скоростью, чем того требуют условия функционирования экономики, что обуславливает низкие показатели развития малого и среднего предпринимательства в республике по сравнению с другими регионами Сибири. Выделяются факторы, препятствующие успешному занятию предпринимательством, вхождению в рынок новых поколений работников (Балакина, Кылгыдай, 2015а; Анайбан, Балакина, 2022; Балакина, 2023а; Натсак, Балакина, 2024).

Заключение

В статье сделана первая попытка систематизировать накопленный опыт исследований социокультурных процессов в Тыве, начиная с 1989 г., показаны этапы, сложности развития и основные достижения социокультурных исследований.

За эти годы поэтапно осуществлен переход от разрозненных исследовательских работ, определяемых научными интересами отдельных ученых, к масштабным, организованным и системным; к работам, содержащим признаки мониторинга социокультурных изменений в регионе.

Будущее изучения социокультурных процессов, на наш взгляд, связано с углублением осмысления этнокультурных реалий, взаимосвязи социальных и этнических процессов, сохранением и восстановлением традиций этносов, систематизацией культурно-исторического наследия народов Тувы.

¹ Балакина Г. Ф., Кылгыдай А. Ч., Ойдул Т. М. Особенности этнорегиональной адаптации к рынку труда в Республике Тыва: динамика ценностных ориентаций, традиций и норм трудового поведения населения. Свидетельство о регистрации базы данных 2023622650, 02.08.2023. Заявка № 2023622411 от 26.07.2023.

² Кылгыдай А. Ч., Балакина Г. Ф., Ойдул Т. М. Специфика адаптационных процессов к рыночной экономике жителей Республики Тыва. Свидетельство о регистрации базы данных 2024622020, 02.08.2023. Заявка № 2024621667 от 14.05.2024.

Мы считаем, что целесообразно в сфере научных изысканий формирование программных исследований этнических культур; фиксация воспоминаний представителей старшего поколения с целью сохранения нематериального культурного наследия; исследования социокультурной модернизации; систематизация исследований социокультурных процессов, их феноменов и детерминант; в сфере образования — разработка лекционных курсов по культурологии, этнологии и антропологии, философии культуры, этнической психологии.

Перспективными направлениями исследований социокультурных факторов развития экономики могут стать, с нашей точки зрения, изучение связи уровня социальной обеспеченности и традиционных ценностей, поведенческих установок, моделей адаптации к процессам трансформации социально-экономического развития; проблем бедности и рационального использования имеющегося человеческого капитала; повышения конкурентоспособности жителей Тувы на рынке труда; сочетание новых производств с традиционными формами хозяйствования и др.

В целях развития организационных форм изучения социокультурных процессов возможно проведение научных и научно-практических конференций, на которых определялись бы точки взаимодействия ученых различных структур, устранялись возможное дублирование тематики исследований, обмен опытом и информацией о новых тенденциях в социокультурной сфере. Такие конференции в перспективе могут стать регулярными, традиционными. Также возможно создание регионального центра социокультурных исследований, который бы объединил ученых из научных подразделений Тувы и коллег из других российских регионов, изучающих социокультурные процессы в республике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анайбан, З. В., Балакина, Г. Ф. (2022) Социальные ожидания и ценностные ориентации учащейся молодежи Тувы // Социологические исследования. № 2. С. 151–156. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018548-5>
- Балакина, Г. Ф. (1994) Современная Тува: социокультурный аспект развития // Социологические исследования. № 10. С. 159–161.
- Балакина, Г. Ф. (1996) Экономика региона в период реформ. Республика Тыва. Новосибирск : Наука. 98 с.
- Балакина, Г. Ф. (1998а) Тувинские реалии перехода к рынку // Социологические исследования. № 6. С. 77–81.
- Балакина, Г. Ф. (1998b) Национальные особенности перехода к рынку // Финансы в Сибири. № 6. С. 48–50.
- Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука. 140 с.
- Балакина, Г. Ф. (1999) Социокультурные процессы в Туве в девяностые годы. Проблемы вхождения женщин в рынок. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 48 с.
- Балакина, Г. Ф. (2000) Динамика социокультурных процессов в Республике Тыва в трансформационный период // Этносоциальные процессы в Сибири / под ред. Ю. В. Попкова Новосибирск : Издательство СО РАН. Вып. 3. 267 с. С. 200–201.
- Балакина, Г. Ф. (2023а) Специфика адаптационных практик этнических групп Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 255–273. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.18>
- Балакина, Г. Ф. (2023b) Адаптационные стратегии населения Республики Тыва: проблемное поле исследования и мнения экспертов // Новые исследования Тувы. № 3. С. 193–206. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3/12>
- Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2010) Исследование процессов адаптации на рынке труда Республики Тыва. Предварительные итоги социокультурного анализа // Новые исследования Тувы. № 4. С. 120–146.
- Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2012) Особенности социально-экономической адаптации этнических групп в Республике Тыва // Социологические исследования. № 4 (336). С. 69–77.
- Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2015а) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 160 с.
- Балакина, Г. Ф., Кылгыдай, А. Ч. (2015b) Исследование особенностей рынка труда слабоурбанизированного региона // Экономический анализ: теория и практика. № 35 (434). С. 22–32.
- Балакина, Г. Ф., Харунова, М. М. (2023) Тувинцы-тоджинцы в современных условиях // Социологические исследования. № 10. С. 146–150. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250028312-6>
- Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев. М. : Наука. 312 с.
- Вебер, М. (2002) Протестантская этика и дух капитализма. М. : Ист-Вью. 352 с.

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра (2013) / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижеева. М. : Российская политическая энциклопедия. 485 с.

Дьяконова, В. П. (1977) Религиозные культы тувинцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера: вторая половина XIX — начало XX века: сборник статей / отв. ред. Д. А. Ольдерогге. Л. : Наука. Вып. 33. 229 с. С. 172–216.

Кан, В. С. (2010) Чего ждут от строительства железной дороги и освоения месторождений жители Тувы (по материалам социологических исследований 2008–2010 гг.) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 161–177.

Кан, В. С. (2012) Социальные ожидания и тревоги населения Тувы в связи со строительством железной дороги и освоением месторождений // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы I-ой межрегиональной научно-практической конференции для молодых ученых, аспирантов и студентов, 2012 / отв. ред. О. М. Хомушку. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 300 с. С. 46–49.

Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства: конец X — начало XX в. Новосибирск : Наука. 164 с.

Кужугет, А. К. (1998) Шагаа // Круг знания. Вып. 1. С. 44–51.

Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово : КемГУКИ. 319 с.

Курбатский, Г. Н. (1973) Тувинские праздники. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 90 с.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд. СПб. : Алетей. 368 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013а) Архаизация общества : Тувинский феномен. М. : Ленанд. 272 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013а) Научно-исследовательская база данных «Российские модели архаизации и неотрадиционализма в условиях модернизации» // Новые исследования Тувы. № 2. С. 19–25.

Ламажаа, Ч. К. (2021а) О книге «Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко; ФНИСЦ РАН. М.; Кызыл: ФНИСЦ РАН. 128 с.» // Социологические исследования. № 5. С. 166–169. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250013770-0>

Ламажаа, Ч. К. (2021b) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Лапин, Н. И. (1993) Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социологические исследования. № 9. С. 17–27.

Монгуш, А. А. (2012) Молодежь об общественно-значимых проблемах Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 146–150.

Натсак, О. Д., Балакина, Г. Ф. (2024) Гендерные различия в адаптивных стратегиях населения Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 177–192. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11>

Очерки социального развития Тувинской АССР (1983) / В. И. Бойко, В. Н. Белошапкина, Г. Ч. Ширшин и др. Новосибирск : Наука. 264 с.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2012) Социокультурное движение в гуманитарном сообществе и социокультурный подход // Вестник НГУ. Сер.: Философия. Т. 10. Вып. 3. С. 58–63.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2018) Экономическая культура тувинцев в горизонте социокультурного подхода // Новые исследования Тувы. № 2. С. 22–39. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.2>

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Самбуу, И. У. (1978) Тувинские народные игры: историко-этнографические очерки. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 140 с.

Севек, В. К., Соян, Ш. Ч., Севек, Р. М. (2015) Молодежь Республики Тыва и ее социальное самочувствие // Научное обозрение. № 14. С. 402–410.

Сорокин, П. А. (1992) Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат. 544 с.

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. М. ; Кызыл : ФНИСЦ РАН. 128 с.

Социокультурные исследования постсоветского транзита России (2022) / под общ. ред. Н. И. Лапина. М. : ИФ РАН. 360 с.

Тува: Родная земля (2023) / Ч. К. Ламажаа и др.; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Тувинцы : Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа и др.; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Тютрина, К. С. (2010) Шагаа — традиционный праздник современных тувинцев (по материалам прессы) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 211–217.

Throsby, D. (2001) Economics and Culture. New York : Cambridge University Press. 208 p.

Hofstede, G. (1980) *Culture's Consequence International Differences in Work Related Values*. Beverly Hills CA: Sage Publication. 475 p.

Дата поступления: 04.10.2024 г.

Дата принятия: 31.10.2024 г.

REFERENCES

- Anaiban, Z. V. and Balakina, G. F. (2022) Social expectations and value orientations of student youth in Tuva. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 151–156. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018548-5>
- Balakina, G. F. (1994) Modern Tuva: The sociocultural aspect of development. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 159–161. (In Russ.)
- Balakina, G. F. (1996) *The economy of the region during the reform period. Republic of Tuva*. Novosibirsk, Nauka. 98 p. (In Russ.)
- Balakina, G. F. (1998a) Tuvan realities of transition to the market. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 77–81. (In Russ.)
- Balakina, G. F. (1998b) National features of transition to the market. *Finansy v Sibiri*, no. 6, pp. 48–50. (In Russ.)
- Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Modern Tuva: Sociocultural and ethnic processes*. Novosibirsk, Nauka. 140 p. (In Russ.)
- Balakina, G. F. (1999) *Sociocultural processes in Tuva in the 1990s. Problems of women's integration into the market*. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 48 p. (In Russ.)
- Balakina, G. F. (2000) Dynamics of sociocultural processes in the Republic of Tuva during the transformational period. In: Popkov, Yu. V. (ed.) *Ethnosocial processes in Siberia*. Novosibirsk, Publishing House of SB RAS. Vol. 3. 267 p. Pp. 200–201. (In Russ.)
- Balakina, G. F. (2023a) Specifics of adaptation practices of ethnic groups in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 255–273. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.18>
- Balakina, G. F. (2023b) Adaptation strategies of the population of the Republic of Tuva: The problem field of research and expert opinions. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 193–206. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3/12>
- Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2010) Study of adaptation processes in the labor market of the Republic of Tuva. Preliminary results of sociocultural analysis. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 120–146. (In Russ.)
- Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2012) Features of socio-economic adaptation of ethnic groups in the Republic of Tuva. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 4 (336), pp. 69–77. (In Russ.)
- Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015a) *Ethnoregional models of adaptation to the labor market in Tuva*. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 160 p. (In Russ.)
- Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015b) Study of labor market characteristics in a low-urbanized region. *Ekonomicheskyye analiz: teoriya i praktika*, no. 35 (434), pp. 22–32. (In Russ.)
- Balakina, G. F. and Kharunova, M. M. (2023) Tuvans-Todzhi in modern conditions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 146–150. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250028312-6>
- Weinstein, S. I. (1972) *Historical ethnography of the Tuvans*. Moscow, Nauka. 312 p. (In Russ.)
- Weber, M. (2002) *The Protestant ethic and the spirit of capitalism*. Moscow, East-View. 352 p. (In Russ.)
- Drobizheva, L. M. (ed.) (2013) *Civic, ethnic, and regional identity: Yesterday, today, tomorrow*. Moscow, Russian Political Encyclopedia. 485 p. (In Russ.)
- Dyakonova, V. P. (1977) Religious cults of the Tuvans. In: *Monuments of culture of the peoples of Siberia and the North: The second half of the 19th – early 20th centuries*. Collection of articles. Ed. by D. A. Olderozge. Leningrad, Nauka. Vol. 33. 229 p. Pp. 172–216. (In Russ.)
- Khan, V. S. (2010) Social expectations from railway construction and mineral deposit development among the residents of Tuva (based on sociological research 2008–2010). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 161–177. (In Russ.)
- Khan, V. S. (2012) Social expectations and concerns of the population of Tuva regarding railway construction and mineral deposit development. In: Khomushku, O. M. (ed.) *Current issues in the study of ethno-ecological and ethno-cultural traditions of the peoples of Sayano-Altai*. Proceedings of the I Interregional Scientific and Practical Conference for Young Scientists, Graduate Students, and Students, 2012. Kyzyl, TuvGU. 300 p. Pp. 46–49. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan, M. B. (1987) *Ritual practice and folklore of Tuvan shamanism: Late 10th – early 20th century*. Novosibirsk, Nauka. 164 p. (In Russ.)
- Kuzhuget, A. K. (1998) Shagaa. *Krug znaniya*, vol. 1, pp. 44–51. (In Russ.)
- Kuzhuget, A. K. (2006) *Spiritual culture of the Tuvans: Structure and transformation*. Kemerovo, KemGUKI. 319 p. (In Russ.)

- Kurbatsky, G. N. (1973) *Tuvan holidays*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing house. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva between the past and the future*. 2nd ed. St. Petersburg, Aleteya. 368 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2013a) *Archaization of society: The Tuvan phenomenon*. Moscow, LENAND. 272 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2013b) Scientific research database “Russian models of archaization and neo-traditionalism in the context of modernization”. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 19–25. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2021a) On the book “Social stratification processes in the Republic of Tuva” (2020) / ed. by Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova, P. E. Sushko”. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 166–169. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250013770-0>
- Lamazhaa, Ch. K. (2021b) *Essays on modern Tuvan culture*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 192 p. (In Russ.)
- Lapin, N. I. (1993) Social values and reforms in crisis Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 17–27. (In Russ.)
- Mongush, A. A. (2012) Youth on socially significant problems of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 146–150. (In Russ.)
- Natsak, O. D. and Balakina, G. F. (2024) Gender differences in adaptive strategies of the population of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 177–192. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.11>
- Essays on the social development of the Tuvan ASSR* (1983) / Boiko, V. I., Beloshapkina, V. N., Shirshin, G. Ch. et al. Novosibirsk, Nauka. 264 p. (In Russ.)
- Popkov, Yu. V. and Tyugashev, E. A. (2012) Sociocultural movement in the humanities and the sociocultural approach. *Vestnik NGU. Ser.: Filosofiya*, vol. 10, no. 3, pp. 58–63. (In Russ.)
- Popkov, Yu. V. and Tyugashev, E. A. (2018) Economic culture of the Tuvans in the horizon of the sociocultural approach. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 22–39. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.2>
- Potapov, L. P. (1969) *Essays on the folk life of the Tuvans*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.)
- Sambuu, I. U. (1978) *Tuvan folk games: Historical and ethnographic essays*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing house. 140 p. (In Russ.)
- Sevek, V. K., Soyan, Sh. Ch. and Sevek, R. M. (2015) Youth of the Republic of Tuva and their social well-being. *Nauchnoe obozrenie*, no. 14, pp. 402–410. (In Russ.)
- Sorokin, P. A. (1992) *Man. Civilization. Society*. Moscow, Politizdat. 544 p. (In Russ.)
- Social stratification processes in the Republic of Tuva* (2020) / Golenkova, Z. T., Goliusova, Yu. V., Sushko, P. E. (eds.) Moscow; Kyzyl, FNISC RAN. 128 p. (In Russ.)
- Sociocultural studies of post-Soviet transition in Russia* (2022) / Lapin, N. I. (ed.) Moscow, IF RAN. 360 p. (In Russ.)
- Tuva: Native land* (2023) / Lamazhaa, Ch. K. and Suvandii, N. D. (eds.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 344 p. (In Russ.)
- Tuvans: Native people* (2022) / Lamazhaa, Ch. K. and Suvandii, N. D. (eds.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 344 p. (In Russ.)
- Tyutrina, K. S. (2010) Shagaa – the traditional holiday of modern Tuvans (based on press materials). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 211–217. (In Russ.)
- Throsby, D. (2001) *Economics and Culture*. New York, Cambridge University Press. 208 p.
- Hofstede, G. (1980) *Culture's Consequence International Differences in Work Related Values*. Beverly Hills CA: Sage Publication. 475 p.

Submission date: 04.10.2024.

Acceptance date: 31.10.2024.

DOI: 10.25178/nit.2025.1.7

Статья

История развития углехимических исследований в Туве

Любовь Х. Тас-оол, Марина П. Куликова

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов
Сибирского отделения РАН, Российская Федерация

В статье представлены неосвоенные ранее аспекты истории геолого-геохимических исследований тувинских углей (Республика Тыва, Россия) с 1982 г. по настоящее время, которые проводились в научных организациях и вузах Тувы.

В 1982–1985 гг. учеными и преподавателями Кызылского государственного педагогического института по заказу Института химии и химической технологии СО АН СССР был изучен минеральный состав углей, процессы пиролиза угля в потоке CO_2 сверхкритического растворения в автоклаве и др.

Дальнейшие исследования углубленной переработки угольного сырья выполнялись специалистами Тувинского комплексного отдела (ТКО) СО АН СССР (в 1986–1995 гг.), Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов (ТувИКОПР) СО РАН (с 1996 г. по н. в.). Исследования позволили раскрыть фундаментальные проблемы обогащения углей Улуг-Хемского бассейна, закономерности их термохимических превращений, режимы энерготехнологической переработки и др.

Ключевые слова: уголь; Тува; история науки; тувиноведение

Для цитирования:

Тас-оол Л. Х., Куликова М. П. История развития углехимических исследований в Туве // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 91–101. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.7>

Тас-оол Любовь Хертековна — кандидат химических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая химико-технологической лабораторией Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Эл. адрес: tasool51@mail.ru

Куликова Марина Петровна — кандидат химических наук, доцент, старший научный сотрудник химико-технологической лаборатории Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Эл. адрес: mpkulikova@mail.ru

TAS-OOL, Lyubov Khertekovna, Candidate of Chemical Sciences, Leading Researcher, Head, Chemical-technological Laboratory, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117A Internatsionalnaya St., Kyzyl, 667007, Russia. E-mail: tasool51@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5367-133X

KULIKOVA, Marina Petrovna, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Chemical-technological Laboratory, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117A Internatsionalnaya St., Kyzyl, 667007, Russia. E-mail: mpkulikova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2963-814X

Article

History of development of coal chemical research in Tuva

Lyubov H. Tas-ool, Marina P. Kulikova

*Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Natural Resources,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The article presents previously unexplored aspects of the history of geological and geochemical studies of Tuvan coals (Republic of Tuva, Russia) from 1982 to the present, conducted by scientific organizations and universities in Tuva.

Between 1982 and 1985, scientists and faculty members of the Kyzyl State Pedagogical Institute, commissioned by the Institute of Chemistry and Chemical Technology of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, studied the mineral composition of coal, the processes of coal pyrolysis in a CO₂ flow, supercritical dissolution in an autoclave, and other related phenomena.

Subsequent research on advanced coal processing was carried out by specialists from the Tuvan Complex Department (TCD) of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences (1986–1995) and the Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources (TuvIKOPR) of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (since 1996 to the present). These studies have helped address fundamental problems related to the beneficiation of coals from the Ulug-Khem Basin, the patterns of their thermochemical transformations, energy-technology processing modes, and other issues.

Keywords: coal; Tuva; history of science; Tuvan studies

For citation:

Tas-ool L. H. and Kulikova M. P. History of development of coal chemical research in Tuva. *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 91-101. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.7>

Введение

История геологических изысканий российских месторождений угля, в т. ч. история исследований углей Улуг-Хемского бассейна (УХБ) на территории Республики Тыва (Тува) в России, важна для понимания вклада разных исследователей, разных идей и подходов в углехимические исследования.

На сегодняшний день, несмотря на наличие сотни опубликованных и фондовых работ по тувинским углям, история самих исследований освещена лишь в одной монографии (Лебедев, 2007), одном разделе в коллективной монографии (Быкадоров и др., 2002), и одной статье (Котельников, Куликова, Прудников, 2020).

В этих работах изложена хронология поиска и разведки угольных месторождений, история исследований вещественного состава и углехимических свойств углей УХБ в XIX–XXI вв. В их числе:

— сведения об углях в Туве в сохранившихся записях российских путешественников, натуралистов, географов, геологов (Г. Н. Потанин, А. В. Адрианов, Д. А. Клеменц, П. Н. Крылов) в 1883–1920 гг. (см.: Быкадоров и др., 2002: 274);

— деятельность Министерства торговли и промышленности Танну-Тувинской Народной Республики по организации поисковых работ на уголь в целях обеспечения нужд г. Кызыла в 1921–1925 гг.

с открытием Чихачевского и Эрбекского месторождений на основе опроса населения (см.: Лебедев, 2007: 16);

– маршрутные и поисковые геологические работы ресурсов угля в Туве, организованные в разное время Минералогическим обществом (1903 г.), Геологическим комитетом (1917, 1920 г.), финским правительством (1917 г.), Академией наук СССР (1923–1927 гг.) (Быкадоров и др., 2002: 274; Лебедев, 2007: 14–17);

– планомерные геологоразведочные работы на уголь, организованные Министерством геологии, Академией наук СССР в 1944–1956, 1981–1992 гг. (Быкадоров и др., 2002: 275–276; Лебедев, 2007: 17–20);

– этапы развития технологических исследований по переработке тувинских углей (Котельников, Куликова, Прудников, 2020).

Основные черты геологического строения угольных месторождений Тувы, общие типы и признаки их регионального метаморфизма определены по результатам геологоразведочных изысканий, которые проводились с 1946 по 1990 гг.

В данной статье анализируются не освещенные аспекты истории исследований тувинских углей. В том числе: показан значимый вклад ученых-геологов Всероссийского научно-исследовательского геологоразведочного института (ВНИГРИУголь) в выяснение природы формирования уникальных свойств углей УХБ, сильно отличающихся от свойств углей иных месторождений (1985–1992 гг.); описана история появления и развития исследований тувинских углей в Кызылском государственном педагогическом институте (КГПИ) на лабораторной базе кафедры химии (1981–1985 гг.); проанализирован вклад сотрудников Химико-технологической лаборатории ТувИКОПР СО РАН в развитие исследований углубленной переработки тувинских углей за последние четыре года (с 2020 г.).

Хронологические рамки исследования: с 1982 г. — по н. вр.

Источниковая база исследования: публикации в научных журналах, материалах конференций и монографиях; тексты диссертаций; электронный каталог Тувинского филиала Территориального фонда геологической информации по Сибирскому федеральному округу (ТФГИ), а также личные воспоминания авторов.

Геологоразведочные исследования тувинских углей

Геологический очерк о сохранившихся записях путешествий российских географов и натуралистов (Г. Н. Потанин в 1883 г.; А. В. Адрианов в 1888 г.; Д. А. Клеменц в 1887 г.; П. Н. Крылов в 1902 г.), о хронологии изысканий по стратиграфии, литологии и тектоническому строению месторождений УХБ и др. угольных месторождений Республики Тыва, а также сведения о развитии углехимических¹ исследований в период геологоразведочных работ, опубликован коллективом сотрудников ВНИГРИУгля под руководством В. С. Быкадорова (Быкадоров и др., 2002: 274–276).

После вхождения Тувинской Народной Республики в состав СССР в 1944 г. и до 1956 г. на всей её территории разворачивается планомерный поиск и разведка угольных ресурсов с участием Министерства геологии СССР, Академии наук СССР, Украинского углехимического института (УХИН), Восточного научно-исследовательского углехимического института (ВУХИН) и других организаций. В 1946 г. к работе приступила Улуг-Хемская партия Красноярского геологического управления под руководством А. Л. Лосева. В рассматриваемый период установлены основные черты геологического строения и угленосности УХБ, определены петрографические типы, марочный состав, степень метаморфизма, качество и технологические свойства углей, проведена детальная разведка участков Каа-Хемского, Межегейского, Эрбекского и Элегестского месторождений с подсчетом их запасов по категориям А, В, С1. Результаты исследований этого этапа обобщены в геологических отчетах Территориального фонда геологической информации (ТФГИ) А. Л. Лосева, Г. Н. Трошковой, Н. А. Афанасьевой, И. Н. Николаева, В. А. Вехова, Д. М. Лисина, В. С. Быкадорова, Л. Г. Гончаровой и многих других геологов (Лебедев, 2007; Котельников, Куликова, Прудников, 2020).

¹ Понятие углехимии охватывает несколько взаимосвязанных значений, это — раздел химии, изучающий происхождение, состав, свойства твёрдых горючих ископаемых: сланцев, торфа, углей, а также химизм превращений при их переработке в полезные продукты и сырьевые материалы... См.: Углехимия [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Углехимия> (дата обращения 17.10.2024).

В период 1958–1980 гг. работы по изучению угленосности бассейна практически не велись, за исключением поисковых работ на Чихачевском месторождении и доразведки участков Каа-Хемского месторождения под открытую разработку, которая началась в 1970 г. Но проводился системный анализ ранее полученных результатов геологических изысканий, оценивались перспективы тувинских углей для коксохимической промышленности страны. Над научным обобщением геолого-геофизических материалов работали коллективы специалистов ВНИГРИугля, АО «Красноярская горно-геологическая компания» («Красноярскгеология»), Всероссийского научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ), Свердловского горного института. Лабораторно-технологические и полупромышленные испытания углей проводились в Восточном научно-исследовательском углехимическом институте (ВУХИН, г. Екатеринбург), Кузнецком научно-исследовательском и проектно-конструкторском институте углеобогащения (КузНИИУглеобогащение). Значимый вклад в поисково-разведочные работы с подсчетом запасов углей УХБ, исследовательские работы на угленосность бассейна и обогатимость углей внесли В. П. Алексеев, В. В. Блинников, О. Ф. Володарский, В. И. Вялов, В. А. Габеев, Н. Е. Дубовик, В. Н. Криканов, В. А. Круглов, В. В. Михайлов, А. А. Семеряков, Р. Т. Уссар, И. Я. Фактулин, В. В. Фромм, В. И. Шибанов, И. Ю. Яковлев и др. (Лебедев, 2007: 18–20; Быкадоров и др., 2002: 275).

Углехимические исследования УХБ, возобновленные в 1981 г. во многом силами Тувинской геологоразведочной экспедиции (Р. Т. Уссар, В. И. Шибанов, Н. Е. Дубовик и др.), были выполнены в соответствии с Программой геологоразведочных работ по изучению Улуг-Хемского бассейна на период 1984–1990 гг. (утв. протоколом Министерства геологии СССР в марте 1984 г. по поручению Совета Министров СССР от 23.01.1984 г.) для выяснения пригодности углей в коксохимической промышленности страны. Пункт 4.3.3. протокола совещания гласит: «Выполнить научно-исследовательские работы в части изучения закономерности угленакопления, изменения мощности угольных пластов, петрографического состава, качества и коксуетности углей, газоносности и горно-геологических условий эксплуатации»¹. К исполнению программы, помимо Тувинской геолого-разведочной экспедиции (Тувинская ГРЭ), были привлечены также коллективы ВНИГРИуголь и ВУХИН. Программа была завершена в 1992 г.

В тот период коллектив ученых под руководством д. г.-м. н. В. И. Вялова (ответственный исполнитель программы во ВНИГРИуголь) в ходе детального анализа данных углепетрографических, углехимических исследований показал, что уникальность углей УХБ связана с особенностями их вещественно-петрографического состава, обусловившими высочайшие спекающие свойства (Вялов, Корнилов, Черезов, 1991). На основе полученных результатов была установлена новая маркировка тувинских углей, уже не только как Г (газовые), но и как ГЖ, Ж (газово-жирные, жирные) по ГОСТ 25543-88. Были исправлены ранее допущенные серьезные ошибки в определении показателя отражения витринита и соответственно степени метаморфизма углей (марочный состав), и особенно — в оценке спекаемости (толщины пластического слоя «У»), возникавшие из-за окисления угольных проб перед анализом вследствие долгого хранения.

Невозможность оценки величины усадки (показатель «Х») угля и серьезное искажение значений «У» были связаны с высокой вспучиваемостью и текучестью угля при быстром нагреве, что приводило к ложному выводу об отсутствии спекающих свойств углей и, соответственно, неправильной оценке направлений их рационального использования. Ошибки были устранены после модернизации в ВУХИН (в 1988 г.) методики пластометрического анализа на аппарате Сапожникова, устраняющей затекание пластической массы. Оказалось, что угли основного пласта «Улуг» обладают имеют толщину пластического слоя «У» до 40–50 мм и более и представляют собой уникальную высококачественную спекающую основу для производства металлургического кокса.

Сложность и уникальность вещественно-петрографического состава и др. показателей углей УХБ определяет необходимость их дальнейших комплексных исследований; в настоящее время остаются невыясненными до конца многие научные проблемы, в их числе геохимия органического и неорганического веществ углей, оценка качества и уникальных свойств, направлений рационального использования углей, углеродных материалов и иных продуктов их переработки.

¹ Шибанов В. И. Отчет по теме «Обобщение результатов геологоразведочных работ по Улугхемскому угольному бассейну по состоянию на 01.01.93 г.» 1 кн., 1 п., 20 р. Кызыл. 1994, 227 л. // ТФГИ по РТ, № 2179.

Первые исследования углей учеными Тувы

К научным исследованиям углей впервые из числа национальных кадров республики приступили в 1982 г. трое преподавателей Кызылского государственного педагогического института (КГПИ):

— к. х. н. Л. Х. Тас-оол (окончила химический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в 1973 г., аспирантуру — там же в 1977 г.¹),

— к. х. н. К. Д. Аракчаа (окончила химический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в 1972 г., аспирантуру — Института геохимии и аналитической химии АН СССР в 1978 г.²),

— к. ф-м. н. М. А.-Х. Ондар³ (окончил КГПИ в 1969 г., аспирантуру — Института химической физики АН СССР в 1981 г.).

Первый заказ на исследование процессов пиролиза каахемских углей в форме хозяйственного договора поступил ректору КГПИ от директора Института химии и химической технологии (ИХиХТ) СО АН СССР (г. Красноярск) в 1982 г. По результатам отчета за 1982 г. исследования были пролонгированы на 1983, 1984 гг.⁴

Над выполнением этих научных договоров работали: Л. Х. Тас-оол (руководитель договора, зав. кафедрой химии), К. Д. Аракчаа (главный исполнитель, старший преподаватель кафедры химии), к. ф-м. н. М. А.-Х. Ондар (исполнитель, старший преподаватель кафедры физики). Исследования были выполнены на лабораторной базе кафедры химии КГПИ. Как вспоминает К. Д. Аракчаа:

«Это был очень интересный и продуктивный период в деятельности кафедры химии: эксперименты по пиролизу углей на установках, собранных собственными руками, хроматографический анализ газовых продуктов термического разложения образцов углей, химический анализ твердых продуктов пиролиза, ЭПР-спектроскопия, обсуждение полученных результатов, их сравнение с литературными сведениями, подготовка и публикация научных статей, отчеты, выступления на конференциях и т. д.»⁵.

С 1983 по 1985 г. К. Д. Аракчаа, как главный исполнитель научного проекта, представляла ежегодные отчеты по тематикам исследований (минеральный состав каахемского и чаданского углей; пиролиз угля в потоке CO_2 при 450–950°C; суперкритическое растворение угля в автоклаве при давлениях 9–13 МПа) В. С. Кажин-оолу, секретарю обкома КПСС Тувинской АССР по промышленности (в 1974–1985 гг.), первому заместителю Председателя Совета министров Тувинской АССР (в 1985–1987 гг.). Исполнители проекта выступали с докладами на 1-й республиканской научно-практической конференции «Охрана окружающей среды и человек» (1985 г., г. Кызыл) и всесоюзной конференции «Современные проблемы химической технологии» (1986 г., г. Красноярск). Основные результаты исследований опубликованы в материалах этих конференций (Аракчаа, Тас-оол, 1986; Тас-оол, Аракчаа, Ондар, 1985, 1986; Аракчаа и др., 1985; Соднам и др., 1986; и др.⁶).

Изучение качественного состава продуктов термического разложения угля (пиролиз, суперкритическое ожижение) методами газовой хроматографии, ЭПР-спектроскопии проводилось при участии студентов биолого-химического факультета КГПИ и учебно-вспомогательного персонала кафедры химии.

¹ Тас-оол Л. Х. Изучение физико-химических свойств катионных форм цеолитов методом ИК спектроскопии: автореф. дис. ... канд. хим. наук. М., 1979.

² Монгуш (Аракчаа) К. Д. Об особенностях цветных реакций алюминия и других элементов с 2, 7-бисазозамещенными хромотроповой кислоты в водноорганических уксуснокислых средах: автореф. дис. ... канд. хим. наук. М., 1980.

³ Ондар М. А.-Х. Электронный парамагнитный резонанс нитроксильных моно- и бирадикалов в двухмиллиметровом диапазоне длин волн: автореф. дисс. ... канд. физ.-матем. наук. М., 1983.

⁴ Тас-оол Л. Х. Исследование пиролиза каменных углей Каа-Хемского месторождения Тув. АССР // Отчет по хозяйственному договору с ИХиХТ СО АН СССР (рукописн.). г. Кызыл, КГПИ, 1983; Тас-оол Л. Х. Исследование процессов химической переработки каменных углей Тув. АССР // Отчет по хозяйственному договору с ИХиХТ СО АН СССР (рукописн.). г. Кызыл, КГПИ, 1984; Тас-оол Л. Х. Исследование процессов химической переработки каменных углей Тув. АССР // Отчет по хозяйственному договору с ИХиХТ СО АН СССР (рукописн.). г. Кызыл, КГПИ, 1985.

⁵ Ученые Тувы. Аракчаа Кара-кыс Донгаковна / авт.-сост. У. П. Бичелдей и др. Абакан: Кооператив «Журналист», 2015. С. 13.

⁶ Соднам Н. И., Тас-оол Л. Х., Аракчаа К. Д., Щипко М. Л., Кузнецов В. Н., Кузнецов П. Н. Пути комплексной переработки каменных углей // Новые направления в комплексной переработке природного органического сырья. Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Современные проблемы химической технологии». Красноярск: б. и., 1986. Т. 3. С. 77–79.

Рис. 1. Сотрудники лаборатории синтетического жидкого топлива КАТЭКНИИУголь со Светланой Ондар, студенткой 5 курса естественно-географического факультета КГПИ (первый ряд, справа), 1982 г. Из личного архива С. Д. Ондар.

Fig. 1. Staff of the laboratory of synthetic liquid fuel of KATEKNIUgol with Svetlana Ondar, 5th year student of the Natural Geography Department of KSPI (first row, right), 1982. From the personal archive of S. D. Ondar.

Выпускник «биохима» В. И. Котельников защитил диссертацию в 2010 г.¹, работал директором ТувКОПР СО РАН в 2015–2020 гг. В 1981 г. впервые в истории КГПИ была успешно реализована практика направления лучшего студента С. Д. Ондар (рис. 1) в крупный научный центр Минуглепрома СССР — КАТЭКНИИУголь (Научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт по проблемам развития Канско-Ачинского угольного бассейна, г. Красноярск) для выполнения на базе лаборатории синтетического жидкого топлива дипломной работы по свойствам угля, сложного неоднородного объекта горячей горной породы.

Позднее, для подготовки квалифицированных специалистов в области углехимических исследований трое молодых преподавателей кафедры химии были направлены в аспирантуру ведущих научных институтов: Н. И. Соднам² (Институт химии природного органического сырья Объединенного института химии и химической технологии СО АН СССР, Красноярск, 1987–1990), С. Д. Ондар (Институт горючих ископаемых, Москва, 1984–1987), Н. К.-К. Ховалыг³ (МГУ, Москва, 1988–1991).

Необходимость более углубленного изучения свойств тувинских углей и возможностей их промышленной переработки активно обсуждалась в 1986 г. на заседании Президиума СО Академии наук СССР по инициативе профессора, д. х. н. Б. Н. Кузнецова, заместителя директора по научной работе ИХиХТ СО АН СССР (в 1981–1989 г.) и Ч.-Д. Б. Ондара, председателя Совета министров Тувинской АССР (в 1977–1984 г.), председателя Президиума Верховного Совета Тувинской АССР 6-го созыва (в 1984–1990 г.). Сибирское отделение продемонстрировало решимость в расширении географии научных исследований — постановлением Президиума АН СССР от 11 июня 1986 г. № 858 был создан

¹ Котельников В. И. Разработка конструкции малогабаритного устройства непрерывного пиролиза твердого органического топлива в термически нагруженном слое: автореф. дисс. ... канд. техн. наук. Барнаул, 2010.

² Соднам Н. И. Физико-химические особенности термохимических превращений газовых углей Каа-Хемского месторождения: автореф. дисс. ... канд. техн. наук. Красноярск, 1990.

³ Ховалыг Н. К.-К. Спектроскопическое исследование процессов атомизации германия (пламя, печь, месакювета) и бора (плазма) с использованием термодинамических расчетов: автореф. дисс. ... канд. хим. наук. М., 1995.

Тувинский комплексный отдел (ТКО) СО АН СССР (на правах института) на базе двух действующих лабораторий — Тувинской экономической лаборатории (ТЭЛ) Института экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) СО АН СССР, открытого в г. Кызыл в 1975 г. и Тувинской геологической лаборатории (ТГЛ) Института геологии и геофизики СО АН СССР, открытого в Кызыле в 1979 г.

На собрании ученых Тувы, созванном Обкомом КПСС в июне 1986 г. по случаю открытия ТКО СО АН СССР, академик А. С. Исаев, директор Института леса СО АН СССР, отметил, что в задачах вновь созданного Отдела предусматривается расширение поля исследований, к уже проводимым (изучение развития и размещения производительных сил республики, социально-экономические проблемы, геолого-экономическая оценка минерального сырья) добавится новое направление, ориентированное на изучение природных органических ресурсов, в их числе угольных месторождений республики. В круг интересов научных сотрудников войдут фундаментальные и прикладные исследования в области комплексного изучения и освоения природных ресурсов региона, разработки химических технологий и моделирования процессов глубокой комплексной переработки минерального сырья, региональной экономики и геоэкологии.

Директором ТКО СО АН СССР был назначен к. т. н. Н. А. Ажищев из ИХХТ СО АН СССР. О работе молодого директора вспоминает д. э. н. Г. И. Ханин, работавший в Туве в 1987–1989 гг.:

«Ажищеву в то время не было ещё 30 лет, пожалуй, самой замечательной его чертой была смелость — редчайшее качество среди научных работников СССР. Нужно было быть очень смелым человеком, чтобы решиться возглавить формирование нового научного центра в регионе, где научных сил было тогда совсем ничтожное количество (в основном геологи). К тому же ещё в регионе с тяжёлыми климатическими условиями, связанном с остальной территорией СССР только авиационными и автомобильным транспортом. Только поэтому эту непростую задачу доверили всего лишь неприлично молодому человеку для такой должности кандидату технических наук. И надо сказать, что он сделал максимум возможного для решения этой задачи. ... За свою теперь уже немалую жизнь я редко встречал столь интеллектуально ярких людей, как Ажищев»¹.

В связи с тем, что поле исследований ТКО значительно расширилось, штатный состав исследователей Отдела был усилен приглашением квалифицированных специалистов из КГПИ и др. городов. Заведующими новых лабораторий были назначены: лаборатории технологий углепереработки — к. т. н. Н. М. Коновалов из ИХиХТ СО АН СССР; лаборатории математического моделирования — д. х. н. Г. С. Яблонский из Института катализа СО АН СССР, г. Новосибирск, лаборатории адсорбционных процессов — к. т. н. А. К. Ставаш, лаборатории гетерогенного катализа — к. т. н. А. Ф. Константинов из Ленинградского технологического института им. Ленсовета; лаборатории физико-химических методов исследований (ФХМИ) — к. ф.-м. н. М. А.-Х. Ондар из КГПИ. Учёным секретарём ТКО была назначена к. х. н. К. Д. Аракчаа. Это был первый опыт объединения квалифицированных научных сил Сибири в комплексном многопрофильном научном учреждении республики для проведения академических исследований.

Научные учреждения Сибири оказывали активную помощь в укреплении аппаратной базы фундаментальных исследований. Так, Институт химической кинетики и горения СО АН СССР передал лаборатории ФХМИ спектрофотометр и термический анализатор, Институт органической химии СО АН СССР — спектрометр ЯМР (ядерный магнитный резонанс), Институт катализа СО АН СССР — спектрометр ЭПР-3 (электронный парамагнитный резонанс). Заведующим лаборатории технологии углепереработки Н. М. Коноваловым в 1988 г. была изготовлена экспериментальная установка высокотемпературной переработки углей, в 1990 г. разработан соответствующий лабораторный технологический регламент на процессы переработки угля в кипящем слое. Под его руководством молодые специалисты начали исследовать процессы пиролиза и газификации углей на данной экспериментальной установке.

Исследование углубленной переработки тувинских углей в ТувИКОПР СО РАН

Результаты первых углехимических работ, полученных коллективами КГПИ и ТКО, предопределили их дальнейшее развитие, ориентированное на энерготехнологическую переработку углей,

¹ Ханин Г. И. В Туве // Идеи и идеалы. 2013. № 2(16). С. 119.

поиск эффективных способов и режимов их обогащения (предварительная активация, механохимическое воздействие, химическая обработка и др.) на базе уже Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук (ТувИКОПР СО РАН). Постановлением Президиума РАН от 25.04.1995 г. № 96 ТКО был преобразован в ТувИКОПР.

В разные периоды заведующими химико-технологической лаборатории работали: к. х. н. М. П. Куликова (1994–1996), к. т. н. Т. Х. Самданчап (1997–1999), к. ф.-м. н. В. М. Логинов (2000–2001), к. т. н. Ю. Д. Каминский (2002–2014), к. т. н. В. И. Котельников (2014–2016), к. х. н. Л. Х. Тас-оол (с 2017 г. — по н. в.). Описание проведенных коллективом научных и прикладных исследований изложено в отдельной публикации (Котельников, Куликова, Прудников, 2020).

В ТувИКОПР СО РАН фундаментальные и прикладные исследования в области химико-технологических наук проводились в соответствии с основными заданиями Сибирского отделения РАН. На основе результатов теоретических и экспериментальных исследований были систематизированы современные тенденции развития угледобычи, предложена структурная схема энерго-технологического комплекса по переработке углей Тувы. Проведены расчёты технико-экономических показателей создания углехимического комплекса на базе Элегестского месторождения с постепенным переходом на глубокую переработку углей (Куликова, Балакина, 2019), предложена структура инновационных предприятий по производству малотоннажной продукции на основе углепереработки в регионе (Куликова, Балакина, 2023).

В настоящее время (2021–2025 гг.) коллектив химико-технологической лаборатории института под руководством Л. Х. Тас-оол работает над темой «Исследование ресурсосберегающих процессов углубленной переработки угленосных формаций и техногенных отходов» по федеральной целевой программе «Комплексная, технологически эффективная и экологически безопасная добыча, обогащение и глубокая переработка минерального сырья. Монографические и цифровые модели нефтегазоносных провинций и бассейнов территорий и акваторий Российской Федерации, включая Арктическую зону; разработка стратегии долговременного развития нефтегазовых и угольных комплексов Европейской части России, Сибири, Дальнего Востока, Арктической зоны России с учётом глобальных экономических, социальных и демографических тенденций».

Исследования направлены на получение новых знаний о закономерностях термохимических превращений угля, и его флотационного обогащения, для разработки инновационных технологий и оборудования глубокой переработки. Выявлено влияние сверхкритических термобарических условий на эффективность извлечения каменноугольного пека и высокомолекулярных продуктов из структуры угля (Солдуп, Патраков, 2021), условий обогащения каахемского угля на выход кондиционного кокса (Куликова, Тас-оол, 2024). Определены изменения структурно-текстурных показателей углей при их модифицировании в качественные углеродные сорбенты (Монгуш, Баранова, Сапелкина, 2022). По результатам исследования петрографического состава и геохимии органического вещества угля установлено, что накопление и преобразование межегейских углей происходило в восстановительной обстановке сильно обводненных застойных торфяных болот (Ондар, Бушнев, 2022). Обоснованы сдерживающие и способствующие факторы развития добычи угля и реализации проекта «Тувинский кокс» в Республике Тыва (Куликова, Балакина, 2023), оценены возможные сценарии и перспективы реализации проекта. Разработаны эффективные методы и режимы тепловлажностной и термической обработки вскрышных пород угледобычи для производства стеновых строительных материалов, пористых заполнителей легких бетонов (Кара-Сал, Саая, Солдуп, 2023). Показана перспективность тувинских углей и их золы в качестве потенциального источника для получения серебра и палладия (Ондар, Янчат, 2023).

За последние пять лет защитили диссертации на соискание ученых степеней трое сотрудников: С. А. Ондар¹, Г. Р. Монгуш² и М. О. Молдурушку³. Научные разработки учёных неоднократно были отмечены наградами и дипломами. Так, М. О. Молдурушку — победитель конкурса на получение Премии Главы РТ в области науки и технологии в 2023 г. (по теме «Исследование и разработка тех-

¹ Ондар С. А. Петрографический состав и геохимия органического вещества среднеюрских углей Улуг-Хемского бассейна: автореф. дисс. ... канд. геол.-мин. наук. М., 2024.

² Монгуш Г. Р. Совершенствование энерготехнологической переработки спекающихся углей: автореф. дисс. ... канд. техн. наук. Красноярск, 2023.

³ Молдурушку М. О. Разработка технологии извлечения мышьяка из отходов аммиачно-автоклавного передела кобальтсодержащих руд: автореф. дисс. ... канд. техн. наук. Томск, 2018.

нологических процессов переработки шламовых отходов кобальтового производства»); Ш. Н. Солдуп награжден Золотой медалью «Медаль выставки» на 19-й межрегиональной универсальной выставке-ярмарке «Тыва эскпо — 2018. Весна» в номинации «Инновационные научные разработки и технологии»; С. А. Ондар — обладатель грантов Председателя Правительства Республики Тыва для поддержки молодых ученых Республики Тыва по двум проектам: «Геохимия органического вещества каменных углей Улуг-Хемского бассейна в контексте ее взаимосвязи с технологическими свойствами углей (на примере Каа-Хемского месторождения)» (2017–2018), «Предварительная оценка содержания драгоценных металлов (Au, Pt) в углях Улуг-Хемского бассейна», 2020–2021 гг.; Г. Р. Монгуш награжден в 2019 г. грамотой Мэрии г. Кызыла как занявший 1 место в конкурсе «Лучший молодой ученый города Кызыла» по направлению «Технические науки».

Последние два года молодые сотрудники химико-технологической лаборатории принимали активное участие в международных форумах, выставках и конференциях: «Региональная экономика: технология, экономика, экология и инфраструктура» (г. Кызыл, Россия, 2023), «III Конгресс молодых ученых / Федеральный центр «Сириус» (г. Сочи, Россия, 2023); «Развитие производительных сил Кузбасса: история, современный опыт, стратегия будущего» (г. Кемерово, Россия, 2023); «40th Annual Meeting of the Society for Organic Petrology» (Улан-Батор, Монголия, 2024).

Сотрудники лаборатории активно взаимодействуют с учеными Тувинского государственного университета, Тувинского Научного Центра, Красноярского, Новосибирского, Кемеровского научных центров СО РАН (Институт химии и химической технологии, Институт химии твердого тела и механохимии, Институт угля ФИЦ УУХ СО РАН), Института геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН. Так, М. П. Куликова, Г. Р. Монгуш участвуют в подготовке профессиональных кадров, совмещают научную работу с преподавательской деятельностью в Тувинском государственном университете¹. Ряд исследований сотрудников химико-технологической лаборатории выполняется совместно с сотрудниками Сибирского Федерального университета (г. Красноярск), Института угля ФИЦ УУХ СО РАН (г. Кемерово), Института геологии (г. Сыктывкар). В 2024 г. установлено сотрудничество с учеными зарубежных научных центров: China University of Mining and Technology (Китай), National University of Mongolia (Монголия), Queensland University of Technology (Австралия). В планах — участие сотрудников лаборатории в международных исследовательских научных программах и проектах.

Заключение

В статье показана история становления и развития геохимических исследований тувинских углей, дополненная новыми сведениями: о вкладе работ геологов ВНИГРИуголь, выявивших природу формирования уникальных свойств углей УХБ; о работе преподавателей кафедры химии КГПИ (Л. Х. Тас-оол, К. Д. Аракчаа), кафедры физики КГПИ (М. А.-Х. Ондар), по изучению термических превращений тувинских углей в 1982–1985 гг., а также представлены новые данные о развитии исследований углубленной переработки тувинских углей в ТувИКОПР СО РАН с 2020 г. Выделены хронологические периоды исследований углей УХБ: геологоразведочные исследования (1883–1992); первые исследования углей учеными Тувы (1982–1996 гг.); исследования углубленной углехимической переработки углей в настоящее время.

Проводимые научным коллективом исследования, несомненно, имеют фундаментальную и прикладную значимость, т. к. уголь относится к стратегическому минеральному сырью, обеспечивающему экономическую и оборонную стабильность страны. На основе научных разработок сотрудников химико-технологической лаборатории обосновано создание углехимического комплекса в Республике Тыва с постепенным переходом на глубокую переработку угля с получением моторных топлив, химических веществ и других ценных продуктов, а также экологически чистой тепловой и электрической энергии. Исследования соответствуют приоритетам стратегии научно-технического развития РФ в части п. 20 б) переход к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, повышение эффективности добычи и глубокой переработки углеводородного сырья, формирование новых источников, способов транспортировки и хранения энергии. Несмотря на имеющиеся пер-

¹ Куликова М. П. Химическая технология: учебное пособие для бакалавров направления подготовки «Химия». Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2012; Она же. Дистанционный курс «Химическая технология. Ч.1»: для обучения по направлению подготовки 44.03.05, профили «биология», «химия». Кызыл, ЦДО ТувГУ, 2019.

спективные разработки по глубокой переработке и эффективному энерготехнологическому использованию тувинских углей в настоящее время уголь Тувы продолжает реализовываться в основном как энергетическое топливо для нужд региона, и лишь некоторая часть направляется за его пределы на металлургические предприятия.

Задача коллектива на будущее — наращивать и расширять научно-исследовательскую деятельность, особенно в области внедрения инновационных разработок в угольную индустрию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аракчаа, К. Д., Тас-оол, Л. Х. (1986) Состав зол и шлаков Тувинских углей и возможности их утилизации // Взаимодействие человека с природой и вопросы охраны окружающей среды. Материалы I республиканской научн.-практ. конф. / отв. ред. Ю. А. Хворов. Кызыл: Кызылский госпединститут. 62 с. С. 36–40.

Аракчаа, К. Д., Тас-оол, Л. Х., Новикова, Л. Н., Шульгин, О. К. (1985) Экологические вопросы энергетического использования углей Тувы // Охрана окружающей среды и человек. Тезисы докл. 1-й респ. научн.-практ. конф. (15–17 октября 1985) / отв. ред. Р. Ф. Петрова. Кызыл: Кызылский госпединститут. 28 с. С. 14–16.

Быкадоров, В. С., Вялов, В. И., Подкаменный, А. А., Шибанов, В. И. (2002) Улугхемский бассейн и другие угольные месторождения Республики Тыва // Угольная база России. Т. III. Угольные бассейны и месторождения Восточной Сибири. / гл. ред. В. Ф. Череповский. М.: ООО «Геоинформцентр». 488 с. С. 270–364.

Вялов, В. И., Корнилов, Ю. Н., Черезов, М. Ю. (1991) Петрографический состав и метаморфизм углей Улугхемского бассейна // Советская геология. № 5. С. 3–7.

Кара-Сал, Б. К., Саая, Б. О., Солдуп, Ш. Н. (2023) Аргиллитовые вскрышные породы угледобычи — техногенный ресурс для производства гранулированного теплоизоляционного материала // Уголь. № 11. С. 108–112.

Котельников, В. И., Куликова, М. П., Прудников, С. Г. (2020) История и этапы исследований каменных углей и их переработки в Туве // Новые исследования Тувы. № 2. С. 225–239. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.16>

Куликова, М. П., Балакина, Г. Ф. (2019) Перспективы развития углеперерабатывающих производств в Республике Тыва // Уголь. № 11. С. 15–18.

Куликова, М. П., Балакина, Г. Ф. (2023) Проект «Тувинский кокс»: проблемы и перспективы развития угледобычи в Республике Тыва // Горная промышленность. № 4. С. 61–64.

Куликова, М. П., Тас-оол, Л. Х. (2024) Интенсификация флотационного обогащения углей Каа-Хемского месторождения // Кокс и химия. № 9. С. 35–38.

Лебедев, Н. И. (2007) Угли Тувы: состояние и перспективы освоения сырьевой базы. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН. 180 с.

Монгуш, Г. Р., Баранова, М. П., Сапелкина, Т. В. (2022) Физико-химические основы технологии получения сорбентов из каменных углей активацией гидроксидом калия // Химия в интересах устойчивого развития. Т. 30. № 5. С. 534–542.

Ондар, С. А., Янчат, Н. Н. (2023) Серебро и палладий в углях Каа-Хемского месторождения (предварительная оценка) // Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: Материалы 4-й Международ. научн.-практ. конф., Кызыл (9–10.10.2023) / отв. ред. Ш. Ч. Соян. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН. 340 с. С. 197–200.

Ондар, С. А., Бушнев, Д. А. (2022) Органическое вещество и геохимия углей среднеюрского возраста Межегейского месторождения (Улуг-Хемский бассейн, Тыва) // Известия ТПУ. Инжиниринг Георесурсов. Т. 333. № 11. С. 71–80.

Солдуп, Ш. Н., Патраков, Ю. Ф. (2021) Термическое растворение каменного угля Каа-Хемского месторождения Тувы в среде сверхкритического бензола // Кокс и химия. № 1. С. 8–12.

Тас-оол, Л. Х., Аракчаа, К. Д., Ондар, М. А. (1985) Проблемы химического и энергетического использования каменных углей Тув. АССР // Охрана окружающей среды и человек: Тезисы докл. 1-й респ. научн.-практ. конф. (15–17 октября 1985) / отв. ред. Р. Ф. Петрова. Кызыл: Кызылский госпединститут. 28 с. С. 12–13.

Тас-оол, Л. Х., Аракчаа, К. Д., Ондар, М. А. (1986) Исследование процессов химической переработки каменных углей Тув. АССР // Взаимодействие человека с природой и вопросы охраны окружающей среды. Материалы

I республиканской научн.-практ. конф., проходившей 15–17 октября 1985 г. / отв. ред. Ю. А. Хворов. Кызыл : Кызылский госпединститут. 62 с. С. 33–36.

Дата поступления: 09.10.2024 г.

Дата принятия: 12.11.2024 г.

REFERENCES

- Arakchaa, K. D. and Tas-ool, L. Kh. (1986) Composition of ashes and slags of Tuva coals and possibilities of their utilization. In: *Interaction of man with nature and environmental protection issues*. Proceedings of the 1st Republican Scientific and Practical Conference, ed. by Yu. A. Khvorov. Kyzyl, Kyzyl State Pedagogical Institute. 62 p. Pp. 36–40. (In Russ.)
- Arakchaa, K. D., Tas-ool, L. Kh., Novikova, L. N. and Shulgin, O. K. (1985) Environmental issues of energy utilization of Tuva coals. In: *Environmental protection and man*. Abstracts of the 1st Republican Scientific and Practical Conference (October 15–17, 1985), ed. by R. F. Petrova. Kyzyl, Kyzyl State Pedagogical Institute. 28 p. Pp. 14–16. (In Russ.)
- Bykadorov, V. S., Vyalov, V. I., Podkamenny, A. A. and Shibanov, V. I. (2002) Ulug-Khem Basin and other coal deposits of the Republic of Tuva. In: *Coal base of Russia. Vol. III. Coal basins and deposits of Eastern Siberia*, ed. by V. F. Cherepovsky. Moscow, Geoinformcenter LLC. 488 p. Pp. 270–364. (In Russ.)
- Vyalov, V. I., Kornilov, Yu. N. and Cherezov, M. Yu. (1991) Petrographic composition and metamorphism of coals in the Ulug-Khem Basin. *Sovetskaya Geologiya*, no. 5, pp. 3–7. (In Russ.)
- Kara-Sal, B. K., Saaya, B. O. and Soldup, Sh. N. (2023) Argillite overburden rocks of coal mining — a technogenic resource for the production of granular thermal insulation material. *Ugol*, no. 11, pp. 108–112. (In Russ.)
- Kotelnikov, V. I., Kulikova, M. P. and Prudnikov, S. G. (2020) History and stages of coal research and processing in Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 225–239. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.16>
- Kulikova, M. P. and Balakina, G. F. (2019) Prospects for the development of coal processing enterprises in the Republic of Tuva. *Ugol*, no. 11, pp. 15–18. (In Russ.)
- Kulikova, M. P. and Balakina, G. F. (2023) Project “Tuvian Coke”: problems and prospects for the development of coal mining in the Republic of Tuva. *Gornaya Promyshlennost*, no. 4, pp. 61–64. (In Russ.)
- Kulikova, M. P. and Tas-ool, L. Kh. (2024) Intensification of flotation coal beneficiation of the Kaa-Khem deposit. *Koks i Khimiya*, no. 9, pp. 35–38. (In Russ.)
- Lebedev, N. I. (2007) *Coals of Tuva: state and prospects for the development of the raw material base*. Kyzyl, TuvIKOPR SB RAS. 180 p. (In Russ.)
- Mongush, G. R., Baranova, M. P. and Sapelkina, T. V. (2022) Physico-chemical fundamentals of the technology for producing sorbents from bituminous coals by activation with potassium hydroxide. *Khimiya v Interesakh Ustoichivogo Razvitiya*, vol. 30, no. 5, pp. 534–542. (In Russ.)
- Ondar, S. A. and Yanchat, N. N. (2023) Silver and palladium in coals of the Kaa-Khem deposit (preliminary assessment). In: *Regional Economy: Technologies, Economics, Ecology and Infrastructure*. Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference, Kyzyl (October 9–10, 2023), ed. by Sh. Ch. Soyán. Kyzyl, TuvIKOPR SB RAS. 340 p. Pp. 197–200. (In Russ.)
- Ondar, S. A. and Bushnev, D. A. (2022) Organic matter and geochemistry of Middle Jurassic coals of the Mezhegy deposit (Ulug-Khem Basin, Tuva). *Izvestiya TPU. Engineering of Georesources*, vol. 333, no. 11, pp. 71–80. (In Russ.)
- Soldup, Sh. N. and Patrakov, Yu. F. (2021) Thermal dissolution of bituminous coal from the Kaa-Khem deposit of Tuva in a supercritical benzene medium. *Koks i Khimiya*, no. 1, pp. 8–12. (In Russ.)
- Tas-ool, L. Kh., Arakchaa, K. D. and Ondar, M. A. (1985) Problems of chemical and energy utilization of bituminous coals of the Tuva ASSR. In: *Environmental protection and man*. Abstracts of the 1st Republican Scientific and Practical Conference (October 15–17, 1985), ed. by R. F. Petrova. Kyzyl, Kyzyl State Pedagogical Institute. 28 p. Pp. 12–13. (In Russ.)
- Tas-ool, L. Kh., Arakchaa, K. D. and Ondar, M. A. (1986) Study of chemical processing of bituminous coals of the Tuva ASSR. In: *Interaction of man with nature and environmental protection issues*. Proceedings of the 1st Republican Scientific and Practical Conference (October 15–17, 1985), ed. by Yu. A. Khvorov. Kyzyl, Kyzyl State Pedagogical Institute. 62 p. Pp. 33–36. (In Russ.)

Submission date: 09.10.2024.

Acceptance date: 12.11.2024.

DOI: 10.25178/nit.2025.1.8

Статья

История развития фундаментальных геологических исследований в Туве

Сергей Г. Прудников, Чойганмаа К. Ойдуп

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов
Сибирского отделения РАН, Российская Федерация

В статье анализируется история развития академических геологических исследований в Туве. Исследование основано на анализе научных публикаций и научных разработок сотрудников Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, на личных воспоминаниях ученых-геологов.

Рассматривается история организаций научных структур в Туве, которые занимались академическими геологическими изысканиями начиная с 1975 г. Выделены периоды в данном процессе, дана характеристика каждому периоду, названы подразделения, имена ученых, оценен их вклад. Отмечается, что в настоящее время единственным учреждением, занимающимся комплексными фундаментальными геолого-металлогенетическими исследованиями в области геологического изучения недр Тувы является Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, в котором есть лаборатория геодинамики, магматизма и рудообразования. Наряду с проведением фундаментальных исследований в области наук о Земле, сотрудники лаборатории выполняют значительный объем регионально ориентированных геолого-металлогенетических, геоэкологических исследований.

Ключевые слова: Тува; история науки; история геологии; тувиноведение; ТувИКОПР СО РАН

Работа выполнена по государственному заданию ТувИКОПР СО РАН Проект № 121031500140-2 (FUS-2021-0002).

Для цитирования:

Прудников С. Г., Ойдуп Ч. К. История развития фундаментальных геологических исследований в Туве // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 102-117. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.8>

Прудников Сергей Григорьевич — кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией геодинамики, магматизма и рудообразования Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Эл. адрес: prudnikov_s@inbox.ru

Ойдуп Чойганмаа Кыргысовна — кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории геодинамики, магматизма и рудообразования Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Эл. адрес: oidup_ch@mail.ru

PRUDNIKOV, Sergei Grigoryevich, Candidate of Geology and Mineralogy, Leading Researcher, Head, Laboratory of Geodynamics, Magnetism and Ore Formation, Tuvinian Institute for Exploration of the Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a Internatsionalnaya St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: prudnikov_s@inbox.ru **ORCID: 0000-0002-1012-0036**

OYDUP, Choyganmaa Kyrgyzovna, Candidate of Geology and Mineralogy, Leading Researcher, Laboratory of Geodynamics, Magnetism and Ore Formation, Tuvinian Institute for Exploration of the Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a Internatsionalnaya St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: oidup_ch@mail.ru **ORCID: 0000-0002-2141-1445**

Article

History of development of fundamental geological research in Tuva

Sergey G. Prudnikov, Choiganmaa K. Oidup

*Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Natural Resources,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The article analyzes the history of the development of academic geological research in Tuva. The study is based on an analysis of scientific publications and research conducted by employees of the Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Natural Resources of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, as well as on the personal recollections of geologist-scientists.

The history of scientific organizations in Tuva engaged in academic geological research since 1975 is examined. The study identifies distinct periods in this process, provides a characterization of each period, lists subdivisions and names of scientists, and assesses their contributions. It is noted that, at present, the only institution conducting comprehensive fundamental geological and metallogenic research on the geological study of Tuva's subsurface is the Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Natural Resources of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The institute houses the Laboratory of Geodynamics, Magmatism, and Ore Formation. Alongside conducting fundamental Earth science research, the laboratory's staff carries out a significant volume of regionally oriented geological-metallogenic and geocological studies.

Keywords: Tuva; history of science; history of geology; Tuvan studies; TuvIKOPR SO RAS

Financing

The work was carried out under the state assignment of TuvIKOPR SB RAS Project No. 121031500140-2 (FUF5-2021-0002).

For citation:

Prudnikov S. G. and Oidup Ch. K. History of development of fundamental geological research in Tuva. *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 102-117. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.8>

Введение

В 2025 г. академическая наука в Туве отмечает знаменательное событие — 50-летие образования первого академического комплексного научно-исследовательского учреждения, основу которого составили экономическая и геологическая лаборатории: Тувинской экономической лаборатории Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР — Тувинского комплексного отдела СО АН СССР — Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (Бегзи, 2020). Учёные-геологи Тувы за этот период внесли неопределимый вклад в развитие фундаментальных геологических знаний о геологическом строении территории Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии. Области их интересов обширны: это геодинамика, геотектоника и металлогения рудообразующих систем крупных магматических провинций; источники и особенности проявления магматизма и метаморфизма в разнородных блоках Центрально-Азиатского складчатого пояса; состав и эволюция континентальной коры подвижных поясов и их связи с геодинамическим развитием Центральной Азии; выявление критериев и закономерностей формирования и развития различных месторождений; мониторинг эндогенных источников чрезвычайных ситуаций — сейсмогеологические аспекты.

В то же время, всесторонний анализ становления и развития академической геологической науки в Туве до настоящего времени не проводился. В ряде работ рассматривалась история становления ТувИКОПР СО РАН (Балакина, 2020b; Бегзи, 2020; Заика, 2020), но с точки зрения становления и развития экономической и биологической наук, представителями которых являются авторы. Отдельные публикации посвящены личным воспоминаниям сотрудников геологической лаборатории: В. А. Попова (Попов, 2015), В. Н. Гречищевой (Гречищева, 2020), Ч. К. Ойдул (Ойдул, 2020, 2023).

Цель данной работы — обзор становления геологической академической науки в Туве, история развития фундаментальных геологических исследований региона, обзор научных диссертаций, важнейших публикаций и научных разработок учёных-геологов.

Систематическое, планомерное изучение геологии Тувы начинается со времени присоединения Тувы к Советскому Союзу в 1944 г. К этой работе были привлечены 50 различных производственных и научно-исследовательских организаций со всего Советского Союза. В короткие сроки с 1946 по 1949 гг. героическими усилиями советских геологов практически неизученная территория Тувы была покрыта региональной геологической съёмкой масштаба 1:1000000. С использованием самых современных достижений того времени — аэрометодов, геофизики, геохимии, стратиграфии было выяснено геологическое строение нового региона Советского Союза, составлена геологическая карта, открыты уникальные месторождения полезных ископаемых: Хову-Аксинское кобальт-никелевое, Кызыл-Таштыгское полиметаллическое (свинец, цинк, медь), Кара-Сугское комплексных руд (железо-барит-флюорит-уран-редкие земли), Терлиг-Хаинское ртутное. В 1952 г. в Туве организовали горную экспедицию, которая в то время и до конца своего существования была самой многочисленной производственной организацией в Туве (Прудников, 2023). Главной задачей Горной экспедиции, согласно требованию времени, были поиски месторождений урана, но попутно были открыты и месторождения медно-молибденовых руд на Ак-Суге, редкометальное на Улуг-Танзеке, редкоземельные руды на Арыскане, руды на литий на Тастыге, ртутные руды на Час-Адыре, алюминиевое сырьё на Баянколе (Попов, 2015).

Необходимость научного обоснования социально-экономического развития территории Тувы с богатым природно-ресурсным потенциалом потребовала создания в самой молодой республике Советского Союза самостоятельной научной организации, занимающейся комплексными фундаментальными геолого-металлогеническими исследованиями в области геологического изучения недр.

Можно выделить основные этапы развития геологической академической науки в Туве:

1) 1975–1985 гг. — организация и становление академической науки в Республике Тыва. В 1975 г. была образована первая академическая ячейка в Туве, основу которой составили экономическая и геологическая группы под эгидой Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (г. Новосибирск) — Тувинская экономическая лаборатория (ТЭЛ). В 1979 г. из состава ТЭЛ выделилась отдельная Геологическая лаборатория, подчинённая Институту геологии и геофизики СО АН СССР (г. Новосибирск). Задача геологической лаборатории в этот период состояла в геолого-металлогенических исследованиях на территории Тувы и сопредельных регионов, рудно-формационный анализ важнейших полезных ископаемых, выявление генетических особенностей оруденения;

2) 1985–1995 гг. — создание на базе экономической и геологической лабораторий Тувинского комплексного отдела (на правах института) СО АН СССР (ТКО СО АН СССР) с целью комплексного изучения геолого-экономических аспектов освоения месторождений стратегически важных видов минерального сырья, выработки рекомендаций рационального, с большей доходностью освоения природных ресурсов Тувы: водных и минеральных. Результаты исследований этого периода легли в основу докторских и кандидатских диссертаций, что подтверждает качественный рост геологической академической науки в Туве;

3) с 1995 г. до настоящего времени — реорганизация ТКО СО АН СССР в Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, полноценный академический научно-исследовательский институт, выполняющий фундаментальных научных исследований в области наук о Земле по проблемам состояния и освоения минерально-сырьевых ресурсов Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии. Основные вопросы геологической науки этого периода: выявление геодинамических процессов, которые определили режим и специфику корообразования в Централь-

ной Азии; определение геохронологической последовательности этих процессов, состава коры; познание причин возникновения крупных и уникальных месторождений и связи рудообразующих систем с геодинамическими процессами.

Источниковой базой для наших исследований выступили научные публикации и разработки по геологии, информация о научных диссертациях, личные воспоминания ученых-геологов.

Организация и становление академической науки в Республике Тыва (1975–1985 гг.)

Инициатором организации учреждения Академии наук СССР в Тыве по-праву считается Калинин-оол Сереевич Кужугет (1936–2022).

В 1961 г. он закончил Московский геолого-разведочный институт и уже в 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию¹, став первым тувинцем — кандидатом геолого-минералогических наук. Молодой и талантливый учёный, проанализировав перспективы и проблемы, связанные с освоением минеральных ресурсов Тувы, подготовил материалы к обоснованию создания академического подразделения в Тыве, которые он доложил в Президиуме АН СССР и Сибирского отделения АН СССР в 1968 году. В 1969 г., будучи директором Кызылского политехнического техникума, Калинин-оол Сереевич выступил на научной конференции «Развитие и размещение производительных сил Сибири» с докладом «Проблемы освоения минерально-сырьевых ресурсов Тувинской АССР». В своём докладе он указал на «...необходимость специального систематического изучения и внедрения в практику проблем комплексного использования минеральных богатств республики путём концентрации и планомерного осуществления всех научно-исследовательских и производственных работ по изучению минерального сырья. Решение такой задачи под силу лишь специализированной организации, которой в условии Тувы может быть научно-исследовательская лаборатория или филиал одного из известных территориальных институтов СССР...» (Кужугет, 1969: 174–175).

В результате длительных ходатайств 11 февраля 1975 г. Президиумом Сибирского отделения Академии наук СССР в Тыве было открыто первое академическое учреждение — Тувинская экономическая лаборатория Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (заведующий — к. геогр. н. Калгажык Ондарович Шактаржык). В составе лаборатории изначально было две группы: экономическая и геологическая. Научное руководство экономической группой было поручено академику А. Г. Аганбеяну от Института экономики и организации промышленного производства, геологической группой — академику В. А. Кузнецову от Института геологии и геофизики СО АН СССР (Ойдуп, 2023).

Для работы в геологическую группу были приглашены пять геологов: кандидаты геолого-минералогических наук Виктор Владимирович Зайков, Владимир Ильич Лебедев и геолог Валерий Гаврилович Тюлькин от Тувинской геологоразведочной экспедиции; кандидат геолого-минералогических наук Калинин-оол Сереевич Кужугет, директор автодорожного техникума; геолог Валентина Николаевна Гречищева — старший геолог геологоразведочной партии при Терлигхаинском РЭП. Руководителем геологической группы стал кандидат геолого-минералогических наук Виктор Владимирович Зайков (фото 1).

Научное направление, определенное академиком В. А. Кузнецовым для геологической группы — анализ условий образования и закономерностей размещения рудных формаций. Под рудной формацией, вслед за В. А. Кузнецовым (Кузнецов, 1966), понималась группировка месторождений с близкими по составу минеральными ассоциациями, которые формируются в одинаковых геологических условиях и относятся к одной генетической группе.

К этому времени, как уже упоминалось выше, успешными работами геологов Тувинской геологоразведочной экспедиции были открыты важнейшие месторождения Тувы: медно-молибденовых руд на Ак-Суге, редкометальное на Улуг-Танзекке, редкоземельные руды на Арыскане, руды на литий на Тастыге, ртутные руды на Час-Адыре, алюминиевое сырьё на Баянколье и др. (Попов, 2015). На этих рудных площадях Тувы научные исследования, предложенные В. А. Кузнецовым, ранее не проводи-

¹ Кужугет К. С. Условия образования и закономерности размещения месторождений хризотил-асбеста на территории Тувинской АССР: автореф. дисс. ... канд. геол.-мин. наук. Ленинград, 1967.

Фото 1. Основатели геологической группы: В. В. Зайков, К. С. Кужугет, В. И. Лебедев, 1977 г.

Фото из архива ТИКОПР СО РАН.

Photo 1. Founders of the geological group: V. V. Zaikov, K. S. Kuzhuget, V. I. Lebedev, 1977.

Photo from the archive of TIKOPR SB RAS.

лись, и предлагаемое научное направление являлось первой попыткой типизации и характеристики формаций наиболее развитых и важнейших в Туве металлических полезных ископаемых: свинца, цинка, золота, кобальта, никеля и ртути. В развитых горнорудных регионах страны, главной задачей такого прогноза является определение возможностей увеличения запасов эксплуатируемых месторождений и перспектив открытия новых промышленных объектов в районах действующих предприятий. Для такого региона, как Тува, с мизерным количеством освоения минерального сырья, (действующими на тот момент являлись только ГОКи Тувакобальт и Туваасбест) рудноформационный анализ был направлен на выявление генетических особенностей оруденения, что являлось определяющим в прогнозировании новых рудных залежей, выборе методики разведки и эксплуатации. Несоизмеримый объем работ для пятерых сотрудников лаборатории. Но, тем не менее, все сотрудники имели огромный багаж производственной работы в Тувинской геологоразведочной экспедиции, творческий подход к проблемам, что способствовало успешному выполнению научного задания. Для решения главной задачи рудные объекты были разделены между учёными следующим образом: месторождения свинца, цинка, золота — ответственный исполнитель В. В. Зайков; месторождения кобальта, никеля — В. И. Лебедев; месторождения хризотил-асбеста — К. С. Кужугет; ртутные руды — В. Н. Гречищева; висмут-кобальтовые руды на Юго-Западе Тувы — В. Г. Тюлькин.

Важным итогом работ Геологической лаборатории за период 1975–1981 гг., кроме статей в периодической печати, стала коллективная монография «Рудные формации Тувы» (Зайков и др., 1981). Данная монография является первой работой по рудно-формационному анализу важнейших полезных ископаемых, известных на территории Тувинской АССР и своей научной значимости не потеряет еще много лет. В книге освещено тектоническое и металлогеническое районирование Тувы, дан анализ металлогенических эпох. Для месторождений свинца, цинка, никеля, кобальта, ртути детально рассмотрены геологическая позиция, минералогия и геохимия руд, на основании чего дана их формационная классификация. Описаны главнейшие рудные зоны и рудные поля, содержащие залежи упомянутых полезных ископаемых. Предложенные классификации рудных формаций и минеральных типов свинцово-цинковых, золоторудных, кобальтовых и ртутных месторождений детально учитывают особенности геологической среды, в которой они локализованы. Такой подход позволяет использовать полученные выводы о закономерностях размещения оруденения для целенаправленного проведения поисков, а также для составления специализированных прогнозно-металлогенических карт.

Фото 2. К. С. Кужугет, А. А. Монгуш на золото-россыпном месторождении Нарын, 2004 г.

Фото из архива А. А. Монгуша.

Photo 2. K. C. K. S. Kuzhuget, A. A. Mongush at the Naryn alluvial gold deposit, 2004.

Photo from the archive of A. A. Mongush.

Материалы работ этого периода легли в основу кандидатских работ В. Г. Тюлькина¹, В. Н. Гречищевой² и докторских работ В. В. Зайкова³, В. И. Лебедева⁴.

Высокая оценка проделанной работы академиком В. А. Кузнецовым, послужила основанием для формирования в 1979 г. самостоятельной Геологической лаборатории, подчиненной Институту геологии и геофизики СО АН СССР (г. Новосибирск), руководителем которой стал к. г.-м. н. К. С. Кужугет (фото 2).

В. В. Зайков (1938–2017), первый руководитель геологической группы, был приглашен в качестве заведующего лабораторией в Институт минералогии Ильменского заповедника, где успешно защитил докторскую диссертацию, основал школу «Металлогения древних и современных океанов» и 20 лет руководил ею, создал филиал Челябинского университета, стал учёным с мировым именем. Он никогда не забывал Туву, почти каждый год приезжал в научные экспедиции, сотрудничал с ТувИКОПР СО РАН.

С формированием отдельной Геологической лаборатории круг решаемых вопросов лаборатории расширяется, в том числе добавилась задача геолого-металлогенических исследований на территории Тувы и сопредельных регионов. Увеличивается и штат лаборатории: из г. Новосибирска был приглашен Н. В. Рогов, кандидат геолого-минералогических наук, сотрудник Института геологии и геофизики СО АН СССР (г. Новосибирск) выпускник Московского геологоразведочного института. У него была отличная «школа» по структурной геологии, он в совершенстве владел методикой структурного картирования plutонических комплексов. На примере Тувы он разработал эту методику и аспекты их использования, что легло в основу его докторской диссертации, защита которой затянулась

¹ Тюлькин В. Г. Висмут-кобальтовое оруденение в структурах активизации Юго-Западной Тувы и некоторые вопросы его генезиса: автореф. дисс. ... канд. геол.-мин. наук. Новосибирск, 1980.

² Гречищева В. Н. Ртутная рудная формация Тувы: автореф. дисс. ... канд. геол.-мин. наук. Новосибирск, 1982.

³ Зайков В. В. Колчеданосные вулканические зоны палеоокеанических структур (на примере Тувы и Южного Урала): автореф. дисс. ... докт. геол.-мин. наук. Ленинград, 1988.

⁴ Лебедев В. И. Рудноформационный анализ, условия образования и закономерности размещения кобальтовых месторождений Центральной Азии: автореф. дисс. ... докт. геол.-мин. наук. Новосибирск, 1986.

из-за реорганизации Высшей аттестационной комиссии России. Защитился Н. В. Рогов в 2002 г.¹ в Санкт-Петербурге во Всероссийском научно-исследовательском геологическом институте им. А. П. Карпинского (ВСЕГЕИ) одним из первых в реорганизованном ученом совете института. В лабораторию были приняты новые сотрудники: геолог Тувинской геологоразведочной экспедиции Г. И. Добрянский и бывший главный геолог Терлиг-Хаинского разведочно-эксплуатационного предприятия Ч. К. Ойдуп. Чойганмаа Кыргысовна была зачислена в группу по вопросам минерогенеза и геохимии широко развитого офиолитового комплекса Тувы, в последующем выполнила и успешно защитила кандидатскую работу «Метасоматиты гипербазитовых массивов Тувы»².

Организаторские способности К. С. Кужугета позволили создать материально-техническую базу для проведения научных и экспедиционных исследований. Правительством республики для размещения Геологической лаборатории было выделено отдельное помещение в г. Кызыле по ул. Красных Партизан, д. 20 с просторной территорией. Институт геологии, геофизики и минералогии профинансировал строительство большого гаража и камнерезно-шлифовальной мастерской. Были закуплены камнерезные и шлифовальные станки, которые находятся в рабочем состоянии по настоящее время. На территории было достаточно места для размещения экспедиционных машин в летний период. Так как сотрудники лаборатории совместно с коллегами проводили фундаментальные и прикладные исследования в области наук о Земле не только в Туве, но и в Горном Алтае и Монголии, то геологическая лаборатория стала и перевалочной базой экспедиционных отрядов Института геологии, геофизики и минералогии из г. Новосибирска.

Коллектив лаборатории в этот период принимал участие в составлении Минерогенетической карты Тувинской АССР, масштаб 1:500 000. Был опубликован ряд монографий и научных статей по проблемам геологии и металлогении Центральной Азии (напр.: Плутонические формации ..., 1984); совместно со специалистами экономической лаборатории была обоснована целесообразность строительства железной дороги в Туву, дана оценка перспектив социально — экономического развития Тувинской АССР на краткосрочную — до 1990 г. и на долгосрочную — до 2010 г. перспективу.

Была и утечка кадров, как естественный процесс. После защиты диссертации вслед за В. В. Зайковым в Институт минералогии Ильменского заповедника Уральского научного центра АН СССР уехал В. Г. Тюлькин; В. Н. Гречищева сменила место работы и перешла на преподавательскую работу в Кызылский педагогический институт (ныне — ТувГУ). В качестве заведующей кафедры отделения «География и биология», Валентина Николаевна преподавала студентам курс «Геологии», оборудовала современный кабинет геологии с учебными коллекциями образцов горных пород и минералов. Под её руководством в институте заработал кружок «Юный геолог» и «Клуб путешественников».

Таким образом, произошло успешное становление академической геологической науки в Туве, на десятилетия вперед были заложены основные традиции научной деятельности, началась летопись Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, существующего в настоящее время.

Образование Тувинского комплексного отдела Сибирского отделения Академии Наук СССР (1985–1995 гг.)

В октябре 1985 г. на базе действующих экономической и геологической лабораторий решением Президиум Академии наук СССР (постановление от 24 октября 1985 г. № 1163) был создан Тувинский комплексный отдел СО АН СССР на правах института (ТувКО СО АН СССР). Это знаменательное событие для тувинской науки подтвердило высокую эффективность научных исследований, проводимых первыми академическими подразделениями. Комплектация кадрами созданного Отдела шла за счет перевода ученых из разных научно-исследовательских организаций страны, в том числе, из Кызылского пединститута. Директором был назначен к. техн. н. Николай Алексеевич Ажищев, а с ноября 1988 г. — доктор геолого-минералогических наук В. И. Лебедев.

¹ Рогов Н. В. Структурная упорядоченность в ареалах плутонических комплексов: методика выявления, аспекты использования: На примере Тувы: автореф. дисс. ... докт. геол.-мин. наук. Кызыл; СПб., 2002.

² Ойдуп Ч. К. Метасоматиты гипербазитовых массивов Тувы: автореф. дисс. ... канд. геол.-мин. наук. Новосибирск, 1991.

Обком партии и Совет министров Тувинской АССР уделили большое внимание новому подразделению Академии наук: для лабораторно-исследовательских работ отделу было выделено 2 этажа в 3-х этажном здании по ул. Ленина, д. 30; под экспериментальные работы и производственно-хозяйственную деятельность была отдана территория бывшего завода «Племобъединения» республики на Вавилинском затоне. Кроме того, Сибирское отделение АН СССР дало добро на долевое участие ТувКО при строительстве жилых домов в городе Кызыле. Таким образом, ТувКО в 1991 г. получил 10 квартир при сдаче многоквартирных домов, которые были распределены среди приглашенных и молодых сотрудников Отдела.

С момента образования ТувКО геологи организовали две лаборатории: магматизма (заведующий к. г.-м. н. К. С. Кужугет) и рудообразования (заведующий к. г.-м. н. В. И. Лебедев). Лаборатории пополнились выпускниками Красноярского института цветных металлов (Евгений Октаев, Валерий Оськин), Новосибирского университета (Галина Молчанова, Светлана Чупикова), Томского политехнического университета (М. К. Соян). Был принят на работу Иван Васильевич Четвертаков, старший геолог Тувинской геологоразведочной экспедиции (ТувГРЭ), им проведена работа «Закономерности размещения медно-молибденового оруденения на северо-востоке Тувы» и успешно защищена диссертация¹.

Эти две лаборатории вели исследования по изучению строения, состава и развития литосферы территории Тувы; её минерально-ресурсного потенциала и его рационального освоения; по разработке фундаментальных проблем исследования процессов и эволюции минералообразования. Выяснение связей оруденения с составом и источниками рудообразующих магм является одной из важнейших проблем современной геологии. Различные аспекты этой проблемы исследовались нами на примере благородно-редкометального магматизма Центрально-Азиатского складчатого пояса в целом. Значимые результаты в этом направлении внесли работы к. г.-м. н. Александра Матвеевича Черезова и выпускника Томского политехнического университета Андрея Александровича Монгуша. Результаты исследований этого периода легли в основу докторских и кандидатских диссертаций Н. В. Рогова, В. И. Забелина², безвременно ушедшего из жизни А. М. Черезова³ и др. Что подтверждает продолжение качественного роста геологической академической науки в Туве.

Создание Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (1995 г.)

Успешная научная работа Отдела, требования времени о дальнейшем развитии научно-технического прогресса послужили основанием для его преобразования в институт, что и произошло в октябре 1995 г. На базе Тувинского комплексного отдела СО РАН был создан Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук (постановление Президиума РАН № 96 от 25 апреля 1995 г. на основании постановления Президиума СО РАН № 254 от 26.10.1994 г.).

Руководство Тувы в лице первого Президента Республики Шериг-оола Дизижиковича Ооржака приняло активное участие в становлении молодого института. Под научно-лабораторный корпус правительство безвозмездно передало новое 5-этажное здание в г. Кызыле по ул. Интернациональной, д. 117а.

Штат института вырос до 100 человек, количество научно-исследовательских лабораторий увеличилось до пяти, появился свой издательско-полиграфический центр, богатая научно-техническая библиотека, научно-вспомогательные хозяйственные службы.

Главной задачей научно-организационной деятельности института является проведение фундаментальных и прикладных исследований в области геолого-металлогенических, химико-техно-

¹ Четвертаков И. В. Закономерности размещения медно-молибденового оруденения на северо-востоке Тувы: автореф. дисс. ... канд. геол.-мин. наук. Новосибирск, 1991.

² Забелин В. И. Вертикальная зональность медно-порфирового оруденения Ак-Суг как критерий глубинного прогнозирования: автореф. дисс. ... канд. геол.-мин. наук. Новосибирск, 1990.

³ Черезов А. М. Геолого-структурные факторы локализации золоторудных месторождений Бериккульской группы: автореф. дисс. ... канд. геол.-мин. наук. Томск, 1985.

логических, экологических и экономических наук по основному научному направлению «Состояние и освоение природных ресурсов Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии. Геоэкология природной среды и общества». Исследования стали проводиться государственному заказу Правительства Республики Тыва, по основным заданиям Академии наук, грантам (РФФИ, затем — РФФ), а также научно-производственным и хозяйственным договорам с руководством предприятий и ко-жуунов республики о внедрении научных разработок Института.

Были и трудности. Институт создавался в сложное для российской государственности время, когда финансирование науки в стране сократилось в 20 раз, были закрыты почти все отраслевые институты, не было уверенности в завтрашнем дне. Институт несколько раз был на грани закрытия. Прервалась и преемственность научных поколений, молодежь уходила из науки в другие сферы деятельности. Колоссальная заслуга в становлении и развитии института в этот трудный период принадлежит первому его директору — д. г.-м. н. Владимиру Ильичу Лебедеву (с 1995 по 2015 гг). В кризисный период для всей отечественной науки он сумел сохранить, сплотить и увлечь творческими планами коллектив тувинских ученых, посвятивших себя служению науке, развитию родной республики с ее богатейшим природно-ресурсным потенциалом.

Владимир Ильич Лебедев (1935–2020), доктор геолого-минералогических наук, является примером блестящего учёного, практика-геолога, организатора и талантливого руководителя (фото 3). В 1988–1994 гг. он — директор Тувинского комплексного отдела; с 1995 по 2015 г — директор ТувИКОПР СО РАН. Владимир Ильич — известный специалист в области геологии рудных месторождений и металлогении, автор 86 и соавтор 490 научных работ, в том числе 56 монографий и монографических обзоров (Лебедев, 1986; 1989; Лебедев, Черезов 1989; и др.). Основой его геолого-металлогенических и прогнозных построений для Тувинско-Монгольского региона служат составленные им оригинальные мелко- и среднemasштабные карты: «Геологические формации Центральной Азии», «Размещение формационных типов кобальтовых месторождений Центральной Азии» и др. Исследования посвящены выявлению закономерностей размещения и условий образования различных формационных типов благородно- и редкометального эндогенного оруденения. При непосредственном участии и научном руководстве В. И. Лебедева выполнены исследования, результатом которых являются: оценка состояния и перспектив освоения минерально-сырьевого потенциала Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии; технологии экологически безопасной комплексной переработки техногенных

Фото 3. Директор ТувИКОПР СО РАН В. И. Лебедев с сотрудниками института, 2011 г. Фото из архива С. Г. Прудникова.
Photo 3. V. I. Lebedev, director of TuvICOPR SB RAS, with the staff of the Institute, 2011. Photo from the archive of S. G. Prudnikov.

Фото 4. Коллектив лаборатории «Магматизма и рудообразования», 2000 г. Фото из архива С. Г. Прудникова.
Photo 4. Staff of the Magmatism and Ore Formation Laboratory, 2000. Photo from the archive of S. G. Prudnikov.

отходов, благородно- и редкометального минерального сырья; обоснование вариантов структурного реформирования хозяйственного комплекса Республики Тыва с приоритетным развитием горнодобывающей отрасли и транспортной инфраструктуры.

В настоящее время единственным подразделением, занимающимся комплексными фундаментальными геолого-металлогеническими исследованиями в области геологического изучения недр Тувы является лаборатория «Геодинамики, магматизма и рудообразования» (лаборатория ГеоМиР) в составе ТувИКОПР СО РАН (фото 4). В лаборатории в разное время, начиная с 1995 года, работало порядка 30 человек, из них два доктора геолого-минералогических наук: В. И. Лебедев — директор института, академик Российской академии естественных наук (РАЕН) и Н. В. Рогов — ведущий научный сотрудник; 9 кандидатов геолого-минералогических наук: К. С. Кужугет, Ч. К. Ойдуп, А. М. Черезов, А. М. Сугоракова, А. А. Монгуш, С. Г. Прудников, К. М. Рычкова, О. И. Кальная, Р. В. Кужугет; 10 научных сотрудников: Н. В. Бурдин, В. А. Попов, М. Ф. Лебедева, А. И. Кудрявцева, Н. Б. Кононенко, Н. И. Лебедев, Ю. В. Бутанаев, А. К. Хертек, Ч. М. Хертек, С.-С. С. Монгуш; пять инженеров: Л. И. Петрова, Д. П. Горбунов, Е. К. Дружкова, Л. К. Горшкова, Ч. О. Кадыр-оол, а также Ч. Ю. Санаа, лаборант.

Важнейшие результаты лаборатории

Учёными лаборатории ГеоМиР за последние годы проведена масштабная научно-исследовательская работа по приоритетным направлениям фундаментальных исследований, результаты которой опубликованы в престижных отечественных и международных журналах, явились существенным вкладом в отечественную и мировую науку. Рассмотрим основные научные достижения и разработки ученых-геологов нашей лаборатории.

Николай Ильич Лебедев (1946–2020), научный сотрудник, выполнил огромную работу по созданию справочно-обзорной информации об известных к настоящему времени минерально-сырьевых объектах Тувы. В 2007 г. им издана монография «Угли Тувы. Состояние и перспективы освоения сырьевой базы» (Лебедев, 2007), в 2012 г. — монография «Минеральные ресурсы Тувы: обзор и анализ полезных ископаемых» (Лебедев, 2012). Данная работа содержит значительную часть полезных ископаемых (главным образом рудных, — отсутствуют россыпные полезные ископаемые и стройматериалы), выявленных за весь период геологического изучения территории Тувы. В обзор включено 1,5 тысячи месторождений, рудопроявлений и проявлений, охарактеризованные при геолого-съёмочных, поисковых и геологоразведочных работах. Рудные объекты систематизированы по

видам минерального сырья и по их потенциальной промышленной значимости. Для характеристики объектов детально уточнено их местоположение с привлечением картографического материала, сводных и тематических работ. Данная работа представляется весьма своевременной в преддверии строительства проектируемой железнодорожной ветки в Республику Тыва и в целом содержит в достаточно полном объеме сведения о промышленном и ресурсном потенциале её минерально-сырьевой базы.

Группой ведущих научных сотрудников института (к. г.-м. н. К. С. Кужугет, Ч. К. Ойдуп и А. А. Монгуш) совместно с сотрудниками Института геологии и минералогии им. В. С. Соболева СО РАН проведено изучение самых древних плутонических образований (Агардагский, Ак-Довуракский, Улорский, Карашатский, Иджимский, Эргакский, Коптинский), входящих в состав офиолитовых комплексов Тувы и пространственно и генетически связанных с ними полезных ископаемых (Агафонов и др., 1993, 2005; Леснов и др., 2019; и др.¹). На территории Тувы и сопредельных регионов мафит-ультрамафитовые массивы характеризуются неравномерным и относительно низким уровнем изученности. Связь между вещественным составом плутонических образований офиолитовых и островодужных комплексов и тектоническими режимами их проявления является одной из важных фундаментальных проблем геологии. В этой связи выполнение детальных комплексных петрографических, минералогических и изотопно-геохимических исследований эталонных ультрамафитовых, мафит-ультрамафитовых массивов на территории представляет собой актуальную задачу. Ее решение позволило усовершенствовать петрогенетические модели формирования таких массивов, более обоснованно оценить их рудный потенциал и перспективы экономического освоения на хризотил-асбестовую, хромититовую, платиноидную, медно-кобальт-никелевую, золоторудную, нефритовую минерализацию.

Александр Матвеевич Черезов (1953–2000), к. г.-м. н., заведующий лабораторией (1993–2000) разработал физико-механическую модель астеносферного диапиризма, которая легла в основу принципиально новой схемы геодинамической модели развития Земли и Центральной Азии в позднем докембрии и фанерозое (Черезов, 1991). По этой тематике автором была подготовлена докторская диссертация, но, к сожалению, работа не была завершена в связи с безвременным уходом из жизни Александра Матвеевича.

Валерий Алексеевич Попов (1939–2008), научный сотрудник, которого коллеги называют «геолог от Бога», опытный полевик-съемщик, специалист по геологии девона, популяризатор геологии, занимался изучением древних «чуждских» металлургических печей, выплавляющих железные и медные руды. Совместно с В. И. Кудрявцевым и В. И. Забелиным в песках оз.Чедер нашёл железный метеорит, названный по месту нахождения (Попов, 2003, 2015)

Николай Васильевич Рогов (1934–2004), д. г.-м. н., многие годы изучал магматические комплексы и на этой основе разработал оригинальную методику структурно-ареального анализа плутонических комплексов, в 2002 г. защитил докторскую диссертацию по этой теме.

Амина Мидхатовна Сугоракова (1951–2021), к. г.-м. н. Ее область научных интересов — эволюция внутриплитного магматизма и его роль в корообразующих процессах на территории Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии. При изучении кайнозойского вулканизма Восточно-Тувинского вулканического ареала, совместно с коллегами из ТувИКОПР СО РАН и ИГЕМ РАН (Москва), она выделила 12 фаз вулканической деятельности за последние 3 млн лет. Наиболее молодые вулканы извергались всего 10 тысяч лет назад. Установила, что многие вулканы изливались под мощными покровами ледников. Выявила, что опасность проявления вулканизма сохраняется и ныне². Следующими исследованиями доказана магматическая природа мезозойского Центрально-Тувинского карбонатитового пояса (Никифоров и др., 2006) определен возраст карбонатитов и связанных с ними гранитов (около 120 млн лет). Сам пояс продлен до 150 км за счет обнаруженных карбонатитов на территории Красноярского края — это многократно повышает их значимость на обнаружение новых месторождений редкоземельных комплексных руд.

¹ Монгуш А. А. Петрография и минералогия раннепалеозойских ультрамафит-мафитовых массивов Восточной Тувы: автореф. дисс. ... канд. геол.-мин. наук. Новосибирск, 2002.

² Сугоракова А. М. Геология позднекайнозойских вулканических образований Восточной Тувы): автореф. дисс. ... канд. геол.-мин. наук. Томск, 2001.

Исследования, проведенные Сергеем Григорьевичем Прудниковым, к. г.-м. н., в пределах Тувы и прилегающих районов Западного и Восточного Саяна, позволили выделить юрскую потенциальную, неогеновую и четвертичную золотоносные эпохи россыпеобразования¹. Неогеновая эпоха выделена автором впервые, россыпи связанные с ней слабо изучены, перспективы их не исчерпаны. Дальнейшее развитие золотодобычи в регионе автор связывает с этим типом россыпей. Впервые изучены и техногенные отложения (отвалы перемытых песков), сформированные в результате разработки россыпей золота в Амыло-Систигхемском и Каахемском золотоносных районах, выполнена оценка их ресурсного потенциала и перспективы повторной эксплуатации. Установлено, что техногенные отложения являются перспективными объектами для повторной отработки и составляют существенный резерв для золотодобычи в Туве

Ренатом Васильевичем Кужугетом, к. г.-м. н. (ныне — директор института) проводится изучение рудообразующих систем месторождений благородных и цветных металлов. В 2009–2010 гг. прошёл 1,5 годичную стажировку на кафедре генетической минералогии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова под руководством профессора кафедры, д. г.-м. н. Э. М. Спиридонова. В 2014 г. защитил кандидатскую диссертацию в Институте геологии и минералогии СО РАН в г. Новосибирске², в которой была изучена минералогия и последовательность отложения минеральных ассоциаций, условия и глубина минералообразования проявлений золото-кварцевой формации Алдан-Маадырского золоторудного узла Тувы.

Очень важные и интересные результаты распределения глубинного тепломассопереноса на крайнем северо-западе Тувино-Монгольской области были получены при изучении термальных источников Тувы к. г.-м. н. Кларой Монгушевной Рычковой. Впервые в Алтае-Саянской области ею был использован изотопно-гелиевый метод для определения значений теплового потока. Выполнена оценка применимости этого метода для условий Тувы³. Для определения теплового потока автор отобрала пробы газа и воды из всех 28 источников, известных на территории Тувы. Было установлено, что водорастворенный гелий является чутким индикатором геодинамических изменений. В результате проведенных исследований на востоке Тувы выявлена обширная изотопно-гелиевая аномалия. Она свидетельствует о повышенной тектоно-магматической активизации в этом регионе. Повышенный тепловой поток дает объяснение появлению термальных источников на востоке Тувы — источники Чойган, Тарыс, Уш-Белдир. Западная Тува, напротив, характеризуется низким тепловым потоком и не была затронута тектоно-магматической активизацией в кайнозой. Таким образом, выявление и изучение распределения глубинного тепломассопереноса показало крайне напряженную геодинамическую обстановку, создавшуюся на стыке холодной Сибирской платформы и подвижного Тувино-Монгольского сегмента с блочной структурой и мантийными массами.

Хочется вспомнить Николая Владимировича Бурдина (1948–2013), высококвалифицированного специалиста по горному делу, профессора Российской академии естественных наук (РАЕН), заслуженного работника республики Тыва, Заслуженного изобретателя РФ (только в производство золотодобычи внедрено 19 изобретений, направленных на обогащение минерального сырья с целью извлечения тяжелых компонентов). Николай Владимирович создал технологии гравитационного обогащения минерального сырья, которые по своим технико-экономическим показателям характеризуются высокой эффективностью и являются одними из лучших по показателям доизвлечения золота. Эти технологии и разработанное оборудование для промывки золотосодержащих песков успешно внедряются на золотодобывающих предприятиях Дальнего Востока, Красноярского края, Хакасии и Тувы.

В 2009 г. Калинин-оол Сереевич Кужугет разработал и реализовал проект «Центр мониторинга эндогенных источников чрезвычайных ситуаций на территории Тувы», в котором в непрерывном режиме проводятся сейсмогеологические исследования и мониторинг сейсмичности на территории Республики Тыва на базе существующей сети сейсмостанций ТувИКОПР СО РАН (оператор Сай-Суу

¹ Прудников С. Г. Закономерности размещения россыпей золота в морфоструктурах Тувы и Западного Саяна: автореф. дисс. ... канд. геол.-мин. наук. Новосибирск, 2004.

² Кужугет Р. В. Золото-теллуридное оруденение Алдан-Маадырского рудного узла (Западная Тува): минералого-геохимические особенности руд и условия их образования: автореф. дисс. ... канд. геол.-мин. наук. Новосибирск, 2014.

³ Рычкова К. М. Тепловой поток территории Тувы по изотопно-гелиевым и геотермическим данным: автореф. дисс. ... канд. геол.-мин. наук. Новосибирск, 2009.

Фото 5. Коллектив лаборатории «Геодинамики, магматизма и рудообразования», 2023 г. Фото из архива С. Г. Прудникова.
Photo 5. Staff of the laboratory of "Geodynamics, Magmatism and Ore Formation", 2023. Photo from the archive of S.G. Prudnikov.

Сергеевна Монгуш). В 2023 г. на территории тувинского региона было зарегистрировано 245 землетрясений, проявились 7 зон повышенной сейсмической активности, которые приурочены к известным сейсмическим очагам и зонам возникновения очагов землетрясений.

Ольга Ивановна Кальная, к. геогр. н., проводит оценку состояния водных экосистем при техногенном и антропогенном воздействии в пределах бассейна Енисея в поле действия основных рудных узлов Тувы (Ак-Сугского, Кызыл-Таштыгского, Амыло-Систигхемского, Кызык-Чадырского, Байсютского, Хову-Аксинского, Эйлиг-Хемского). Выполнила работу по изучению геоэкологических условий и особенностей функционирования Шагонарского плеса Саяно-Шушенского водохранилища, имеющую важное социально-экономическое значение для развития Улуг-Хемского района¹.

На сегодняшний день лаборатория «Геодинамики, магматизма и рудообразования» ТИКОПР СО РАН работает по Государственному заданию на 2021–2025 гг. «Геодинамическая и структурно-вещественная эволюция литосферы Тувинско-Монгольского сегмента Центрально-Азиатского складчатого пояса (ТМС ЦАСП): этапы корообразования и сопряженного с ними магмо- и рудогенеза, факторы рудоносности рудно-магматических систем, специализированных в отношении стратегических металлов и элементов» под руководством заведующего лабораторией к. г.-м. н. С. Г. Прудникова (фото 5).

Территория Тувы отличается прекрасной обнаженностью и доступностью многих объектов, сложностью и разнообразием геологического строения, являясь уникальным полигоном для решения ряда фундаментальных геологических проблем Центральной Азии в целом. Основные вопросы, которые решает наш небольшой коллектив в кооперации с геологами из других научных центров страны и дальнего зарубежья — это выявление геодинамических процессов, которые определили режим и специфику корообразования в Центральной Азии; определение геохронологической последовательности этих процессов, состава коры; познание причин возникновения крупных и уникальных месторождений и связи рудообразующих систем с геодинамическими процессами.

В геологических исследованиях, чтобы достичь конечных результатов проделывается долгий и сложный путь. Первостепенное значение имеет экспедиционная работа. Посетив интересующие нас

¹ Кальная О. И. Геоэкологические условия и особенности функционирования Шагонарского плеса Саяно-Шушенского водохранилища: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Барнаул, 2013.

объекты, собрав каменный материал, мы получаем предварительные результаты. Самая кропотливая работа начинается уже в стенах института. В лаборатории имеется почти все для первичной обработки материалов (дробление, измельчение горных пород, подготовка всевозможных препаратов, изучение состава пород) и отдельные виды современных методов по качественному и количественному определению химических элементов в минералах и горных породах. Хочется отметить неоценимый труд наших научных работников, инженеров и лаборантов, без которых были невозможны научные открытия: петрографов Александры Ивановны Кудрявцевой, Евгении Константиновны Дружковой, минералога Людмилы Изотовны Петровой, инженеров Людмилы Константиновны Горшковой, Дмитрия Павловича Горбунова, Чодуры Юрьевны Санаа.

Новый этап развития научных геологических исследований в Туве связан с молодым поколением ученых-исследователей: к. г.-м. н. Ренатом Васильевичем Кужугетом, молодым директором ТувИКОПР СО РАН, сотрудниками лаборатории: Чайной Март-ооловной Хертек, Юрием Владимировичем Бутанаевым, Айлан Кымзай-ооловной Хертек, Чайной Олекоевной Кадыр-оол, Сай-Суу Сергеевной Монгуш.

Заключение

История развития академических геологических исследований в Туве начинается с небольшой группы из пяти геологов (К. С. Кужугета, В. В. Зайкова, В. И. Лебедева, В. Г. Тюлькина, В. Н. Гречищевой). В 1975 г. они заложили основные традиции научной деятельности геологического подразделения будущего Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук.

За 50-летний период своей деятельности учёные-геологи Тувы внесли неоценимый вклад в развитие фундаментальных и прикладных геологических знаний о геологическом строении территории Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии. Практические результаты выполненных геолого-металлогенических исследований трудно переоценить в плане развития и освоения минерально-сырьевой базы перспективного Саяно-Тувинского горно-рудного региона.

За все время существования института, его сотрудниками-геологами было защищено 17 кандидатских и 3 докторские диссертации. Написаны и опубликованы десятки монографий и сотни научных статей.

Оглядываясь назад на пройденный академической научной службой Тувы 50-летний выдающийся путь хочется отдать дань уважения нашим дорогим товарищам, стоявшим у истоков становления академической науки в Туве, а молодому коллективу учёных Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов пожелать преданно и плодотворно служить Отечественной науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агафонов, Л. В., Кужугет, К. С., Ойдул, Ч. К., Ступаков, С. И. (1993) Самородные металлы в гипербазит-базитах Тувы. Новосибирск : Изд-во ОИГГМ СО РАН. 86 с.

Агафонов, Л. В., Кужугет, К. С., Лхамсурен, Д., Ойдул, Ч. К. (2005) Платиноносность Монголии и Тувы. Улан-Баатор : Изд-во Монгольского госуниверситета. 220 с.

Балакина, Г. Ф. (2020a) О развитии социально-экономических исследований в Туве и не только // Природные ресурсы, среда и общество. № 1 (5). С. 9–12.

Балакина, Г. Ф. (2020b) Становление и развитие экономической науки в Туве (1953 — наст. вр.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 276–290. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.19>

Бегзи, А. Д. (2020) Тувинская экономическая лаборатория — первое подразделение Академии наук СССР в Туве // Природные ресурсы, среда и общество: электронный научный журнал. № 1 (5). С. 12–16.

Гречищева, В. Н. (2020) Первая экономическая лаборатория сибирского отделения академии наук СССР в Тувинской АССР // Природные ресурсы, среда и общество. № 1 (5). С. 16–20.

Зайка, В. В. (2020) История развития экологических исследований в Туве // Новые исследования Тувы. № 2. С. 241–259. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.17>

Зайков, В. В., Лебедев, В. И., Тюлькин, В. Г., Гречищева, В. Н., Кужугет, К. С. (1981) Рудные формации Тувы. Новосибирск : Наука. 200 с.

Кузнецов, В. А. (1966) Генетические группы и формации эндогенных рудных месторождений и их значение для металлогенического анализа // Эндогенные рудные формации Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. В. А. Кузнецов. М. : Наука. 223 с. С. 5–13.

Кужугет, К. С. (1969) Проблемы освоения минерально-сырьевых ресурсов Тувинской АССР // Развитие и размещение производительных сил Сибири: Материалы научной конференции. Секция оценки минерального сырья (19–24 мая 1969, Новосибирск) / отв. ред В. А. Кузнецов. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние АН СССР. 192 с. С. 173–176.

Леснов, Ф. П., Монгуш, А. А., Кужугет, К. С., Ойду, Ч. К. (2019) Геология, петрология и рудоносность мафит-ультрамафитовых массивов Тувы. Новосибирск : Издательство «ГЕО». 350 с.

Лебедев, В. И. (1986) Кобальтовые рудные формации юга Сибири // Эндогенные рудные формации Сибири и проблемы рудообразования / отв. ред. В. И. Смирнов. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние. 199 с. С. 76–83.

Лебедев, В. И. (1989) Металлогения кобальта Центральной Азии // Магматизм металлогения рудных районов Тувы / отв. ред. Э. Г. Дистанов. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние. 137 с. С. 3–27.

Лебедев, В. И. (1998) Рудномагматические системы эталлонных арсенидно-кобальтовых месторождений. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние. 134 с.

Лебедев, В. И., Черезов, А. М. (1989) Структурные факторы контроля Ховуаксынской рудномагматической системы // Геология и геофизика. № 11. С. 20–27.

Лебедев, Н. И. (2007) Угли Тувы: состояние и перспективы освоения сырьевой базы. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 180 с.

Лебедев, Н. И. (2012) Минеральные ресурсы Тувы: обзор и анализ полезных ископаемых. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 284 с.

Никифоров, А. В., Болонин, А. В., Сугоракова, А. М. Покровский, Б. Г. (2006) Геохимия изотопов (O, C, S, SR) и Rb-Sr-возраст карбонатитов Центральной Тувы // Геология рудных месторождений. Т. 48. № 4. С. 296–319.

Ойду, Ч. К. (2020) На новом поприще // Природные ресурсы, среда и общество. №1 (5). С. 21–25.

Ойду, Ч. К. (2023) Памяти Калин-оола Сереевича Кужугета посвящается // Природные ресурсы, среда и общество. № 3 (19). С. 6–12.

Плутонические формации Тувы и их рудоносность (1984) / отв. ред. Г. В. Поляков. Новосибирск : Изд-во Наука. Сиб. отд-ние. 173 с.

Попов, В. А. (2015) Геология Тувы: от прошлого к будущему // Новые исследования Тувы. № 3. С. 55–76.

Попов, В. А. (2003) Древние рудокопы и золото Тувы. Состояние и освоение природных ресурсов Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии // Геоэкология природной среды и общества, научные труды ТувИКОПР СО РАН / отв. редактор В. И. Лебедев. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 254 с. С. 181–183.

Прудников, С. Г. (2023) Тувинская геологоразведочная экспедиция (ТувГРЭ), Геологи Тувы // Записки Усть-Каменогорского филиала Казахского Географического Общества. Вып. 17. Современные проблемы географии и научные школы Казахстана. Материалы международной научно-практической конференции (16–17 марта 2023 г.) / отв. ред. А. В. Егорина. Усть-Каменогорск : ТОО «ВКПК АРГО». 468 с. С. 102–112.

Сугоракова, А. М., Ярмолюк, В. В., Лебедев, В. И. (2003) Кайнозойский вулканизм Тувы. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 92 с.

Черезов, А. М. (1991) Модель геотектонического развития Центральной Азии. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние. 110 с.

Дата поступления: 20.11.2024 г.

Дата обращения: 18.12.2024 г.

REFERENCES

Agafonov, L.V., Kuzhuget, K. S., Oidup, Ch. K. and Stupakov, S. I. (1993) *Native metals in hyperbasite-basite rocks of Tuva*. Novosibirsk, Publishing House of IGM SB RAS. 86 p. (In Russ.)

Agafonov, L.V., Kuzhuget, K. S., Lkhamsuren, D. and Oidup, Ch. K. (2005) *Platinum-bearing potential of Mongolia and Tuva*. Ulaanbaatar, Publishing House of Mongolian State University. 220 p. (In Russ.)

Balakina, G. F. (2020a) On the development of socio-economic research in Tuva and beyond. *Prirodnye resursy, sreda i obshchestvo*, no. 1(5), pp. 9–12. (In Russ.)

- Balakina, G. F. (2020b) The rise and development of the science of economics in Tuva: 1953 to present. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 276–290. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.19>
- Begzi, A. D. (2020) The Tuvan Economic Laboratory – the first division of the USSR Academy of Sciences in Tuva. *Prirodnye resursy, sreda i obshchestvo: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 1(5), pp. 12–16. (In Russ.)
- Grechishcheva, V. N. (2020) The first economic laboratory of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in the Tuvan ASSR. *Prirodnye resursy, sreda i obshchestvo*, no. 1(5), pp. 16–20. (In Russ.)
- Zaika, V. V. (2020) The development of environmental studies in Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 241–259. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.17>
- Zaikov, V. V., Lebedev, V. I., Tyulkin, V. G., Grechishcheva, V. N. and Kuzhuget, K. S. (1981) *Ore formations of Tuva*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.)
- Kuznetsov, V. A. (1966) Genetic groups and formations of endogenous ore deposits and their significance for metallogenic analysis. In: *Endogenous ore formations of Siberia and the Far East*, ed. by V. A. Kuznetsov. Moscow, Nauka. 223 p. Pp. 5–13. (In Russ.)
- Kuzhuget, K. S. (1969) Problems of the development of mineral resources of the Tuvan ASSR. In: *Development and distribution of productive forces of Siberia: Proceedings of the scientific conference. Section of mineral resource assessment (May 19–24, 1969, Novosibirsk)*, ed. by V. A. Kuznetsov. Novosibirsk, Nauka, SB AS USSR. 192 p. Pp. 173–176. (In Russ.)
- Lesnov, F. P., Mongush, A. A., Kuzhuget, K. S. and Oidup, Ch. K. (2019) *Geology, petrology and ore potential of mafic-ultramafic massifs of Tuva*. Novosibirsk, Publishing House GEO. 350 p. (In Russ.)
- Lebedev, V. I. (1986) Cobalt ore formations of Southern Siberia. In: *Endogenous ore formations of Siberia and problems of ore formation*, ed. by V. I. Smirnov. Novosibirsk, Nauka, SB. 199 p. Pp. 76–83. (In Russ.)
- Lebedev, V. I. (1989) Metallogeny of cobalt in Central Asia. In: *Magmatism and metallogeny of ore regions of Tuva*, ed. by E.G. Distanov. Novosibirsk, Nauka, SB. 137 p. Pp. 3–27. (In Russ.)
- Lebedev, V. I. (1998) *Ore-magmatic systems of type arsenide-cobalt deposits*. Novosibirsk, Nauka, SB. 134 p. (In Russ.)
- Lebedev, V. I. and Cherezov, A. M. (1989) Structural control factors of the Khovu-Aksyn ore-magmatic system. *Geologiya i geofizika*, no. 11, pp. 20–27. (In Russ.)
- Lebedev, N. I. (2007) *Coals of Tuva: condition and prospects for the development of the raw material base*. Kyzyl, TuvIKOPR SB RAS. 180 p. (In Russ.)
- Lebedev, N. I. (2012) *Mineral resources of Tuva: review and analysis of minerals*. Kyzyl, TuvIKOPR SB RAS. 284 p. (In Russ.)
- Nikiforov, A.V., Bolonin, A.V., Sugorakova, A. M. and Pokrovsky, B. G. (2006) Isotope geochemistry (O, C, S, Sr) and Rb-Sr age of carbonatites of Central Tuva. *Geologiya rudnykh mestorozhdenii*, vol. 48, no. 4, pp. 296–319. (In Russ.)
- Oidup, Ch. K. (2020) On a new path. *Prirodnye resursy, sreda i obshchestvo*, no. 1(5), pp. 21–25. (In Russ.)
- Oidup, Ch. K. (2023) Dedicated to the memory of Kalin-ool Sereevich Kuzhuget. *Prirodnye resursy, sreda i obshchestvo*, no. 3 (19), pp. 6–12. (In Russ.)
- Plutonic formations of Tuva and their ore potential* (1984), ed. by G.V. Polyakov. Novosibirsk, Nauka, SB. 173 p. (In Russ.)
- Popov, V. A. (2015) Geology of Tuva: from past to future. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 55–76. (In Russ.)
- Popov, V. A. (2003) Ancient miners and gold of Tuva. In: *State and development of natural resources of Tuva and adjacent regions of Central Asia*, ed. by V. I. Lebedev. Kyzyl, TuvIKOPR SB RAS. 254 p. Pp. 181–183. (In Russ.)
- Prudnikov, S. G. (2023) Tuvan geological exploration expedition (TuvGRE), geologists of Tuva. In: *Proceedings of the Ust-Kamenogorsk branch of the Kazakh Geographical Society. Issue 17. Modern problems of geography and scientific schools of Kazakhstan. Materials of the international scientific-practical conference (March 16–17, 2023)*, ed. by A. V. Egorina. Ust-Kamenogorsk, TOO “VKPK ARGO”. 468 p. Pp. 102–112. (In Russ.)
- Sugorakova, A. M., Yarmolyuk, V. V. and Lebedev, V. I. (2003) *Cenozoic volcanism of Tuva*. Kyzyl, TuvIKOPR SB RAS. 92 p. (In Russ.)
- Cherezov, A. M. (1991) *Model of geotectonic development of Central Asia*. Novosibirsk, Nauka, SB. 110 p. (In Russ.)

Submission date: 20.11.2024.

Acceptance date: 18.12.2024.

DOI: 10.25178/nit.2025.1.9

Статья

Сравнительный анализ социально-демографической ситуации в республиках Сибирского федерального округа (Алтай, Тува, Хакасия)

Виктория Ю. Леденева

Институт демографических исследований

Федерального научно-исследовательского социологического центра, Российская Федерация,

Тамара К. Ростовская

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН;

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Тана М. Ойдул

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Российская Федерация

В статье анализируются социально-демографические характеристики республик Сибирского федерального округа России — Республики Алтай, Республики Тыва и Республики Хакасия, территориальных соседей, коренное население которых имеет родственные этнические культуры. Проведен сравнительный анализ ключевых социальных и демографических особенностей каждого региона. Исследование основано на анализе статистических данных с 1991 по 2023 гг.

Показано, что республики демонстрируют значительные межрегиональные различия в социально-демографической ситуации как в количественных, так и в качественных демографических характеристиках.

Республика Хакасия с точки зрения прироста населения находится в самом уязвимом положении. Низкая рождаемость сопровождается высокой смертностью и миграционным оттоком населения, а также отмечается небольшой перевес старшего населения над молодым. Республика Тыва остается лидером по рождаемости и среди соседних республик, и среди регионов всей страны, однако показатели рождаемости снижаются и уже соответствуют значениям 1990-х годов, как и в других республиках. Главная демографическая опасность для Тувы на сегодняшний день — это высокая отрицательная миграция. Республика Алтай — регион умеренных значений. Положительная рождаемость, смертность на среднем уровне, в последние годы отмечается миграционный прирост, доля молодежи превышает долю старшего поколения. Все перечисленное может служить основанием выделить Алтай среди соседних республик как более благополучную с точки зрения социально-демографического положения.

Ключевые слова: Республика Тыва; Республика Алтай; Республика Хакасия; Сибирский федеральный округ; социально-демографическая ситуация

Для цитирования:

Леденева В. Ю., Ростовская Т. К., Ойдул Т. М. Сравнительный анализ социально-демографической ситуации в республиках Сибирского федерального округа (Алтай, Тува, Хакасия) // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 118-133. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.9>

Леденева Виктория Юрьевна — доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, руководитель отдела этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов, ученый секретарь Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1. Эл. адрес: vy.ledeneva@yandex.ru

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; директор Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: rostovskaya.tamara@mail.ru

Ойдул Тана Михайловна — кандидат социологических наук, ученый секретарь, ведущий научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117а. Эл. адрес: tana_o@mail.ru

Article

Comparative analysis of the socio-demographic situation in the republics of the Siberian Federal District (Altai, Tuva, Khakassia)

Victoria Yu. Ledeneva

Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Centre, Russian Federation,

Tamara K. Rostovskaya

*Institute of Demographic Studies, Federal Research Sociological Centre, Russian Academy of Sciences;
RUDN University, Russian Federation,*

Tana M. Oidup

*Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Natural Resources, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The article analyzes the socio-demographic characteristics of the republics of the Siberian Federal District of Russia: the Republic of Altai, the Republic of Tuva, and the Republic of Khakassia. These are neighboring territories whose indigenous populations share related ethnic cultures. A comparative analysis of the key social and demographic features of each region is conducted. The study is based on statistical data analysis from 1991 to 2023.

It is shown that the republics exhibit significant interregional differences in the socio-demographic situation, both in quantitative and qualitative demographic characteristics.

The Republic of Khakassia is in the most vulnerable position in terms of population growth. Low birth rates are accompanied by high mortality, outmigration, and a slight predominance of the older population over the younger. The Republic of Tuva remains the leader in birth rates both among neighboring republics and across the country. However, birth rates have been declining and now correspond to levels observed in the 1990s, as seen in other republics. The main demographic challenge for Tuva today is high negative migration. The Republic of Altai represents a region with moderate indicators. It has positive birth rates, an average mortality level, and in recent years has experienced migration inflows, with the proportion of young people exceeding that of the older generation. All these factors highlight Altai as a more favorable region in terms of socio-demographic conditions compared to its neighboring republics.

Keywords: Republic of Tuva; Republic of Altai; Republic of Khakassia; Siberian Federal District; socio-demographic situation

For citation:

Ledeneva V. Yu., Rostovskaya T. K. and Oidup T. M. Comparative analysis of the socio-demographic situation in the republics of the Siberian Federal District (Altai, Tuva, Khakassia). *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 118-133. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.9>

LEDENEVA, Victoria Yurievna, Doctor of Sociology, Associate Professor, Chief Researcher, Head, Department of Ethno-demographic, Religious and Integration Processes, Scientific Secretary, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 6/1, Fotieva St., 119333, Russia, Moscow. E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9478-2917

ROSTOVSKAYA, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Professor, Director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University. Postal addresses: 6/1, Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation; 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1629-7780

OIDUP, Tana Mihajlovna, Candidate of Sociology, Scientific Secretary, Leading researcher, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of RAS. Postal addresses: 117A, Internatsionalnaya St., 667007 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: tana_o@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3125-3361

Введение

Актуальность исследования обусловлена общей демографической повесткой в стране и теми административными решениями и мерами, которые принимаются в целях улучшения социально-демографической ситуации на окружном и региональном уровнях, в том числе в рамках новых национальных проектов «Семья», «Продолжительная и активная жизнь», «Молодежь и дети» и др.

Из десяти субъектов Сибирского федерального округа (СФО) авторы сосредоточили свое внимание на отдельных регионах, представляющих собой уникальные этнонациональные территории, в которых проживают коренные народы и при этом сохраняют традиционную культуру, быт, национальные языки: Республике Алтай, Республике Тыва и Республике Хакасия. Эти регионы были выбраны для исследования в силу их территориальной близости, этнокультурного родства, а также наличия разнообразных наборов социально-экономических и социально-демографических характеристик, позволяющих выявить как общие тенденции, так и уникальные черты каждого региона.

Анализ социально-демографической ситуации данных регионов позволит получить представление о миграционных процессах, текущих изменениях численного, половозрастного, этнического состава, а также выяснить, получили ли общероссийские тенденции отклик на республиканском уровне.

В 2022 г. численность родившихся в Республике Хакасия составила 5011 чел., суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей на одну женщину) снизился с 1,59 в 2021 году до 1,54 в 2022 г. По суммарному показателю демографического благополучия регионов за 2018–2022 гг. Тува является промежуточным регионом в совокупности этнонациональных регионов Российской Федерации (Рязанцев и др., 2024). На демографическое благополучие Тувы влияет высокий коэффициент рождаемости (Рязанцев и др., 2024). Суммарный коэффициент рождаемости (число детей, рожденных женщиной в течение жизни) в 2022 г. по республике составил 2,510 рождений в расчете на 1 женщину, что в 1,8 раза выше среднероссийского уровня. В городской местности значение коэффициента составило 2,255, в сельской местности — 2,920 (СФО 2022 г. — 1,472; РФ 2022 г. — 1,416)¹. Вместе с тем неблагоприятные экономические тенденции негативно влияют на исходящую из данного региона миграцию (Абылкаликов, 2021; Натсак, Даржаа, 2023; и др.). Суммарный коэффициент рождаемости в Республике Алтай в 2023 г. составил 2,03².

Все три республики располагаются на юге СФО. Республика Тыва имеет внешнюю государственную границу Российской Федерации с Монголией, а Республика Алтай еще с Китаем и Казахстаном. Общая протяженность внешней границы составляет 2661,2 км. Сами республики являются территориальными соседями, граничат между собой и находятся на отдалении от социально-экономических центров. По площади территорий самой крупной является Республика Тыва, которая занимает 168,6 км² или 3,9% от площади всего СФО (4361,7 км²). Далее идет Республика Алтай — 92,9 км² (2,1%). Хакасия занимает 61,6 км² (1,4%), но на ее незначительной территории проживает такое же число населения, как в двух соседних республиках. На 1 января 2023 года в Республики Хакасия насчитывалось 530,2 тыс. чел. В Республике Тыва проживает 337,3 тыс. чел., а на Алтае 210,8 тыс. чел. При этом наблюдается значительная межрегиональная дифференциация по ключевым показателям социально-экономического развития, что отражается на демографическом развитии республик Южной Сибири. Еще одной особенностью республик являются отличия по доле коренного населения. Например, по данным переписи населения 2020 г., в Республике Алтай на долю алтайцев приходится 34,7%, в Республике Тыва тувинцев — 83,1%, в Республике Хакасия хакасов — только 10,3%³.

Цель настоящего исследования заключается в сравнительном анализе социально-демографической ситуации в республиках Сибирского федерального округа (СФО) — Республике Алтай, Республике Тыва и Республике Хакасия, выявлении уникальных черт каждого региона и характеристике межрегиональных различий. Для реализации данной цели авторами проанализированы изменения в чи-

¹ О Государственном докладе о состоянии здоровья населения Республики Тыва в 2023 году [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://tuvaregion.ru/upload/iblock/542/8ehrgtkp7yfvvjrtsdye2s0mv7uj0oaw.pdf> (дата обращения: 29.09.2024).

² Управление федеральной службой государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. URL: <https://22.rosstat.gov.ru/folder/33349> (дата обращения: 29.09.2024).

³ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 29.09.2024).

сленном, половозрастном и этническом составе населения в период с 1991 по 2022 гг., миграционные процессы в период с 2019 по 2022 гг.

Объектом исследования являются социально-демографические процессы, происходящие в Республике Алтай, Республике Тыва и Республике Хакасия. Предметом исследования выступают специфические характеристики миграции, рождаемости, продолжительности жизни и другие демографические параметры, которые влияют на социальное развитие данных регионов. Основное понятие исследования — «социально-демографическая ситуация» определяется как состояние социально-демографических процессов, состава и размещения населения в какое-либо определенное время, охватывает комплекс различных показателей, таких как рождаемость, смертность, продолжительность жизни, миграционные потоки и этнический состав населения и рассматривается авторами применительно к отдельно взятой республике СФО.

Для достижения поставленных целей и задач был использован многоступенчатый подход, который включает не только количественный анализ данных из федеральных и региональных статистических источников, но и комплексный интеграционный анализ социокультурных и экономических факторов, воздействующих на демографические изменения в республиках. В качестве базовых материалов были задействованы исследовательские работы различных авторов, а также данные Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстата) и ее территориальных органов.

Обзор научной литературы

Социально-демографические характеристики региона представляют собой обширный набор данных о населении, без которых не обходится ни одно региональное исследование социально-демографической ситуации. На данный момент накопился существенный научный массив работ, позволяющий глубже понять социально-демографические процессы, происходящие в Сибирском федеральном округе и конкретно в республиках Алтай, Тыва и Хакасия. Разнообразие подходов можно рассмотреть по группам.

Первая группа исследований — работы, касающиеся общей социально-демографической ситуации в СФО.

Так, А. М. Танков, Ю. А. Кузнецова в своей работе раскрывают понятие демографического пространства Сибирского федерального округа (Танков, Кузнецова, 2023). Е. Е. Тиникова анализирует значительное количество данных о половозрастной структуре городского населения Южной Сибири с 1945 по 2017 гг. с целью исследования направления развития возрастной и половой структуры городского населения национальных республик Хакасии, Тывы и Алтая (Тиникова, 2019). К. В. Шворина и Л. М. Файлечик предлагают авторский подход к исследованию выталкивающих и притягивающих факторов миграции в СФО на основе комплексирования методов многомерного кластерного и геоинформационного анализа (Шворина, Фалейчик, 2018). М. В. Боченина, Г. И. Калашников и М. В. Щербакова исследуют миграционные потоки в СФО с учетом анализа экологических показателей, поскольку выявленные связи сальдо миграции с такими показателями как объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов и среднемесячная заработная плата имеют противоречивое влияние на миграцию и не могут достаточно полно объяснить отток населения из округа (Боченина, Калашников, Щербакова, 2024). Р. В. Маньшин и Е. М. Моисеева отмечают, что в свете негативных тенденций демографического развития СФО, крайне важным представляется развитие комплекса косвенных мер воздействия, сдерживающих миграционную активность постоянного населения СФО, прежде всего, мер экономического стимулирования: привлечение инвестиций, создание благоприятных условий для малого и среднего бизнеса, создание новых рабочих мест. Большую роль играет также продуманная политика геопространственного развития, градостроительства, улучшения жилой и транспортной инфраструктуры (Маньшин, Моисеева, 2020).

Общие исследования по СФО дают нам обширную картину анализа, однако в контексте вышеизложенного становится очевидным, что для более глубокого понимания социально-демографических процессов необходимо исследовать данные на уровне отдельных республик. Исследователи, занимающиеся региональными вопросами, предлагают уникальные подходы для понимания территориальных особенностей и формировании более точных и специфичных рекомендаций для каждой территории. Обращаясь к работам таких исследователей, мы можем увидеть, как локальные факторы влияют на демографические и социально-экономические процессы.

Вторая группа исследований посвящена социально-демографическим характеристикам Республики Тыва.

С. П. Монгуш на примере Республики Тыва анализирует взаимосвязь демографических вопросов с традициями природопользования тувинцев (Монгуш и др., 2021). В другой работе этого автора и ее коллег рассматривается влияние демографической ситуации на социальное и экономическое развитие в регионе. Авторы подчеркивают важность глубокого анализа демографической структуры как условия для решения проблем в различных сферах жизни, описывают основные демографические показатели Республики Тыва и предлагают концепцию демографической политики региона до 2025 г., акцентируя внимание на необходимости комплексного подхода к решению демографических проблем, включая поддержку семей с детьми и меры по борьбе с алкоголизмом, а также подчеркивают необходимость учета демографической ситуации при реализации муниципальных проектов, направленные на улучшение жизненных условий в регионе (Монгуш и др., 2021). В работах тувинских исследователей современная демографическая ситуация характеризуется более благоприятными показателями по уровням смертности и рождаемости по сравнению с общероссийскими значениями. Однако, анализ текущей демографической ситуации выявляет основные проблемы, стоящие перед населением Республики Тыва, а именно: снижение продолжительности жизни населения; значительный миграционный отток трудоспособных и квалифицированных специалистов; увеличение нестабильности в семьях и снижение их среднего размера, что связано с распространением малодетности; старение населения, что ведет к росту экономико-демографической нагрузки на трудоспособное население (Ондар, Соян, 2021).

Т. К. Ростовская с коллегами представляют в своем исследовании ретроспективную динамику суммарного коэффициента рождаемости за 30 лет в Республике Тыва и выделяют два этапа демографического развития региона: фазы стагнации (1991–2006 гг.) и фазы роста (2007–2021 гг.) (Ростовская, Золотарева, Давлетшина, 2023). С. В. Рязанцев и соавторы описывают динамику изменения показателей экономической активности населения в Республике Тыва, а также систематизируют институциональные меры поддержки занятости и предпринимательства в республике, что позволяет выработать рекомендации для повышения экономической активности населения в исследуемом субъекте РФ (Рязанцев и др., 2024).

Третья группа исследований связана с изучением социально-демографических проблем в Республике Алтай.

Так, Э. В. Енчинов и его коллеги проводят анализ социально-демографической сферы Республики Алтай, связывая ее развитие с модернизацией системы жизнеобеспечения населённых пунктов Республики Алтай и ростом различных элементов социальной инфраструктуры (Конструирование общероссийской ... , 2018; Алтайцы ... , 2014: 378–379). Сравнительный анализ демографических трендов в Республиках Алтай и Тыва проводят М. В. Фомин, Н. Ю. Микрюков и Т. Р. Мирязов (Фомин, Микрюков, Мирязов, 2022). По мнению авторов, в этих регионах наблюдается возможность возникновения депопуляции: в ближайшие годы в Республике Алтай, а в отдалённой перспективе — и в Республике Тыва. Но при этом, отмечают они, оба субъекта обладают колоссальным потенциалом развития благодаря своей природно-ресурсной базе, что является конкурентным преимуществом по сравнению с другими регионами СФО. Авторы подчеркивают значимость развития традиционных для двух регионов трудоёмких отраслей сельского хозяйства, которые способны поднять уровень жизни населения большинства населённых пунктов, снять острые проблемы занятости и доходов. Е. Е. Тиникова анализирует основные направления демографического развития в Республике Алтай с учетом запаздывающей урбанизации. Автор отмечает значительное влияние индустриального освоения региона и экономической специализации города на протяжении XX — начала XXI в. на демографическую динамику населения. Особая роль отводится миграции как основного компонента динамики численности населения Горно-Алтайска (Тиникова, 2023).

Четвертая группа — научная литература, посвященная социально-демографическим процессам в Республике Хакасия.

Проблемы демографического развития Республики Хакасия исследует Н. А. Баранцева через реализацию пронаталистской демографической политики и ее влияния на динамику рождаемости в регионе и делает вывод, что комплекс социально-демографических мер с 2007 г. оказал заметное влияние на процессы воспроизводства населения в Республике Хакасия в 2010-е гг., однако оно оказалось кратковременным и впоследствии в республике продолжилось сокращение рождаемости. С 2018 г.

рождаемость пошла вниз, а смертность выросла. В 2022 г. численность родившихся по отношению к умершим составила 71%, то есть сохраняется тренд убыли населения. Хакасия — единственный регион, где за четыре года в Сибирском федеральном округе вырос показатель младенческой смертности к 2019 г. (Баранцева, 2021). Д. А. Матвеев отмечает, что внутренние перемены в Хакасии выражены в различиях между городским и сельским населением. Еще несколько лет назад городские районы страдали от более значительного сокращения численности по сравнению со средним показателем по республике, а в сельских районах численность жителей увеличивалась, то в последние годы даже сельская местность стала терять своих жителей. Автор выделяет четыре ключевых периода в демографическом развитии Хакасии с 1990 по 2022 гг. (Матвеев, 2024).

Анализ научных источников показывает, что социально-демографические характеристики трех рассматриваемых республик СФО вызывают значительный интерес у исследователей. Существующий научный массив демонстрирует разнообразие подходов и методов анализа, акцентируя внимание как на общих тенденциях, так и на уникальных аспектах. Имеется значительное количество работ, в которых подчеркиваются проблемы старения населения, миграционного оттока и сокращения среднесписочной численности жителей. Исследования показывают, что демографическое развитие регионов проходило через различные этапы, при сопоставлении демографических трендов, авторы указывают на потенциальные риски депопуляции и текущие тенденции, которые требуют адаптационных мер государственной политики.

Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных социально-демографическим особенностям регионов России, следует отметить, что отсутствуют исследования, которые бы комплексно анализировали три республики СФО — Туву, Алтай и Хакасию одновременно. Большинство существующих исследований сосредоточено на сравнении максимум двух республик, а иногда и на сопоставлении этих регионов с другими субъектами Федерации, но малый акцент при этом делается на их непосредственном сравнении друг с другом. Наше исследование выделяется именно тем, что рассматривает эти три республики вкуче, подчеркивая их уникальные характеристики и контекст. Каждая из республик обладает своими климатическими условиями, экономическими реалиями и культурными традициями, что создает особую динамику их социально-демографического развития.

Количественный состав населения

Как уже было отмечено в нашем определении, социально-демографическая ситуация — это комплексное понятие, которое включает в себя две группы характеристики населения — количественные и качественные, а также их взаимосвязь с социальными, экономическими и культурными факторами. Показатели численности населения, рождаемости, смертности, миграции являются количественными характеристиками. Половозрастной, национальный, возрастной состав, уровень образования и другие дают представление о качественной характеристике населения.

На социально-демографическую ситуацию оказывают влияние социальные и экономические факторы, как то: уровень занятости, зарплаты, уровень жизни, доступ к образованию и медицинским услугам, государственная поддержка, программы по улучшению жилищных условий, поддержка малых и средних предприятий.

Количественный состав рассматриваемых республик СФО активно менялся. Начиная с 1991 года по 2022 гг., прирост численности населения республик был положительным только для Республики Алтай и Тыва по 7,6% и 10,2% соответственно. В Республике Хакасия отрицательный прирост — 7,8%. В 1991 г. в Хакасии насчитывалось 575 тыс. населения, а в 2022 г. — только 530,2 тыс. чел. Основная причина кроется в сокращении рождаемости и (или) миграционном оттоке населения, которые повлияли и на сокращение численности населения во всем СФО на 21,4%.

Лидером по рождаемости среди республик остается Тыва, но и она за 31 год испытывала и подъемы, и падения показателей. В 1991 г. общий коэффициент рождаемости на 1 тыс. населения в Тыве составил 26,2, и, начиная с этого года до 2010 г., произошло сокращение до 15,6. С 2010 г. вновь фиксируется падение, в 2022 г. показатель составил только 17,7.

Похожие временные колебания испытали на себе все республики, в том числе и округ в целом (*диаграмма 1*). В 2010 г. в Республике Алтай коэффициент рождаемости превысил показатель 1991 г. 19,2 и достиг 20,5. Однако в 2022 г. также снизился и достиг уровня 13,1. График общего коэффициента рождаемости Хакасии полностью идентичен средним значениям СФО.

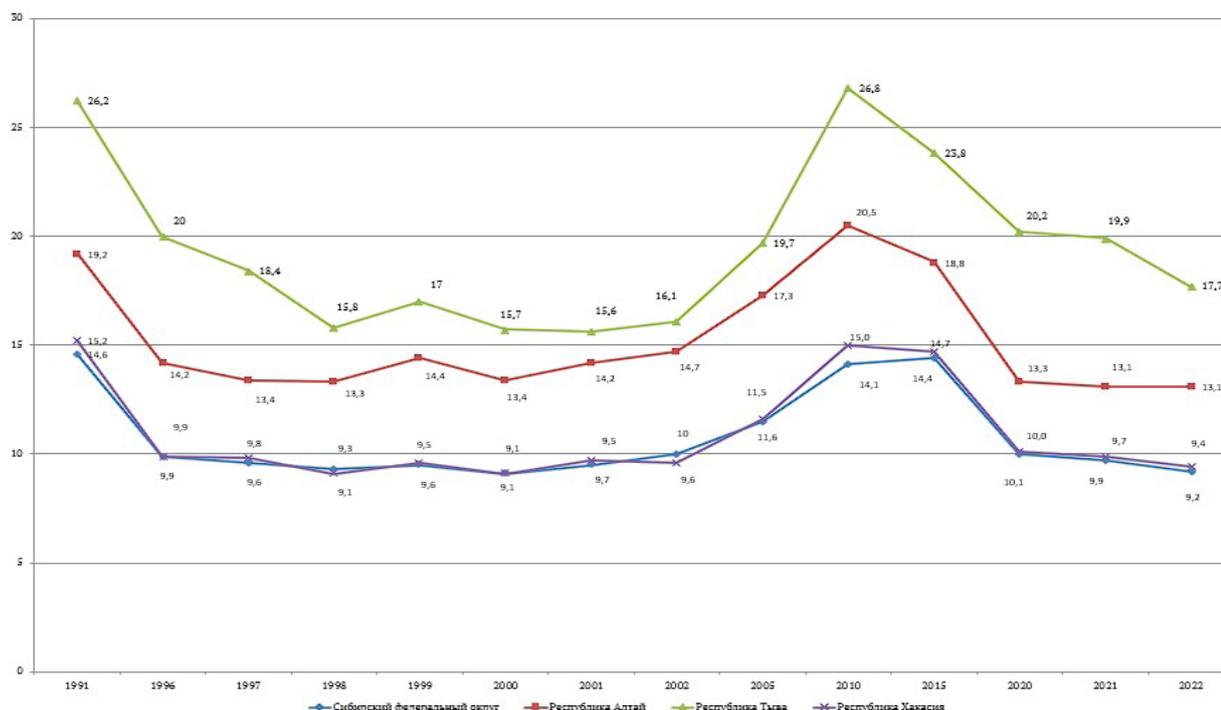

Диаграмма 1. Динамика общего коэффициента рождаемости республик Сибирского федерального округа (1991–2022 гг.), на 1 тыс. населения.

Diagram 1. Dynamics of the total fertility rate of the republics of the Siberian Federal District (1991–2022), per 1,000 population.

Общий коэффициент рождаемости коррелирует с социально-экономическими процессами, которые переживала страна. Падение уровня рождаемости в начале 1990-х гг. было вызвано развалом СССР, сменой экономического уклада, изменением кредитно-денежной политики, падением уровня жизни населения. Только с 2002 г. отмечается положительная динамика. Активный рост вызван введением денежных выплат по программе «Материнский капитал» в 2007 г.

С 2006 г. в Сибирском федеральном округе наблюдается прирост численности населения, что подтверждается статистическими данными (см.: Соболева, 2014). Положительная динамика была связана не только с улучшением результатов экономики, но и с вниманием власти к проблемам сокращения рождаемости. К 2012 г. во всех регионах СФО, кроме Алтайского края и Кемеровской области, наблюдался естественный прирост – 24827 чел.

Однако положительного импульса хватило только на 7–8 лет, далее рождаемость продолжила снижаться и на данный момент достигла показателей 1990-х и начала 2000-х гг. Если рассматривать показатель рождаемости как один из индикаторов уровня жизни и доходов населения (Сивоплясова, Сигарева, Архангельский, 2022), то можно констатировать, что на данный момент по уровню доходов и жизни население находится на уровне 1990-х годов.

З. И. Калугина считает, что бедность населения остается одной из угроз развития страны и ее регионов (Калугина, 2020). Проведя анализ показателя уровня бедности регионов Сибири, она пришла к выводу, что уровень бедности варьируется от 13,9 % в Омской области до 40,5% в Республике Тува. Высоким остается уровень бедности в Республике Алтай – 25,8%. При этом и Тува, и Алтай вошли в число регионов, лидирующих по приросту среднемесячной номинальной заработной платы, который нивелируется высокой стоимостью жизни. Низкие доходы населения и высокая стоимость жизни в регионах во много определяет качество жизни.

Прирост коэффициента смертности населения республик СФО произошел также неравномерно. Антилидером стала Хакасия, в которой с 1990 по 2022 г. прирост показателя смертности составил 26,7%, далее Республика Алтай – 6,4% и Тува, в которой прирост в указанный период составил 0%. В целом по округу смертность населения увеличилась на 38,6% (табл. 1).

Таблица 1. Общй коэффициент смертности (число умерших на 1 000 человек населения)
Table 1. Total mortality rate (number of deaths per 1,000 population)

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2005	2010	2015	2020	2021	2022
СФО	10,1	14,1	13,7	13,1	12,7	13,9	14,4	14,7	15,5	16,6	14,2	13,2	15,1	17,2	14,0
Республика Алтай	10,9	13,1	12,7	12,6	11,6	12,4	12,9	14	14,9	15,7	12,2	10,9	11,3	12,9	11,6
Республика Тыва	8,6	13	13,3	12,7	11,7	13,3	13,4	13,4	14,7	14,3	11,6	10,3	9,4	9,0	8,6
Республика Хакасия	10,5	14	13,8	13,3	13,4	14,3	14	14,8	16,1	17,6	13,8	13,4	14,0	16,1	13,3

Миграционная активность также может служить одной из причин снижения численности населения. 1991 г. в истории Республики Тыва стал годом «миграционной ямы», возникшей по причине резкого обострения межнационального конфликта между тувинцами и некоренными жителями (табл. 2). Социально-экономическая дестабилизация страны, остановка большинства предприятий региона только накалила межэтнические противоречия. Некоренное население стремилось покинуть территорию республики. В последующие годы коэффициент миграционного прироста не поднялся в положительную зону, исключением стал 2020 г. — год пандемии, когда межрегиональное передвижение было затруднительно.

Таблица 2. Коэффициент миграционного прироста, на 10 000 человек населения
Table 2. Migration growth rate, per 10,000 inhabitants

	1991	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2005	2010	2015	2020	2021	2022
СФО	-8	20	7	9	3	-8	-4	-17	-42	-16	-8	-23	1	-20
Республика Алтай	41	70	5	30	44	34	24	0	-49	-28	-58	-29	-18	-17
Республика Тыва	-397	-16	-36	-29	-19	-19	-29	-39	-93	-126	-66	3	-32	-61
Республика Хакасия	24	62	27	31	21	17	24	2	-17	-21	17	4	-2	-13

В соседних республиках Алтай и Хакасия только с 2005 г. миграционный отток стал превышать показатели прироста. В Хакасии доля положительного прироста обеспечивалась в том числе и за счет выбывших из Республики Тыва. Однако ежегодный рост количества выбывших свидетельствует, что «тувинские переселенцы» уже не покрывают поток своих выбывающих. Э. В. Енчинов указывает, что преимущественно с конца 1990-х гг. в Республике Алтай появляется устойчивое миграционное направление на Дальний Восток и Крайний Север, именуемое в народе «Север». Также он выделяет этапы трудовой миграции на «Север» из Республики Алтай: 1) с 1990-х гг. по 2006 г.; 2) 2006–2011 гг.; 3) 2011–2016 гг. (Конструирование общероссийской ..., 2018: 52), которые находят свое подтверждение в статистических данных.

Таким образом, на численность населения влияют три основных показателя: рождаемость, смертность и миграционные процессы. Сравнительный анализ республик свидетельствует, что с точки зрения количественных демографических факторов Хакасия испытывает наибольшие демографические проблемы, так как у нее отмечается численное сокращение населения, вызванное снижением темпов рождаемости (-38,2%), ростом показателей смертности, а также чуть в меньшей степени влияет отрицательная миграция. В Туве на численность населения большее влияние оказывает миграционный отток. В случае его сокращения, на фоне высокой рождаемости и средних показателей смертности, прирост общей численности населения был бы более активным. В Алтае все показатели имеют средние значения, что свидетельствует о том, что за 31 год регион не испытывал значительных социально-экономических потрясений, этнических и политических колебаний.

Качественная сторона ситуации

Качественную сторону социально-демографической ситуации республик СФО начнем с анализа этнического состава населения.

Как уже было сказано выше, по долевого составу коренного населения республики отличаются друг от друга. Самая большая доля в Туве, далее — в Республике Алтай и на последнем месте — Хакасия. Также республики различаются по уровню урбанизированности территорий. Ближе всего к среднему показателю городского и сельского населения Республика Хакасия, в которой около 70% городских жителей, остальные — сельские (таб. 3). В Туве половина жителей проживает в городах, а половина в селах, при этом в ней, как и в Хакасии, пять городов, что говорит о среднем уровне урбанизированности. В Республике Алтай только один город — это ее столица Горно-Алтайск, жители которого составляют 30% всего населения республики.

Таблица 3. Показатели демографического положения республик Южной Сибири, 2023 г.
Table 3. Demographic indicators of the republics of South Siberia, 2023.

	Сибирский федеральный округ	Республика Алтай	Республика Тыва	Республика Хакасия
Удельный вес городского и сельского населения в общей численности населения (оценка на конец года; в процентах)	75,0 / 25	30,8 / 69,2	55,3 / 44,7	68,7 / 31,3
Соотношение мужчин и женщин (оценка на конец года; на 1000 мужчин приходится женщин)	1173	1120	1118	1177
Возрастной состав населения (оценка на конец года; в процентах от общей численности населения)				
Моложе трудоспособного возраста	20,2	27,1	33,5	21,8
Население в трудоспособном возрасте	56,3	55	55,8	55,6
Население старше трудоспособного возраста	23,5	17,9	10,7	22,6
Коэффициенты демографической нагрузки (оценка на конец года; на 1000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособных возрастов), всего	776	818	792	800
Моложе трудоспособного возраста	359	493	601	392
Старше трудоспособного возраста	417	325	191	408

По половому составу населения республики имеют сходство: больше женщин, чем мужчин. Меньше всего мужчин в Хакасии, в Туве и Алтае соотношение мужчин и женщин практически равное (таб. 4). Возрастной состав населения регионов, а именно доля населения моложе и старше трудоспособного возраста выделяет Республику Тыва на фоне остальных республик как более молодую, как по количеству населения моложе трудоспособного возраста, так и по количеству населения старше трудоспособного возраста. Это, конечно, сказывается на демографической нагрузке на трудоспособное население, которое в меньшей степени, чем в соседних регионах, испытывает нагрузку от старшего поколения, но вынуждено больше заботиться о подрастающем.

Данные по миграционному приросту в республиках Сибирского федерального округа за 2019 г. до начала пандемии Covid-19 и последующие годы, представлены в таблице 4, составленной авторами по данным Росстата.

Таблица 4. Миграционный прирост в республиках СФО, 2019–2023 г.

Table 4. Migration growth in the SFD republics, 2019–2023.

	Миграционный прирост — всего	из него за счет передвижений						Внешняя (для региона) миграция
		в пределах России	в том числе		международных	в том числе		
			внутри региона	с другими регионами		со странами СНГ	с другими зарубежными странами	
2019 г.								
Сибирский федеральный округ	-28 966	-44 541	-	-44 541	15 575	17 008	-1 433	-28 966
Республика Алтай	-343	-469	-	-469	126	133	-7	-343
Республика Тыва	-980	-1 099	-	-1 099	119	113	6	-980
Республика Хакасия	-896	-762	-	-762	-134	-97	-37	-896
2020 г.								
Сибирский федеральный округ	-24 499	- 29 113	-	- 29 113	4 614	6 693	-2 079	-24 499
Республика Алтай	344	299	-	299	45	53	-8	-579
Республика Тыва	-579	-432	-	-432	-147	-94	-53	-579
Республика Хакасия	-92	238	-	238	-330	-245	-85	-92
2021 г.								
Сибирский федеральный округ	12 595	-40 138	-	-40 138	52 733	50 758	1 975	12 595
Республика Алтай	554	286	-	286	268	242	26	564

Республика Тыва	-1 358	-1 590	-	-902	470	481	-11	-432
Республика Хакасия	-432	-902	-	-902	470	481	-11	-432
2022 г.								
Сибирский федеральный округ	-33 352	-32 785	-	-32 785	-567	1 205	-1 772	-33 352
Республика Алтай	-361	-230	-	-230	-131	-138	7	-361
Республика Тыва	-2 060	-1 675	-	-1 675	-385	-377	-8	-2 060
Республика Хакасия	-675	-592	-	-592	-83	-68	-15	-675
2023 г.								
Сибирский федеральный округ	-9 704	-20 116	-	-20 116	10 412	10 012	400	-9 704
Республика Алтай	-439	-298	-	-298	-141	-132	-9	-439
Республика Тыва	-2 492	-2 430	-	-2 430	-62	-61	-1	-2 492
Республика Хакасия	-132	-272	-	-272	140	129	11	-132

В основном миграционный отток из СФО происходил за счет перемещений в другие регионы страны. Однако стоит отметить общую тенденцию к сокращению миграционного оттока. По сравнению с 2019 г., в 2020 г. количество выезжающих в другие регионы уменьшилось, а в 2021 г. в регионе наблюдался значительный миграционный прирост, однако он связан не с рассматриваемыми республиками, а с положительным сальдо миграции в Новосибирской области. Но уже в 2022 г. отток из региона показал значительный рост, что, скорее всего, связано с политическими событиями в стране. В 2023 г. количество выезжающих в другие регионы уменьшилось практически вдвое. Таким образом, анализ данных о миграционном приросте в СФО за последние 5 лет и его республикам указывает на отрицательные значения, что говорит о продолжающемся процессе миграционного оттока населения. Только лишь в Республике Алтай в 2020 и 2021 годах наблюдался миграционный прирост, но в последние два года миграционный отток из республики продолжился и даже немного увеличился в 2023 г.

Наиболее значительный миграционный отток на протяжении последних 5 лет наблюдался из Республики Тыва. В 2023 г. увеличение почти в 1,25 раза. Во-первых, это связано с экономическими условиями, включая низкий уровень доходов и ограниченные возможности трудоустройства на местном рынке. Жители покидают республику в поисках лучших рабочих мест и более высоких заработков в других более развитых субъектах России. Во-вторых, важную роль в этом процессе играют социальные факторы. Недостаточное обеспечение социальной инфраструктуры, включая здравоохранение, образование и культурные услуги, побуждает людей искать лучшие условия жизни в других местах. К тому же миграционный отток также может быть вызван демографическими изменениями: молодежь чаще

всего стремится уехать, в то время как население в республике стареет. В-третьих, миграция из Тувы имеет культурные и этнические аспекты. Сохранение культурной идентичности и традиционного образа жизни играет важную роль для многих местных жителей, но нехватка возможностей для самореализации и социальной мобильности приводит к желанию покинуть родные места. Таким образом, миграционный отток из Республики Тыва представляет собой сложный процесс, обусловленный экономическими, социальными и культурными факторами, и требует комплексного подхода для его анализа и решения.

Детальный анализ международных перемещений населения в Сибирском федеральном округе и трех республиках (Республика Алтай, Республика Тыва и Республика Хакасия) за 2019, 2020, 2021, 2022 и 2023 гг. указывает на активные миграционные процессы. В частности, в 2019 г. общее число международных перемещений в СФО составило 15 575. По всем исследуемым республикам прирост был положительный: у Республики Алтай число международных перемещений составило 126. Это достаточно низкий, но положительный показатель, возможно связанный с учебой или работой; Республика Тыва — 119 международных перемещений, что также говорит о небольшом, но положительном уровне миграции; Республика Хакасия имела отрицательный показатель -134, что может указывать на увеличение числа людей, покидающих регион в поисках лучших условий жизни и работы за границей.

За весь рассматриваемый период наблюдался прирост международных перемещений, кроме 2022 г., когда было зафиксировано отрицательное значение — 567, что скорее всего связано с политической ситуацией в стране.

В 2023 г. в регионе СФО отмечено 10412 международных перемещений, что является значительным восстановлением по сравнению с крайне негативной динамикой 2022 г. Возможно, это свидетельство о восстановлении экономической ситуации или, в целом, изменении миграционной политики. Однако в республиках сохраняется отрицательная динамика: в Республике Алтай отрицательные показатели фиксируются на протяжении последних двух лет: -131 в 2022 г. и -141 в 2023 г., что указывает на проблему миграционного оттока; в Республике Тыва этот показатель значительно сократился в 2023 г. по сравнению с 2022 г.: -61 и -377 соответственно и лишь в Республике Хакасия международные перемещения имеют положительное значение, что может свидетельствовать о росте интереса к этому региону со стороны мигрантов и успешные инициативы руководства республики по привлечению населения. Таким образом, все три республики показывают тенденцию к оттоку населения после 2019 г. Анализ международных миграционных перемещений позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего изучения причин оттока и разработки мер, направленных на привлечение и удержание населения в регионах Сибирского федерального округа.

В изучении международных миграционных перемещениях основной акцент направлен на миграцию из стран СНГ, особенно из Центральной Азии (далее — ЦА), прежде всего из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана.

Так же как и в других регионах России, миграция из стран ЦА имеет экономические причины. Мигранты в субъектах СФО работают в различных секторах экономики, включая строительство, сельское хозяйство и сферу услуг. Они не только заполняют пробелы на рынке труда, но и вносят значительный вклад в местные бюджеты через налоги и потребление, способствуя тем самым экономическому росту региона.

Миграционные потоки из ЦА оказывают значительное воздействие на этнокультурное пространство республик. Этот процесс включает как позитивные, так и негативные аспекты, влияя на социальные структуры, культурные идентичности и общий климат взаимопонимания между различными этническими группами.

В динамике рассматриваемых периодов наблюдается активный миграционный поток между СФО и странами СНГ — 17008 перемещений в 2019 г.; 6 693 в 2020г.; 50 798 в 2021г.; 1205 — в 2022 г. Такая динамика может отражать изменения, связанные с пандемией COVID-19 и экономическими кризисами, а также политической ситуацией в России; однако в 2023 г. поток практически восстановился и составил 10012 перемещений. Увеличение уровня миграции по сравнению с 2022 г. говорит о возможных улучшениях экономической ситуации и восстановлении связи с другими странами СНГ.

По республикам тенденции соответствуют общему международному миграционному потоку: в 2019 г. в Алтае и Туве показатель был положительный — 133 и 113 соответственно, что может сви-

детельствовать о наличии определенных связей с соседними государствами. В Хакасии значение отрицательное -97. В 2022 г. по всем республикам — отрицательное значение, что может быть связано с ухудшением ситуации и миграционным оттоком из-за экономической и политической нестабильности. В 2023 г., несмотря на то, что общий миграционный поток со странами СНГ в регионе восстановился, в республиках сохранялась отрицательная динамика, и только в Хакасии положительное значение — 129. Хакасия смогла привлечь больше мигрантов из стран СНГ, что может указывать на потенциал республики и улучшение экономических или социальных условий,

Общие данные по *таблице 4* показывают, что Сибирский федеральный округ и его республики переживают значительный миграционный отток, особенно внутри страны. В то же время по некоторым регионам наблюдается приток жителей из-за границы, что может указывать на потенциальные возможности для улучшения социальной и экономической ситуации, но общий баланс все еще остается отрицательным.

Собранные данные сигнализируют о серьезных проблемах с миграцией в Сибирском федеральном округе и его республиках. Основные проблемы заключаются во внутреннем оттоке населения, что говорит о необходимости создания более привлекательных условий для жизни и работы в этих регионах. Кроме того, округ имеет положительное сальдо миграции со странами СНГ, что может стать основой для преобразований и улучшения ситуации в будущем.

Проведенный анализ полученных данных для трех из десяти регионов СФО подтверждает гипотезу о том, что межрегиональные различия в экономическом развитии, этническом составе и уровне социальных услуг оказывают влияние на социально-демографические параметры населения, такие как уровень рождаемости, продолжительность жизни и миграционные потоки.

Хотя результаты нашего исследования указывают на тенденцию к оттоку населения из данных регионов, следует отметить, что выводы, основанные только на трех регионах, не могут отражать всю картину, существующую в остальных семи субъектах (СФО). Поэтому для более полной оценки указанной гипотезы необходимо провести дальнейшие исследования, охватывающие все регионы округа. Эти исследования позволят выявить первостепенные причины оттока населения в более широком контексте, включая как социальные, так и экономические факторы, присущие другим регионам СФО.

Заключение

Исследование показало, что каждая из республик обладает уникальными особенностями как количественных, так и качественных демографических характеристиках.

Республика Хакасия с точки зрения прироста населения находится в самом уязвимом положении. Низкая рождаемость сопровождается высокой смертностью и миграционным оттоком населения, а также отмечается небольшой перевес старшего населения над молодым. Республика Тыва еще продолжает оставаться лидером по рождаемости и среди соседних республик, и среди регионов всей страны, однако показатели рождаемости снижаются и уже соответствуют значениям 1990-х годов, как и в других республиках. Главная демографическая опасность для Тувы на сегодняшний день — это высокая отрицательная миграция. Республика Алтай — регион умеренных значений. Положительная рождаемость, смертность на среднем уровне, в последние годы отмечается миграционный прирост, доля молодежи превышает долю старшего поколения. Все перечисленное может служить основанием выделить Республику Алтай среди соседних республик как более благополучную с точки зрения социально-демографического положения.

Таким образом, рассмотренные в исследовании республики Сибирского федерального округа демонстрируют значительные межрегиональные различия в социально-демографической ситуации. Для каждой республики характерна своя уникальная социально-экономическая ситуация, требующая целенаправленных мер по улучшению жизненных условий и удержанию населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие (2014) / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск : БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им С. С. Суразакова. 464 с.

Баранцева, Н. А. (2021) Динамика рождаемости в Республике Хакасия в 2010-е гг. (в контексте осуществления демографической политики) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. № 3(45). С. 85–92. DOI: <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2021-3-85-92>

Боченина, М. В., Калашников, Г. И., Щербакова, М. В. (2024) Анализ миграционных процессов в Сибирском федеральном округе // Экономика и управление. № 1. С. 165–172. DOI: <https://doi.org/10.34773/EU.2024.1.29>

Калугина, З. И. (2020) Социальные риски развития Сибири // Регион: экономика и социология. № 3 (107). С. 117–134. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20200305>

Конструирование общероссийской региональной и этнической идентичности в Республике Алтай (конец XX — начало XXI веков) / редкол.: Н. О. Тадышева, Э. В. Енчинов. Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. 336 с.

Маньшин, Р. В., Моисеева, Е. М. (2020) Миграция населения в Сибири: тенденции и проблемы регулирования // Наука. Культура. Общество. № 1. С. 13–22. DOI: <https://doi.org/10.38085/2308829X-2020-1-13-22>

Матвеевко, Д. А. (2024) Формирование и оценка демографического и трудового потенциалов региона // Вестник науки. № 5 (74). Т. 2. С. 107–115.

Монгуш, О. Н., Кужугет, С. А., Ондар, С. Б., Ондар, М. М. (2021) Демографическая структура населения по Республике Тыва // Экономика и бизнес: теория и практика. № 12–2(82). С. 138–141. DOI: <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-12-2-138-141>

Монгуш, С. П. (2021) Экономика народонаселения и демография. Традиционное природопользование в формировании современного пространственного развития территории (на примере Республики Тыва) // Актуальные вопросы современной экономики. № 11. С. 692–705. DOI: <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.40.20.054>

Натсак, О. Д., Даржаа, Ч. Б. (2023) Миграционные намерения населения Республики Тыва: направления, причины и мотивы // Азиатские исследования: история и современность. № 2–3 (6–7). С. 193–219.

Ондар, О. М., Соян, Ш. Ч. (2021) Анализ демографических процессов Республики Тыва // Экономика и бизнес: теория и практика. № 1–2(71). С. 22–25.

Ростовская, Т. К., Золотарева, О. А., Давлетшина, Л. А. (2023) Особенности рождаемости в Республике Тыва (1991–2021) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–49. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.3>

Рязанцев, С. В., Ростовская, Т. К., Васильева Е. Н., Сулейманлы, А. (2024) Динамика трансформации экономической активности населения в Республике Тыва (2016–2022 гг.) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 221–237. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.15>

Сивоплясова, С. Ю., Сигарева, Е. П., Архангельский, В. Н. (2022) Уровень жизни и рождаемость: взаимосвязь двух неравенств на макро- и микроуровнях // Экономика. Налоги. Право. Т. 15. № 3. С. 38–51.

Соболева, С. В. (2014) Демографическая ситуация в Сибири на фоне общероссийских тенденций // Регион: Экономика и Социология. № 2(82). С. 97–115.

Танков, А. М., Кузнецова, Ю. А. (2023) Характеристики демографического пространства Сибирского федерального округа // Проблемы социально-экономического развития Сибири. № 2(52). С. 74–80.

Тиникова, Е. Е. (2019) Половозрастная структура населения городов Южной Сибири в середине XX — начале XXI вв. // Genesis: исторические исследования. № 2. С. 74–87. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.2.29163>

Тиникова, Е. Е. (2023) Демографическое развитие Горно-Алтайска в 1928–2020-е годы // Исторический курьер. № 4 (30). С. 192–202.

Фомин, М. В., Микрюков, Н. Ю., Мирязов, Т. Р. (2022) Пространственное развитие населённых пунктов республик Алтай и Тыва: социологический анализ // Народонаселение. Т. 25. № 3. С. 59–73. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.5>

Шворина, К. В., Фалейчик, Л. М. (2018) Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного Федеральных округов // Экономика региона. Т. 14. Вып. 2. С. 485–501.

Дата поступления: 10.10.2024 г.

Дата принятия: 15.01.2025 г.

REFERENCES

- Abylkalikov, S. I. (2021) Features of demographic development of Tuva: the contribution of migration to the demographic balance. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Altaysy: Etnicheskaya istoriya. Traditsionnaya kul'tura. Sovremennoe razvitie* (2014) / ed. By N. V. Ekeev. Gorno-Altaysk, BNU RA "Nauchno-issledovatel'skii institut altaistiki im. S. S. Surazakova". 464 p. (In Russ.).
- Barantseva, N. A. (2021) The dynamics of birth rate in the Republic of Khakassia in the 2010s in the context of demographic policy implementation. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, no. 3(45), pp. 85–92. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2021-3-85-92>
- Bochenina, M. V., Kalashnikov, G. I. and Shcherbakova, M. V. (2024) Analysis of migration processes in the Siberian Federal District. *Ekonomika i upravlenie*, no. 1, pp. 165–172. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34773/EU.2024.1.29>
- Kalugina, Z. I. (2020) Social risks of Siberian development. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, no. 3 (107), pp. 117–134. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20200305>
- Construction of All-Russian Regional and Ethnic Identity in the Altai Republic (late XX – early XXI centuries)* (2014) / eds. by N. O. Tadyshcheva and E. V. Enchinov. Gorno-Altaysk, NII altaistiki im. S. S. Surazakova. 336 p. (In Russ.).
- Manshin, R. V. and Moiseeva, E. M. (2020) Migration of population in Siberia: trends and regulatory problems. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, no. 1, pp. 13–22. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.38085/2308829X-2020-1-13-22>
- Matveenko, D. A. (2024) Formation and assessment of demographic and labor potential of the region. *Vestnik nauki*, no. 5(74), vol. 2, pp. 107–115. (In Russ.).
- Mongush, O. N., Kuzhuget, S. A., Ondar, S. B. and Ondar, M. M. (2021) Demographic population structure in the Republic of Tyva. *Journal of Economy and Business*, no. 12–2(82), pp. 138–141. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-12-2-138-141>
- Mongush, S. P. (2021) Population economics and demography. Traditional nature management in the formation of modern spatial development of the territory (on the example of the Republic of Tyva). *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki*, no. 11, pp. 692–705. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.40.20.054>
- Natsak, O. D. and Darzhaa, Ch. B. (2023) Migration intentions of the population of the Republic of Tuva: directions, causes and motives. *Aziatskie issledovaniya: istoriya i sovremennost'*, no. 2–3(6–7), pp. 193–219. (In Russ.).
- Ondar, O. M. and Soyan, Sh. Ch. (2021) Analysis of demographic processes in the Republic of Tuva. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, no. 1–2(71), pp. 22–25. (In Russ.).
- Rostovskaya, T. K., Zolotareva, O. A. and Davletshina, L. A. (2023) Features of birth rate in the Republic of Tuva (1991–2021). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–49. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.3>
- Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K., Vasil'eva, E. N., Suleimanly, A. (2024) Dynamics of the transformation of economic activity of the population in the Republic of Tuva (2016–2022). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 221–237. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.15>
- Sivoplyasova, S. Yu., Sigareva, E. P. and Arkhangel'skii, V. N. (2022) Standard of living and birth rate: the relationship between two inequalities at the macro and micro levels. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, vol. 15, no. 3, pp. 38–51. (In Russ.).
- Soboleva, S. V. (2014) Demographic situation in Siberia against the backdrop of all-Russian trends. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, no. 2(82), pp. 97–115. (In Russ.).
- Tankov A. M. and Kuznetsova Yu. A. (2023) Characteristics of the demographic space of the Siberian Federal District. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, no. 2(52), pp. 74–80. (In Russ.).
- Tinikova, E. E. (2019) Gender and age structure of the population of the cities of Southern Siberia in the mid-20th – early 21st centuries. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 74–87. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.2.29163>
- Tinikova, E. E. (2023) Demographic development of Gorno-Altaysk in 1928–2020. *Istoricheskii kur'er*, no. 4(30), pp. 192–202. (In Russ.).
- Fomin, M. V., Mikryukov, N. Yu. and Miryazov, T. R. (2022) Settlements' spatial development in the Altai and Tyva republics: a sociological analysis. *Population*, vol. 25, no. 3, pp. 59–73. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.5>

Shvorina, K. V. and Faleychik, L. M. (2018) Main trends in migration mobility of the population of the regions of the Siberian and Far Eastern Federal Districts. *Ekonomika regiona*, vol. 14, issue 2, pp. 485–501. (In Russ.).

Submission date: 10.10.2024.

Acceptance date: 15.01.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.1.10

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

Статья

Формульный стиль устной поэзии тюркских народов

Жансеит К. Туймебаев

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,

Джемма Б. Аманжолова

Astana IT University, Республика Казахстан,

Кайрат Жанабаев, Айжан Ш. Тургенбаева

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье анализируются особенности формульного стиля устной поэзии тюркских народов, ритмических, лексических и синтаксических свойств, а также выявляется функциональная природа формульных единиц. Анализ основан на теории устной традиции М. Пэрри и А. Б. Лорда. Формулой понимается группа слов, регулярно употребляемая в одинаковых метрических условиях для воплощения заданной основной идеи в поэтических текстах казахских, ногойских, каракалпакских, крымско-татарских жырау и образцов тувинской обрядовой лирики.

Анализ формульных механизмов организации устной поэзии тюркских народов позволил установить, что звуковые повторы в традиционной казахской, тувинской и ногойской поэзии не только задают композиционную рамку произведения и поддерживают ритмическую организацию текста, но также выполняют важную суггестивную функцию. Анафорические формулы создают эффект магического внушения и связи с сакральными силами, а монорифменные повторы, семи- и восьмисложные структуры стиха упрощают запоминание текста и его передачу от поколения к поколению.

Выступая стилистическим приемом, формула придает устной речи изобразительность и выразительность. Она усиливает динамику образа и интонации, организуя речь ритмически. Анализ звуковой структуры и традиционной семантики устной тюркоязычной поэзии выявил комплексно-звуковую и функциональную природу ее различных формульных единиц, привел нас к пониманию связи звуковых формул с первичными трансформациями — ритмическими закланиями, магией, суггестией.

Ключевые слова: устная теория; формульный стиль; жыр; стих; жырау; тюркская поэзия; казахский фольклор; ногойский фольклор; тувинский фольклор

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP23486380 «Тюркские языки Казахстана в условиях духовной модернизации общества: от графики к эпическому тексту»).

Для цитирования:

Туймебаев Ж. К., Аманжолова Д. Б., Жанабаев К., Тургенбаева А. Ш. Формульный стиль устной поэзии тюркских народов // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 134-145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.10>

Туймебаев Жансеит Кансеитович — доктор филологических наук, профессор, ректор Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: turkology.ri@gmail.com

Аманжолова Джемма Болатовна — кандидат филологических наук, ассистент-профессор Astana IT University. Адрес: 010000, Казахстан, г. Астана пр. Мангилик Ел, 55/11, С1. Эл. адрес: jemma.aman@gmail.com

Жанабаев Кайрат — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования казахского фольклора и литературы имени Жамбыла Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: ovlur1963@mail.ru

Тургенбаева Айжан Шохановна — старший преподаватель Центра «ЗОЖ» Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: 2008.1985@mail.ru

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

Article

Formulaic style of oral poetry of Turkic peoples

Zhanseit K. Tuimebayev*Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan,***Jemma B. Amanzholova***Astana IT University, Republic of Kazakhstan,***Kairat Zhanabayev, Aizhan Sh. Turgenbayeva***Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan*

The article analyzes the characteristics of the formulaic style in the oral poetry of Turkic peoples, focusing on its rhythmic, lexical, and syntactic properties, as well as identifying the functional nature of formulaic units. The analysis is based on the oral tradition theory developed by M. Parry and A. B. Lord. The study examines groups of words that are regularly used in identical metrical conditions to convey a given central idea in poetic texts of Kazakh, Nogai, Karakalpak, and Crimean Tatar zhyrau traditions, as well as in samples of Tuvan ritual lyrics.

The analysis has established that sound repetitions not only provide a compositional framework and support the rhythmic organization of the text but also serve an important suggestive function. Anaphoric formulas create an effect of magical incantation and connection with sacred forces, while monorhymed repetitions, along with seven- and eight-syllable verse structures, facilitate memorization and the transmission of texts across generations.

As a stylistic device, the formula enhances the imagery and expressiveness of oral speech. It reinforces the dynamics of imagery and intonation while rhythmically structuring speech. The study of the sound structure and traditional semantics of Turkic oral poetry has revealed the complex phonetic and functional nature of its various formulaic units, leading to a deeper understanding of the connection between sound formulas and their primary transformations — rhythmic incantations, magic, and suggestion.

Keywords: oral theory; formulaic style; zhyr; verse; zhyrau; Turkic poetry; Kazakh folklore; Nogai folklore; Tuvan folklore

Financing

This research is funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (grant No. AP23486380 “Turkic languages of Kazakhstan in the conditions of spiritual modernization of society: from graphics to epic text”).

For citation:

Tuimebayev Zh. K., Amanzholova J. B., Zhanabayev K., and Turgenbayeva A. Sh. Formulaic style of oral poetry of Turkic peoples. *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 134-145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.10>

TUIMEBAYEV, Zhanseit Kanseitovich, Doctor of Philology, Professor, Rector, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: turkology.ri@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5495-1686

AMANZHOLOVA, Jemma Bolatovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of General Education Disciplines, Astana IT University. Postal address: C1 55/11, Mangilik El Av., 010000, Astana, Republic of Kazakhstan. E-mail: jemma.aman@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3153-5169

ZHANABAYEV, Kairat, Candidate of Philology, Leading Researcher, Center for the Study of Kazakh Folklore and Literature, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: ovlur1963@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4755-6631

TURGENBAYEVA, Aizhan Shokhanovna, Senior Lecturer, The “Healthy Lifestyle” Center, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: 2008.1985@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4888-5966

Введение

Носители тюркской эпической традиции сохранили для человечества бесконечно огромное число поэм. Устные тюркоязычные памятники, возникшие после распада Золотой Орды¹, стали частью общего тюркского наследия. Прежде всего, это: поэзия жырау² XV–XVIII вв., эпос об «Алпамысе»³, о «Едиге»⁴ и другие. Как пишет М. Магауин, «тюркологи нашего времени до сих пор не могут точно определить, достоянием которого из современных тюркских народов они являются» (Магауин, 1978: 6).

Тюркский «эпический стиль выводится из поэтической техники», как писал известный тюрколог Е. М. Мелетинский (Мелетинский, 1963: 12). Ее структурные элементы имеют свои особенности, специфику традиционного образного стиля, всей художественно-определяющей системы. В том числе: устойчивые лексические сочетания-повторы, постоянные эпитетные двучлены, иносказания (каз. *астарлы сөздер*), символы и коды, полные метафорических значений и т. д.

Целью статьи авторы видят в исследовании особенностей формульного стиля устной поэзии тюркских народов, анализ ритмических, лексических и синтаксических свойств, а также выявление функциональной природы формульных единиц.

Объектом нашего рассмотрения стала устная поэзия казахов, тувинцев, ногайцев и крымских татар, предметом — ее формульный стиль (*formulaic style*).

Formulaic style — термин американских фольклористов М. Пэрри (Parry, 1930) и А. Б. Лорда (Lord, 1964). Они первые исследовали и описали законы создания, сохранения и передачи устной поэзии, функции ее устойчивых единиц — формул, регулярно воспроизводимых для выражения какой-либо существенной идеи. Эта формула (заготовка, жанровая заставка) может содержать какой-либо существенно важный для идеи образ, черту характера, признак события и в силу емкости приспособлена к соответствующей его идее тематической или фразеологической ситуации. Таким образом, формульный стиль представляет собой совокупность действий звуковых повторов, стандартизированных фраз, устойчивых оборотов, постоянных эпитетов, однородных стилистических конструкций и т. д., употребляемых в процессе создания и передачи устным автором или исполнителем своего произведения. Также сюда могут быть включены приемы его поэтической техники, служащие основным «строительным» материалом его произведений.

Формульный стиль устной тюркоязычной поэзии имеет свои ритмические, лексические и синтаксические свойства, которые выступают основным средством реконструкции поэтического мышления. Они же сыграли основную роль в сохранении устной поэзии тюркских этносов. В казахской традиции эпос воспринимается как опыт, *Дала Ілімі* 'Степное Знание', а традицию передачи его из уст в уста, от поколения к поколению — *Атадан балаға* 'от предков — к потомкам'.

Авторы решали следующие задачи: 1) раскрыть формульные законы организации устных произведений в контексте *Oral Tradition* 'устной теории' Пэрри-Лорда (Parry, 1930) и провести анализ звуковой структуры (ассонанса, аллитерации, анафоры, повторов) в текстах традиционной казахской, тувинской, ногайской поэзии; 2) выявить функциональную природу формульных единиц (экспрессивно-выразительную, психологическую, мнемотехническую, композиционную).

¹ Золотая Орда была крупнейшим государством эпохи Средневековья (XII–XV вв.) на территории Центральной Азии (Золотая Орда ... , 2016; Қинаятұлы, 2004; и др.).

² Жырау — казахский народный поэт-импровизатор, исполнитель эпических произведений, воспевающий героические события, историю народа и нравственные идеалы. Жырау играли важную роль в сохранении и передаче устного наследия казахской культуры, особенно в форме эпосов, жыров (длинных песенно-поэтических произведений), и исторических сказаний.

³ Эпос «Алпамыс» (др. названия: «Алпамыш», «Алпамыс батыр») — героический эпос казахского, узбекского и других народов Центральной Азии. Произведение отражает основные черты народной культуры, мировоззрения и этики, передавая историю подвига, любви и борьбы за справедливость (см. подробнее: Нурмагамбетова, Кидайш-Покровская, 1975).

⁴ Эпос «Едиге» — героический эпос, распространённый среди тюркских народов (казахов, киргизов, татар, башкир и др.) и повествующий о подвигах и борьбе героя Едиге, который был исторической фигурой эпохи Золотой Орды в XIV–XV вв.

Источниковой базой исследования явились следующие тексты: *накыл* (назиданий) Асана Кайгы-вылы¹; фрагмент *призывания* шамана к своему эреню²; *тилек* (назидания-пожелания) Бухар жырау, а также *жыры* Шалкииз жырау и Актамберды жырау³.

Обзор литературы

Формульный стиль является основой теории *Oral Tradition* 'устная традиция'. В теории М. Пэрри и А. Лорда особое внимание уделяется тому, как формульный стиль обеспечивает запоминание и воспроизведение поэтического материала в культурах без письменности. Формулы, устойчивые сочетания слов и ритмические структуры, выступают не только средством сохранения содержания, но и способом выражения коллективного опыта, что делает их ключевым элементом устной поэзии. Эти принципы характерны для устной поэзии любого народа, в том числе и для тюркоязычной поэзии, где магические формулы и ритмизованные заклинания служили строительным материалом ранней обрядовой поэзии (Борев, 1988: 322–325).

Исследования устной традиции и формульного стиля поэзии тюркских народов велись как казахстанскими, так и зарубежными учеными, которые внесли большой вклад в изучение историко-культурных основ формульного стиля; семантическое и структурное значение формул; связь тюркской устной поэзии с мифологическими и ритуальными традициями.

Так, например, Е. М. Мелетинский (Мелетинский, 1963: 12), исследуя поэтику мифа, отмечал, что в формуле важно ее мифологическое содержание. Ученые исходят из идеи структур и семантики формул, уходящих к первичным трансформациям: суггестивным повторам, магии и ритмизованным заклинаниям. Мифологическое содержание формул ведет к реконструкции всей, широко разветвленной, тюркской звуковой системы, к тому же основанной на магически притягательном сингармонизме, порождающем сегодня много вопросов. Мифологическое содержание *астарлы сөз* 'иносказаний', образно-метафорических и эпитетных формул-двучленов ведут к пониманию глубинных структур поэтического мышления древнего ритуального посредника.

Большое значение для изучения вопросов метафоризации имеют суждения А. С. Аманжолова⁴. Оригинальный подход в изучении устной традиции предложил А. Жаксылыков (Жаксылыков, 2016). Он впервые исследовал ментальность и поэтика казахско-ногайских *жырау* XIV–XIX веков, глубинную многослойность их традиционного устного дискурса.

Среди фундаментальных исследований, имеющих наибольшую научно-теоретическую ценность, укажем на монографию Е. Д. Турсунова «Возникновение баксы, акынов, сэри и салов» (Турсунов, 1999). В ней ученый показал, как параллельно с процессом формирования героического эпоса сложился и культ предка, *аруха* — антропоморфного покровителя рода, сменившего тотема, зверя. Наиболее ранними здесь проявляются такие жанровые формы устной поэзии, как *посвящения* и *восхваления* (*арнау* и *мактау*) — все еще пока наследие тотемистической культуры (там же: 243).

В эволюции обрядово-ритуальной жизни получили развитие и другие устные *жанры-заставки*: *өсиет* 'завет', *накыл сөз* 'поучение', *толғау* 'размышление', *үндеу* 'боевая песнь-призыв в поход', *қоштасу* 'прощание с родными местами' и т. д., т. е. те формульные заставки, из которых вырастет и архаический, и классический героический эпос (Борев, 1988: 18).

Исследуя казахский классический эпос «Кобланды батыр», О. А. Нурмагамбетова и Н. К. Кидайш-Покровская раскрыли роль традиционных, издавна функционировавших в народной поэзии формульных вставок (коротких лирических и эпических песен). Тематическую и жанровую основу всех этих песен-вставок составляют анафорические эпические формулы. Они выступают «строительным» материалом сказания. Ценным для мифологии они считают наличие в прощаниях религиозных

¹ Турсунов Е. Д. Возникновение баксы, акынов, сэри и салов. Астана: Фолиант, 1999.

² Потапов Л. П. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Хара-Холя // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы / отв. ред. Л. П. Потапов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. С. 171–237.

³ Бес ғасыр жырлайды: XV ғасырдан XX ғасырдың бас кезіне дейінгі ақын-жырауларының шығармалары / құраст. М. Мағауин, М. Байділдаев. Алматы: Жазушы, 1989.

⁴ Аманжолов А. С. Мир древнего охотника // Журнал «Ай». 1996. № 1. С. 6–7.

обрядов: в древние века исполнение обрядовых песен связывалось со смертью героя. Исполнение их было и для *жырау*, и для народа понятием сакральным (Нурмагамбетова, Кидайш-Покровская, 1975: 50).

Несмотря на наличие многолетней традиции исследований на этом исследовательском поле, ряд вопросов остается недостаточно решенным. Так, мало изученным еще остается генезис и эволюция формульного стиля в конкретных жанрах тюркской поэзии. Кроме того, не раскрыта функциональная роль формульных элементов в интерпретации мифологических и эпических сюжетов.

Эти пробелы побудили нас обратиться к теме формульного стиля как ключевого элемента устной традиции, чтобы раскрыть его значение для понимания генезиса и специфики тюркской поэзии.

Звуковая магия в устной традиции: анафоры, рифмы и повторы

В устном творчестве нас интересуют их поэтическая техника и формульные законы организации ими устного произведения, в особенности — использования ими разных видов древней звуковой техники: ассонанса, аллитерации, анафоры, лексического и синтаксического повторов. Особенный интерес вызывают природа и функции рифменного повтора — яркого вида древней суггестии. Регулярно воспроизводимый комплекс звуковых повторов шамана, *жырау*, других ритуальных посредников психологически воздействует на состояние слушателей, вводя их в транс. Звуковой повтор в древности был приемом магии, источником ритмизованных заклинаний. Основные функции звукового повтора в устном традиционном тексте — заострение внимания на теме, запоминание ее слушателем и передача ее новым исполнителям. Богато звуковой комплекс проявляется в поэзии казахско-ногайских и крымскотатарских *жырау*. Вот фрагмент *назидания-нақыл* казахско-ногайского автора XV в. Асана Қайғывылы¹:

<p>Көлде жүрген қоңыр қаз <i>Қыр қадірін не білсін!</i> Қырда жүрген дуадақ Су қадірін не білсін! Ауылдағы жамандар Ер қадірін не білсін!²</p>	<p>Серый гусь, живущий на озере, О ценности холма что знает? Дрофа, живущая на холмах, О ценности озера что знает? Недостойные людишки аула О ценности героя что знают?³</p>
--	--

Как видим, повтор представлен: а) тематической анафорой; б) аллитерацией; в) однородной конструкцией в виде глагольной монорифмой и образного параллелизма; г) лексическим повтором; д) внутренней монорифмой.

В других устных жанрах встречаются другие звуковые формульные комплексы. Они исполняют магические: заклинательные, лечебные или прорицательские функции. Так, исследователь тувинской традиционной культуры Л. Потапов замечает, что тувинские шаманы, используя звуковой повтор, одновременно и лечили, и прорицали (Потапов, 1960: 22). Он упоминает таких сильных шаманов, как Сары-кам и Куренгей-кам из рода *хертек* и шаманку Аалшы из рода *кара-сал*.

Рассмотрим природу анафоры в выбранном фрагменте призывания шамана к своему «эреню» (духу-помощнику) (там же: 223):

¹ Турсунов Е. Д. Возникновение баксы, акынов, сэри и салов. Астана : Фолиант, 1999. С. 26.

² Здесь и далее курсивом выделены элементы формульных комплексов — анафоры, эпифоры, монорифмы и т. д. — Авт.

³ Перевод К. Жанабаева.

Черлер кезер чеди куум Чырык хуннунг алтында Каранының кыдыында Каргыраалыг кара хемде Халыткактыг кара таштыг Соортууктуг кара балгаш Чес-хола көвүрүглүг Хылдар көвүрүглүг Чөвүрээ көвүрүглүг Хаалгазы ажык хан кара батын-да Чеже кижги бары херек Ооңг чанында хыржыңг кажаа иштинде Кызыл хыны хыйылганиар Саны чежел чеди куу чуну билдинг Уш ковуруглуг ис кестинер-бе <...> ¹	Рыскающие по всему свету мои семь лебедей Под светлым солнцем, В краю вечной темноты, В узком темном ущелье, В уступистых черных камнях, В засасывающей черной грязи, За латунным медным мостиком, За волосяным мостиком, За корьевым мостиком, С открытой дверью в черно-красном доме, Надо узнать, сколько там умерших Около него в плетеном загоне, Красной кровью поливших, Сколько их, семь лебедей, что узнали? Осмотрели ли следы у трех мостов? <...>
--	---

В этом предсказании повтор представлен анафорой трех видов: простой (1. Черлер... 2. Чырык...); слоговой усеченной (3. Кар... 4. Кар...) и строчной синтаксической (5. кара... 6. кара...).

Простая анафора представляет тематический зачин: первая тема о том, как семь лебедей «рыскают» под светлым солнцем:

Черлер кезиир чеди куум

Чырык хуннунг алдында

Тема второй, слоговой усеченной, анафоры — вечная тьма, темное ущелье:

Караңгының кыдыында

Каргыраалыг кара хемде

Как видим, каждая из анафорических формул содержит свою тему. Эти формулы составляют антитезу, или световую бинарную оппозицию: свет, солнце — тьма. Этот контраст придает поэтической речи яркую изобразительность, способствуя более острому восприятию слушателя и быстрому его запоминанию. Функцию заострения внимания и запоминания, кроме анафоры, исполняют и другие звуковые повторы, основанные на мягкости и твердости, а также — аллитерация, реже ассонанс:

Черлер кезиир чеди куум...	(только мягкие звуки)
Соруп турар кара малгаш	(только твердые звуки)

Выступая зачином, тематические анафоры выступают и формулой, «техническим» средством для последующих исполнителей и несут в себе мифологическое содержание (Мелетинский, 1963: 12). Помимо звуковых переключек и световой оппозиции, такие слова, как *чер* ‘земля’ (каз. *жер*); *чырык*

¹ Здесь цитата приведена в написании источника. В правильном написании фраза выглядит следующим образом:

Черлер кезиир чеди куум

Чырык хуннунг алдында

Караңгының кыдыында

Каргыраалыг кара хемде

Халыткактыг кара даштыг

Соруп турар кара малгаш

Чес-хола көвүрүглүг

Хыл көвүрүглүг

Чөвүрээ көвүрүглүг

Хаалгазы ажык хан кара бажыңда

Чеже кижги бары херек

Ооңг чанында хыртыңг кажаа иштинде

Кызыл хан синген

Саны чежел, чеди куу, чүнү билдиңер?

Үш көвүрүгүде ис кезий көрдүнер бе <...>. — ред.

Далее в примерах приводятся фразы из правильного написания.

‘свет’ (каз. *шырақ* ‘свет’, ‘светильник’, ‘лучина’ и т. д.); *кара* ‘черный’ (каз. *кара* и т. д.); — ведут тюркологов к более глубинным этимологическим и ностратическим параллелям в тюркской и мировой устной традиции (например: *чер* ‘земля’ — *черный*, *чернавка*, *черт*, *черта* и т. д.). Подобное семантическое богатство наводит мысль исследователя и на связи текста с мифом и обрядом.

Рассмотрим строчную (синтаксическую) анафору и эпифору в тексте (Потапов, 1960: 223):

Халыткактыг <i>кара</i> таштыг	(анафора <i>строчная</i> , лексический повтор)
Соруп турар <i>кара</i> малгаш	(анафора <i>строчная</i> , лексический повтор)
Чес-хола <i>көвүрүглүг</i>	(эпифора в виде <i>монорифмы</i>)
Хылдар <i>көвүрүглүг</i>	(эпифора в виде <i>монорифмы</i>)

Функция строчной анафоры (*кара*) — усилить существенную идею прорицания. Такое усиление происходит за счет трехкратного лексического повтора *кара — кара — кара*. Кольцевой прием строчной анафоры решает и композиционную задачу, заключая собой содержание произведения и усиливая его воздействие на звуковом (ритмизованном) и цветовом плане. Кольцевой прием — это еще все та же демонстрация древнего магического обряда, «слепок» шаманского кружения.

Эпифора также представлена здесь трехкратным лексическим повтором, в виде монорифмы *көвүрүглүг* (мостик), функция которой — усилить внушение. Основным здесь выступает образ *мостика* со всеми его образными характеристиками (Потапов, 1960: 223):

Чес-хола <i>көвүрүглүг</i> Хылдар <i>көвүрүглүг</i>	За латунным медным <i>мостиком</i> , За волосяным <i>мостиком</i> ...
--	--

Этот сакральный образ наделяется разными эпитетами: *латунный*, *медный*, *волосной*. В мировой мифологической культуре, в тюркской — также, мост выступает связью миров или переходом в другие пространства. Украшающие его эпитетные образные формулы способствуют, с одной стороны — изобразительности произведения, а с другой — усиливают его звуковую выразительность. Выступая звуковой «строительной» фактурой, этот троекратный повтор реализует основную цель — заострить внимание реципиента на образе моста как на существенном предмете прорицания. Сочетание по типу «существительное + прилагательное»: «*латунный медный мост*», «*волосной мост*», в котором существительное связано с традиционным эпитетом, выступает здесь эпитетным двучленом, или эпитетной образной формулой. Такие эпитеты, по мнению исследователей, в образной формуле указывают на устойчивые признаки слов-понятий и репрезентируют оценочно-эмоциональный момент (Бектуров, 1989: 37), то есть здесь выделяется отдельный образ, способствуя некоей *существенной идее* прорицания (*essential idea*, по Лорду). Таким образом, функция звуковой формулы и здесь заключается: а) в заострении внимания на идее, на образе; б) в организации текста; в) в усилении восприятия речи и наилучшего ее уяснения и запоминания.

Богатая многовековая устная поэтическая культура тюркоязычных кочевых народов (казахов, туvinцев, ногайцев, крымских татар и других) представляется ценным источником для самых разных исследований устной теории — от сущности древних первичных трансформаций (звукоподражаний природе) до «общих мест» (*loci communes*) в тюркской и мировой устной поэзии, а устный героический эпос представляет собой гигантскую мега-формулу, составленную из безграничного числа и разнообразия устных формульных единиц.

Такой устной формулой для казахов, каракалпаков, кыргызов, туvinцев, якутов, ногайцев и других тюркоязычных народов выступает имя их предка, их эпического батыра. Благодаря имени они «вспоминают» свои произведения: «Манас», «Кобланды», «Алпамыс», «Ер Шобан», «Ер Кабанбай», «Эр Соготох», «Ер Мамай», «Урак батыр», «Ер Едиге» и т. д. Это имена их национальных героев или покровителей рода (аруахов) — вечно живая формула эпоса и истории, созидательный устного сказания и его смысл.

Особенно показателен эпитет *Ер* ‘герой’: Ер Мамай, Ер Едиге, Эр Соготох, Ер Таргын и так далее. Он образует эпитетный двучлен и выступает образной формулой. Как архаический, так и классический героический эпос тюркских кочевых племен — плод развития многовековой формульной системы, начиная с ее первичных трансформаций, мимесиса (подражания природным звукам — источника ассонанса, аллитерации и анафоры) и до полного ее сложения как мега-формулы, эпитета-памяти о герое, зафиксированного и сохраненного в эпическом имени-формуле.

Рассмотрим теперь другой вид эпической формулы — традиционную *анафорическую*: «Жел, жел есер, жел есер» ‘Ветер, ветер веет, ветер веет’, очень популярную в устной поэзии казахских и ногайских *жырау*:

<i>Шалкииз, XV в. (ногайск.)</i>	<i>Ақтамберды, XVIII в. (казахск.)</i>
Жел, жел есер, жел есер, Жел астына карасам, Қоға менен тал өсер... ¹	Жел, жел есер, жел есер, Жекендейін саусылдап Ораздының ұлы өсер... ²

Как можем заметить, в обоих случаях анафора включает в свой состав аллитерацию и глагольную монорифму. Кроме того, эта анафора тематическая — зачинает тему и жанр *толғау*-размышления.

Как любая формула, анафорическая тематическая выполняет свою главную функцию — выражает существенную идею (*essential idea*). Здесь она философская, мировоззренческая: о ветре как могучей и необъяснимой (удивительной) силе, меняющей мир, как о времени. Троекратный лексический повтор слова «ветер» (каз. *жел*) усиливает образ этой природной стихии до почти гиперболического (мифологического) описания Времени.

Данную анафорическую формулу следует назвать эпической: в качестве традиционного зачина она часто (и ритмически, и синтаксически) воспроизводится разными певцами, разных тюркских племен, в разные исторические времена. В данной эпической формуле уже заложены тема, стиль, и жанр будущего произведения. Выступая идейно-тематическим зачином и в силу своей устойчивой структуры (семи-восьми слогов), она придает устному произведению строгую эпическую форму, основанную на *жыре* ‘метре’, состоящим из семи-восьми слогов. Вот примеры из устной практики разных кочевых тюркоязычных народов:

<i>Асан Кайгывылы, XV в. (ногайск.)</i>	<i>Ақтамберді, XVIII в. (казахск.)</i>	<i>Тувинское призывание</i>
Көлде жүрген қоңыр қаз (7 слогов)	Жел, жел есер, жел есер (7 слогов)	Черлер кезиір чеди куум (7 слогов)
Қыр қадірін не білсін! (7 слогов)	Жекендейін саусылдап (7 слогов)	Чырык хүннүң алдында (7 слогов)

Семисложник в тюркской устной эпической культуре — явление частое, его применение в устной практике тюркоязычных певцов — показатель глубокой древности самой эпической анафорической формулы, ее организующей роли в историческом развитии эпоса кочевых тюркских народов.

Ярким примером организующей функции такой эпической тематической анафорической формулы, состоящей из 7–8 слогов, может послужить *тілек* (назидание) казахского героического певца XVIII в. Бухар жырау:

¹ Бес ғасыр жырайды: XV ғасырдан XX ғасырдың бас кезіне дейінгі ақын-жырауларының шығармалары / құраст. М. Мағауин, М. Байділдаев. Алматы: Жазушы, 1989. Б. 42.

² Там же. Б. 58.

Бірінші тілек тілеңіз, 8 слогов: 3+2+3	Первое пожелайте себе:
Бір аллаға жазбасқа. 7 слогов: 1+3+3	Перед Аллахом не имей вины.
Екінші тілек тілеңіз, 8 слогов: 3+2+3	Второе пожелайте себе:
Ер шұғыл пасық залымның 8 слогов: 3+2+3	В спешке не увлечься за злодеем,
Тіліне еріп азбасқа. 8 слогов: 3+2+3	Не следовать ему.
Үшінші тілек тілеңіз... 8 слогов: 3+2+3 ¹	Третье пожелайте себе... ²

Строфическую композицию, многочастную структуру данного *тілек*-пожелания составили следующие друг за другом анафорические формулы-зачины, с постоянной трехсложной рифмой. Чередуясь, эти семи-восьмисложные зачины раскрывают тему за темой этого пожелания. В конце каждой темы стихи заключены трехсложной глагольной рифмой. Таких анафорических формул-параллелей во всем тексте одиннадцать, и мы взяли лишь фрагмент из этого пожелания. Как видим, каждая анафорическая формула проводит только свою собственную тему. Она отличается также и своей собственной звуковой характеристикой: по твердости и мягкости стихов, что имеет важное значение для запоминания тем и для благозвучия речи:

Бірінші тілек тілеңіз, Бір аллаға жазбасқа. Екінші тілек тілеңіз, Ер шұғыл пасық залымның Тіліне еріп азбасқа. Үшінші тілек тілеңіз, Үй кілсіз...	(ряд мягких звуков) (смешанный ряд) (ряд мягких звуков) (ряд твердых звуков) (смешанный ряд) (ряд мягких звуков) (ряд мягких звуков)
---	--

Примечательно, что строгость линий суждения обеспечена постоянной (устойчивой) трехсложной глагольной рифмой *тілеңіз* в виде монорифмы. С ключевым словом *тілек* эта рифма составила формулу — *тілек тілеңіз*. Она заостряет внимание на теме.

Как видим, каждая из анафорических тематических формул несет в себе свою *essential idea*. Регулярный зачин: *во-первых...*, *во-вторых...*, *в-третьих...*, — а также повтор синтаксической анафоры: *тілек тілеңіз...тілек тілеңіз — пожелайте себе*, — придают тексту размеренную ритмику, присущую назидательному и философскому жанру, формируя цельный звуковой и *идейно-тематический* комплекс, а его рифменная организация отправляет исследователя к структуре древних заклинаний, к магии. Исследователь уйгурской поэзии А. Т. Хамраев отмечает, что анафорический повтор в тюркоязычной устной поэзии занимает ведущее место и, выступая «системой систем», включает в свой состав самые разнообразные виды звукового повтора: *рифменный, эмбриональный, аллитерационный, эпифорический* (Хамраев, 1996: 3–17).

Таким образом, анализ формульных механизмов организации устной поэзии тюркских народов позволил установить, что звуковые повторы в традиционной казахской, тувинской и ногайской поэ-

¹ Бес ғасыр жырлайды: XV ғасырдан XX ғасырдың бас кезіне дейінгі ақын-жырауларының шығармалары / Құраст. М. Мағауин, М. Байділдаев. Алматы: Жазушы, 1989. Т. 1. Б. 82.

² Перевод К. Жанабаева.

зии не только задают композиционную рамку произведения и поддерживают ритмическую организацию текста, но также выполняют важную суггестивную функцию. Анафорические формулы создают эффект магического внушения и связи с сакральными силами, а монорифменные повторы, семи- и восьмисложные структуры стиха упрощают запоминание текста и его передачу от поколения к поколению.

Функции формульных единиц в устной поэзии тюрков

Основной показатель формульного стиля устной поэзии — регулярно употребляемый повтор слова или группы слов, служащий для выражения основной идеи (Абылкасимов, 1984: 71). То, что Б. Ш. Абылкасимов назвал эту идею основной, на наш взгляд, является не совсем точным определением, поскольку основная идея — это именно та, которая составляет идею всего произведения. А существенная идея проявляет себя везде: в каждом эпитетном двучлене, в каждом образном параллелизме, в любом виде повтора (фоносемантическом, лексическом, синтаксическом). Она раскрывает конкретный, семантически важный, смысл, выделяет признак, свойство изображаемого предмета или события, — поэтому и называется существенной. Тут принципиальная разница.

Так, наблюдения над традиционной семантикой и структурой стиха ногойского *жыра* позволили выявить комплексно-звуковую, функциональную природу его формульных единиц.

Рассмотрим на примере:

<p><i>Ор, ор қоян, ор қоян,</i> Ор қоян атлы бір қоян. Он екі көжек атасы, Қаудырқұлақ шал қоян¹.</p>	<p>Рыжий, рыжий заяц, рыжий заяц, Рыжий ты заяц, все одно — заяц. Отец двенадцати зайчат, Вислоухий старый заяц².</p>
---	---

Экспрессивно-выразительная функция формульных единиц выражается в том что резвый *поскок* зайца изображен ритмом: 1+3+3, т. е. подъемом и спадом звука: *верх /верх-низ /верх-низ* — в повторе формулы *ор, ор қоян*.

Психологическая функция заостряет внимание на сатирическом изображении персонажа. Так, многократный повтор цветовой эпитета *ор — рыжий* — характеризует суетливого человека, которого под образом зайца иронически высмеивает жырау, говоря о неумении того вести свой многочисленный род к достатку, к благу.

Мнемотехническая функция — запоминание, передача текста посредством звуковой техники. В приведенном отрывке и лексический повтор, и тематическая анафорическая формула заостряют внимание слушателя на звуковой технике. Ее основная цель — выразительность речи и запоминание для передачи ее другому певцу.

Композиционная функция — усиление многократности действия или длительности события. Многократный лексический повтор основного образа (зайца-қоян) расширил ритмическое пространство его *поскока*: он *скачет* не только по горизонтали, не только *вверх-вниз*, но и по всему тексту, и, как бы, — в разные стороны. Эти поскоки играют основную роль в композиции образа, в сатирическом описании персонажа и в формировании жанра художественного произведения.

Как видим, выступая стилистическим приемом, формула придает устной речи образность и выразительность. Она усиливает динамику образа и интонации, организуя речь ритмически. Анализ звуковой структуры и традиционной семантики устной тюркоязычной поэзии выявил комплексно-звуковую и функциональную природу ее различных формульных единиц, привел нас к пониманию связи звуковых формул с первичными трансформациями — ритмическими заклинаниями, магией, суггестией. Сегодня это актуальное поле для исследований поэтического мышления ритуальных по-

¹ Бес ғасыр жырайды: XV ғасырдан XX ғасырдың бас кезіне дейінгі ақын-жырауларының шығармалары / Құраст. М. Мағауин, М. Байділдаев. Алматы: Жазушы, 1989. Т. 1. С. 47.

² Перевод К. Жанабаева.

средников, их магической «формульной» техники для реконструкции обряда и ритуала, для генезиса самого эпоса и традиционных жанров (вставок) устной поэзии.

Устная традиция благодаря формульному стилю всегда была неисчерпаемым источником для новых устных жанров, а традиционная поэтическая техника — бесконечно реализовывала порождающую, преобразовательную и созидательную функции.

Заключение

Таким образом, исследование формульного стиля устной поэзии тюркских народов на основе анализа содержащих в нем различных элементов показало, что формульный стиль выступает и «строительным», и художественным средством для устных произведений.

В ходе исследования были описаны анафора, играющая ведущую роль в устном произведении. Мы представили структурные ее формы: простая звуковая, слоговая, лексическая, строчная (синтаксическая), — указали на ее важные функции — заострение внимания на теме, образе или идее, и — запоминание формул и правил поэтической техники в целях воссоздания новых произведений уже другими певцами. Это основной аспект устной теории Парри-Лорда.

Нами описана изобразительная и выразительная функции лексического повтора, раскрыто его влияние на формирование темы, жанра, стиля и композиции. Лексический повтор придает речи певца экспрессию (выразительность и изобразительность), динамику «движущемуся» образу и самому тексту. Все описанные формульно-стилевые единицы (анафора разных видов, звуковой синтаксический параллелизм, рифменный повтор и т. д.) открывают путь к реконструкции мифологической истории древних поэтических форм и мышления ритуальных посредников, проводников обряда тюркских кочевых племен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкасимов, Б. (1984) Жанр толгау в казахской устной поэзии. Алма-Ата : Наука. 118 с.
- Аманжолов, А. С. (2003) История и теория древнетюркского письма. Алматы : Мектеп. 366 с.
- Бектуров, Ж. Ж. (1989) К характеристике лексического и образно-семантического фонда памятников казахской поэзии XV–XVIII веков // Исследования по истории и семантике стиха: сборник научных трудов / ред. Х. Г. Омарова. Караганда : Издательство КарГУ. 120 с. С. 37–44.
- Богданова, М. И. (1947) Киргизская литература. М. : Советский писатель. 289 с.
- Борев, Ю. Б. (1988) Эстетика. М. : Политиздат. 496 с.
- Жаксылыков, А. Ж. (2016) Поэзия жырау XIV–XIX вв. Ментальность и поэтика. Алматы : Таңбалы. 160 с.
- Жаңабаев, К., Ақбердіқызы, У. (2015) Устная теория Парри-Лорда: позитивная критика // Вестник КазНУ. Серия филологическая. № 6. С. 52–57.
- Золотая Орда в мировой истории (2016) / науч. рук. проекта: В. Трепавлов; отв. ред.: И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 968 с.
- Кинаятұлы, З. (2004) Қазақ мемлекеті және Жошы хан (тарихи-сараптамалық зерттеу) [Казахское государство и Джучи хан (историко-экспертное исследование)]. Астана : Ел орда. 344 б.
- Магауин, М. (1978) Поэзия казахских степей // Поэты Казахстана / авт. предисл., сост., примеч. М. М. Магауин, ред. Е. М. Винокуров и др. Л. : Изд-во «Советский писатель». 708 с. С. 6–60.
- Мелетинский, Е. М. (1963) Современные теории происхождения эпоса // Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники / редкол.: Е. М. Мелетинский (пред.) и др. М. : Изд-во восточной литературы. 462 с. С. 5–20.
- Нурмагамбетова, О. А., Кидайш-Покровская, Н. В. (1975) Кобланды-батыр. Казахский героический эпос. М. : Главная редакция восточной литературы. 444 с.
- Потапов, Л. П. (1960) Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Хара-Холя // Труды тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы / отв. ред. Л. П. Потапов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. 1. 319 с. С. 171–237.

Стеблева, И. В. (1984) Древняя тюркоязычная литература // История Всемирной литературы : в 8 т. / редколлегия: Г. П. Бердников (гл. ред.) и др. М. : Наука. Т. 2. 670 с. С. 196–205.

Турсунов, Е. Д. (1999) Возникновение баксы, акынов, сэри и салов. Астана : Фолиант. 252 с.

Хамраев, А. Т. (1996) Рифма и проблемы звуковой организации уйгурского стиха. Алматы : Наука. 180 с.

Lord, A. B. (1964) *The Singer of Tales*. Cambridge : Mass. 338 p.

Parry, M. (1930) *Studies in the Epic Technique of oral verse-making: I Homer and Homeric style* // *Harvard Studies in Classical Philology*. Vol. 41. P. 73–148.

Дата поступления: 16.10.2024 г.

Дата принятия: 30.10.2024 г.

REFERENCES

- Abylkasimov, B. (1984) *The Genre of Tolgau in Kazakh Oral Poetry*. Alma-Ata, Nauka. 118 p. (In Russ.)
- Amanzholov, A. S. (2003) *History and Theory of Ancient Turkic Writing*. Almaty, Mektep. 366 p. (In Russ.)
- Bekturov, Zh. Zh. (1989) On the Characteristics of the Lexical and Figurative-Semantic Fund of Kazakh Poetry Monuments of the 15th–18th Centuries. In: Omarova, Kh. G. (ed.) *Research on the History and Semantics of Verse: Collection of Scientific Papers*. Karaganda, KarGU Publ. 120 p. Pp. 37–44. (In Russ.)
- Bogdanova, M. I. (1947) *Kyrgyz Literature*. Moscow, Sovetskii pisatel'. 289 p. (In Russ.)
- Borev, Yu. B. (1988) *Aesthetics*. Moscow, Politizdat. 496 p. (In Russ.)
- Zhaksylykov, A. Zh. (2016) *Poetry of Zhyrau of the 14th–19th Centuries: Mentality and Poetics*. Almaty, Tangbaly. 160 p. (In Russ.)
- Zhanabaev, K. and Akberdikyzy, U. (2015) The Oral Theory of Parry and Lord: A Positive Critique. *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya*, no. 6, pp. 52–57. (In Russ.)
- The Golden Horde in World History* (2016) / editors: I. Mirgaleev, R. Khautala. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 968 p. (In Russ.)
- Qinayatuly, Z. (2004) *Kazakh State and Jochi Khan (Historical and Analytical Study)*. Astana, El Orda. 344 p. (In Russ.)
- Magauin, M. (1978) Poetry of the Kazakh Steppes. In: Magauin, M. M. (ed.) *Poets of Kazakhstan*. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 708 p. Pp. 6–60. (In Russ.)
- Meletinsky, E. M. (1963) Modern Theories of the Origin of the Epic. In: Meletinsky, E. M. (ed.) *The Origin of the Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments*. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 462 p. Pp. 5–20. (In Russ.)
- Nurmagambetova, O. A. and Kidaish-Pokrovskaya, N. V. (1975) *Koblandy-Batyr: Kazakh Heroic Epic*. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. 444 p. (In Russ.)
- Potapov, L. P. (1960) Materials on the Ethnography of the Tuvinians of the Mongun-Taiga and Khara-Khol Districts. In: Potapov, L. P. (ed.) *Proceedings of the Tuvan Comprehensive Archaeological and Ethnographic Expedition: Materials on the Archaeology and Ethnography of Western Tuva*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. Vol. 1. 319 p. Pp. 171–237. (In Russ.)
- Stebleva, I. V. (1984) Ancient Turkic Literature. In: Berdnikov, G. P. (ed.) *History of World Literature: in 8 vol*. Moscow, Nauka. Vol. 2. 670 p. Pp. 196–205. (In Russ.)
- Tursunov, E. D. (1999) *The Emergence of Bakhsy, Akyn, Seri and Saly*. Astana, Foliant. 252 p. (In Russ.)
- Khamraev, A. T. (1996) *Rhyme and Problems of Sound Organization in Uyghur Verse*. Almaty, Nauka. 180 p. (In Russ.)
- Lord, A. B. (1964) *The Singer of Tales*. Cambridge, Mass. 338 p.
- Parry, M. (1930) *Studies in the Epic Technique of oral verse-making: I Homer and Homeric style*. *Harvard Studies in Classical Philology*, vol. 41, pp. 73–148.

Submission date: 16.10.2024.

Acceptance date: 30.10.2024.

DOI: 10.25178/nit.2025.1.11

Статья

Лексика по разделу «части тела животных» в монгольских языках (с привлечением тюркского материала)

Светлана М. Трофимова

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Российская Федерация,

Валерий М. Мухаринов

Министерство образования и науки Республики Калмыкия, Российская Федерация

В статье рассматривается раздел лексики, обозначающий наименования частей тела домашних животных в халха-монгольском, бурятском, калмыцком языках в сравнительно-историческом аспекте с привлечением тюркского материала. Новизна работы состоит в том, что в исследование данного разряда лексики вводится полевой материал, собранный во время экспедиции в Окинский район Республики Бурятия летом 2022 г.

Проведенный анализ собранного материала позволил разбить раздел «Части тела животных» на две лексико-семантические группы: термины внешних органов и термины внутренних органов животных. Авторы пришли к выводу, что все основные термины раздела заимствованы из тюркских языков. Это подтверждается едиными истоками и большой древностью материальной и хозяйственной культуры тюрко-монгольских этносов. Тем не менее есть термины и монгольского происхождения, представленные в разных фонетических вариантах.

Ключевые слова: халха-монгольский язык; бурятский язык; калмыцкий язык; старописьменный монгольский язык; старописьменный калмыцкий язык; тюркские языки; лексика; номадное скотоводство

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

Для цитирования:

Трофимова С. М., Мухаринов В. М. Лексика по разделу «части тела животных» в монгольских языках (с привлечением тюркского материала) // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 146-155. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.11>

Трофимова Светлана Менкеновна — доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: trofimovasm@mail.ru

Мухаринов Валерий Менкенович — ведущий специалист Министерства образования и науки Республики Калмыкия. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 18. Эл. адрес: vmuharinov@yandex.ru

TROFIMOVA, Svetlana Menkenovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature Department, Faculty of Humanities, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkin St., 358000, Elista, Russia. E-mail: trofimovasm@mail.ru

MUKHARINOV, Valery Menkenovich, Leading specialist, Ministry of Education and Science of the Republic of Kalmykia. Postal address: 18 Pushkin St., 358000, Russia, Elista. E-mail: vmuharinov@yandex.ru

Article

Vocabulary on 'Animal Body Parts' in Mongolian languages (involving Turkic material)

Svetlana M. Trofimova

B. B. Gorodovikov Kalmytsky State University, Russian Federation,

Valery M. Mukharinov

Ministry of Education and Science of the Republic of Kalmykia, Russian Federation

The article examines the lexical category denoting the names of body parts of domestic animals in the Khalkha-Mongolian, Buryat, and Kalmyk languages from a comparative-historical perspective, incorporating Turkic linguistic material. The novelty of the study lies in the introduction of field data collected during an expedition to the Okinsky District of the Republic of Buryatia in the summer of 2022.

The analysis of the collected material allowed for the division of the section "Animal Body Parts" into two lexical-semantic groups: terms for external organs and terms for internal organs of animals. The authors conclude that all the key terms in this category were borrowed from Turkic languages. This is supported by common origins and the ancient material and economic culture shared by the Turkic-Mongolic ethnic groups. Nevertheless, some terms of Mongolic origin are also present, appearing in various phonetic variants.

Keywords: *Khalkha-Mongolian language; Buryat language; Kalmyk language; Classical Mongolian; Classical Kalmyk; Turkic languages; lexicon; nomadic animal husbandry*

Financing

The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00060 "Study of the Turkic and Mongolic vocabulary of material culture related to traditional pastoral farming: a comparative historical aspect".

For citation:

Trofimova S. M. and Mukharinov V. M. Vocabulary on 'Animal Body Parts' in Mongolian languages (involving Turkic material). *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 146-155 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.11>

Введение

Как известно, раздел лексики, посвященный названиям частей тела животных, привлекает внимание лингвистов, фольклористов, этнологов, так как представляет собой наиболее интересный и самый древний словарный пласт. Это своего рода номинативная база семантической системы любого языка. К ней относятся системные наименования части тела животного, которые имеют связь с мышлением, миропониманием того или иного народа, и особенностями его хозяйственной деятельности.

Раздел лексики «части тела животных» в монгольских языках остается недостаточно исследованными, хотя в целом общая скотоводческая лексика хорошо исследована (Номинханов, 1975; Рассадин, 2007; и др.¹). Монгольский языковой материал привлекался при изучении скотоводческих терминов тюркских языков (Щербак, 1961; Рассадин, 2009). Большой интерес представляют исследования

См.: Поппе Н. Н. К вопросу о происхождении скотоводства у монголов // Домашние животные Монголии / Труды монгольской комиссии № 22. М.; Л., 1936. С. 409–432.

В. И. Рассадина, который в одной из своих работ (Рассадина, 1984) касается животноводческой терминологии в общебурятском плане, подвергает этимологизации бурятские скотоводческие термины, для сравнения привлекает фактический материал из других монгольских языков, а также из алтайских языков. Он утверждает: «...термины, связанные со скотоводством, свидетельствуют о том, что монгольские народы в древности испытали сильное влияние тюркских народов, переняли у них разведение крупного рогатого скота, верблюдов, овец и, возможно, коз. Разведение лошадей у монголов тесно связано с коневодством тунгусо-маньчжуров» (там же: 14).

Также следует отметить, что по скотоводческой лексике защищены кандидатские диссертации¹. В последнее время вышел ряд статей, в которых, в частности, рассматриваются половозрастные названия мелкого рогатого скота в алтайском языке (в сравнительно-сопоставительном освещении) (Тазранова, 2023); половозрастные названия лошади в монгольских языках (с привлечением тюркского материала) (Трофимова, 2023); названия способов движения (аллюра) лошади в тюркских языках Сибири (в сопоставлении с монгольскими языками) (Дьячковский и др., 2023); номинация конской сбруи в якутском языке (в сопоставлении с монгольскими языками) (Дьячковский, Тазранова, Трофимова, 2023); анализируются именные словосочетания, выражающие части тела домашнего скота, в якутском языке (в сопоставлении с бурятским языком) (Данилова, Дьячковский, 2023), а также названия крупных домашних животных в монгольских языках в сопоставлении с башкирским языком и языком сибирских татар (Трофимова, Алишина, Усманова, 2023) и др.

Источниками данного исследования послужили материалы: «Большого академического монгольско-русского словаря» в четырех томах², «Бурятско-русского словаря» в двух томах³; «Калмыцко-русского словаря» под редакцией И. К. Илишкина⁴; «Калмыцко-русского словаря» А. Позднеева⁵; «Толкового словаря традиционного быта калмыков» Г. Ц. Пюрбеева⁶. Также авторы опирались на полевые материалы (ПМА), собранные во время экспедиции в Окинский район Республики Бурятия в августе 2022 г. (информанты: В. Г. Аюшеев, 1968 г. р., З. У. Ниндакова, 1958 г. р.).

Исследуемый раздел «Части тела животных» халха-монгольского, бурятского, калмыцкого языков представляется рассмотреть в двух лексико-семантических группах: внешние органы животных и внутренние органы животных с привлечением тюркского материала. При работе с фактическим материалом использовался метод сплошной выборки из вышеназванных словарей, а также описательный метод, который представляет собой сбор, первичный анализ собранного материала; сравнительно-сопоставительный анализ, который позволил выявить лексические параллели в монгольских и тюркских языках. Результаты данной статьи частично апробированы на VI Всероссийской научной конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: тезисы VI Всероссийской научной конференции (Абакан, 23–24 мая 2024 г.)» (Трофимова, Мухаринов, 2024).

¹ Бардаев Э. Ч. Номадная лексика монгольских языков (Названия домашних животных по полу, возрасту и масти): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976; Телин В. В. Сложение пласта терминов традиционного хозяйства бурят: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000; Бадмацыренова С. В. Лексика традиционного хозяйства окинских бурят и сойотов в сопоставлении с монгольской: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2006; Баярсайхан Б. Лексика животноводства в цэнгэльской диалекте тувинского языка: в сравнительно-сопоставительном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009; и др.

² Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1. А–Г; Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 2. Д–О; Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 3. Ё–Ф; Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. 4. Х–Я.

³ Бурятско-русский словарь: в 2 тт. Улан-Удэ: Респуб. тип., 2006–2008.

⁴ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977.

⁵ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911.

⁶ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996.

Внешние органы животных

Одним из характерных признаков верблюда является:

халха-монгольский язык (далее — х.-монг.) *бөх(өн)* 1) ‘горб’ (у верблюда); *тэмээний бөх* ‘верблюжий горб’; *солбио бөх* ‘лежащие, упавшие в разные стороны горбы’; *бөхний өөх* ‘в горбу верблюда’¹, старописьменный монгольский язык (далее — стпм.) *bökün id.*, бурятский язык (далее — бур.) *бүхэн* «1 горб (у верблюда)»; *бүхэнтэй; нэгэ бүхэнтэй тэмээн* ‘одногорый верблюд’; *хоёр бүхэнтэй тэмээн* ‘двугорбый верблюд’ (ПМА, 2022); калмыцкий язык (далее — калм.) *бөкн* 1) ‘горб’ (у верблюда); *темэнэ бөкн* ‘верблюжий горб’; *серэ hozhr бөкн* ‘прямые горбы’ (у верблюда); *солю бөкн* ‘лежащие (упавшие в разные стороны) горбы’³, старописьменный калмыцкий язык (далее — ст.-калм.) *bökön* ‘горбатый’⁴. Как пишет В. И. Рассадин: «С данным словом, по всей вероятности, следует сопоставить др.-тюрк. *bükri* “кривой, изогнутый, горбатый”, в составе которого прослеживается древнетюркский глагольный корень *bük-* “пригибаться, сгибаться, согнуться”» (Рассадин, 2019: 532);

х.-монг. *дэл* ‘грива’; *адууны дэл* ‘конская грива’; *хур дэл* ‘не стриженная много лет грива’; *дэл дарж алавхийх* ‘прыгать на лошадь, ухватившись за гриву’; *дэл засах* ‘стричь гриву’, стпм. *del id.*⁵; бур. *дэлхэн* 1) ‘грива’; *адууһанай дэлхэн* ‘конская грива’; *хур дэлхэн* ‘не стриженная много лет грива’; *дэлхэнхээн барижа мордохо (зайдан мориндо)* ‘сесть на лошадь, ухватившись за гриву’; *дэлхэ зогдор* перен. ‘грива льва, верблюда’, см. *Дэлхэтэ Зогдор* досл. «Гривастый Зогдор (мифический предок шаманского рода хурдатов. Согласно преданию, этот человек имел гриву, отличавшую его от людей как существо “неземного происхождения”⁶. У шаманистов физическое уродство или естественный атавизм считался одним из мотивов религиозного почитания человека)⁷; калм. *дел* I 1) ‘грива (у лошади)’; *дел сүл а)* ‘грива и хвост’; б) ‘конский волос’. В калмыцко-русском словаре со ссылкой на эпос «Джангар» зафиксировано: *дел сүүлн делслһнд биив ятхин дун һарад йовв* ‘развевающиеся грива и хвост издавали звук ятагана’; *Оцл көк һалзнань дел теврэд* ‘он стал, обняв за шею ленивого Лыско’⁸; ст.-калм. *del* ‘грива’⁹. Как пишет В. И. Рассадин относительно слова *дел*: «1) грива (у лошади); 2) шея» хорошо соотносится с тюркскими формами *jel, jele, jeli, žely, čel, siäl* «грива лошади» (Рассадин, 2019: 542), представленными в разных тюркских языках, как об этом свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков»¹⁰, где тюркская праформа дается в виде **je:l(e)*¹¹;

х.-монг. *зогдор* ‘грива, длинная шерсть на шее (у льва и верблюда)’, стпм. *жойдур id.*¹²; бур. *зогдор* ‘грива, длинная шерсть на шее’ (напр., у верблюда, льва)¹³; калм. *зогдр* ‘грива (у верблюда, льва)’; *темаг сэхрүлдгнь зогдр болжана* ‘верблюда украшает его грива’; в словаре Позднеева со ссылкой на поговорку встречаем: *зогдр уга темэнэс зулһсх уга ботхн һардг* ‘от верблюдицы без гривы родится верблюжонок без пушка’¹⁴; ст.-калм. *жойдор* ‘грива (у верблюда)’¹⁵; см. древнетюркский язык (далее — др.-тюрк.) *joγdu* ‘длинная шерсть под шеей под шеей у верблюда’¹⁶;

¹ Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 1. А–Г. С. 276.

² Там же. С. 169.

³ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 113–114.

⁴ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб, 1911. С. 132.

⁵ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 2. Д–О. С. 104.

⁶ Бурятско-русский словарь: в 2 т. Улан-Удэ: Респ. тип., 2008. Т. I. А–Н. С. 636.

⁷ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 1. А–Г. С. 326–327.

⁸ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 196.

⁹ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб, 1911. С. 112.

¹⁰ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. С. 147.

¹¹ Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. СПб: Нестор-История, 2019. С. 542.

¹² Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 2. Д–О. С. 220.

¹³ Там же. С. 399.

¹⁴ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 250.

¹⁵ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб, 1911. С. 268.

¹⁶ Древнетюркский словарь / ред.: В. М. Наделяев и др. Л.: Наука, ЛО, 1969. С. 270.

х.-монг. *дэлэн(г)* 1) ‘вымя’, см. народная мудрость *дэлэндээ байгаа сүү гашилдаггүй* ‘в вымени молоко не прокиснет’, стпм. *deleng* id. бур. *дэлэн(г)* ‘вымя’¹; калм. *делң* ‘вымя’, ст.-калм. *deleng*²; как считает В. И. Рассадин, данный термин восходит к пратюрк. **jelin* ‘вымя’ (Рассадин, 2019: 543);

х.-монг. *ууц* ‘крестец’; *ууц таллах* ‘резать тонкими кусками мясо бараньего крестца’; *ууц яс* ‘крестцовая кость, оконечность позвоночника’ \diamond *ууцан сүүлт үүлдвэрийн хонь* ‘овцы курдючных пород’, стпм. *ууса* id., бур. *ууса* I 1) ‘круп (лошади)’; (*нюрганһаа доошо һүүл хүрэтэрхи үргэлжэ яһатай мяхан*) ‘крестец’; в словаре со ссылкой на Ц. Бальжинимаеву зафиксировали: *буряад зон уусые хүндын мяханда тоолодог (хониной ууса хүндэтэй айлшанда шанажа табидаг, мүн хэшэг болгодог һэн. Үхэрэй ууса хадамда ошоһон басаганайнгаа айлшан ерэхэдэ, шагайтатайгаар, ондоошые бутархай мяханнуудтайгаар хэшэг болгон үгэдэг байһан юм)* ‘у бурят крестец считается почётным угощением’ (уус барана варили и подавали в качестве подарка высокому гостю); *уусань унаха (түрэхэ дүтэлһэн үнээнэй уусынь яһанай урда хажууда гэдэһэниинь хонойдог, хээлинь доошо ородог* ‘опущение плода у готовой к отёлу коровы’³; калм. *ууц* 1) ‘круп лошади’, 2) ‘крестец’, *хөөнэ ууц* ‘задняя часть бараньей туши’; *ууц зоолһх* ‘преподнести вареную тазовую кость (от вареной бараньей туши)’. У Ц.-Д. Номинханова со ссылкой на тюркские языки зафиксировано: киргизский язык (далее — кирг.) *уча* ‘крестец, задок’; горно-алтайский язык (далее — г.-алт.) *уча* ‘мясо задней части животных’⁴;

х.-монг. *омруу* 2) ‘грудная кость; грудина, грудь (лошади, мула, птицы)’; 3) ‘отвислая кожа на груди (у рогатой скотины)’⁵, стпм. *отигии* id., бур. *оморюун*; в словаре со ссылкой на Ц. Бальжинимаеву зафиксировано: *адунһанай үбсүүн, урда хоёр хүлһөөнь дээшэ хүзүүн хүрэтэрхи бэе* ‘грудина (лошади, верблюда, мула)’⁶, калм. *омрун* 1) *анат.* ‘грудь’, 2) ‘выступ горы’, см. *омрувч* ‘нагрудник (у лошади)’⁷, ст.-калм. *отигиш* ‘грудь, грудная кость у лошади’⁸, у Ц.-Д. Номинханова со ссылкой на тюркские языки зафиксировано: казахский язык (далее — каз.) *омырау*, киргизский — Радлов⁹ (далее — кир.-Радлов) *омрау*, кирг. *омуроо*, хакасский (далее — хак.) *омырыг, омрых*, чувашский (далее — чув.) *амар, амра*, телеутское наречие — Радлов (далее — тел.-Радлов) *омруу*, казанское наречие (далее — казан.) тарачинское наречие — Радлов (далее — тар.-Радлов) *умрау* ‘грудь лошади, передняя часть, грудь; грудь животных’; узб. *умров суянги* ‘ключица’: якутский язык (далее — якут.) *нөрүөн* ‘вид животного спереди; передняя часть туловища’ (Номинханов, 1975: 215), об этом же, но с примером на тюркскую праформу **otuz*, пишется в «Сравнительной грамматике тюркских языков»¹⁰.

Следует отметить, что в халха-монгольском языке термин *саарь* используется для называния «II шагреня, выделанная ослиная или козья, овечья кожа, юфть, твердая кожа (из задней части лошади или мула), сафьян»¹¹, стпм. *саҕари* id.¹²; бур. *һаару* I 1) ‘выделанная твердая кожа (юфть, шагреня, сафьян)’¹³; см. калм. *сээр* I ‘круп (лошади)’¹⁴, ст.-калм. *саҗри / са:ри* ‘передняя часть лошади’¹⁵; у Ц.-Д. Номинханова со ссылкой на тюркские языки зафиксировано: каз. *сауыр* ‘круп животных’; казанское наречие — Радлов (далее — казан.-Радлов) *саури* ‘круп лошади’; киргизский язык — Радлов (далее — кирг.-Радлов) *сауру* ‘спина и холка, круп у лошади, задняя часть скота’; команское наречие (далее — коман.-Радлов) *саҕры* ‘крестец лошади, спина лошади; кожа от спины лошади’; каракиргизское наречие (далее — ккир.-Радлов) *зер* ‘крестец лошади’; узбекский язык (далее — узб.) *саґри*, туркменский язык

¹ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 2. Д–О. С. 108.

² Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб, 1911. С. 214.

³ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 2. Д–О. С. 311.

⁴ Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 218.

⁵ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 2. Д–О. С. 475.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 397.

⁸ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб, 1911. С. 32.

⁹ Здесь и далее подобным образом оформлены ссылки Номинханова на примеры из работы В. В. Радлова: Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий = Verbuch eines Wörterbuches der Türk-dialekte: в 4 т. СПб.: б. и., 1893–1911.

¹⁰ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. С. 240.

¹¹ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 3. Ө–Ф. С. 62.

¹² Там же. С. 62.

¹³ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 2. Д–О. С. 533.

¹⁴ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 240.

¹⁵ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб, 1911. С. 142.

(далее — туркм.) *сағры*, азербайджанский язык (далее — азерб.) *сагры*, уйгурский язык (далее — уйг.) *сагра* ‘круп, зад, крестец лошади’; османское наречие — Радлов (далее — осм.-Радлов) *йағры* ‘крестец лошади’; якут. *саары* ‘выделанная кожа, снятая с конского крупа, конина, вроде коневой юфти’ (Номинханов, 1975: 215); в древнетюркском языке этому термину находим параллель *saγrī* 1. ‘кожа со спины животного’¹;

х.-монг. *туурай* 1) ‘копыто (лошади)’², стпм. *tuγuraj* id., бур. *туруун* (*адууһанай хүлэйн үзүүрэй хатуу түхэрээн хумһан*) 1) ‘копыто’, в словаре со ссылкой на Л. Линховойна зафиксировано: *мориной хара туруу* ‘по конские копыта (мера определения глубины выпавшего снега; далее следовали по голень и до колена)’³, калм. *турун* I ‘копыто’; *туруһинь ясх* ‘подрезать копыта (перед ковкой)’. В словаре со ссылкой на поговорку зафиксировали: *туһлын туруһар ус уудг, туурһин хәһрхәһар нар үздг* ‘пьющий воду из ямки от копыт теленка, видящий солнце через щель юрты (о людях, материально бедствующих)’⁴, ст.-калм. *турии* ‘копыто’⁵; тюркские параллели находим со ссылкой на Ц.-Д. Номинханова: каз. *туяк*, к.-калп. *туйак*, тат. *тояк*, орх. *туйуг*, койб. *туйғак*, хак. *туйгах*, кирг. *туйак*, алтайский язык (далее — алт.), телеутский язык (далее — тел.), шорский язык — Радлов (далее — шор.-Радлов) *тығак*, джагатайский книжный язык — Радлов (далее — джаг.-Радлов) *тувағ*, якут. *туйак* ‘копыто’ (Номинханов, 1975: 217). Следует отметить, что животные подразделяются на парнокопытные, например, х.-монг. *ац туурантай*, бур. *һалаа туруутан, аса туруутад*, калм. *сала турутн* и однокопытные соответственно: *бүтүү туурайтай, бүтүү туруутай, бүтү турутн*;

х.-монг. *шагайт* ‘голенная кость; большеберцовая кость’, стпм. *šaγaidu* id.⁶, бур. *шагайта* ‘бедренная кость’, см. со ссылкой на словарь *можно тагалсаг хоёрой хоорондо байдаг борьбын я һан; хүндэтэй мяханай тоодо ородог* ‘Трубчатая баранья кость, находящаяся ниже бедренной кости и ногой ставится в качестве угощения гостям’ (перевод наш. — Авт.), калм. *шаһа* 2) ‘лодыжка, щиколотка’, в словаре со ссылкой на свадебный обряд зафиксировали: *шаһа чимг бәрүлх* ‘вручить малую берцовую кость’⁷, ст.-калм. *саҫа čimügen* ‘малая берцовая кость’; *саҫа čimügen барилсахи* ‘держат малую берцовую кость’ — «совершать обряд венчания, во время, которого жених и невеста, сидя перед домашним «огнищем», держат в руках малую берцовую кость барана»⁸; тюркские параллели находим у Ц.-Д. Номинханова: кирг. *шагай*, якут. *сыгай, сыыгай, сыгай* ‘лодыга, лодыжка, бабка, щиколотка’ (Номинханов, 1975: 217);

х.-монг. *шийр* 1) ‘ноги (у животных)’; ‘голень, копыто’; ‘свиные, бараньи ножки, идущие на студень’⁹, стпм. *širege* id., бур. *шиирэ* ‘голень (у животных)’; *үлдэхэ үлэн азаргын ширэ амтатай* поговорка (далее — погов.) ‘когда голоден, то (и) голень голодного жеребца становится вкусной’¹⁰, калм. *шиир* I 1) анат. ‘голень’, 2) ‘ножки’¹¹; ст.-калм. *širege* «ножки, — все четыре ноги животного, отрезанные и подаваемые вместе как особое кушанье»¹². У Ц.-Д. Номинханова со ссылкой на тюркские языки: каз., к.-калп. *сыйрак* «голень; ножки /животных»; г.-алт. *шыйрак* «бабка / нижний сустав ноги скота»; телеутское наречие — Радлов (далее тел. — Радлов) *шыйрак, шырак* «нога от копыта до колена / у животных» (Номинханов, 1975: 216–217);

х.-монг. *соёо(н)* 1) ‘клык’, *соёодох* 1) ‘рвать клыками’; *намайг халтар нохой соёодоод авав* ‘собака с рыжими пятнами на носу и лапах впилаась в меня клыками’, стпм. *sojodaγu* id.¹³; бур. *һоёо* 1.) ‘клыки, клык’¹⁴; калм. *соя* II ‘клык’¹⁵, в словаре со ссылкой на эпос «Джангар» зафиксировано: *армин иш сояһар*

¹ Древнетюркский словарь / ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, ЛО, 1969. С. 481.

² Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 3. Θ–Ф. С. 261.

³ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 2. Д–О. С. 258.

⁴ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 519.

⁵ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб, 1911. С. 204.

⁶ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 4. Х–Я. С. 330.

⁷ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 661.

⁸ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб, 1911. С. 1637.

⁹ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 4. Х–Я. С. 252.

¹⁰ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 2. Д–О. С. 614.

¹¹ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 671.

¹² Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911. С. 112.

¹³ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 3. Θ–Ф. С. 106.

¹⁴ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 2. Д–О. С. 558.

¹⁵ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 457.

күрл мөңгн уудыг дөлийһад, дөчн йисн сара һазрт гүүхэн санв ‘грызя бронзовые удила своими мощными клыками, конь думал о том расстоянии, которое надо было преодолеть в течение сорока девяти месяцев’¹, ст.-калм. *sojo* id.²;

х.-монг. *таваг* II 1) см. *хөлийн таваг* ‘ступня, ноги’; 2) *мал эмнэл* ‘болезни ступни у верблюда’; *тэмээнд таваг өвчин тусах* ‘заболевать (о ступне верблюда)’; *хар таваг болов а* ‘страдает болезнью ступни (у верблюда)’³; тэмээний тавхай «верблюжья нога» (ПМА, 2022); стпм. *тавага* id.; бур. *табгай* 1) ‘лапа’; *тэмээнэй табгай* ‘верблюжья лапа’⁴; калм. *тавг* 2) ‘лапа’; *темэнэ тавг* ‘нога верблюда’; 3) ‘нижняя плоская сторона (напр. копыта лошади)’; *туруна тавг* ‘низ копыта’⁵; ст.-калм. *таваг* ‘лапа, ступня у человека, или животного, подошва’⁶.

В словаре со ссылкой на эпос «Джангар» зафиксировали: *туулн атн тавгин дүңгэ лаң шар алтн сиикин эм* ‘дужки у золотых сережек величиной с лапу пятилетнего верблюда’⁷. У Ц.-Д. Номинханова со ссылкой на тюркские языки встречаем: каз., к.-калп. *табан* ‘ступня, подошва’; уйг. *тапан* ‘пятка’; туркм. *дабан* ‘ступня, пядь’; хак. *табан*, чув. *тупан* ‘ступня’; тувинский язык (далее — тув.) *даман, даван* ‘нога, лапа’ (Номинханов, 1975: 217).

Внутренние органы животных

х.-монг. *улаан гол а* ‘аорта’⁸, *гол судас / гол судал* ‘главная артерия, аорта’⁹, стпм. *qol* id., бур. *улан гол* ‘аорта’; *голынъ таһалха* ‘перерывать аорту (напр. умерщвляя барана)’¹⁰, кроме того, см. *гол* ‘сердцевина, середина, центр, стержень; стеновая жила / артерия у животных, идущая вдоль позвоночного столба’; *улаан гол* ‘становая жила’; *зүрхэнэй гол* ‘аорта; главный, основной, стержневой, центральный’ (ПМА, 2022), калм. *һол* II. 1) ‘середина, центр’; *һол судсн* ‘аорта’¹¹, ст.-калм. *γol* ‘стержень’; *улаан γol* ‘красные основы / жизни, т. е. кровеносные сосуды; душа как жизненная сила’; *γol судасун* ‘артерия’¹². У Ц.-Д. Номинханова со ссылкой на тюркские языки фиксируем: уйг. *qol* «спинной хребет, часть спины вдоль хребта; ствол», чув. *вуля* анат. «ствол, нерв; *вулли* «нервный ствол» (Номинханов, 1975: 213);

х.-монг. *шөрмөс(өн)* 1. ‘жила; сухожилие; фибра; нервы’, стпм. *širmüsü* id.¹³, бур. *шандааһан* (бүримэдэл үгэнүүдые биһ болголсодог) 1) ‘сухожилия на задних ногах’¹⁴, калм. *шүрүсн* «жила, сухожилие»¹⁵, ст.-калм. *šürbüsün* id.: *zurhan zuun aqta mörini šürbüseer deegüürni oraγaad* ‘обвив поверху его сухожилием 600 меринов’¹⁶.

х.-монг. *зүрх(эн)* 1. 1) ‘сердце’, стпм. *jirüken* id.¹⁷, бур. *зүрхэн* ‘сердце’¹⁸, калм. *зүркн* «сердце»¹⁹, ст.-калм. *jürken* id.²⁰; как утверждает В. И. Рассадин: «...аффикс *-en*, оформляющий в монгольских языках именной основы, в том числе и заимствованные из тюркских языков, при этом данный монгольский

¹ Там же.

² Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911. С. 155.

³ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 3. Ө–Ф. С. 171.

⁴ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 2. Д–О. С. 218.

⁵ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 470.

⁶ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911. С. 180.

⁷ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 470.

⁸ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 3. Ө–Ф. С. 316.

⁹ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 1. А–Г. С. 421.

¹⁰ Там же. С. 214.

¹¹ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 165.

¹² Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911. С. 112.

¹³ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 4. Х–Я. С. 375.

¹⁴ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 2. Д–О. С. 606.

¹⁵ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 687.

¹⁶ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911. С. 178.

¹⁷ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 2. Д–О. С. 247.

¹⁸ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 1. А–Г. С. 416.

¹⁹ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 261.

²⁰ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911. С. 274.

корень можно сопоставить с др.-тюрк. *jüräk, jürek, ürek, jöräk, jörek, žürek, žürek, cüre, süräh, čere* с тем же значением «сердце» (Рассадин, 2019: 550). Как пишут авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков»: «**jürek* 1.1. Отмечено повсеместно, с др.-уйг. *jürek*; тур., турк. *jürek*, аз. *ürek*, сал. *jurüh*; кум. *jürek*, тат., башк. *jüräk*, калп. каз. *žürek*; кирг. *žürok*, уз. *juräk*; уйг. *juräk*, сюг. *jörek*, тув. *čürek*, як. *süräh*; чув. *čüre*»¹;

х.-монг. *бөөр(өн)* 1. 'почка', стпм. *bögere id.*², бур. *бөөрэ анат.* 'почки, почка'³, калм. *бөөр* 'почка'⁴, ст.-калм. *bö:rö id.*⁵ Данный термин, как пишут авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», зафиксирован во многих тюркских языках: **bögük*, как тур. *böjrek*, турк. *böwrek*; кар. *bögrek*, тат. *büjüräk*, кум. *büjrek*, алт. *börök*, уйг. *böräk*, тув. *büre*, тоф. *bɔ:rek*, чув. *pure*⁶;

х.-монг. *сархинаг* 1. 1) анат. 'книжка' (часть желудка жвачных животных; муу *сархинаг* 'книжка, третий желудок у жвачных'; *сайн срхинаг* 'рукав, второй желудок жвачных животных'), стпм. *sarxinag id.*⁷, бур. в словаре со ссылкой на Ц. Ц. Бальжинимаеву: *хархинсаг* «(малай эдихэн үбнэ хоол байлуулалсадаг, олон таһалгануудтай, досоо талань бэржэгэр, гүзэнтэй холбоотой хуби»⁸, калм. *сэңрцг* анат. 'сычуг (жвачных животных)'; му *сэңрцг* анат. 'книжка'⁹, ст.-калм. *sayingircag* 'первый желудок коровы, в который попадает принимаемая пища'¹⁰; приводим примеры со ссылкой на Ц.-Д. Номинханова в тюркских языках: якут. *чаңкырчак, чаңкычак, таңкырчак* 'третий желудок жвачных животных, книжка; брюшина' (Номинханов, 1975: 219);

х.-монг. *сүвээ(н)* 1. 1) 'боковая часть грудной клетки; надчревь'; *сүвээ хавирга / сүвээ хавирга / сүвээ хавис* 'три нижних (коротких) ребра', стпм. *sübegij id.*¹¹, бур. *һүбээ* 1) 'бок'; а) 'боковая часть грудной клетки'; б) в юрятско-русском словаре со ссылкой на Бальжинимаеву читаем: *хабханһаа доошо ууса хүрэтэр байдаг, хажуу талын яһагүй өөхэлиг мяхан* 'боковые мышцы ниже ребер до крестца'; 2) 'бок, два (или три) нижних (коротких) ребра (с мясом на них)'; 3) *адаг һүбээ яһан* 'самое последнее ложное ребро', боханский говор бурятского языка (далее — бох.) 'название мясного блюда из нижних двух-трех ребер'¹²; калм. *сүвэ* 'боковая часть грудной клетки', *сүвэн хавсн* 'самое последнее ложное ребро'¹³, ст.-калм. *sübe*¹⁴. У Ц.-Д. Номинханова со ссылкой на тюркские языки: каз. *сүбэ* «задние ребра / как часть туши»; г.-алт. *сүмэ кабырга* «самое нижнее хрящевое ребро / лошади»; кирг. *сүвээ* «ложное ребро» (Номинханов, 1975: 216);

х.-монг. *хавирга(н)* 1. 1) 'ребро'; *богино хавирга* 'короткое ребро'; *хавирга хадах* 'разъединять ребра, отделять их от позвоночника'; 2. 'реберный'¹⁵; бур. *хабирга (хабхан)* анат. 1) 'ребро'; *хабирга тала* 'бок'; *хабиргын яһан* 'реберные кости'; унг. *хабхан* 'длинные ребра', а также 'ребра с мясом, отрубаемые для пищи'¹⁶; калм. *хавсн* I анат. 'ребро'; *боһнь хавсн* 'самое короткое ребро'; *хавсинь салһх* «разъединять ребра (туши, отделяя от позвоночника)»¹⁷.

¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. С. 276.

² Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 1. А–Г. С. 275.

³ Там же. С. 145.

⁴ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 114.

⁵ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911. С. 138.

⁶ Там же. С. 278.

⁷ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 3. Ө–Ф. С. 98.

⁸ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 2. Д–О. С. 553.

⁹ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 445.

¹⁰ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб, 1911. С. 148.

¹¹ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 3. Ө–Ф. С. 139.

¹² Бурятско-русский словарь: в 2 т. Улан-Удэ: Респ. тип., 2008. Т. II. Ш–Я С. 572.

¹³ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 464.

¹⁴ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб, 1911. С. 158.

¹⁵ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 4. Х–Я. С. 5.

¹⁶ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. 2. Д–О. С. 372.

¹⁷ Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 562.

Заклучение

Материал раздела лексики «Части тела животных» халха-монгольского, бурятского, калмыцкого языков позволил выявить, что в основном все зафиксированные термины носят общетюркский характер. Это говорит о том, что монгольские племена в свое время испытали сильное влияние тюрков, переняв у них разведение не только крупного рогатого скота, но и мелкого скота.

Раздел лексики, связанный с названиями частей тела животных, тесным образом связан с историей и бытом народа. Изучение его имеет большую ценность, поскольку отражает особенности хозяйствования народа, эволюцию быта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Данилова, Н. И., Дьячковский, Ф. Н. (2023) Именные словосочетания, выражающие части тела домашнего скота, в якутском языке (в сопоставлении с бурятским языком) // Сибирский филологический журнал. № 4. С. 197–210.

Дьячковский, Ф. Н., Тазранова, А. Р., Баярсайхан, Б., Трофимова, С. М., Попова, Н. И. (2023) Названия способов движения (аллюра) лошади в тюркских языках Сибири (в сопоставлении с монгольскими) // Вестник НГУ Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. Т. 22. № 2. Филология. С. 61–73.

Дьячковский, Ф. Н., Попова, Н. И., Трофимова, С. М. (2023) Номинация конской сбруи в якутском языке (в сопоставлении с монгольскими языками) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 21, № 2. С. 43–54.

Номинханов, Ц.-Д. (1975) Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М. : Наука, ГРВЛ. 327 с.

Рассадин, В. И. (1984) Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии / отв. ред. Т. М. Михайлов. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР. 149 с. С. 55–80.

Рассадин, В. И. (2007) Бурятская коневодческая терминология в алтаистическом аспекте // Живой язык: теоретические и социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 14–15 сентября 2007 г.) / отв. ред. В. О. Имеев и др. Элиста : Изд-во Калм. гос. ун-та. 155 с. С. 40–42.

Рассадин, В. И. (2009) О тюркском влиянии на сложение комплекса скотоводческой лексики монгольских языков // Ученые записки ЗабГГПУ. Филология, история, востоковедение. С. 157–164.

Рассадин, В. И. (2019) Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. СПб. : Нестор-История. 608 с.

Тазранова, А. Р. (2023) Половозрастные названия мелкого рогатого скота в алтайском языке (в сравнительно-сопоставительном освещении) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 4 (42). С. 55–64.

Трофимова, С. М. (2023) Половозрастные названия лошади в монгольских языках (с привлечением тюркского материала) // Oriental Studies. Т. 16. № 6. С. 1662–1670. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-70-6-1662-1670>

Трофимова, С. М., Алишина, Х. Ч., Усманова, М. Г. (2023) Названия крупных домашних животных в монгольских языках в сопоставлении с башкирским языком и языком сибирских татар // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Вып. 3 (41). С. 57–70.

Трофимова, С. М., Мухаринов, В. М. (2024) Названия частей тела животных (с привлечением тюркского материала) // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: тезисы VI Всероссийской научной конференции (Абакан, 23–24 мая 2024 г.) / науч. ред. А. Н. Чугунекова; отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. 106 с. С. 83–85.

Щербак, А. М. (1961) Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков / отв. ред. Е. И. Убрятова. М. : Наука, ЛО. 466 с. С. 82–172.

Дата поступления: 11.09.2024 г.

Дата принятия: 27.09.2024 г.

REFERENCES

Danilova, N. I. and Dyachkovskiy, F. N. (2023) Noun phrases denoting body parts of livestock in the Yakut language (in comparison with the Buryat language). *Sibirsky filologichesky zhurnal*, no. 4, pp. 197–210. (In Russ.)

Dyachkovskiy, F. N., Tazranova, A. R., Bayarsaykhan, B., Trofimova, S. M. and Popova, N. I. (2023) Names of horse gaits in the Turkic languages of Siberia (in comparison with Mongolic languages). *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya. Filologiya*, vol. 22, no. 2, pp. 61–73. (In Russ.)

Dyachkovskiy, F. N., Popova, N. I. and Trofimova, S. M. (2023) Nomination of horse harness in the Yakut language (in comparison with Mongolic languages). *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, vol. 21, no. 2, pp. 43–54. (In Russ.)

Nominhanov, Ts.-D. (1975) *Materials for the study of the history of the Kalmyk language*. Moscow, Nauka, GRVL. 327 p. (In Russ.)

Rassadin, V. I. (1984) Buryat livestock terminology as a source for historical ethnography. In: Mikhaylov, T. M. (ed.) *Ethnic history and cultural traditions in Buryatia*. Ulan-Ude, BF SO AN SSSR. 149 p. Pp. 55–80. (In Russ.)

Rassadin, V. I. (2007) Buryat horse breeding terminology in the Altaic aspect. In: Imeev, V. O. et al. (eds) *Living language: theoretical and sociocultural aspects of functioning and development of modern Mongolic languages*. Materials of the International scientific conference (Elista, September 14–15, 2007). Elista, Publishing House of Kalmyk State University. 155 p. Pp. 40–42. (In Russ.)

Rassadin, V. I. (2009) On the Turkic influence on the formation of the livestock vocabulary complex of Mongolic languages. *Uchenye zapiski ZabGGP, Philology, History, Oriental Studies*, pp. 157–164. (In Russ.)

Rassadin, V. I. (2019) *Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolic linguistic community*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 608 p. (In Russ.)

Tazranova, A. R. (2023) Gender-age terms for small cattle in the Altai language (in a comparative perspective). *Tomsky zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, no. 4 (42), pp. 55–64. (In Russ.)

Trofimova, S. M. (2023) Gender-age terms for horses in Mongolic languages (with Turkic material). *Oriental Studies*, vol. 16, no. 6, pp. 1662–1670. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-70-6-1662-1670>

Trofimova, S. M., Alishina, Kh. Ch. and Usmanova, M. G. (2023) Names of large domestic animals in Mongolic languages in comparison with the Bashkir language and the language of Siberian Tatars. *Tomsky zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, vol. 3 (41), pp. 57–70. (In Russ.)

Trofimova, S. M. and Mukharinov, V. M. (2024) Names of animal body parts (with Turkic material). In: Chugunekova A. N. (ed.) *Preservation and development of the languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia: abstracts of the VI All-Russian Scientific Conference (Abakan, May 23–24, 2024)*. Abakan, Katanov Khakass State University. 106 p. Pp. 83–85. (In Russ.)

Shcherbak, A. M. (1961) Names of domestic and wild animals in Turkic languages. In: Ubryatova, E. I. (ed.) *Historical development of the vocabulary of Turkic languages*. Moscow, Nauka, LO. 466 p. Pp. 82–172. (In Russ.)

Submission date: 11.09.2024.

Acceptance date: 27.09.2024.

DOI: 10.25178/nit.2025.1.12

Статья

Жесты приветствия в культуре общения на юге Казахстана

Валентина Д. Нарожная, Майра И. Кадеева, Лаззат С. Канаева

Южно-Казахстанский педагогический университет имени У. Жанибекова, Казахстан

В статье анализируются этнокультурные особенности невербального поведения, характерного для казахов — представителей титульного этноса Казахстана, в условиях мультикультурной среды юга страны. Источниковой базой послужили сведения о невербальных формах приветствия из этнографической литературы и словарей, использование которых проверялось с результатами авторских наблюдений, а также данными веб-опроса жителей региона (сентябрь 2024 г.).

Результаты исследования показали, что невербальное поведение современных казахов продолжает следовать традиционным нормам этикета. В том числе поддерживаются и гендерные особенности приветствий, коммуникации. Тем не менее на практике присутствует разнообразие форм, отражающее богатый опыт мультикультурной коммуникации. Общекоммуникативные жесты-приветствия выступают в качестве ситуативно нейтральных и совпадают как по форме исполнения, так и по содержанию.

Ключевые слова: невербальная коммуникация; традиционный этикет; казахская культура; русская культура; жест приветствия; гендерный аспект; казахи; русские; Казахстан; юг Казахстана

Для цитирования:

Нарожная В. Д., Кадеева М. И., Канаева Л. С. Жесты приветствия в культуре общения на юге Казахстана // Новые исследования Тувы. 2025. № 1. С. 156-171. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.12>

Нарожная Валентина Дмитриевна — доктор филологических наук, и. о. профессора кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета имени У. Жанибекова. Адрес: Республика Казахстан, г. Шымкент, 160012, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: vdn53ru@gmail.com

 Кадеева Майра Исаковна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета имени У. Жанибекова. Адрес: Республика Казахстан, г. Шымкент, 160012, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: kadeyevamaira@gmail.com

Канаева Лаззат Сапарбековна — старший преподаватель кафедры переводческого дела и иностранных языков Южно-Казахстанского педагогического университета имени У. Жанибекова. Адрес: Республика Казахстан, г. Шымкент, 160012, ул. Байтурсынова, д. 13. Эл. адрес: Kanayeva_80@mail.ru

Article

Gestures of greeting in the culture of communication in the south of Kazakhstan

Valentina D. Narozhnaya, Mayra I. Kadeyeva, Lazzat S. Kanayeva

South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov, Kazakhstan

The article analyzes the ethnocultural features of nonverbal behavior characteristic of the Kazakhs, the titular ethnic group of Kazakhstan, within the multicultural environment of the country's southern regions. The source base includes information on nonverbal forms of greeting from ethnographic literature and dictionaries, whose usage was verified through the author's observations and the results of a web survey of residents (September 2024).

The study results indicate that the nonverbal behavior of contemporary Kazakhs continues to adhere to traditional etiquette norms. Gender-specific aspects of greetings and communication are also maintained. However, in practice, there is a diversity of forms reflecting the rich experience of multicultural interaction. General communicative greeting gestures function as situationally neutral and align in both form and meaning.

Keywords: *nonverbal communication; traditional etiquette; Kazakh culture; Russian culture; greeting gesture; gender aspect; Kazakhs; Russians; Kazakhstan; southern Kazakhstan*

For citation:

Narozhnaya V. D., Kadeyeva M. I. and Kanayeva L. S. Gestures of greeting in the culture of communication in the south of Kazakhstan. *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 156-171. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.12>

NAROZHAYA, Valentina Dmitrievna, Doctor of Philology, Acting Professor, Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov. Postal address: 13, Baitursynova St., Republic of Kazakhstan, Shymkent, 160012. E-mail: vdn53ru@gmail.com

KADEYEVA, Maira Isakovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov. Postal address: 13, Baitursynova St., Republic of Kazakhstan, Shymkent, 160012. E-mail: kadeyevamaira@gmail.com

KANAYEVA, Lazzat Saparbekovna, Senior Lecturer, Department of Translation and Foreign Languages, South Kazakhstan Pedagogical University named after Ozbekali Zhanibekov. Postal address: 13, Baitursynova St., Republic of Kazakhstan, Shymkent, 160012. E-mail: Kanayeva_80@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2405-0403

Введение

Исследования, ориентированные на осмысление этнокультурной специфики невербального общения, занимают важную нишу в современных научных изысканиях. Специфика тех или иных жестов определяется разными политическими взглядами, религиозными воззрениями, обрядами, традициями, укладом жизни и культуры этносов. Чрезвычайно важно осваивать культуру других народов, чтобы понимать друг друга, «устанавливать контакты и радоваться (а не огорчаться) тому, что мы разные» (Попков, 2014: 157).

Среди других невербальных форм общения достаточно сложным коммуникативным образованием являются жесты приветствия в различных культурах, реализация которых зависит от многих составляющих ситуации общения: социальной и гендерной принадлежности, воспитания и образования, родственных и возрастных отношений и др. Формы приветствия как «вход в этикетную ситуацию <...> начало этикетного поведения» (Байбурин, 1988: 20) зависят от многих факторов, различаясь по полу, возрасту коммуникантов, времени и типу ситуаций. Это связано с тем, что «у разных народов, да и просто в разных регионах существуют свои культурные особенности, свои обычаи, свои представления о том, что хорошо, что плохо» (Попков, 2014: 154).

Своеобразие и неповторимость культуры обуславливаются историческим опытом народа, территорией его проживания, уникальностью быта, обычаев, традиций. Характеризуя особенности общения, Г. Д. Гачев отмечает, что целостность «...национального бытия трактуется как Космо-Психологос, т.е. как единство “тела” (природы), души (национального характера) и духа (склада мышления, типа логики)» (Гачев, 1992: 6). Эта же мысль прослеживается в изысканиях А. К. Кужугет, которая пишет, что «...нравственные нормы были заложены в человеческую психику природой, выработаны в ходе биологической эволюции, закреплены в генах человека традиционного общества и передавались от поколения к поколению во время совершения ритуалов и в обыденной жизни»¹.

Содержание культуры, ее уникальность и специфичность передаются различными средствами вербальной / невербальной коммуникации. Среди средств невербальной коммуникации выделяются общекommunikативные, ситуативно нейтральные, этикетные, жесты приветствия, требующие соблюдения предписанных тех или иных норм поведения: *рукопожатие, поцелуй, вставание* (со стула, с дивана), *поклон, приподнимание шляпы* и др. При этом, как писал Г. Д. Гачев, «познавать чужую культуру нужно так, чтобы узнавать в ней новое, непохожее и, принимая это “не своё” как своё, становиться душевно богаче, гармоничнее и счастливее: “питать друг друга” смыслами» (Гачев, 2007: 43).

В последнее десятилетие интерес к невербальным способам общения заметно повысился, поскольку стало очевидным, что данный компонент социального поведения человека играет в жизни общества важную роль, особенно в этнически разнообразной среде. Тема приветственных жестов и традиционного этикета широко освещена в работах ученых (Крейдлин, 2002, 2005; Формановская, 2007; Акишина, Кано, 2015; Черкашина, Новикова, Пугачев, 2023).

Авторы данной статьи обратились к изучению бытующих в настоящее время на территории южного Казахстана форм приветствия. Необходимость анализа этнокультурных констант в ситуациях приветствия как основного способа реализации продуктивного диалога в мультикультурной среде связана с тем, что именно юг Казахстана, по данным социолингвистических исследований 2006 г. (Алтынбекова, 2006: 201), характеризуется широким этническим разнообразием: 70% населения составляют казахи; 30% — русские, узбеки, украинцы, немцы, татары, азербайджанцы, корейцы, белорусы и др. Полиэтничность региона, интегративные связи со многими государствами, усилившаяся мобильность граждан стимулируют необходимость изучения разных языков, полноценное общение на которых предполагает также и знание невербальных знаков, в частности жестов приветствия как начала коммуникативного акта.

Русские жесты классифицированы и описаны достаточно подробно (Акишина, Кано, 2015; Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001). В связи с этим исследование казахских жестов приветствия является актуальным. Хотя определенная работа уже выполнена. Например, проведен семантический анализ компонентов традиционной культуры казахов, этнических процессов, способов ведения хо-

¹ Кужугет А. К. Традиционный этикет тувинцев в контексте этической культуры (по трудам путешественников и ученых конца XIX–XX века): учебное пособие. Кызыл: ТувГУ, 2019. С. 52.

зйства, духовных и моральных ценностей народа (Шаханова, 1998; Калыбекова, 2005; и др.¹). Ученые акцентируют внимание на роли традиций в жизни казахов, сформировавшихся в результате долгого исторического пути, как залога жизнеобеспечения этноса. Вопросы культуры жестовой коммуникации казахов освещены в диссертационных работах, в том числе авторов данной статьи². Также анализируются вопросы невербальной межкультурной коммуникации, ее роли в условиях глобализации и развития цифровых технологий в образовании³. Классификация невербальных компонентов общения, их семантическое значение и описание исполнения каждого жеста полно представлены в лексикографических работах (Татубаев, 1979; Момынова и др. 2003). Авторы словарей показали путь формирования жестов казахской культуры, отражающих традиции, мораль и устои народного быта, описали их семантику, функции, стилистические особенности, ярко иллюстрируя каждый жест многочисленными примерами из казахского фольклора, художественной и этнографической литературы, рассмотрели жесты-фразеологизмы.

Несмотря на объемный перечень работ по казахской невербалике, следует отметить, что в них недостаточно затронуты жесты приветствий, описание которых чрезвычайно важно в связи с тем, что в общественной и повседневной жизни происходит постоянное взаимопроникновение и взаимовлияние элементов культур. Новизна данного исследования связана с описанием казахских жестов приветствия, одни из которых отражают народные обычаи, традиции и широко распространены на юге Казахстана в настоящее время, а другие исчезли или претерпели определенные изменения. Новым считаем подход к описанию гендерных различий жестов приветствия, так как в работах отечественных исследователей (Кодар А., Кодар З., 2005; Нуржанова, 2005; Нарожная, 2016 и др.⁴) делается акцент на общие теоретические проблемы гендерного общения, описание женских / мужских табу, женской / мужской части юрты, эмоциональных жестов, позы, присущих женщинам / мужчинам, и т. п., что обусловило необходимость более детального описания гендерного аспекта казахских жестов приветствия. Кроме того, на наш взгляд, тема требует расширения диапазона и уточнения региональных коммуникативных ситуаций.

Целью настоящего исследования является анализ этнокультурных жестов приветствия, используемых населением юга Казахстана. В работе решаются задачи: проанализировать общие жесты приветствия современных жителей юга Казахстана и установить закономерности этнокультурной специфики коммуникации титульного этноса; сопоставить гендерные различия жестов приветствия респондентов юга Казахстана; охарактеризовать общекommunikативные жесты приветствия в мультикультурном общении южного региона страны. Объектом исследования выступает невербальная коммуникация населения юга Казахстана, а предметом — особенности жестов приветствия в рассматриваемом регионе.

В соответствии с характером изучаемого материала использовалась комплексная методика исследования. Метод наблюдения и фиксации специфических форм невербальной коммуникации применялся на всех этапах полевого исследования, а также в процессе изучения источников, освоения специальной литературы по теме. Методом экспериментального анкетирования получен корпус жестового языка, используемого в ситуациях приветствия. Характеристика полученного материала,

¹ Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление: учебное пособие. Алматы: Рауан, 2001.

² Нарожная В. Д. Невербальная коммуникация как этнокультурный феномен (теоретико-экспериментальное исследование): дис. ... докт. филол. наук. Кокчетав, 2010; Оналбаева А. Т. Стратификация невербального общения в социокультурном контексте: дис. ... докт. филол. наук. Кокчетав, 2010; Кажалиева К. Ш. Национально-культурная специфика фатической коммуникации в казахском языке: дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1992; Бейсембаева С. Б. Невербальные компоненты коммуникации в казахском языке: дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2002.

³ Канаева Л. С., Нарожная В. Д. Роль невербальной коммуникации на языковых занятиях в полилингвальной аудитории (из опыта работы на электронных образовательных платформах) // Известия МКТУ имени А. Ясави, сер. «Педагогика и методика преподавания предмета». 2024. № 1 (131). С. 422–436; Канаева Л. С., Нарожная В. Д., Дилдабекова А. К. Невербальное общение как средство формирования коммуникативных компетенций на языковых занятиях в вузе // Вестник КазНУ имени аль-Фараби, сер. «Педагогические науки». 2024. № 2 (79). С. 191–200; Канаева Л. С., Нарожная В. Д., Дилдабекова А. К. Этнокультурные особенности невербального общения в русском и английском языковых контекстах: образовательные подходы // Вестник КазНПУ имени Абая, сер. «Педагогические науки». 2024. № 3 (83). С. 61–70.

⁴ Нуржанова З. М. Невербальные средства общения: гендерный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2005.

выявление семантики жестов в казахской этнокультуре осуществлены на основе описательно-семантического метода; анализ коррелирующих и репрезентативных невербальных средств в мультикультурном общении проведен сравнительно-сопоставительным методом; при выявлении общекультурных форм приветствия, восходящих к архетипическим слоям языкового сознания, использовался метод аналогии.

Источниковой базой послужили сведения о невербальных формах приветствия, которые описаны в словарях (Момынова, Бейсембаева, 2003; Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001) и этнографической литературе. Они сопоставлялись с нашими наблюдениями разных современных коммуникативных ситуаций, а также с данными веб-опроса¹ в рамках полевого исследования, проведенного в сентябре 2024 г. на юге Казахстана.

В качестве респондентов были привлечены жители этого региона, в том числе студенты-старшекурсники с казахским / русским языком обучения (4 группы по 25 чел.) и преподаватели русского / казахского языка и литературы Южно-Казахстанского педагогического университета имени У. Жанибекова (г. Шымкент). Опрос включал два этапа — пилотажный и корректировочный. На пилотажном этапе участвовали 215 респондентов разного возраста, пола, этнической и социальной принадлежности. Для корректировочного этапа была сформирована группа из 50 респондентов женского пола, из которых 29 незамужних девушек и 21 замужняя. Для валидности респондентам предоставлялась инструкция с указанием правил выполнения заданий. Каждая анкета предполагала наличие таких опций, как национальность, возраст, пол, место и длительность проживания (город, село, другой регион), образование.

Разработанная авторами анкета включала пятнадцать казахских жестов приветствия (*қол былғап амандасу, қол алысып амандасу, қол көтеру, бас изеу, сәлем ету, тәжім ету, көрісу* и др.), используемых в южном регионе страны. Цель анкетирования — определить частоту употребления указанных жестов респондентами южного региона в разных коммуникативных ситуациях. Испытуемые после прохождения регистрации получали доступ к анкете, где должны были выбрать для каждого жеста один из предлагаемых ответов: *использую всегда / часто / иногда / редко / очень редко / не знаю такого жеста*.

Всего в анкетировании приняли участие 215 чел. 143 чел. — женского пола (67%), 72 чел. — мужского (33%); от 20 до 25 лет — 126 респондентов (58%), от 26 до 50 лет — 51 чел. (24%), старше 50 лет — 38 чел. (18%). Из них 69 респондентов (31%) владеют только казахским языком, 94 чел. (43%) — казахским и русским, 28 чел. (13%) — русским, 24 чел. (13%) — узбекским, уйгурским, азербайджанским, турецким и др.

Традиционные жесты приветствия

В казахской культуре жесты приветствия, как и в других культурах, соотносятся с принципами традиционного этикета — системы моральных установок и ценностей. В приветствиях четко обозначается роль и место общающихся в социальной иерархии, подтверждается статус в обществе. Правила использования жестов-приветствий могут иметь варианты, что зависит от ситуации общения. «Возраст, пол, социальное положение, родственные связи, род занятий, степень знакомства будут иметь значение для приветствующих и определять их поведение при встрече», — пишет Г. А. Мейрманова (Мейрманова, 2007: 105). Такие жесты приветствия отражают многовековые устои казахского народа.

Например, в традиционной казахской культуре жесты-приветствия описываются С. С. Татубаевым следующим образом: жест *қол алысып амандасу* 'приветствовать обеими руками' с вербальным сопровождением *Ассалаумағалейкүм* 'Мир вам' исполняется младшим по возрасту и социальному статусу коммуникантом. Он протягивает старшему руки с раскрытыми ладонями, ожидая такого же ответного жеста. Руки приветствующих смыкаются в крепком пожатии (Татубаев, 1979: 72). Приветствием, выражающим глубокое почтение старшему, является жест *оң қолын кеудесіне баса сәлем беру / оң қолын төсіне (кеудесіне) қою* 'приветствовать, прикладывая правую руку к сердцу' (там же: 74). Младший, слегка наклонив голову, прикладывает к сердцу правую руку с раскрытой ладонью.

¹ Форма опроса расположена на сайте Google.Forms: <https://docs.google.com/forms/d/11CfzVzMbRhLsDlu-DVbdlOpV19Hf7RFY0NFt3IxiJo4/viewform>

а) қол алысып амандасу

б) оң қолын кеудесіне баса сәлем беру / оң қолын төсіне (кеудесіне) қою

Рисунок 1. Традиционные казахские жесты приветствия. Рисунок Е. Ю. Кана, 2024 г.
Figure 1. Traditional Kazakh greeting gestures. Drawing by E. Yu. Kan, 2024.

Изображение жеста *қол алысып амандасу* ‘приветствовать обеими руками’ и жеста *оң қолын кеудесіне баса сәлем беру / оң қолын төсіне (кеудесіне) қою* ‘приветствовать, прикладывая правую руку к сердцу’ показано на рис. 1¹.

Наши наблюдения показали отступления при исполнении сегодня традиционного жеста *оң қолын кеудесіне баса сәлем беру*, когда первым приветствует не младший старшего, а старший по возрасту младшего — служителя культа или человека, стоящего выше по иерархической лестнице.

Исторически приветствие сопровождалось фразой *Ассалаумағалейкүм!* ‘Мир вам!’. В ответ младший коммуникант прикладывал руку к груди и отвечал: *Уағалейкүм уассалам!* ‘И вам мир!’. Как показали результаты нашего исследования, многие респонденты придерживаются этого сохранившегося в современном общении ритуала и указывают на его вариант в форме жеста *қол алысу* ‘пожать друг другу руки’. Так, из 72 респондентов-мужчин этот жест используют 42 всегда, а 30 — в зависимости от определенной коммуникативной ситуации.

Кроме того, респондентами отмечено дополнительное значение жеста *арқаға қағу* ‘хлопать по спине’, выражающего симпатию, благосклонность в ситуациях приветствия. Жест исполняет старший по отношению к младшему, обратное поведение считается недопустимым, нарушающим этические нормы.

Анализ данных анкетирования выявил значительную распространенность жеста казахского приветствия *құшақтасып амандасу* ‘здороваться, заключая друг друга в объятия’. С. С. Татубаев указывает на дополнительное значение такой формы приветствия как ритуального почитания умершего, выражения глубокого уважения человеку, чьи дела останутся в памяти людей, и описывает способ исполнения этого жеста: «Соболезнующие подходят к ближайшему родственнику покойного и обнимаются, касаясь друг друга грудью» (Татубаев, 1979: 74–75). Наши наблюдения подобных ситуаций показывают, что этот жест исполняется не только мусульманами, но и христианами, которые таким образом проявляют свое уважение и сочувствие семье умершего. По результатам анкетирования, на частоту употребления жеста как способа выражения соболезнования указали 172 респондента (80%) из 215 опрошенных.

Многие казахские жесты приветствия сопровождаются вербально: *Мал-жан аман ба?* или *Қорақпсы аман ба?* ‘благополучен / здоров ли твой скот и твоя семья?’ Ч. Валиханов отмечает связь такого ритуала с основной деятельностью кочевника — скотоводством (Валиханов, 1986: 292–293).

¹ Здесь и далее используются нарисованные специально для этой статьи изображения жестов художника Е. Ю. Кана (г. Шымкент, 2024 г.).

Примечательны типичные приветствия у других тюркоязычных народов: кабардинцы желали пахарю плодородия, пастуху — много скота, пасечнику — доброго меда; балкарцы говорили охотнику: *Пусть пребудет с тобой Бог охоты!*; воину: *Да будет с тобой верховное божество!* Разные модели тувинских приветствий, связанных с родом деятельности человека, обобщены в монографии М. Б. Кенин-Лопсана «Традиционная культура тувинцев»: земледельцу желали острого плуга, богатого урожая ячменя (*Андазыныңар чидиг болзун, арбай-тараа арбын болур болзун!*); рукодельнице — успехов в работе, ровной и гладкой шерсти (*Үүлө бүтсүн, дүк салдынгыр болзун!*) и др. (Кенин-Лопсан, 2006: 196). Подробная классификация русских и тувинских приветствий, связанных с трудовой деятельностью, представлена в работе Т. Т. Черкашиной, Н. С. Новиковой и И. Пугачева (Черкашина, Новикова, Пугачев, 2023: 77–78).

У русских также были разнообразные формы приветствия, отражающие специфику трудовой деятельности. Путника приветствовали фразой *Добрый будет путь!*; купца — *Быть в здравии и с хорошим товаром!*; пряже желали *Тучной кудели!*; тряпичнику — *Больше хлама!*; бортнику — *Полных бортей!*; мореходу — *Семь футов под килем! Попутного ветра! Легкого паруса! Путеводной звезды!*

Сравнивая этикетные нормы поведения, связанные с невербальными формами приветствия, мы отметили много совпадений в нормах общения казахов и тувинцев. Например, казах перед юртой произносил фразу *Ким бар ау?* ‘Кто там?’, чтобы дать понять, что он находится рядом, а тувинец кашлял. Демонстрацию своих мирных намерений казахи и тувинцы подтверждали невербально, оставляя палку, холодное и огнестрельное оружие снаружи юрты.

Распространенным у казахов жестом приветствия является *körісу* ‘встретиться, свидеться’, когда младший приветствует старшего, протягивая ему обе руки. Старший, отвечая взаимностью, обхватывает руки младшего с наружной стороны (Татубаев, 1979: 72). Более теплая форма этого приветствия выражается объятием коммуникантов, при котором правая рука каждого приветствующего через левое плечо собеседника кладется ему на спину, а левая рука обхватывает талию.

У жеста *körісу* есть еще одно значение, связанное с праздником встречи весны, оживления природы, выражением уважительного отношения молодежи к старшим¹. Считалось, что 14 марта яв-

Рисунок 2. Мужской и женский жесты приветствия *körісу*. Рисунок Е. Ю. Кана, 2024 г.
Figure 2. Male and female greeting gestures *korisu*. Drawing by E. Yu. Kan, 2024.

¹ Калыбекова А. А. Теоретические и прикладные основы народной педагогики казахов. Алматы: БАУР, 2005. С. 258.

ляется началом третьего месяца *амал* — весны, и *көрүсү* праздновали 3 дня: 14, 15 и 16 марта. Зима с холодными степными вьюгами, заморозками, наледями для кочевых народов была тяжелым временем года, люди редко встречались друг с другом. Поэтому приход весны воспринимался как праздник, предвестник Наурыза, в это время было принято посещать и встречать гостей, чтобы поздравить друг друга с окончанием зимних месяцев, рождением новой жизни, солнца, тепла. Неотъемлемый атрибут праздника — крепкие рукопожатия и теплые объятия, сопровождаемые вербально фразой *Бір жасыңызбен!* (пожелание долгих лет, хорошего нового года). В этот день сначала было принято здороваться со старейшиной-аксакалом, прося у него благословения — *бата*. Потом здоровались за руку люди пожилого и среднего возраста, последними приветствовали друг друга юноши и дети. Женщины слегка обнимались и касались друг друга левым, а потом правым плечом (специфические особенности исполнения жеста *көрүсү* показаны на рис. 2).

Основная функция жеста *көрүсү* — олицетворение сплоченности, согласия и любви к родине, преданности своим истокам. Так, в 2024 г. декада (с 14 по 23 марта) Наурыз мейрамы в Казахстане открывалась праздником *Көрүсү күні (Амал мерекесі)*, в котором участвовали представители всех этносов. В этот день в школах, вузах, организациях, парках, площадях и других местах отдыха устанавливались юрты, накрывался богатый дастархан, проходили массовые гуляния, торжественные концерты, национальные спортивные игры¹.

Аналогичные празднования, например, проходят в Туве, где в дни Нового года по лунному календарю отмечается праздник *Шагаа*, содержащий ритуализованную форму приветствия *чолукишууру*. При исполнении этого жеста-приветствия младший по возрасту первым протягивал руки ладонями вверх, а старший делал встречный жест руками ладонями вниз. Руки приветствующих соприкасались на уровне локтей. Если здоровались ровесники, то каждый стремился быстрее протянуть руки ладонями вверх, стараясь показать свое уважение другому².

Жест *чолукишууру*, как и *көрүсү*, несет определенную информацию, связанную с пожеланиями в Новом году счастья, здоровья, благополучия, удачи, что вербально передается словами *Амыр менди!* и ответ *Менди чаагай!* или *Сол менди!*, или просто *Амыр-ла!* 'Мира вам и благополучия!' и ответ 'Мира и вам!'

Как отмечают исследователи тувинской культуры (Кужугет, 1988: 16; Даржа, 2015: 119–120), исторически тувинцы приветствовали друг друга рукопожатием обеими руками, а после принятия буддизма стали использовать *кадак* — ритуальную шелковую ткань. Младший, выражая почтение старшему, старался первым положить *кадак* ему в руки и опустить свои руки под преподношение. Отмечается и другой вариант приветствия, когда вместо дорогого *кадака* использовали более доступный материал — *дадазын* (полоска обработанной кожи домашнего животного) (Ламажаа, Шаймерденова, 2024).

Гендерные различия невербальной семиотики

Казахской культуре также присуща своеобразная система невербальных средств коммуникации, особенностью которых является гендерные правила, в том числе выраженные многочисленными запретами табу. Например, раньше молодые женщины-казашки, переступив порог дома мужа, в течение определенного времени использовали мимический язык (движение мышц лица). В современном общении невестке также предписаны особые нормы поведения, в том числе скромность, тихий голос, немногословие, услужливость.

Подтверждением речевой табуированности является пример из книги Акселеу Сейдимбека «Мир казахов»³. Однажды молодая женщина пошла к реке за водой и увидела, как волк напал на овцу. Она бросилась домой и передала мужчинам это следующим образом:

¹ 10 дней празднования Наурыза в Казахстане [Электронный ресурс] // Nur.Kz. 2023, 11 мая. URL: <https://www.nur.kz/society/1898880-10-dnei-planiruyut-prazdnovat-nauryz-v-kazaxstane/> (дата обращения: 25.10.2024).

² Кужугет А. К. Традиционный этикет тувинцев в контексте этической культуры (по трудам путешественников и ученых конца XIX–XX века): учебное пособие. Кызыл: ТувГУ, 2019. С. 15–16.

³ Сейдимбек А. С. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление: учебное пособие. Алматы: Рауан, 2001. С. 289–290.

«У журчащего на стороне шелестящего воющий напал на блеющего, я закричала и прогнала его. Пока блеющий жив, надо режущим провести несколько раз по тому, обо что это делают, и скорее идти туда!»¹

Объяснить такую несвязную речь молодой женщины можно, если учесть то, что невестка не могла называть по именам старших братьев своего мужа. В данном случае их было шесть, которых звали *Өзенбай* ‘река’, *Қамысбай* ‘камыш, тростник’, *Қасқырбай* ‘волк’, *Қойбай* ‘баран’, *Қайрақбай* ‘точило’, *Пышақбай* ‘нож’.

В казахской культуре соблюдались устные предписания (*ырым*), придуманные народом из понимания необходимости правильного отношения к каждодневно используемым в быту предметам. В большей степени они касались казахских девушек и женщин: *Кетік кесемен шай құйма* ‘Не наливай чай в треснутую пиалу’; *Ескі сыпырғышты отқа жақпа* ‘Не сжигай старую метлу’; *Сыпырғыны төрге қойма* ‘Не клади метлу на почетное место в доме’ и др. А. С. Сейдимбек приводит примеры налагаемых на женщин-казашек табу: не называй по имени свекра, свекровь, деверя; не делай резких движений и не говори громким голосом; не расспрашивай мужчину о его делах; не переходи мужчине дорогу и др.²

Среди традиционных жестов можно выделить мужское приветствие, встречающееся в текстах художественной литературы, путевых очерках. Так, в своих этнографических записках И. Алтынсарин описал жесты-приветствия *тәжім*; *тәжім ету*, которые исполнялись женихом при первом знакомстве с родственницами невесты: «жених, опустив руки, низко кланяется <...> подошедшим женщинам»³. Данные жесты описаны С. С. Татубаевым и определены им как «этнографические, мужские жесты приветствия» (Татубаев, 1979: 79–80).

Наши респонденты отметили, что строго придерживаются правил казахского этикета, учитывающих пол коммуникантов. Результаты опроса показали, что жесты *тәжім* и *тәжім ету* являются мужскими и в настоящее время очень редко встречаются в качестве приветствия на юге Казахстана: из 72 мужчин его используют / использовали только 16 (22%), знают / видели исполнение этого жеста — 65 (30%) из 215 опрошенных; не слышали о нем — 42 (20%); не используют — 106 (50%).

Гендерный анализ жестов-приветствий показал, что в мультикультурной среде происходит их интеграция, связанная с взаимовлиянием культур. Многие из жестов идентичны в разных культурах. Так, по мнению авторов словаря русских жестов, стили кинетического поведения включают жесты и позы:

а) мужские: *стоять, скрестив руки на груди / широко раздвинув ноги; закладывать большие пальцы за ремень брюк; потирать руки / челюсть / бороду; чесать в затылке; сидеть, развалившись в кресле;*

б) женские: *сидеть, сомкнув колени; касаться волос; играть мочкой уха; тереть шарфик / пояс платья / ручку сумки; потирать кольцо и т. п.* (Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001: 189).

Распространенный казахский мужской жест *оң қолын кеудесіне баса сәлем беру* (младший прикладывает к сердцу ладонь с разомкнутыми пальцами; голова слегка наклонена) означает уважительное приветствие в родной культуре. В русском общении также употребляется аналогичный жест, выражающий как сердечную благодарность, так и вежливый отказ «в ответ на сделанное кем-либо предложение» (там же: 121).

Традиционные жесты приветствия *қол қусырып* (поклон со скрещенными на груди руками), *бас иіп сәлем беру* (приветствие с поклоном) также подчеркивают почтение, уважение и имеют аналоги в русской культуре, где их употребляют как мужчины, так и женщины. «Данные жесты-просьбы обычно используются по отношению к адресату с более высоким социальным статусом» (там же: 119).

Как показали респонденты, на юге Казахстана распространенным является жест приветствия, когда мужчина слегка касается губами лба, носа, щек, глаз или тыльной стороны ладони ребенка 3–6 лет. Это знак глубокого уважения взрослому, адресованного через его детей. Женщины свободнее в выборе приветствия и используют его к детям более старшего возраста. Это аналогично тувинскому жесту приветствия, когда пожилой человек при желании нюхают щеки молодых — сначала правую, затем левую, выказывая любовь, ласку, особое расположение (Кужугет, 1988: 16).

¹ Там же. С. 289.

² Там же. С. 292–293.

³ Алтынсарин И. Избранные произведения. Алматы: АН КазССР, 1957.

Рисунок 3. Женские жесты приветствия *сәлем ету* и *тәжім ету*. Рисунок Е. Ю. Кана, 2024 г.
Figure 3. Female greeting gestures «*salem etu*» and «*tazhim etu*». Drawing by E. Yu. Kan, 2024.

Общеупотребительными выступают казахские женские невербальные формы приветствия *сәлем ету* и *тәжім ету* (рис. 3), которые исполняет невестка, адресуя их старшим родственникам мужа, выражая тем самым как уважение, так и смирение, исполнительность, покорность.

Как видно из рисунка, жесты отличаются вариантами: молодая женщина наклоняет голову, прикладывая руки ладонями вниз к области солнечного сплетения (*сәлем ету*) и / или приседает на одну ногу, прикладывая руки ладонями вниз на колено (*тәжім ету*). Ч. Валиханов описывает *тәжім ету* и относит его к женским жестам приветствия (Валиханов, 1986: 152).

Сопоставляя материалы второго этапа эксперимента, в котором принимали участие только замужние женщины и девушки (50 респонденток), мы отметили, что на юге республики женский жест *сәлем ету* является повсеместным приветствием, что соответствует традициям и обычаям почитания старших в казахской семье именно южного региона. Жест *тәжім ету*, по сведениям информантов, выходцев из других регионов страны, обучающихся по академической мобильности в ЮКПУ имени У. Жанибекова, используется в северных регионах (соотношение частоты употребления этих жестов в приветствии молодой женщины отражены в диаграмме 1).

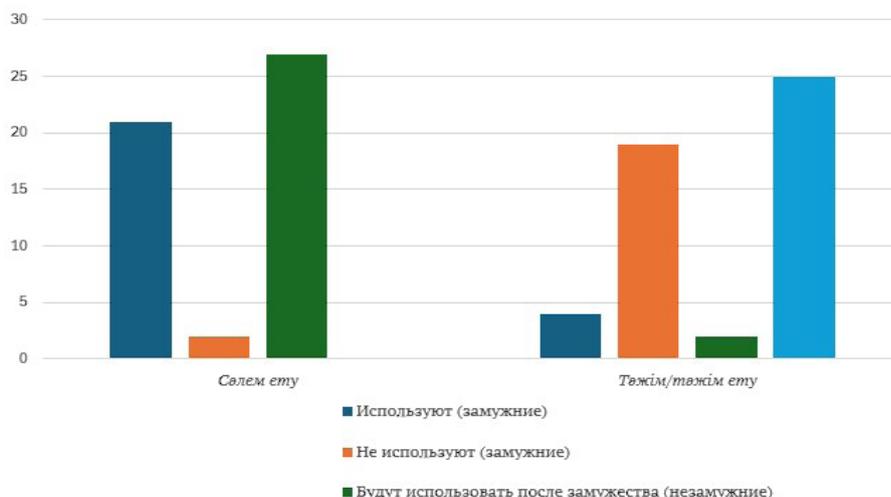

Диаграмма 1. Использование жестов *сәлем ету*, *тәжім ету* у опрошенных.
Diagram 1. Use of gestures *salem etu*, *tajim etu* among respondents.

Результаты нашего опроса показывают, что из 50 респонденток жест *tәжім ету* используют в первые месяцы замужества 4 (8%) молодые замужние женщины — уроженки из других областей республики; не используют — 21 чел. (42%); не планируют использовать — 25 (50%) незамужних девушек. Другой показатель у жеста *салем ету*: 21 (42%) замужняя женщина использует; 27 (54%) незамужних планируют использовать, и только 2 (4%) девушки затрудняются ответить на этот вопрос.

Смена стереотипов в казахском обществе приводит к тому, что женщины все чаще занимают «мужские» сферы деятельности — политика, бизнес, управленческие структуры, банковская система. В связи с этим происходит изменения этикетных норм, жесты женщин тяготеют в сторону мужских приветствий. Следует помнить о социальных и региональных различиях гендерных стереотипов, в частности доминирование в среде горожан, менее строгое соблюдение в северных областях Казахстана и др.

Характеристика общекоммуникативных жестов приветствия в мультикультурной среде южного региона Казахстана

На юге Казахстана наблюдается наивысшая концентрация населения страны. Несмотря на численное преобладание казахов (по данным Национальной переписи 2021 г., их доля составила 70%)¹, юг страны, как мы уже отмечали, отличается значительным этническим разнообразием. Русские являются вторыми по численности после казахов, что обусловлено историческими факторами. Длительные контакты двух основных этносов (русское население появилось на территории Казахстана в конце XVIII в.) привели к формированию общекоммуникативных жестов как сплаву русской и казахской культуры. Такими жестами являются казахские: *қол беріп амандасу*, *қол беру*, *қол бұлғау амандасу*, *бас изеу*, *қолын көтеру*, *қол көтеру* и идентичные им русские: *рукопожатие*, *легкий полупоклон*, *приподнимание шляпы*, *кивок головой*, *помахивание рукой*. Они широко распространены в кросскультурном общении, однако преобладающей выступает этнокультурная форма приветствия — традиционные жесты (Нарожная, Кадеева, 2019: 303–304).

Основная функция рукопожатия — информативная. Исследователи невербальной коммуникации отмечают, что информативность заключается в передаче таких значений, как *властность*, *главенство* (рука одного собеседника оказывается повернутой вниз другим собеседником), *покорность* (рука развернута ладонью вверх), *уважение и взаимопонимание* (руки партнеров находятся в одинаковом положении), *искренность и глубина чувств* (приветствие двумя руками), *избыточность чувств* (левая рука находится сверху правой руки партнера), *неуважение* (пожатие прямой, несогнутой рукой) и др.² Вялое рукопожатие свидетельствует о безразличии партнера по общению; продолжительное — о сильном волнении; пожимание руки кончиками пальцев — о неуверенности; приветствие двумя пальцами — о высокомерии одного из коммуникантов; протянутая лодочкой рука — о смущении.

В современном общении исследуемого региона общекоммуникативным считается жест приветствия обеими руками, при котором адресанты одновременно протягивают ладони, «большие пальцы отогнуты и направлены вверх. Ладони приходят в контакт, пальцы сгибаются, охватывают ладонь партнера по жесту и слегка сжимают ее» (Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001: 95).

В современной мультикультурной среде распространена европейская форма приветствия — рукопожатия *қол беру* 'подать руку; протянуть руку' и *қол бұлғау амандасу* 'помахать рукой'. К общеупотребительным казахским приветствиям относятся идентичные русским жесты: *қол беріп амандасу* 'здороваться обеими руками', *қолын / қол көтеру* 'поднять руку', *бас изеу* 'кивнуть головой', *шек қағу*, *шек астымен амандасу* 'кивнуть подбородком'. Данные жесты были предложены респондентам в анкете, где они должны были указать один из ответов, предполагающих знание жеста (использую часто / всегда / иногда / редко / очень редко / никогда) или его незнание. Валидность проведенного опроса не вызывает сомнения, так как большинство респондентов отметили высокую частоту употребления жестов, что отражено диаграмме (диаграмма 2).

¹ Национальный состав населения Республики Казахстан по итогам переписи 2021 г. [Электронный ресурс] // stat.gov.kz. 2023, 2 ноября. URL: <https://stat.gov.kz/ru/news/byuro-natsionalnoy-statistiki-opublikovalo-tematicheskii-sbornik-po-natsionalnomu-sostavu-naseleniya/> (дата обращения: 20.10.2024).

² Лавриненко, Н. В. Психология и этика делового общения: учебник для вузов. 3-е изд., перераб., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000.

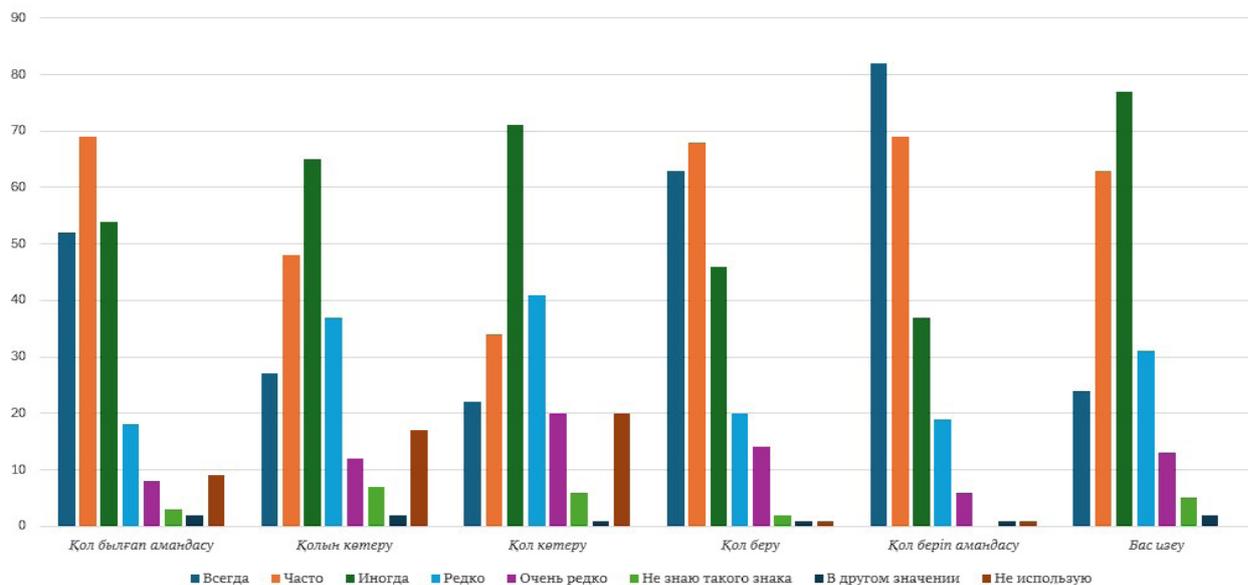

Диаграмма 2. Частота использования невербальных знаков приветствия респондентами.
Diagram 2: Frequency of use of non-verbal signs of greeting by respondents.

Анализ данных анкетирования, отраженных в диаграмме, показал, что из 215 респондентов, представителей разных этносов, активно используют жест *қол беріп амандасу* 188 чел.; *қол беру* — 177 чел.; *қол былғау амандасу* — 175 чел.; *бас изеу* — 164 чел.; *қолын көтеру* — 140 чел.; *қол көтеру* — 127 чел.

По наблюдениям респондентов, в традиционном казахском этикете приветствия южного региона республики встречаются жесты *оң қолын төсіне (кеудесіне) қойып бас ию* и *қос қолды кеудеге қою*. Значение и форму исполнения этих жестов Б. Момынова и С. Бейсембаева описывают следующим образом: «поклон, который сопровождается прикладыванием руки к области сердца (первый жест) и прикладывание обеих рук к груди (второй жест)» (Момынова, Бейсембаева, 2003: 79). Оба жеста указывают на доброжелательность, дружелюбие, учтивость, обходительность приветствующего.

Аналогичный жест есть в русской культуре, который описывают А. А. Акишина и Х. Кано: «Приветствие поклоном — это приветствие, сопровождаемое легким наклоном головы с опущенными вниз глазами (вариативный жест: поклон с прикладыванием руки к сердцу). Такой жест имеет два значения: выражает глубокую благодарность, почтение; несет дополнительное значение и передает чувство вины / смущения человека» (Акишина, Кано, 2015: 43–44).

Тождественным описанному жесту в общении представителей русской культуры является невербальный знак *прижать руку (обе руки) к груди*, который демонстрирует задушевность разговора, искренность эмоций. При исполнении жеста происходит легкое движение корпуса приветствующего к адресату. Правая рука с раскрытыми пальцами (или обе руки) прикладывается к груди или к области сердца, при этом возможен неглубокий поклон. Этот жест, как указывают авторы «Словаря русских жестов», подчеркивает личную позицию говорящего, а также может означать выражение мольбы, просьбы; убеждения; благодарности (Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001: 119–121).

Рассмотренные казахские и русские жесты аналогичны жесту ритуала приветствия тувинцев, описанного А. К. Кужугет: «При встречах в дороге урянхи останавливают лошадей, здороваются двумя руками, причем равный равному говорит “менде”, низший высшему “амыр”, закуривают трубки и обмениваются ими, затем расспрашивают друг друга, кто, откуда, куда и зачем едет, возвращают свои трубки и разъезжаются»¹. Это отражается в интерференции отдельных жестов в казахской и тувинской культурах.

¹ Кужугет А. К. Традиционный этикет тувинцев в контексте этической культуры (по трудам путешественников и ученых конца XIX–XX века): учебное пособие. Кызыл: ТувГУ, 2019. С. 15.

Наши респонденты отметили, что при исполнении жестов приветствия не допускаются сидячие позы, так как вставание само по себе служит знаком приветствия, уважения и «приобретает форму жесткого канонизированного этикета» (Решетов, 1988: 7). При вставании рукопожатие «может быть самостоятельным жестом приветствия, а может входить в церемонию приветствия на правах одного из компонентов» (Байбурин, Топорков, 1990: 20). Таким же общекультурным приветствием, когда руку подает младший по возрасту / социальному статусу, выражается почтение старшему, что говорит о синтезе культур.

Для иллюстрации данного утверждения нами дополнительно рассмотрены жесты приветствия в тувинской культуре: общекоммуникативные жесты казахов, тувинцев и русских совпадают по форме исполнения и имеют одинаковое значение. Например, в приветствии современной тувинской молодежи стал характерным жест рукопожатия и одновременного объятия левой рукой (жест приветствия, используемый в русском и казахском общении). «Происходит своеобразное перекрестное обнимание, как при троекратном поцелуе, только касаются друг друга не щеками, а плечами» (Даржа, 2015: 120). Автор отмечает, что такое приветствие возможно под влиянием СМИ, интернет-коммуникации, художественных фильмов, общения с иностранцами и выездов за «пределы Саян» (там же). Наличие общих межкультурных жестов, свойственных этикету приветствия русских, казахов и тувинцев, связано также с урбанистическим «взрывом», «ведущим к редуцированию традиционной культуры, ее модернизации и унификации, распространению европейских стереотипов поведения» (Мейрманова, 2007: 106).

Проанализировав различные ситуации общения, мы установили, что один и тот же жест может выполнять не только разные функции, но и иметь разные значения, например, жест *бас изеу* выражает приветствие, прощание и согласие. В то же время одно и то же значение приветствия можно передавать разными жестами: *бас изеу* 'кивнуть головой', *иек қағу*, *иек астымен амандасу* 'кивнуть подбородком', *қолын көтеру* 'поднять руку'. Традиционные казахские жесты приветствия *қол алысып амандасу* 'приветствовать обеими руками', *оң қолын кеудесіне баса сәлем беру / оң қолын төсіне (кеудесіне) қою* (легкий поклон с прикладыванием руки / обеих рук к груди) часто исполняются русскими коммуникантами, выражающими собеседнику глубокое уважение и почтение. Аналогично русские жесты *кивнуть головой*, *кивнуть подбородком*, *поднять руку* вошли в культуру общения казахов. При этом важно учитывать ситуацию общения: если русские жесты приемлемы в поликультурной ситуации, то в казахском приветствии используются только традиционные жесты.

Заклучение

Многоаспектность знаков невербальной коммуникации в мультикультурной среде юга Казахстана обусловлена спецификой традиционных и общекоммуникативных жестов-приветствий. Результаты нашего исследования позволили соотнести традиционные казахские жесты приветствия с современными условиями; установить закономерности этнокультурной специфики коммуникации титульного этноса; показать процесс интеграции казахских жестов в культуру других этносов и европейских жестов в казахскую.

Установлено, что наиболее распространенными в ситуации приветствия на юге Казахстана являются традиционные жесты *қол алысып амандасу*, *оң қолын кеудесіне баса сәлем беру / оң қолын төсіне (кеудесіне) қою*, *құшақтасып амандасу*. Это согласуется с самобытностью культуры казахского народа, так как именно юг республики компактно представлен титульным этносом, обычаи которого неукоснительно соблюдаются и в настоящее время.

Особенностью казахской культуры являются гендерные различия в мужских жестах приветствия *тажім*; *тажім ету* и женских приветствиях *сәлем ету*. Фактические данные исследования подтвердили, что эти мужские жесты очень редко используются в качестве знаков приветствия родственников со стороны жены, в то время как женский жест *сәлем ету* является обязательным в приветствии молодой женщины в течение первых месяцев замужества. Более того установлено, что женский жест *тажім ету* не встречается в южном регионе и считается мужским, что также диктуется традиционными нормами этноса.

Общекоммуникативные жесты-приветствия выступают в качестве ситуативно нейтральных и совпадают как по форме исполнения, так и по содержанию. При этом казахские жесты *қол беріп амандасу*, *қол беру*, *қол бұлғау амандасу*, *бас изеу*, *қолын көтеру*, *қол көтеру* имеют аналоги в русской

культуре: *рукопожатие, легкий полупоклон, приподнимание шляпы, кивок головой, помахивание рукой* — и широко распространены в различных ситуациях кросскультурного общения. В ряде случаев один жест может передавать разные значения (*бас изеу*: приветствие, прощание и согласие), и разные жесты — одну и ту же форму приветствия: *бас изеу* (кивнуть головой), *иек қағу, иек астымен амандасу* (кивнуть подбородком), *қолын көтеру* (поднять руку).

Изучение традиционных жестов приветствия как своеобразных лакун, пробелов в невербальной системе языка, которые можно объяснить социально-культурными причинами, требует повышенного внимания и является перспективным направлением современных культурологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишина, А. А., Кано, Х. (2015) Словарь русских жестов и мимики. 2-е изд., стер. М. : Русский язык. 208 с.
- Алтынбекова, О. Б. (2006) Этноязыковые процессы в Казахстане. Алматы : Экономика. 416 с.
- Байбурин, А. К. (1988) Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии: сб. ст. / отв. ред. А. К. Байбурин, А. М. Решетов. М. : Наука. 266 с. С. 12–37.
- Байбурин, А. К. (1993) Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука. 240 с.
- Байбурин, А. К., Топорков, А. Л. (1990) У истоков этикета: этнографические очерки. М. : АН СССР ; Л. : Наука, Ленинградское отд. 165 с.
- Валиханов, Ч. (1986) Избранные произведения / под ред. А. Х. Маргулана. Алма-Ата ; М. : Казгослитиздат ; Наука. 413 с.
- Гачев, Г. Д. (1992) Наука и национальные культуры (гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та. 320 с.
- Гачев, Г. Д. (2007) Космо-Психо-Логос: национальные образы мира. М. : Прогресс ; Культура. 511 с.
- Григорьева, С. А., Григорьев, Н. В., Крейдлин, Г. Е. (2001) Словарь языка русских жестов. М. ; Вена : Языки русской культуры ; Венский славистический альманах. 256 с.
- Даржа, У. А. (2015) О вербальной и невербальной коммуникации в тувинском языке // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. № 4 (27). С. 115–121.
- Калыбекова, А. А. (2005) Теоретические и прикладные основы народной педагогики казахов. Алматы : БАУР. 200 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев / пер. с тувин. Кызыл : Тувинское кн. изд-во. 230 с.
- Кодар, А. А., Кодар, З. М. (2005) Женщина и мужчина в казахском традиционном обществе // Евразия: общественно-политический и литературно-художественный журнал. № 5 (39). С. 21–32.
- Крейдлин, Г. Е. (2002) Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение. 592 с.
- Крейдлин, Г. Е. (2005) Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М. : Языки русской культуры. 224 с.
- Кужугет, А. К. (1988) Традиционные нормы поведения и общения тувинцев в быту // Культура тувинцев: традиция и современность / под ред. К. Л. Монгуш. Кызыл : ТНИИЯЛИ. 151 с. С. 65–73.
- Ламажаа, Ч. К., Шаймерденова, М. Дж. (2024) Кадак — шарф подношения и освящения (из истории традиции) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 152–176. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.10>
- Мейрманова, Г. А. (2007) Культура общения у казахов // Этнографическое обозрение. № 6. С. 105–115.
- Момынова, Б. К., Бейсембаева, С. Б. (2003) Казахско-русский толковый словарь мимики и жестов в казахском языке. Алматы : Қазақ университеті. 136 с.
- Нарожная, В. Д. (2016) Ментально маркированные концепты невербальной коммуникации. LAP LAMBERT Academic Publishing RU. 214 с.
- Нарожная, В. Д., Кадеева, М. И. (2019) Невербальные средства общения как отражение национальной картины мира // Наука и жизнь Казахстана. Алматы. № 11/2. С. 302–307.
- Попков, Ю. В. (2014) Нерусское гостеприимство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 154–157.

Решетов, А. М. (1988) Народы Передней Азии и их этикет // Этикет у народов Передней Азии: сборник статей / отв. ред. А. К. Байбурин, А. М. Решетов. М. : Наука. 266 с. С. 3–11.

Татубаев, С. С. (1979) Жесты как компонент искусства. Алма-Ата : Казахстан. 112 с.

Формановская, Н. И. (2007) Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М. : ИКАР. 480 с.

Черкашина, Т. Т., Новикова, Н. С., Пугачев, И. А. (2023) Речевой жанр приветствия как маркер ментальности (на примере обрядов приветствия у русских и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 70–87. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.5>

Шаханова, Н. (1998) Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). Алматы : Казахстан. 184 с.

Дата поступления: 31.10.2024 г.

Дата принятия: 12.01.2025 г.

REFERENCES

Akinshina, A. A. and Kano, H. (2015) *Dictionary of Russian gestures and facial expressions*. 2nd ed. Moscow, Russkiy yazyk. 208 p. (In Russ.)

Altynbekova, O. B. (2006) *Ethnolinguistic processes in Kazakhstan*. Almaty, Ekonomika. 416 p. (In Russ.)

Baiburin, A. K. (1988) On the ethnographic study of etiquette. In: *Etiquette among the peoples of the Near East*. Ed. by A. K. Baiburin A. K. and Reshetov A. M. Moscow, Nauka. 266 p. Pp. 12–37. (In Russ.)

Baiburin, A. K. (1993) *Ritual in traditional culture. Structural-semantic analysis of East Slavic rites*. St. Petersburg, Nauka. 240 p. (In Russ.)

Baiburin, A. K. and Toporkov, A. L. (1990) *At the origins of etiquette: ethnographic essays*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR; Leningrad, Nauka, Leningrad Branch. 165 p. (In Russ.)

Valikhanov, Ch. (1986) *Selected works*. Ed. by A. Kh. Margulan. Alma-Ata; Moscow, Kazgoslitizdat; Nauka. 413 p. (In Russ.)

Gachev, G. D. (1992) *Science and national cultures (a humanitarian commentary on natural science)*. Rostov-on-Don, Publishing House of Rostov University. 320 p. (In Russ.)

Gachev, G. D. (2007) *Cosmo-Psycho-Logos: national images of the world*. Moscow, Progress; Kultura. 511 p. (In Russ.)

Grigorieva, S. A., Grigoriev, N. V. and Kreidlin, G. E. (2001) *Dictionary of the language of Russian gestures*. Moscow, Vienna, Yazyki russkoy kultury; Viennese Slavic Almanac. 256 p. (In Russ.)

Darzha, U. A. (2015) On verbal and non-verbal communication in the Tuvan language. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*, no. 4 (27), pp. 115–121. (In Russ.)

Kalybekova, A. A. (2005) *Theoretical and applied foundations of Kazakh folk pedagogy*. Almaty, BAUR. 200 p. (In Russ.)

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditional culture of the Tuvans*. Transl. from Tuvan. Kyzyl, Tuvan Publishing House. 230 p. (In Russ.)

Kodar, A. A. and Kodar, Z. M. (2005) Woman and man in traditional Kazakh society. *Evrasiya: obshchestvenno-politicheskiy i literaturno-khudozhestvennyy zhurnal*, no. 5 (39), pp. 21–32. (In Russ.)

Kreidlin, G. E. (2002) *Nonverbal semiotics: body language and natural language*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 592 p. (In Russ.)

Kreidlin, G. E. (2005) *Men and women in nonverbal communication*. Moscow, Yazyki russkoy kultury. 224 p. (In Russ.)

Kuzhuget, A. K. (1988) Traditional norms of behavior and communication among the Tuvans in everyday life. In: *Culture of the Tuvans: tradition and modernity*. Ed. by K. L. Mongush. Kyzyl, TNIYALI. 151 p. Pp. 65–73. (In Russ.)

Lamajaa, Ch. K. and Shaimerdenova, M. Dzh. (2024) Kadak — a scarf of offering and consecration (from the history of tradition). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 152–176. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.10>

Meirmanova, G. A. (2007) The culture of communication among Kazakhs. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 105–115. (In Russ.)

Mominova, B. K. and Beisembayeva, S. B. (2003) *Kazakh-Russian explanatory dictionary of facial expressions and gestures in the Kazakh language*. Almaty, Qazaq universiteti. 136 p. (In Russ.)

Narochnaya, V. D. (2016) *Mentally marked concepts of nonverbal communication*. LAP LAMBERT Academic Publishing RU. 214 p. (In Russ.)

Narochnaya, V. D. and Kadeeva, M. I. (2019) Nonverbal means of communication as a reflection of the national worldview. *Nauka i zhizn' Kazakhstana*, no. 11/2, pp. 302–307. (In Russ.)

Popkov, Yu. V. (2014) Non-Russian hospitality. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 154–157. (In Russ.)

Reshetov, A. M. (1988) The peoples of the Near East and their etiquette. In: *Etiquette among the peoples of the Near East*. Ed. by Baiburin A. K. and Reshetov A. M. Moscow, Nauka. 266 p. Pp. 3–11. (In Russ.)

Tatubaev, S. S. (1979) *Gestures as a component of art*. Alma-Ata, Kazakhstan. 112 p. (In Russ.)

Formanovskaya, N. I. (2007) *Speech interaction: communication and pragmatics*. Moscow, IKAR. 480 p. (In Russ.)

Shakhanova, N. (1998) *The world of traditional Kazakh culture (ethnographic essays)*. Almaty, Kazakhstan. 184 p. (In Russ.)

Submission date: 31.10.2024.

Acceptance date: 12.01.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.1.13

Статья

Становление и развитие национального образования в Республике Башкортостан

Рим М. Валиахметов, Айрат Я. Зарипов, Рустем Р. Вахитов

Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация

В статье анализируется становление, развитие и современное состояние национального образования в Республике Башкортостан, образования на языке коренного этноса региона и изучения его учащимися начального и среднего уровней образования. Показаны особенности, сложности и проблемы обучения на родном башкирском языке и его изучения как второго государственного языка. Анализ включает ретроспективный взгляд истории развития институтов национального образования и истории законодательных актов, регулирующих эти процессы в СССР, России и Республике Башкортостан. Исследование основано на материалах исторических трудов, а также современных статистических данных.

Констатируется, что процесс становления системы национального образования в Российской Федерации и ее республиках является очень сложным, противоречивым и непоследовательным. Целый ряд исторических фактов и современных тенденций свидетельствует о незавершенности этого процесса. Во многом сохраняется формальный подход к организации образовательного процесса на национальных (родных) языках. Придание статуса государственного языка родным языкам титульных этносов в республиках России не стало защитной мерой и надежной гарантией их сохранения и дальнейшего развития.

На примере Республики Башкортостан авторы статьи показывают, что в республиках Российской Федерации система подготовки национальных кадров для образовательной сферы не сложилась. Существующая организация образовательного процесса не обеспечивает полноценного обучения на родном языке и изучения башкирского языка, как второго государственного языка республики. Тем самым, потребности титульного народа республики по поддержке и развитию своего языка, традиций и культуры не удовлетворяются в полной мере.

Ключевые слова: национальное образование; национальная школа; Республика Башкортостан; титульный этнос; язык титульного этноса; родной язык; башкирский язык; государственный язык

Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков).

Для цитирования:

Валиахметов Р. М., Зарипов А. Я., Вахитов Р. Р. Становление и развитие национального образования в Республике Башкортостан // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 172-187. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.13>

Валиахметов Рим Марсович — кандидат социологических наук, заведующий научной лабораторией социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4. Эл. адрес: rim_m_sifat@inbox.ru

Зарипов Айрат Янсурович — доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450077, г. Уфа, ул. К Маркса, д. 3/1. Эл. адрес: a-y-zaripov@yandex.ru

Вахитов Рустем Ринатович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450077, Россия, г. Уфа, ул. К Маркса, д. 3/1. Эл. адрес: Rust_R_Vahitov@mail.ru

Article

Formation and development of national education in the Republic of Bashkortostan

Rim M. Valiakhmetov, Airat Ya. Zaripov, Rustem R. Vakhitov

Ufa University of Science and Technology, Russian Federation

The article analyzes the formation, development, and current state of education in the Republic of Bashkortostan in the language of the region's indigenous ethnic group and its study by students of primary and secondary education levels, which in Russian-language academic discourse is referred to as "national education". The study highlights the characteristics, challenges, and issues associated with education in the Bashkir language, as well as its status as the second official language (after Russian). The analysis includes a retrospective examination of the historical development of national education institutions and the legislative acts regulating these processes in the USSR, Russia, and the Republic of Bashkortostan. The research is based on historical studies and contemporary statistical data.

It is established that the formation of the national education system in the Russian Federation and its republics is highly complex, contradictory, and inconsistent. To a large extent, a formal approach persists in organizing the educational process in national (native) languages. The recognition of indigenous languages as official languages in Russia's republics has not served as a protective measure or a reliable guarantee of their preservation and further development.

Using the Republic of Bashkortostan as a case study, the authors demonstrate that in the republics of the Russian Federation, a system for training national specialists in the field of education has not been fully developed. The existing organization of the educational process does not ensure full-fledged instruction in the native language or an effective study of the Bashkir language. As a result, the needs of the republic's titular ethnic group in supporting and developing their language, traditions, and culture are not being fully met.

Keywords: national education; national school; Republic of Bashkortostan; titular ethnic group; language of the titular ethnic group; native language; Bashkir language; official language

Financing

The study was carried out as part of a research program related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023-2025 (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V. A. Tishkov).

For citation:

Valiakhmetov R. M., Zaripov A. Ya. and Vakhitov R. R. Formation and development of national education in the Republic of Bashkortostan. *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 172-187. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.13>

VALIAKHMETOV, Rim Marsovich, Candidate of Sociological Sciences, Head, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 3/4 Karl Marx St., 450076, Ufa, Russia. E-mail: rim_m_sifat@inbox.ru

ZARIPOV, Airat Yansurovich, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 3/1 Karl Marx St., 450076, Ufa, Russia. E-mail: a-y-zaripov@yandex.ru

VAKHITOV, Rustem Rinatovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 3/1 Karl Marx St., 450076, Ufa, Russia. E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

Введение

В каждом из государств, особенно полиэтничных по составу населения, актуальным и востребованным для их граждан является возможность получения образования на родном языке. Первые ступени образовательного процесса — дошкольного, начального и среднего, наряду с воспитанием и социализацией в семье, формируют в каждом человеке определенную культуру, присущую тому или иному этносу. Через институты воспитания и образования индивид социализируется, получает знания, жизненный опыт и формирует соответствующую картину мира. Однако, эксперты ЮНЕСКО прогнозируют сокращение к середине XXI в. количества этнических языков в мире на 50%, и далее высказывают тревожное предположение, что к концу века может остаться только 10% от существующих ныне доминирующих языков¹.

Современные образовательные технологии России направлены на предоставление знаний учащимся на государственном языке. Как правило, они унифицированы и стандартизированы и не учитывают этнонациональной и региональной специфики. Последнюю задачу призваны решать национальные школы, основной функцией которых является «обеспечение права обучения и воспитания детей на родном языке»². Национальную школу называют также «школой двуязычная и, главное — бикультурной, с достаточно высоким удельным весом родного языка и национальной культуры в содержании образования, с широкими возможностями формирования этнического самосознания»³.

Термины «нация» и «национальный», с одной стороны, «этнос» и «этнический» — с другой, по-разному понимаются и трактуются зарубежными и отечественными исследователями. В западной научной традиции понятие нации относится ко всем гражданам данного государства, а этническая принадлежность отдельных групп населения указывает лишь на их культурные и языковые особенности. В отечественной науке сложилось понимание нации как этнической общности (Бромлей, 1993; Козлов, 1977), лишь в последнее время часть исследователей стали рассматривать первую из них как нация-государство, т. е. в контексте общегражданской российской нации (Тишков, 2013). В настоящем исследовании используются оба понятия — и «этнос», и «нация». Применительно к республикам Российской Федерации, которые также называются в Конституции РФ «государствами»⁴, такой подход является, на наш взгляд, вполне оправданным и логичным.

В методологических и исследовательских целях важно определиться и с такими понятиями, как «родной язык» и «национальный язык». В социолингвистике под родным языком понимается «язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого в основном сохраняются и во взрослом возрасте»⁵. Мы солидаризируемся с этим утверждением, несмотря на то, что для индивида языковая ситуация может измениться, и он может назвать родным языком другой, приобретенный в ходе своей социализации более «престижный» язык. Родной язык — это первый «материнский» язык. «Обучение на родном языке» — это понятие, обозначающее организацию обучения для детей и подростков именно на первом языке, а не приобретенном. Понятие же «национального языка» можно трактовать двояко: 1) с точки зрения языка гражданской нации — это общегосударственный язык, имеющий распространение на всей территории государства; 2) с позиции языка одного из народов, проживающих на данной территории — имеет все признаки государственного языка, но локализованного территориально. В этом значении он совпадает с понятием «родной язык»⁶ и функционирует на данной территории как государственный язык. Применительно к Республике Башкортостан, а именно для представителей башкирского этноса понятия «родной язык» и «национальный (государственный)

¹ Почему важно сохранять языковое разнообразие? [Электронный ресурс] // Российский комитет программы ЮНЕСКО «Информация для всех». URL: <https://www.ifapcom.ru/projects/multiling1/574/> (дата обращения: 17.12.2024).

² Куликова С. В. Становление и развитие теории и практики национального образования в России XIX — начала XX в.: учебно-методическое пособие. Волгоград: Перемена, 2005. С. 15.

³ Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая рос. энцикл., 2002. С. 164.

⁴ Раздел первый. Основные положения. Глава 1. Основы конституционного строя. [Электронный ресурс] // Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 17.12.2024).

⁵ Беликов В. И., Крысий Л. П. Социолингвистика: учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. С. 12.

⁶ Национальный язык. [Электронный ресурс] // Большая Российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2253668> (дата обращения: 08.11.2024).

язык» совпадают. Такое утверждение справедливо и для титульных народов национальных республик РФ (татар в Татарстане, тувинцев в Туве, калмыков в Калмыкии и т. д.) В нашем случае под «национальным образованием», «национальным языком», «национальной школой» подразумевается обучение либо полностью, либо частично на родном башкирском языке.

Целью данной статьи является исследование становления, развития и современного состояния национального образования в Республике Башкортостан; выявление особенностей, сложностей и проблем в обучении на родном башкирском языке и его изучении как второго государственного языка республики. В задачи исследования входят анализ системы национального образования Республики Башкортостан на фоне советских, российских трансформаций в этой сфере; оценка существующих условий и степени вовлеченности подрастающего поколения башкир в процесс обучения на родном башкирском языке и его изучения как государственного языка республики; анализ эффективности функционирования институтов национального образования и подготовки педагогических кадров для этой сферы.

Объектом исследования выступает система национального образования Республики Башкортостан. Предмет исследования — особенности формирования и современного состояния национального образования в Республике Башкортостан.

Информационной и источниковой базой стали результаты предшествующих научных исследований системы национального образования в России и Республике Башкортостан, материалы переписей населения и ведомственной статистики, информационные ресурсы и сайты образовательных учреждений региона, в т. ч. национальных школ и гимназий, учебных заведений начального, среднего и высшего профессионального образования с периода становления советской системы образования до современного его состояния.

Обзор литературы

Общие и концептуальные проблемы национального образования в Российской Федерации и ее национальных республиках рассматриваются С. В. Куликовой (Куликова, 2004). В ее исследовании раскрывается сущность понятия «национальное образование», рассматривается его типология и история становления национального образования в РФ. Проблемам и перспективам национального образования в национальных республиках России посвящены работы Н. З. Аппаковой-Шогиной, Р. И. Зинуровой (Аппакова-Шогина, Зинурова, 2013).

Полезными для нашего исследования являются работы и некоторых зарубежных исследователей Т. Мартина (Мартин, 2011), А. Халид (Государство наций, 2011), в которых представлен взгляд со стороны на систему национального образования в России.

Значительный интерес представляют исследования, посвященные этнокультурной компоненте национального образования в РФ, это работы А. Б. Афанасьевой (Афанасьева, 2009), М. А. Фадеевой (Фадеева, 2017). В них раскрывается сущность понятия этнокультурного образования, изложены методики и принципы организации обучения основам этнической культуры. А. Ф. Хубешты доказывает, что присутствие этнокультурного компонента способствует сохранению и развитию этнических ценностей, традиций и обычаев, необходимых в воспитательном процессе подрастающего поколения (Хубешты, 2018). Г. Н. Волков, К. Б. Салчак, А. С. Шаалы этнопедагогику считают важной составляющей в процессе воспитания и образования молодежи, т. к. с ее помощью передаются многовековые навыки и знания предков в различных отраслях деятельности (Волков, Салчак, Шаалы, 2009).

Функционирование национального языка в системе образования отдельной республики — Республике Тыва рассматривается в работе С. Товуу (Товуу, 2022). Истории национального образования, раскрытию причин и особенностей билингвизма в этой республике, имеющей богатое этнокультурное и этноязыковое своеобразие, большое внимание уделено в исследованиях Н. М. Очур (Очур, 2015). Автор выражает общую тревогу исследователей, что в условиях современных тенденций местные языки могут быть вытеснены на периферию общественной жизни.

Развитию образования и особенно ее национального аспекта в Башкортостане посвящены работы исследователей советского и постсоветского периода. А. К. Рашитов рассматривает развитие начальной школы в довоенный период (Рашитов, 1941). Ф. Х. Мустафина проанализировала всю систему национального образования в послевоенный период (Мустафина, 1968). Исследования в области на-

ционального образования второй половины XX в. проведены М. Н. Фархшатовым, К. К. Тагировым, в которых нашли отражение изменения и новые сдвиги в сфере национального образования (Фархшатов, 1994; Тагиров, 2007).

Существенный вклад в изучение и анализ особенностей функционирования системы национального образования в Республике Башкортостан внесли С. Р. Алибаев, Р. З. Алмаев, Л. Ш. Сулейманова, исследования которых охватывают основные периоды становления и развития национального образования в Башкортостане (Алибаев, 1966; Алмаев, 2002, 2024; Сулейманова, 2011). Становлению и развитию национальной школы в республике посвящено диссертационное исследование И. П. Малютин¹. Современные проблемы образования на башкирском языке обсуждаются в публикациях Т. Г. Мухтарова и Ф. Г. Хисаметдиновой (Хисаметдинова, Мухтаров, 2016).

Тема не теряет своей актуальности и продолжает освещаться как в специальной литературе, так и в периодических изданиях, включая электронные источники информации. Новизна данного исследования заключается в комплексном фактологическом и статистическом анализе процессов становления, развития и современного состояния национального образования в Республике Башкортостан, в выявлении основных проблем в сфере национального образования как в стране в целом, так и в Башкортостане. Рассмотрены новые тенденции и проблемы в преподавании родных языков и обучении на национальных языках российских республик. Использован большой массив опубликованных источников, исторических фактов, статистических материалов и сведений самих учебных заведений.

Формирование и развитие башкирских национальных школ

Рассматривая истоки и предпосылки формирования башкирского национального образования следует отметить несколько принципиально важных исторических факта.

Первый из них заключается в том, что в формировании башкирской, равно как и татарской, национальных систем образования большую роль сыграли мусульманские *mektebe* (в переводе с арабского означает 'школа / начальная школа'). Они возникли еще в X в., после принятия башкирами ислама, и одновременно стали одними из первых религиозных социальных институтов и образовательных учреждений, обучающих прихожан чтению и грамоте на основе арабской графики. Вхождение башкирских территорий к русскому государству в середине XVI в. не внесло больших изменений в сферу верований, языка, культуры и духовной жизни народа, т. к. по указу царя Ивана IV, за башкирами сохранялись все их социальные, культурные, духовные институты, в т. ч. религия, традиции и обычаи.

Следующий факт связан с созданием в начале XX в. первых башкирских букварей, основанных на кириллице (Галяутдинов, 2000; Хусаинова, 2017). Имеются весомые основания считать, что они не сразу стали популярными среди башкирского населения, поскольку в *mektebe*, а далее и в *медресе*, которые являлись основными центрами просвещения населения, обучение проводилось на основе арабского письма. Переход на кириллицу в Башкирии состоялся только в 1940 г., а до этого, кроме арабской графики, внедрялась также письменность на основе латинской графики (Ахмеров, 1972).

В советский период развития страны (1917–1990 гг.), становление и эволюция национального образования в Башкирской АССР проходило в рамках общей логики и тенденций советского культурного строительства. Советское правительство, начиная с 1920-х гг., взяло курс на создание школ с обучением на родных языках, что соответствовало лозунгам новой власти о преодолении остатков «имперского колониализма» и построении справедливого общества с равными возможностями для всех. Как выразился специалист по этой проблеме Т. Мартин, в 1920-е гг. «советская политика в области образования решительно утверждала, что все дети должны посещать школы родного языка» (Мартин, 2011: 151).

Создание национальных школ на территории Башкирской республики, как и на всей территории Российской Федерации, началось в 1919 г. на основании постановления Народного комиссариата просвещения РСФСР «О школах национальных меньшинств» от 31.10.1918 г. Эти школы были государственными, подчинялись региональным народным комиссариатам просвещения, с обязательным изучением языка большинства населения данной области. В постановлении отмечалось, что

¹ Малютин И. П. Становление и развитие национальной школы в Республике Башкортостан: дис. ... к. пед. н. Уфа, 2000.

все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке (Сулейманова, 2011: 198). Впервые было сформулировано и понятие национальной школы: «Под национальной школой Российской Республики понимается школа, которая обслуживает меньшинство населения, отличающееся от большинства своим языком и бытовыми особенностями. Преподавание в национальной школе ведется на родном языке. В связи с родным языком изучается национальная литература и история своего народа на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе» (Носань, 2020; 121).

В 1920-е гг. количество национальных школ Башкирской республики постепенно увеличивалось. Школы при этом делились на две ступени: 1-я (начальная) и 2-я (средняя). В 1924–1925 гг. только для детей башкир было открыто 496 школ. Но тем не менее по обеспеченности школами обеих ступеней башкиры занимали лишь 8 место в республике. Подобные школы создавались и для детей других национальностей: татар (422), чувашей (65), марийцев, мордвы, латышей и др. В 1927/28 учебном году в республике насчитывалось 2495 национальных школ, в т. ч. 707 башкирских школ, 625 — татарских, 921 — русских, 89 — чувашских, 78 — марийских, 42 — мордовских, 20 — удмуртских и 13 — других национальностей. В процентном соотношении общее количество обучающихся башкир в школах 1-й ступени было 23,1% и 2-й ступени — 1,7%, татар — 28,6% и 9,0%, русских — 39,8% и 60,7% соответственно (Сулейманова, 2011: 215–221). Был организован и начал налаживаться процесс обеспечения учебниками на родном языке учащихся национальных школ.

Пиком развития национального образования в СССР стал 1932 г., когда в начальных и средних школах всей страны дети обучались на 104 языках (Максимова, 2021: 61). Во многих национальных школах обучение велось полностью на родном языке, требования обязательного преподавания русского языка тогда еще не было. Так, например, в Туркменской ССР до 1938 г. из 728 школ лишь в 321 преподавался русский язык (Государство наций: ... , 2011: 314). В Башкирской АССР «по данным 1934/1935 учебного года, насчитывалось 2746 школ с одним языком обучения. Среди них школ с русским языком обучения — 1213, татарским — 866, башкирским — 463, чувашским — 85, марийским — 74, вотякским (удмуртским) — 19, мордовским — 14, немецким — 8, латышским — 4, киргизским и эстонским по 1. Школ с двумя языками обучения насчитывалось всего 28» (Алмаев: 2010; 125).

1938 г. для национальных школ СССР стал переломным. «С принятием постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в национальных школах» начинается целенаправленный перевод национальных школ на русский язык преподавания» (Сулейманова, 2011: 315). Постановление предусматривало введение обязательного изучения русского языка и литературы в национальных школах СССР с 1938/39 учебного года: 4–5 часов в неделю со второго класса как основной предмет. Исполнение данного постановления сопровождалась перегибами. Так, во исполнение этого постановления в Башкирской республике, по решению партийных органов, были закрыты и реорганизованы в обычные школы с преподаванием на русском языке 12 немецких, 6 латышских и 3 эстонские школы (Алмаев, 2002: 12). Количество двуязычных школ разных ступеней увеличилось. В 1937/38 учебном году количество башкирских средних школ с 10-летним образованием насчитывалось всего 28 (там же: 7).

По свидетельству многих исследователей количество башкирских национальных школ в годы Великой отечественной войны (1941–1945 гг.) и первые послевоенные годы даже увеличилось. В последующие годы эта тенденция приостановилась, и, начиная с 1960–1970-гг., их число стало сокращаться.

Постепенно в Башкортостане и других национальных республиках РСФСР сложилась система образования, которая с некоторыми изменениями сохранилась до начала 1990-х гг. и перешла по «наследству» в постсоветскую Россию.

Она имела следующие структуру и особенности. Наряду с общеобразовательной русской школой, в национальных республиках РСФСР существовали национальные, т. е. нерусские школы. Они предназначались для представителей титульных этносов и, как правило, располагались в местах компактного их проживания, где было мало владеющих русским языком. В крупных городах нерусские школы были редкостью, но и их количество постепенно сокращалось. Наглядной иллюстрацией данного процесса является Республика Татарстан, где в 1960-е гг. в Казани было 5 татарских школ, а в 1980-е гг. осталось — 2 (Шамсутдинов, Шайдуллин, 2012: 102).

В национальных школах Республики Башкортостан, как и в других республиках, преподавание велось отчасти на языке, родном для школьников, отчасти — на русском. Поскольку приходившие в

школу дети, как правило, плохо знали или совершенно не владели русским, то в 1-м классе в таких школах обучение полностью велось на родном языке. Со 2-го класса вводился русский язык и постепенно количество предметов на русском языке увеличивалось (Матвеева, 2013: 3221). Помимо таких национальных школ в 1940–1950 гг. в СССР возникают и школы-интернаты. В них, как правило, обучались дети из представителей, как тогда называли «коренных национальностей», потерявшие одного или обоих родителей¹. В них школьная программа была построена таким образом, что с 1 по 8 классы большинство предметов преподавались на родном языке. Интернаты выпускали будущих представителей национальной интеллигенции и готовили местные кадры для партийно-советского управленческого аппарата.

Кроме того, в союзных республиках до 1958 г. даже в русскоязычных общеобразовательных школах обязательным был второй язык — язык титульного этноса республики (для всех, в том числе и для русских детей и подростков) (Борисёнок, 2021: 98). Он преподавался с целью облегчить общение русскоязычных граждан с нерусскими соотечественниками, представители которых плохо владели русским языком.

Потребности в учителях национальных школ обеспечивали национальные кафедры и отделения филологических факультетов университетов и пединститутов, а также педагогических училищ и техникумов.

Модель «сталинского» национального образования в СССР была следующей: 1) национальные школы (с обучением на родных языках); 2) школы-интернаты для детей «коренных национальностей»; 3) факультеты, отделения и кафедры университетов, педагогических институтов, техникумов и училищ. Она просуществовала до школьной реформы 1958 г. и внедрялась во всех союзных и автономных республиках.

Послесталинский период национального образования в РСФСР (после школьной реформы 1958 и до 1969 гг.) характеризуется постепенным сокращением национальных школ. «Результатом школьной реформы 1958 г. было последовательное вытеснение преподавания на родных языках преподаванием на русском не только из среднего (5–8 классы), но и из начального (1–4 классы) звена национальной школы. ... произошло вытеснение родного языка и культуры из содержания общего образования» (Нарядкина, 2005: 35–36). Показательны следующие цифры: в Башкортостане с начала 1950-х количество башкирских школ сократилось с 1294 до 912 (Фатхлисламова, 2017: 94), а к середине 1960-х гг. их осталось — 762 (Алмаев, 2010: 131). Сыграла свою роль и компания ликвидации малокомплектных национальных школ в так называемых «неперспективных» деревнях (Петухова, Байгулова, 2009: 41). Но тем не менее, в Башкортостане (как и в Татарстане) удалось сохранить обучение на родном языке с первого по десятый класс (Алмаев, 2008: 154). В 1968/69 учебном году в школах Башкортостана обучалось 868,2 тыс. детей разных национальностей (для сравнения, в Татарстане — 664 тыс., в Туве — 50,5 тыс.) (Сулейманова, 2011: 368).

В постсоветский период в Республике Башкортостан, как и в других национальных республиках и округах наблюдается рост числа национальных образовательных учреждений (Малютин, 1999: 221). Многие школы преобразовываются в национальные гимназии и лицеи, укрепляются позиции родных языков, которые в республиках провозглашаются государственными языками. В 1990-х гг. в республике насчитывалось 119 лицеев и гимназий: из них 37 — башкирских, 9 — татарских, 1 — чувашская гимназия; в г. Нефтекамске открылась марийская гимназия (Гарипов М., Гарипов А., Мухамедьянова, 2008: 16).

В связи с повышением статуса башкирского языка как государственного увеличилось и количество его изучающих, как среди башкир, так и представителей других этносов. Так, в 1999 г. свой родной башкирский язык изучали 74,7% (130095 чел. из 173979 чел.) учащихся башкир, а в 2004 г. — уже 87,9% (135965 чел. из 154922 чел.). Обучение производилось либо полностью на башкирском языке (всего 66 школ с углубленным изучением языка), либо его изучали как предмет. Количество башкирских

¹ См.: Пансионы трудовых резервов: формирование системы школ-интернатов в 1954–1964 годах. М.: Майофис. [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/142_nlo_6_2016_spetsialnyy_vypusk_t_2_rabstvo/article/12337/ (дата обращения: 19.11.2024); Лярская Е. В. Северные интернаты и трансформация традиционной культуры (на примере ненцев Ямала): автореф. дис. ... к. ист. н. СПб, 2003.

школ при этом составило 840, а всего школ, где изучали башкирский язык было — 2126. При этом, уже в это время остро не хватало учителей башкирского языка – обеспеченность составляла 82,5%. В 2004 г. 134989 учеников (или 31,9%) не башкирской этнической принадлежности изучали башкирский язык (там же: 9–10).

Однако, в первые десятилетия XXI в. начинается процесс укрепления федеральной «вертикали власти», который коснулся и образовательного процесса. В 2017 г. во время выступления президента РФ в Йошкар-Оле на заседании Госсовета по межнациональным отношениям, был озвучен тезис о том, что в национальных республиках дети титульных народов должны изучать государственные языки этих субъектов Российской Федерации на добровольной основе¹. В 2018 г. Государственная Дума внесла поправки в «Закон об образовании РФ», в соответствии с которыми в национальных республиках кроме русского, можно выбирать добровольное изучение и других языков народов Российской Федерации².

В 2024 г. в Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) был введен предмет «Родной язык», каковым по выбору родителей может быть любой язык народов Российской Федерации «если это позволяют возможности системы образования того или иного региона»³. При этом следует заметить, что согласно официальным данным, в России говорят на 250 языках, а федеральные образовательные программы утверждены по 13 языкам⁴.

Изменения в Законе об образовании вызвали серьезные последствия как в Республике Башкортостан, так и в других национальных республиках и регионах, поскольку привели к сокращению часов, отведенных на изучение родных языков, сокращению педагогических кадров, специализировавшихся на преподавании родных языков, их переобучению и перепрофилированию на другие специальности. По сообщению ректора института развития образования Республики Башкортостан Р. Мазитова, в гг. Уфе и Стерлитамаке, после принятия вышеуказанного закона в течение следующего года было сокращено около 200 учителей башкирского языка с последующим их переобучением и трудоустройством, на что из бюджета республики было потрачено 1,5 миллиона рублей⁵.

Произошло сокращение не только учителей родного языка, но и количества учащихся, изучающих или обучающихся на родном (национальном) языке. Поскольку русский язык тоже был отнесен к числу родных языков, многие родители (этнически принадлежащие к другим группам) заявили его в качестве родного для изучения своими детьми. Это наблюдается не только в городах, но и в сельской местности.

История становления и развития национального образования в Республике Башкортостан, как и в СССР и РФ, свидетельствует о том, что все это время происходил и продолжается поиск оптимальных путей совмещения регионального (этнического) и общенационального компонентов в образовательном процессе. Пройденные этапы были непростыми — от обучения полностью на национальных языках до замены его на общегосударственный русский язык. Обращение к этому непростому историческому пути показывает, что имеются все необходимые и объективные предпосылки для выстраивания и реализации такой системы национального образования, которая позволила бы максимально учитывать этноязыковые особенности, интересы и запросы всех многочисленных этнических групп Российской Федерации. Однако, пока оптимального баланса в соотношении регионально-

¹ Владимир Путин в Йошкар-Оле провел заседание Совета по межнациональным отношениям. [Электронный ресурс] // Первый канал. Новости URL: <https://www.1tv.ru/news/2017-07-20/329185> - (дата обращения: 20.11.2024).

² Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 317-ФЗ О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43466/> (дата обращения: 27.10.2024).

³ Принят закон об изучении родных языков [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/27720/> (дата обращения: 27.10.2024).

⁴ Шесть вопросов про законопроект об изучении национальных языков. [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/27352/> (дата обращения: 27.10.2024).

⁵ В Башкортостане сократили около 200 учителей башкирского языка за год [Электронный ресурс] // Центр Льва Гумилева. URL: <https://www.gumilev-center.ru/v-bashkortostane-sokratili-okolo-200-uchitelej-bashkirskogo-yazyka-za-god/> (дата обращения: 16.09.2024).

го (этнического) и общенационального компонентов в образовании найти не удалось — не созданы соответствующие условия и возможности. Более того, в последние десятилетия был нанесен серьезный урон по системе национального образования в республиках РФ. Сократилось не только количество учащихся, обучающихся на национальных языках и изучающих родной язык, но и педагогов, работающих по этому направлению в школах, учреждениях среднего и высшего профессионального образования. Все это существенно сужает сферу применения и функционирования национальных (родных) языков.

Современное состояние изучения и обучения на родных языках

Этноязыковой и этнокультурный плюрализм, наблюдающийся в Республике Башкортостан, способствует поиску новых форм организации процесса обучения подрастающего поколения и их приобщения к культуре народов республики. Так, в последнее время большое внимание власти республики стали уделять созданию и популяризации полилингвального сегмента образования (Искужина, Шайхисламова, 2022), в ходе которого изучаются родной (башкирский, татарский, чувашский, марийский), русский, один или несколько иностранных языков. В настоящее время в Республике Башкортостан функционируют 12 таких школ, создаются полилингвальные классы в отдельных школах. Учащиеся осваивают не только родной язык, но и коммуницируют на нем друг с другом, изучая одновременно и иностранные языки, расширяя свой кругозор, мировосприятие, картину мира в целом.

О важности изучения родных языков подчеркивают не только региональные сообщества, родители, общественные деятели, но и официальные органы РФ. Так, по данным Министерства просвещения РФ, на начало 2024–2025 учебного года родные языки изучают более 1,8 млн школьников и еще 300 тыс. обучающихся заняты в сфере дополнительного образования¹. В 61 субъекте Российской Федерации изучаются 74 родных языка на уроках «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература». Русский язык является основным средством коммуникации и государственным языком РФ, его изучение обязательно на всех уровнях общего образования. В то же время, в национальных субъектах федерации приняты законы, провозглашающие государственными языками языки народов, давшим им свои названия (всего 21 язык провозглашены государственными). Законодательно статус национальных языков закреплен как в Конституции Российской Федерации, так и в конституциях республик в составе Российской Федерации. В национальных республиках приняты законы о языках, которые подтверждают эти положения. Законы и законодательные акты республик официально закрепляют также «равноправное положение и равноправное функционирование государственных языков (включая русский) на всей территории субъекта Российской Федерации»² и уравнивают количество часов на преподавание русского языка и республиканского государственного языка.

В Республике Башкортостан изучение башкирского языка — родного языка титульного этноса, который составляет 31,5% населения республики³ ведется по трем программам: 1) изучение башкирского как государственного языка для всех обучающихся по выбору; 2) изучение башкирского как родного языка для школ с обучением на башкирском языке; 3) изучение башкирского как родного языка для детей башкир, не владеющих языком, в школах с обучением на русском языке.

В регионах РФ изучение родных языков организовано по-разному. Модели и практики обучения варьируются, но все они встроены в единый общеобразовательный процесс. Есть регионы, в которых изучают только русский язык как государственный, в некоторых субъектах стараются приобщить к родному языку детей, которые забыли свой этнический язык и стали русскоговорящими, а где-то и наоборот, стараются больше внимания уделять русскому языку как средству межэтнической ком-

¹ Минпросвещения: более 1,8 млн детей в России учат родные языки в Школах [Электронный ресурс] // Грамота.Ру. URL: <https://gramota.ru/journal/novosti-i-sobytiya/minprosveshcheniya-bolee-18-mln-detey-v-rossii-uchat-rodnye-yazyki-v-shkolakh> (дата обращения: 07.10.2024).

² АВ 2010 г. Выпуск 24 Языковое многообразие Российской Федерации: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://pda.iam.duma.gov.ru/node/8/4384/13973> (дата обращения: 23.09.2024).

³ Национальный состав населения, владение языками и их использование [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/6-Nacionalnyj-sostav-naseleniya-vladenie-yazykami-i-ih-ispolzovanie.pdf> (дата обращения: 04.12.2024).

муникации, поскольку дети в основном говорят и обучаются на родных языках. Также есть регионы, в которых изучаются языки этнических меньшинств.

В каждом из регионов и республик есть свои специфические проблемы, которые копились десятилетиями и требуют решения. Так, например, ученые указывают на следующие особенности и обстоятельства, которые сложились в Республике Тыва:

«В отличие от других национальных республик России Тыва долгое время была, в основном, моноязычной..., и не менее за почти восемьдесят лет нахождения республики в составе российского государства здесь выросло по крайней мере два поколения тувинцев в новой социокультурной среде... По всей видимости, в системе образования Тувы наметилась тенденция разделения сфер использования тувинского и русского языков. Очевидно, что тувинский не выдерживает конкуренции с русским языком, как и любой другой язык РФ, тем более он фактически с 2018 г. перестал быть языком обучения» (Арефьев, Бахтикреева, Синячкин, 2021: 267).

Авторы выражают серьезные опасения, что неравновесная билингвальная ситуация в перспективе может привести к потерям в процессе межпоколенной передачи тувинской культуры.

В Башкортостане в 2024 г. действуют 1294 школы, в которых обучаются 523650 учеников¹. Следует отметить, что количество школ уменьшается, особенно в сельской местности: в 2019 г. количество школ в республике было 1318, т. е. на 24 больше². При этом учеников в 2019 г. было 488,3 тыс. человек. Таким образом, можно констатировать, что число учеников растет, а количество государственных/муниципальных школ с обучением на бесплатной основе уменьшается. При этом количество частных, платных школ постепенно растет: за 5 лет их стало больше на 60%, однако они доступны лишь 1% населения, поскольку не все могут оплачивать обучение³.

Тенденция сокращения школ, особенно тех, где обучение ведется на национальных языках, не является присущей только для Республики Башкортостан. По данным Министерства просвещения РФ, количество учащихся, обучающихся на родных языках, в стране в целом значительно сократилось: за период 2016–2023 гг. — с 292 тыс. до 173,5 тыс. человек, а на 38 языках обучение прекратилось вовсе. Это при том, что количество школьников возросло на 3,2 млн чел.⁴

По данным Министерства просвещения РФ⁵, в 2022–2023 учебном году в сельских и городских государственных школах Башкортостана обучалось 517953 чел. Но при этом ведомство не дало сведений о количестве учащихся, изучающих тот или иной язык. Это сделали сообщества родителей, которые существуют в некоторых регионах РФ (например, в Башкортостане, Татарстане, Новгородской области и др.), объединенные в социальных сетях. Они подсчитали⁶, что из 517953 чел. 479744 чел. обучались на русском языке; 35130 чел. — на башкирском языке; 2 744 чел. — на татарском языке; 193 чел. — на чувашском языке; 96 чел. — на мордовском языке; 46 чел. — на удмуртском языке. Таким образом, в школах с башкирским языком обучения учились 6,8% школьников, на русском языке — 92,6% школьников республики, остальные дети получали образование на других языках⁷.

¹ Ахунов Рустем О характеристике системы общего образования [Электронный ресурс] // Проект «Депутаты Башкортостана». URL: <https://deputat.bashkortostan.ru/articles/183641/> (дата обращения: 07.04.2022).

² Башстат подсчитал, сколько в Башкирии школьников, студентов и преподавателей. Башинформ [Электронный ресурс] // Башинформ.Ru. Информационное агентство. URL: <https://www.bashinform.ru/news/social/2020-08-30/bashstat-podschital-skolko-v-bashkirii-shkolnikov-studentov-i-prepodavateley-2076774> (дата обращения: 10.04.2022).

³ Ахунов Рустем О характеристике системы общего образования [Электронный ресурс] // Проект «Депутаты Башкортостана». URL: <https://deputat.bashkortostan.ru/articles/183641/> (дата обращения: 07.04.2022).

⁴ Российские школьники стали вдвое реже учиться на родных языках [Электронный ресурс] // Такие дела. URL: <https://takiedela.ru/notes/uchitsya-na-rodnom/> (дата обращения: 7.10.2024).

⁵ Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2022/23 учебного года. Опубликован: 25 января 2023. [Электронный ресурс] // Банк документов Министерства просвещения РФ. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/70ecc3b178e0b8397d234697c42e0ad8/> (дата обращения: 19.09.2024).

⁶ Тут на сайте Минпросвещения выложили ... [Электронный ресурс] // ВКонтакте. Родительское сообщество Татарстана — PoCT. URL: https://vk.com/wall-156650883_143787 (дата обращения: 21.06.2024).

⁷ А мы продолжаем разбираться ... [Электронный ресурс] // ВКонтакте. Родительское сообщество Татарстана — PoCT. URL: https://vk.com/wall-157831298_11404 (дата обращения: 27.10.2024).

В Башкортостане в качестве родного нерусские языки изучают 219010 детей, а русский язык в качестве родного изучают 298943 чел. или 57,7% учащихся. Число учителей родного языка и литературы в Башкортостане составляет 2039 чел., а количество учителей русского языка и литературы — 3838 чел. Башкирский язык как государственный и как родной преподается в большинстве школ региона в соответствии с желаниями родителей. Как видно из этих данных, количество учащихся на русском языке значительно превосходит тех, кто выбрал родные (не русский) языки. Это объясняется не только тем, что на выбор изучения языка повлияли родители, но и тем, что ЕГЭ и ОГЭ учащимся предстоит сдавать на русском языке и потому в старших классах большинство предметов преподаются на русском языке.

По данным за 2018 г., 73% школьников Республики Башкортостан выбрали башкирский язык как государственный для изучения¹. В 2023 г. их стало 78,5%, что составляет 408781 чел.² Это общее количество всех школьников, которые обучаются по разным программам и осваивают языки на разных уровнях. Также необходимо отметить, что количество часов, отведенных на изучение родных языков (в том числе и русского) сократилось до 3 часов в неделю.

По данным переписи 2020 г. в столице Башкортостана — городе Уфа — проживает 1 млн 128 тыс. чел., из них более 170 тысяч башкир³. В Уфе имеется только 8 башкирских гимназий и лицеев⁴, это примерно 1 образовательное учреждение на 25 тысяч представителей титульного этноса.

Так, мы видим, что изучение башкирского языка в Башкортостане находится в нестабильном и, в целом, неблагоприятном положении. Об этом свидетельствует статистика, пишут исследователи, обсуждают общественные деятели и родители. Несмотря на то, что правительство республики принимает ряд законодательных актов и постановлений, выделяет определённые финансовые ресурсы, количество изучающих башкирский язык падает, обучающихся на башкирском языке становится еще меньше. Ареал распространения башкирского языка таким образом сужается, количество носителей уменьшается, статус башкирского языка как государственного падает. Он в большей мере функционирует на уровне межличностного и бытового общения и все реже используется в деловой и официальной сферах. Дополнительным фактором, негативно влияющим на понижение статуса и популярности башкирского языка, особенно среди молодого поколения, является современная телекоммуникационная инфраструктура, современные средства общения и интернет-ресурсы.

Подготовка педагогических кадров для системы национального образования

Развитие национального образования невозможно представить без обучения и подготовки квалифицированных педагогических кадров. Именно они являлись проводниками основных педагогических идей и принципов в процессах образования и воспитания подрастающего поколения. К ним всегда предъявлялись высокие требования. В советский период выпускники педагогических вузов и училищ должны были обязательно поработать в школах не менее 3-х лет. Тогда в учреждениях образования не было «текучки» кадров, за состоянием школьного образования следили не только районные отделения народного образования, но и партийные и советские органы. Профессия учителя и престиж его труда всегда были высоки.

Подготовка педагогических кадров для национальных школ связана с особенностями развития экономики, социальной сферы, демографических процессов и рынка труда. Трансформации последних лет в экономике, демографической и социальной структурах населения привели к изменениям

¹ Количество школьников, изучающих башкирский язык, сократилось на 2% [Электронный ресурс] // РБК-Уфа. Информационный портал. 2018, 15 февраля. URL: <https://ufa.rbc.ru/ufo/freenews/5a8540fe9a794702470ef34b> (дата обращения: 10.04.2022).

² От башкирского до удмуртского: в Башкирии школьники могут изучать 13 родных языков [Электронный ресурс] // Комсомольская правда — Уфа. URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/27556/4881437/> (дата обращения: 10.04.2023).

³ Статистика и показатели [Электронный ресурс] // Статистика и показатели. Региональные и федеральные. URL: <https://rosinfostat.ru/naselenie-ufy/#i-4> (дата обращения: 23.04.2023).

⁴ Управление образования Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан [Электронный ресурс] // Сайт Управление образования Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан. URL: <https://ufa-edu.ru/education/Nacionalnoe%20obrazovanie/> (дата обращения: 10.04.2023).

конъюнктуры рынка и его переориентации на подготовку и переподготовку специалистов для других отраслей и профессий. Как следствие этих процессов, существенно сократились прием, подготовка и выпуск специалистов для образовательной сферы, в т. ч. в Республике Башкортостан.

Если в 2000 г., высшие учебные заведения республики выпустили 4973 специалиста для сферы образования, то в 2014 г. — только 3361 чел. Сокращение подготовки педагогов объясняется тем, что сократилось количество вузов, готовивших педагогические кадры (из 4 вузов остались только 2). Параллельно возросла подготовка специалистов по таким направлениям, как юриспруденция, экономика, менеджмент и, чуть позже — по инженерно-техническим и IT-направлениям, что в комплексе привело к существенному сокращению приема в педагогические вузы.

Аналогичные изменения произошли и в системе среднего профессионального образования: если в 2000 г. 13 учебных заведений выпустили 1771 специалиста, то в последующем в 12 учебных заведениях — только 979 выпускников¹.

По прогнозам специалистов, на рынке труда будет сохраняться дефицит педагогических кадров как с высшим профессиональным образованием, так и со среднеспециальным образованием. Кроме общей проблемы подготовки педагогических кадров существует системная проблема подготовки специалистов для обучения на родных языках в Башкортостане. По словам министра образования Республики Башкортостан, в 2023 г. в школах республики не хватало 1500 учителей² разных специальностей, из них 17 — учителей башкирского языка и литературы³.

В настоящее время подготовку педагогических кадров для национальных школ в Башкортостане осуществляют два вуза — Уфимский университет науки и технологий (УУНиТ) и Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (БГПУ). В каждом из них имеются факультеты (в УУНиТ — факультет башкирской филологии, востоковедения и журналистики⁴, в БГПУ — факультет башкирской филологии⁵). Кроме этого, УУНиТ имеет свои филологические отделения в филиалах вуза в других городах республики — Бирске, Сибее и Стерлитамаке. В Уфе работает также специализированный Институт развития образования РБ, где имеется кафедра башкирского языка и литературы, которая занимается учебно-методическим обеспечением преподавания башкирского языка, литературы и культуры⁶.

Вузы республики предпринимают ряд мер, направленных на развитие системы национального образования и подготовку педагогических кадров для этой сферы. Так, в целях дополнительного привлечения абитуриентов, направление подготовки «Башкирский язык и литература» в Башкирском государственном университете стал двухпрофильным⁷ («Башкирский язык и литература, английский язык», «Башкирский язык и литература, арабский язык» и т. д.). Однако, сколько именно выпускников стали впоследствии учителями башкирского языка и литературы определить не представляется возможным. Неоднозначная ситуация сложилась в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы. На 2025/26 учебный год на специальность «Родной (башкирский) язык и

¹ Подготовка педагогических кадров в Республике Башкортостан. Уфа, 2016 [Электронный ресурс] // БГПУ им. М. Акмуллы. URL: <https://bspu.ru/files/51000> (дата обращения: 21.11.2024).

² «Классные» перемены / Как поддержат учителей в новом году [Электронный ресурс] // Республика Башкортостан. 2023, 8 января. URL: <https://resbash.ru/articles/obrazovanie/2023-01-08/klassnye-peremeny-3095393> (дата обращения: 9.06.2024).

³ Сведения о вакантных должностях в общеобразовательных организациях Республики Башкортостан на 2023-2024 учебный год [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Республики Башкортостан. URL: <https://education.bashkortostan.ru/documents/active/488485/> (дата обращения: 20.11.2024).

⁴ Башкирский государственный университет. Факультет башкирской филологии, востоковедения и журналистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Башкирского государственного университета. URL: <https://bashedu.ru/fakultet-bashkirskoy-filologii-vostokovedeniya-i-zhurnalistiki> (дата обращения: 10.04.2022).

⁵ Факультет башкирской филологии [Электронный ресурс] // БГПУ им. М. Акмуллы. URL: <https://bspu.ru/unit/100/about> (дата обращения: 10.04.2022).

⁶ Институт развития образования Республики Башкортостан. Кафедра башкирского языка и других родных языков [Электронный ресурс] // Институт развития образования Республики Башкортостан. URL: <https://irorb.ru/kafedry/kafedra-bashkirskogo-i-drugih-rodnyh-yazykov-i-literatur/> (дата обращения: 10.04.2022).

⁷ Факультету башкирской филологии и журналистики БГУ — 15 лет [Электронный ресурс] // Башинформ. Информационное агентство. URL: <https://www.bashinform.ru/news/politics/2005-06-20/fakultetu-bashkirskoy-filologii-i-zhurnalistiki-bgu-15-let-2026703> (дата обращения: 21.11.2024).

литература» не выделено ни одного места, а есть только заочное обучение — 20 мест (бюджет и коммерческое обучение)¹.

Таким образом, ранее существовавшая система подготовки педагогических кадров для системы национального образования в Республике Башкортостан оказалась к настоящему времени сильно расстроенной и деформированной. Изменились не только объективные условия, связанные с экономическими и социально-демографическими факторами, но и приоритеты в кадровой политике на федеральном и региональном уровнях. Подтверждением этому выводу является и тот факт, что в педагогических колледжах республики подготовка учителей башкирского языка в настоящее время вовсе не осуществляется².

Заключение

Становление и развитие национального образования в Республике Башкортостан имеет сложную и противоречивую историю. Наряду с положительными приобретениями в этой сфере, накопилось множество нерешенных вопросов, в т. ч. в законодательстве, этноязыковой сфере и кадровой политике. Наличие небольшого числа национальных школ и гимназий, факультетов и отделений в вузах для подготовки учителей родных (башкирского, татарского, удмуртского, якутского, тувинского и др.) языков, их изучение как государственных языков титульных народов национальных республик Российской Федерации (наряду с общегосударственным русским языком), не является очевидным свидетельством успешности решения проблем в образовательной и этноязыковой и национальной сферах. Доминирующий формальный и поверхностный подход к организации образовательного процесса на национальном языке и в изучении родных языков, только усугубляет имеющиеся проблемы и не способствует их выявлению, тем более, решению.

Отчеты министерств и ведомств, ответственных за образовательную и этнокультурную политику в регионах, иллюстрируют достаточно благоприятную ситуацию в этих сферах. Однако, более детальный анализ и внимательное прочтение имеющейся аналитики и статистики показывают иную картину. Реальность такова, что существующая система национального образования не выполняет основную свою функцию по поддержанию и развития языков и культур титульных народов национальных республик Российской Федерации. Анализ системы национального образования титульных народов России на примере Республики Башкортостан показывает, что в настоящее время нет полноценно функционирующей системы обучения на родном языке, начиная с начальных классов до старших и выпускных; в недостаточном количестве осуществляется подготовка учителей родного языка и кадров высшей квалификации в системе профессионального образования.

В целом, исследование самого процесса становления и реализации концепции национального образования в нашей стране в исторической ретроспективе позволяет избежать прежних допущенных ошибок в этой сфере, а анализ современного состояния — найти исследовательские «ключи» к решению многих нерешенных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алибаев, С. Р. (1966) Школы БАССР. Прошлое, настоящее и пути дальнейшего развития. Уфа : Башкнигоиздат. 166 с.
- Алмаев, Р. З. (2002) Становление советской системы образования в Республике Башкортостан. Уфа: Восточный университет, 128 с.
- Алмаев, Р. З. (2008) Школьное образование в Башкирской АССР: история, достижения, традиции. Уфа: Изд-во БГПУ. 239 с.

¹ Перечень специальностей и (или) направлений подготовки, на которые проводится прием на обучение в данном календарном году — 2024 [Электронный ресурс] // Сайт приемной комиссии БГПУ им. Акмуллы, г. Уфа. URL: https://abitur.bspu.ru/pdf-documents/pdfdocument/21/file_01-2025_080652.pdf (дата обращения: 29.01.2025).

² Список 7 программ бакалавриата и специалитета, после окончания которых можно получить профессию «Учитель башкирского языка и литературы» [Электронный ресурс] // «Поступи онлайн». URL: <https://postupi.online/professiya/uchitel-bashkirskogo-yazyka-i-literatury/programmi/> (дата обращения: 10.04.2022).

- Алмаев, Р. З. (2010) Физика на башкирском: национальная политика в области школьного образования в советский период (на материалах Южного Урала) // Вестник РУДН. Серия «История России». № 3. С. 121–137.
- Алмаев, Р. З. (2024) Школа и учительство Южного Урала в 1941–1991 гг. Уфа : Издательство БГПУ. 204 с.
- Аппакова-Шогина, Н. З., Зинурова, И. Р. (2013) Национальная и этническая школы как модели современного образования // Вестник Казанского технологического университета. № 23. Т. 16. С. 265–268.
- Арефьев, А. Л., Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. (2021) Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 255–272. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>
- Афанасьева, А. Б. (2009) Этнокультурное образование: сущность, структура содержания, проблемы совершенствования // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 189–195.
- Ахмеров, К. З. (1972) Башкорт языгы тарихенән (башкорт эзэби теленең алфавите һәм орфографияһы тарихе) [Из истории башкирской письменности (История алфавита и орфографии башкирского литературного языка)]. Уфа : Башкнигоиздат. 135 с. (На башк. яз.)
- Борисёнок, Е. Ю. (2021) К вопросу о языковом аспекте школьной реформы 1958 г.: украинские и общесоюзные реалии // Славянский альманах. № 3–4. С. 98–125. DOI: <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.05>
- Бромлей, Ю. В. (1993) Очерки теории этноса. М. : Наука. 412 с.
- Волков, Г. Н., Салчак К. Б., Шаалы А. С. (2009) Этнопедагогика тувинского народа (2009). Кызыл : Издательско-полиграфический отдел «Билиг» Института развития национальной школы. 211 с.
- Галаятдинов, И. Г. (2000) Два века башкирского литературного языка. Уфа : Гилем. 447 с.
- Гарипов, М. И., Гарипова, А. А., Мухамедьянова, Г. М. (2008) Национальная школа в инновационном развитии региональной системы образования // Вестник ВЭГУ. № 1 (33). С. 7–24.
- Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина (2011) / под ред. Р. Суни, Т. Мартина. М. : РОСПЭНН. 376 с.
- Искужина, Н. Г., Шайхисламова, З. Ф. (2022) О полилингвальном образовании в Республике Башкортостан // Социоллингвистика. № 1(9). С. 100–111. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-9-100-111>
- Козлов, В. И. (1977) Этническая демография. М. : Статистика. 240 с.
- Куликова, С. Вячеславовна., (2004) Национальное образование России: история и современность. Волгоград: Перемена, 2004. - 294 с.
- Максимова, Н. И. (2021) К вопросу изучения учебного предмета «Родной язык» в системе общего образования // Тенденции развития науки и образования. № 9. С. 60–63. DOI: <https://doi.org/10.18411/trnio-09-2021-50>
- Малютин, И. П. (1999) Возрождение и модернизация национальной школы в Республике Башкортостан // Образование и наука. № 2 (2). С. 218–227.
- Мартин, Т. (2011) Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина». 666 с.
- Матвеева, Л. А. (2013) Основные этапы развития мордовской школы в XX веке // Фундаментальные исследования. № 10. С. 3219–3222.
- Мустафина, Ф. Х. (1968) Расцвет народного образования в Башкирской АССР. Уфа : Башкнигоиздат. 227 с.
- Нарядкина, Л. А. (2005) Школьная реформа 1958 и национальное образование // Фундаментальные исследования. № 4. С. 35–36.
- Носань, Т. М. (2020) История возрождения этнокультурных традиций в средней общеобразовательной финно-угорской школе имени Элиаса Леннрота (Республика Карелия) // Педагогический журнал. Т. 10. № 2А. С. 120–126.
- Очур, Н. М. (2015) Развитие двуязычия в школах Тувы в постсоветский период // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 4 (157). С. 93–96.
- Петухова, Л. В., Байгулова, Н. В. (2009) Историко-педагогическая типология сельских малокомплектных образовательных учреждений как основание моделирования разновозрастной школы // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 12 (90). С. 39–44.
- Рашитов, А. К. (1941) Начальная школа в Башкирии за XX лет. Уфа : Башгосиздат. 142 с.
- Сулейманова, Л. Ш. (2011) История становления и развития национальных школ народов Башкортостана в XX в. Уфа : Нефтегазовое дело. 456 с.

- Тагиров, К. К. (2007) Образование в Башкортостане: историко-педагогический анализ. Уфа : Гилем. 312 с.
- Тишков, В. А. (2013) Российский народ: история и смысл национального самосознания. М. : Наука. 649 с.
- Товуу, С. С. (2022) Тувинский язык в образовании: вопросы витальности языка // *Oriental Studies*. Т. 15. № 6. С. 1389–1400. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1389-1400>
- Фадеева, М. А. (2017) Актуальные проблемы этнокультурного образования. Саратов : СГУ имени Н. Г. Чернышевского. 66 с.
- Фархшатов, М. Н. (1994) Народное образование в Башкирии в пореформенный период: 60–90-е годы XIX в. М. : Наука. 145 с.
- Фатхлисламова, Н. Ф. (2017) Школы в системе народного образования Башкирской АССР в послевоенные годы // *Проблемы востоковедения*. № 3(77). С. 92–95.
- Хисаметдинова, Ф. Г., Мухтаров, Т. Г. (2016) Функционирование языков в Республике Башкортостан: проблемы развития башкирского языка как государственного // *Проблемы востоковедения*. №1(71). С. 70–75.
- Хубешты, А. Ф. (2018) Этнокультурный компонент в образовательном процессе // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. Т. 7. № 4 (25). С. 369–371.
- Хусаинова, Л. М. (2017) Алфавиты башкирского языка в XIX – начале XX веков // *Вестник Оренбургского государственного университета*. № 3 (203). С. 37–42.
- Шамсутдинов, Д. З., Шайдуллин Р. В. (2021) Особенности развития национальной школы в ТАССР в 1950-1980-е гг. // *Ученые записки Казанского университета*. Т. 154. Кн. 3. С. 99–104.

Дата поступления: 16.11.2024 г.

Дата принятия: 10.01.2025 г.

REFERENCES

- Alibaev, S. R. (1966) *Schools of the Bashkir ASSR. Past, Present, and Ways of Further Development*. Ufa, Bashknigoizdat. 166 p. (In Russ.)
- Almaev, R. Z. (2002) *Formation of the Soviet Education System in the Republic of Bashkortostan*. Ufa, Vostochny Universitet. 128 p. (In Russ.)
- Almaev, R. Z. (2008) *School Education in the Bashkir ASSR: History, Achievements, Traditions*. Ufa, Publishing House of BSPU. 239 p. (In Russ.)
- Almaev, R. Z. (2010) Physics in Bashkir: National Policy in School Education During the Soviet Period (Based on Materials from the Southern Urals). *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*, no. 3, pp. 121–137. (In Russ.)
- Almaev, R. Z. (2024) *School and Teaching in the Southern Urals in 1941–1991*. Ufa, Publishing House of BSPU. 204 p. (In Russ.)
- Appakova-Shogina, N. Z. and Zinurova, I. R. (2013) National and Ethnic Schools as Models of Modern Education. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, no. 16 (23), pp. 265–268. (In Russ.)
- Arefyev, A. L., Bakhtikireeva, U. M. and Sinyachkin, V. P. (2021) Problems of Bilingualism in the School Language Education System of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 255–272. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>
- Afanasyeva, A. B. (2009) Ethnocultural Education: Essence, Structure of Content, and Problems of Improvement. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 189–195. (In Russ.)
- Akhmerov, K. Z. (1972) *From the History of the Bashkir Script (History of the Alphabet and Orthography of the Bashkir Literary Language)*. Ufa, Bashknigoizdat. 135 p. (In Bashkir.)
- Borisenok, E. Yu. (2021) On the Language Aspect of the 1958 School Reform: Ukrainian and All-Union Realities. *Slavyanskiy almanakh*, no. 3–4, pp. 98–125. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2021.3-4.1.05>
- Bromley, Yu. V. (1993) *Essays on the Theory of Ethnos*. Moscow, Nauka. 412 p. (In Russ.)
- Volkov, G. N., Salchak, K. B. and Shaaly, A. S. (2009) *Ethnopedagogy of the Tuvan People*. Kyzyl, Publishing and Printing Department “Bilig” of the Institute for the Development of the National School. 211 p. (In Russ.)
- Galyautdinov, I. G. (2000) *Two Centuries of the Bashkir Literary Language*. Ufa, Gilem. 447 p. (In Russ.)
- Garipov, M. I., Garipova, A. A. and Mukhamedyanova, G. M. (2008) National School in the Innovative Development of the Regional Education System. *Vestnik VEGU*, no. 1(33), pp. 7–24. (In Russ.)

The State of Nations: Empire and Nation-Building in the Lenin and Stalin Era (2011). Ed. by R. Suny and T. Martin. Moscow, ROSSPEN. 376 p. (In Russ.)

Iskuzhina, N. G. and Shaikhislamova, Z. F. (2022) On Multilingual Education in the Republic of Bashkortostan. *Sotsiolingvistika*, no. 1(9), pp. 100–111. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-9-100-111>

Kozlov, V. I. (1977) *Ethnic Demography*. Moscow, Statistika. 240 p. (In Russ.)

Kulikova, S. V. (2004) *National Education in Russia: History and Modernity*. Volgograd, Peremena. 294 p. (In Russ.)

Maksimova, N. I. (2021) On the Study of the Subject “Native Language” in the General Education System. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 9, pp. 60–63. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18411/trnio-09-2021-50>

Malyutin, I. P. (1999) Revival and Modernization of the National School in the Republic of Bashkortostan. *Obrazovanie i nauka*, no. 2(2), pp. 218–227. (In Russ.)

Martin, T. (2011) *The Empire of Affirmative Action: Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939*. Moscow, ROSSPEN; Boris Yeltsin Presidential Center Foundation. 666 p. (In Russ.)

Matveeva, L. A. (2013) The Main Stages of the Development of the Mordovian School in the 20th Century. *Fundamentalnye issledovaniya*, no. 10, pp. 3219–3222. (In Russ.)

Mustafina, F. Kh. (1968) *The Flourishing of Public Education in the Bashkir ASSR*. Ufa, Bashknigoizdat. 227 p. (In Russ.)

Tishkov, V. A. (2013) *The Russian People: History and the Meaning of National Self-Consciousness*. Moscow, Nauka. 649 p. (In Russ.)

Tovuu, S. S. (2022) Tuvan Language in Education: Issues of Language Vitality. *Oriental Studies*, no. 15 (6), pp. 1389–1400. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1389-1400>

Farkhshatov, M. N. (1994) *Public Education in Bashkiria in the Post-Reform Period: 1860s–1890s*. Moscow, Nauka. 145 p. (In Russ.)

Khisametdinova, F. G. and Mukhtarov, T. G. (2016) Language Functioning in the Republic of Bashkortostan: Problems of Bashkir Language Development as a State Language. *Problemy vostokovedeniya*, no. 1 (71), pp. 70–75. (In Russ.)

Shamsutdinov, D. Z. and Shaidullin, R. V. (2021) Features of the Development of the National School in the Tatar ASSR in the 1950s–1980s. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*, no. 154 (3), pp. 99–104. (In Russ.)

Submission date: 16.11.2024.

Acceptance date: 10.01.2025.

DOI: 10.25178/nit.2025.1.14

Статья

Роль буддийского фактора в политических и цивилизационных процессах в Монголии

Александр С. Железняков, Святослав В. Никифоров

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Российская Федерация

В статье представлен ретроспективный анализ роли буддийского фактора в политических и цивилизационных процессах в Монголии с использованием теоретико-методологического аппарата цивилизационной политологии — научного направления, рассматривающего цивилизационные и политические процессы через призму стереоскопической картины миропорядка.

Рассматривается проблематика взаимосвязанности буддийской и монгольской идентичности в историческом контексте обретения суверенитета Внешней Монголией в первой четверти XX в. и череды народных восстаний на территории Внутренней Монголии Китая на рубеже XIX–XX вв. Рассматривается противоречивая политика МНР в отношении буддизма в период секулярного общества. Исследуются особенности буддийского фактора в постсекулярной Монголии после демократической революции 1990 г.

Отдельное внимание уделяется региональному и межрегиональному уровням проявления фактора буддизма в политических и цивилизационных процессах. Они проявляются на уровне подсистемы международных отношений в регионе Северо-Восточной Азии, в рамках треугольника Россия — Китай — Монголия, а также в глобальном масштабе в ходе интернационализации буддизма как мягкой силы двумя великими державами и условным «третьим соседом» современной Монголии.

Рассматриваются вопросы визитов Далай-ламы в Монголию, легитимизации Богдо-гэгэна, а также исторической роли буддизма в строительстве интернациональных социалистических проектов, например, Азиатской буддийской конференции за мир.

Ключевые слова: цивилизационная политология; постсекулярность; монгольская цивилизация; Монголия; буддизм; буддийский фактор; цивилизационное пространство

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ №24-48-03022 «Традиционный буддизм, постсекулярность и современные общественно-политические процессы в России и Монголии».

Для цитирования:

Железняков А. С., Никифоров С. В. Роль буддийского фактора в политических и цивилизационных процессах в Монголии // Новые исследования Тувы. 2025, № 1. С. 188–197. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.14>

Железняков Александр Сергеевич — доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель секретарь Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Эл. адрес: zhelezniakovas@yahoo.com

Никифоров Святослав Вадимович — кандидат педагогических наук, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Эл. адрес: ursus-arktos@yandex.ru

Article

The role of the Buddhist factor in political and civilizational processes in Mongolia

Alexander S. Zheleznyakov, Svyatoslav V. Nikiforov

Institute of Sociology of the National Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article presents a retrospective analysis of the role of Buddhism in political and civilizational processes in Mongolia, based on the theoretical and methodological framework of civilizational political science. The authors examine the relationship between Buddhism and Mongolian identity, as well as the impact of Buddhist values on the country's history and culture.

The study focuses on the period when Outer Mongolia gained sovereignty in the early 20th century, as well as on popular uprisings in Inner Mongolia at the turn of the 19th and 20th centuries. It also considers the controversial policies of the Mongolian People's Republic (MNR) towards Buddhism during the secular period. Finally, the article explores the features of Buddhism in post-secular Mongolia following the democratic revolution of 1990.

Special attention is paid to the regional and interregional manifestations of the Buddhist factor in political and civilizational processes. These manifestations occur at the level of international relations within the Northeast Asian region, particularly within the Russia – China – Mongolia triangle. Additionally, they can be seen on a global scale through the internationalization of Buddhism by two major powers and the “third neighbor” of Mongolia.

Issues such as the visits of the Dalai Lama to Mongolia, the legitimacy of Bogdo-gegan, and the historical role of Buddhism in international socialist projects like the Asian Buddhist Peace Conference are also discussed.

Keywords: *civilizational political science; post-secularism; Mongolian civilization; Mongolia; Buddhism; Buddhist factor; civilizational space*

Financing

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 24-48-03022 “Traditional Buddhism, post-secularism and modern socio-political processes in Russia and Mongolia”.

For citation:

Zheleznyakov A. S. and Nikiforov S. V. The role of the Buddhist factor in political and civilizational processes in Mongolia. *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 188-197. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.14>

ZHELEZNYAKOV, Alexander Sergeevich, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Head Secretary, Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 24/35, building 5 Krzhizhanovskogo St., 117218, Russia, Moscow. E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-6477-6161

NIKIFOROV, Svyatoslav Vadimovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Candidate of Law, Senior Researcher, Scientific Secretary, Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 24/35, building 5 Krzhizhanovskogo St., 117218, Russia, Moscow. E-mail: ursus-arktos@yandex.ru

Введение

Сегодня буддизм часто рассматривается как проявление цивилизационного фактора международных отношений и внутристрановых политических процессов. Его влияние на ход политических процессов, ровно так же, как и его политизацию, во многом можно рассматривать как проявление соприкосновения политического и цивилизационного пространства в Большой Восточной Азии, Евразии и мире в целом. Вместе с тем, научные исследования, затрагивающие проблематику роли буддийского фактора в этнокультурных и социальных процессах, происходящих в Монголии сегодня, носят частный характер и чаще всего прибегают к узкому инструментарию социологических или культурологических отраслей научного знания. Представленная статья является одной из работ в чередѣ трудов, направленных на рассмотрение цивилизационных и политических процессов в России и Монголии с точки зрения цивилизационной политологии (Железняков, Чулуунбаатар, 2023).

Цивилизационная политология — новое научное направление, рассматривающее религиозный фактор в качестве одной из составляющих цивилизационного измерения человеческой жизни, обособленного от политического, особого социокультурного пространства (Железняков, Чулуунбаатар, 2023; Литвинова, 2017, Никифоров, 2024). И, несмотря на свою обособленность, цивилизационное пространство влияет на ход политических процессов так же, как и политическое пространство может повлиять на ход процессов цивилизационного характера. Подобное определение цивилизационно-политического объекта научного познания и его особенностей позволяют цивилизационной политологии, основываясь на фундаментальных концепциях цивилизационного подхода, тем не менее, избежать узких рамок геополитических исследований, как правило, смешивающих цивилизационное измерение с политическим, но в то же время оставить возможность для выявления и изучения существующих закономерностей во взаимосвязи цивилизационных и политических процессов с использованием самой широкой, в том числе междисциплинарной методологии, общественных наук.

Одним из объектов исследования цивилизационной политологии может выступать религиозный фактор в политических и цивилизационных процессах. Предмет данной работы в свою очередь будет ограничен буддийским фактором в политических и цивилизационных процессах, происходящих в Монголии, а хронологические рамки — историческим и современными этапами (с XVI в., когда Монголия приняла буддизм, включая социалистический период Монгольской Народной Республики (1924-1990 гг.) и вплоть до настоящего исторического периода — после демократической революции 1990 г., которая во многом на формальном уровне может быть соотнесена с формализацией постсекулярного монгольского общества на политико-правовом уровне). Заданные рамки позволят осуществить комплексный анализ с целью выявления соответствующих закономерностей и характеристики той роли, которую играет буддизм в политическом и цивилизационном пространстве Монголии.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым разрешить соответствующие задачи: рассмотреть роль буддизма в цивилизационных и политических процессах в Монголии в XIX — начала XX в.; выявить особенности становления буддизма как инструмента мягкой силы в условиях секулярного общества в Монголии; дать общую характеристику значимости буддийского фактора в рамках треугольника Россия — Монголия — Китай; определить специфику визитов Далай-ламы XIV и легитимизации Богдо-гэгэна X как примеров соприкосновения политического и цивилизационного пространства; изучить как себя проявляет буддийский фактор в современной Монголии, монгольской политике и цивилизационном процессе; проанализировать фактор народного восприятия китайцев монголами как признак этнокультурной составляющей междисциплинарного взаимодействия, учитывая влияние фактора буддизма.

Источниками данного исследования стали работы ведущих экспертов в области социальных и политических наук, в том числе обобщающие эмпирические исследования (Романова и др., 2015; Billé, 2015), а также политико-правовые документы современного монгольского государства, официальные заявления его представителей и сообщения СМИ с 1990-х по 2020-е гг.

Роль буддизма в цивилизационных и политических процессах в Монголии в XIX — начале XX в.

Обращаясь к истории, можно констатировать, что северный (тибетский) буддизм, принятый монголами в XVI в., де факто позволил им укрепить свою цивилизационную идентичность в период

зависимости от Китая. Он стал ещё одним фактором сплочения в Восточной части Монгольской империи, объединяя монголов не только на уровне этнокультурной близости, но и новой религиозной идентичности. Также он заложил основу для появления особой политической формы правления в Монголии — теократической монархии Богдо-гэгэна¹ и зарождения монгольского национально-освободительного движения (XIX–XX вв.). Кстати, в этой связи, интересно отметить историческую параллель между визитами Далай-ламы в Монголию на рубеже XIX–XX вв. и в начале XXI в., как своеобразную историческую нить влияния буддизма на развитие монгольско-китайских отношений и ход цивилизационных процессов в Монголии (Кузьмин, 2014b). Возвращаясь к историческому аспекту, стоит отметить, что значительную роль в развитии национального и революционного движения во Внутренней Монголии сыграли буддийские перерожденцы (Цыбенков, Юй Шан, 2018: 110), а отдельные ламы, вероятно, даже приняли участие в восстании ихэтуаней в Цинской империи в 1900–1901 гг. (там же).

Примерно с начала XX в. также можно проследить противостояние между лидерами буддистов Внешней и Внутренней Монголии (Монголии и автономного района Китая — соответственно), во многом вызванное желанием китайских властей установить контроль над буддийской сангхой Монголии. Так, для противостояния власти Богдо-гэгэна во Внешней Монголии Юань Шикай² решил заручиться поддержкой Чжанчжа-хутухты VI³, присвоив ему почётный титул и фактически взяв на содержание Китайской республики (там же: 112). Однако на примере восстания князя Удай 1912–1914 гг.⁴, можно заметить, что религиозная идентичность и сам буддийский фактор, даже ещё до наступления секулярного периода в истории Монголии, не являлся единственным и, возможно, наиболее значимым на цивилизационном уровне. Удай решил выбрать Богдо-гэгэна, стремящегося к укреплению цивилизационной идентичности Монголии, и не желающего быть интегрированным в китайскую политическую и во многом культурную систему. Достаточно примечательно при этом, что после неудавшегося восстания Удай бежал к хранящим ещё шаманистские традиции хайларским даурам, которые на короткий исторический промежуток смогли добиться большего в деле национально-освободительного движения, чем князь из Внутренней Монголии (там же: 113).

Таким образом, ещё в рамках религиозного общества и фактически развития теократического монгольского государства, буддизм являлся одним из значимых цивилизационных факторов, влияющих на ход политических процессов в Монголии и её отношения с другими странами и народами, но не единственным и не «подменяющим» для монголов этнокультурную и, следовательно, и цивилизационную идентичности.

Становление буддизма как инструмента мягкой силы

С победой социалистической революции в России 1917 г. и народной революции в Монголии 1921 г. буддизм оказался в центре политической борьбы, став средством продвижения мирового революционного движения. Однако по мере укрепления режима Чан Кайши⁵ в Китае и неудач советской дипломатии в Тибете, его роль стала переоцениваться. Политический курс на секуляризацию, принятый в СССР и МНР (1920–1930-е гг.), был прямо направлен и против монгольского духовенства, и с течением времени оно всё сильнее оказывалось заинтересовано в сотрудничестве с внешними силами, обещавшими сохранить религиозные институты (Кузьмин, 2014а; Эрдынеева, Васильева, 2017). Во многом судьба монгольских лам оказалась сродни судьбе Коминтерна. Он также играл значимую роль в советской внешней политике в рамках курса на победу мировой революции, однако, был де факто ликвидирован со сменой политического курса СССР (от концепции перманентной

¹ Наименование лидера монгольских буддистов (титул высшего ламы). В период теократической монархии 1911–1921 гг. Богдо-гэгэн VIII являлся правителем Монголии.

² Известный китайский военачальник и государственный деятель конца XIX — начала XX в., первый президент Китайской Республики (1912–1949).

³ Также «Джанджа-хутухта»; наименование лидера буддистов Внутренней Монголии (титул главного ламы этого региона).

⁴ Антикитайское восстание, возглавляемое монгольским князем. Один из эпизодов истории национально-освободительного движения Монголии.

⁵ Известный китайский военачальник и государственный деятель XX в., лидер партии Гоминьдан и де факто глава материкового Китая во второй четверти XX в.

революции к концепции строительства социализма в отдельно взятой стране), обострением внутри- и внешнеполитической борьбы в молодых социалистических государствах. Однако буддизм как цивилизационный фактор, влияющий в том числе и на ход политических процессов, устоял несмотря даже на развернутые в конце 1930-х гг. против лам массовые репрессии.

Уже после окончания Второй мировой войны религия стала «выходить из подполья» в социалистических странах и постепенно превращаться в инструмент их мягкой силы. Особенно ярко это проявилось как раз на примере буддизма. В 1970 г. по инициативе Хамбо-ламы Монголии С. Гомбожава в Улан-Баторе была создана международная Азиатская буддийская конференция за мир, неправительственная организация, выступавшая за мирное разрешение международных споров и международное сотрудничество (Ленхобоева, Доржигушаева, 2024). Фактически она стала монгольско-советской альтернативой буддийским институтам мягкой силы, развиваемым США и КНР. Тем самым, даже в условиях секулярного общества, буддизм (буддийские религиозные институты) оставался в политическом пространстве Монголии, правда, преимущественно являясь объектом, а не субъектом политики.

В рамках треугольника Россия — Монголия — Китай

Наиболее ярко буддизм как одну из составляющих цивилизационных и политических процессов можно определить на примере той роли, которую он играет в рамках треугольника Россия — Монголия — Китай. Т. Б. Бадмацыренов и И. Г. Аюшиева отмечают:

«Современные процессы, происходящие в России, Китае и Монголии, демонстрируют высокий потенциал политизации буддизма, несмотря на его сложившийся образ аполитичной религии... В политическом поле важным пунктом является проблема Тибета и деятельность Далай-ламы XIV. Деятельности тибетских лам и связанных с ними групп в России часто приписывается политический характер...

Для Монголии тибетский вопрос прямо отражается на монголо-китайских отношениях, хотя, конечно, не является определяющим их фактором...» (Бадмацыренов, Аюшиева, 2017: 78).

Таким образом, обнаружение Богдо-гэгэна может дать Монголии шанс закрепить за собой роль центра тибетского буддизма, поскольку она является уникальным примером суверенного государства, где значительная часть населения принадлежит к данной конфессии.

Примечательно, что политическая фигура Далай-ламы является инструментом влияния на ход международных процессов не только в отношениях между КНР и Индией или США, но также и Монголией. Достаточно вспомнить, что визиты Далай-ламы XIV на территорию Монголии всегда вызывали острую реакцию со стороны Пекина и в итоге привели к официальному отказу от приема высшего духовного иерарха в современной Монголии.

Визиты Далай-ламы XIV и легитимизация Богдо-гэгэна X

В. А. Родионов указывает также, что история визитов Далай-ламы в Монголию тесно связана с Азиатской буддийской конференцией за мир:

«Под патронажем монгольского руководства на территории МНР неоднократно проходили заседания международной организации «Азиатская буддийская конференция за мир», штаб-квартира которой расположена в Улан-Баторе в монастыре Гандантекчинлинг. Участником этих мероприятий являлся и Далай-лама XIV. В условиях конфронтационных отношений с КНР для МНР, равно как и для Советского Союза, фигура мятежного по отношению к Пекину первосвященника рассматривалась в качестве средства давления на проблемного южного соседа. С началом демократических реформ в Монголии в 1990-х гг. фактор буддийской религии значительно увеличил свое значение, а визиты далай-ламы получили регулярный характер. Всего за период с 1979 по 2016 гг. Далай-лама XIV 9 раз посетил Монголию, из которых 7 визитов пришлось на постсоциалистический период» (Родионов, 2017: 154).

Кроме того, исследователь подчёркивает, что визиты Далай-ламы сами по себе стали отражением целого ряда специфических политических процессов и интересов отдельных их участников. На данном этапе развития системы международных отношений, с одной стороны, они позволяли поддерживать политической элите Монголии образ страны, верной западным идеалам демократических ценностей. Это было важно, ввиду того факта, что монгольские политики воспринимают данный образ «витрины азиатской демократии» как экономический и политический ресурс, полезный при развитии

отношений со странами «Третьего соседа»¹. С другой стороны, противники КНР (в частности, тот же «Третий сосед») использовали визиты Далай-ламы как инструмент мягкой силы для давления на Китай.

Сама КНР в ответ воспринимала данные визиты как политические акции, идущие вразрез с официальной позицией Монголии по вопросу правового статуса Тибета, который монгольское государство официально считает частью современного Китая. Однако «различные буддийские общины и организации, имеющие определенное влияние в Монголии, активно выступают за политическое самоопределение Тибета и тем самым формируют соответствующее общественное мнение в монгольском обществе... В этом свете визиты Далай-ламы XIV в Монголию придают дополнительный импульс подобным идеям» (Родионов, 2017: 155).

Поскольку в 2016 г. министр иностранных дел Монголии (на тот момент им являлся Ц. Мунх-Оргил) официально заявил об отказе от принятия новых возможных визитов Далай-ламы², возникает вопрос о том, является ли это проявлением также отказа от политизации буддизма в межгосударственных и межцивилизационных отношениях Монголии или, напротив, выбором чёткого политического курса в отношении конфессионального фактора во внешней и внутренней политике (выбора ориентации на сохранение и развитие связей с буддистами КНР (а значит и самим Южным соседом как таковым), отказа от ориентации на поддержку нынешнего Далай-ламы). Скорее всего, надо рассматривать данный вопрос с учётом цивилизационной специфики Монголии, а именно её стремления обеспечить свою цивилизационную безопасность, которое было закреплено в Концепции национальной безопасности современного монгольского государства³. Монголия стремится обеспечить свою независимость, свой суверенитет и сохранение цивилизационной идентичности. Буддизм является одним из элементов данной идентичности и, соответственно, логично предположить, что Монголия стремится избежать чрезмерного внешнего влияния в духовной сфере международных отношений.

И именно достижению этой цели, вероятно, во многом способствовал последний визит Далай-ламы XIV в Монголию в 2016 г.⁴ В ходе данного визита Далай-лама объявил о том, что новый Богдо-гэгэн родился на территории Монголии, тем самым во многом обеспечив независимость Монголии в «буддийском вопросе» от тех государств, на территории которых могло быть также найдено новое воплощение Богдо-гэгэна, духовного лидера монгольских буддистов (например, Китая). Примечательно, что долгое время о юном Богдо-гэгэне Х почти ничего не было известно и новости начали появляться в Монголии относительно недавно, когда мальчик достаточно повзрослел. И также они оказались связаны с Далай-ламой: на своей первой официальной фотографии новый лидер монгольских буддистов присутствует на церемонии для посвящения Чакрасамвары, проводимой Далай-ламой XIV, и представлен им как «перерождение Халха Джебцун Дампа-хутухты»⁵. Тем самым произошла легитимизация Богдо-гэгэна Х в глазах буддистов всего мира. Однако неоспорим, вероятно, и факт того, что юный духовный лидер Монголии пока что находится в орбите влияния Далай-ламы XIV, в том числе политического. Тем самым, посредством вовлеченности лидеров буддийского духовенства в политические процессы буддизм вновь проявляет себя как пример соприкосновения политического и цивилизационного пространства в Монголии, КНР, Азии и мире в целом.

¹ «Третий сосед» — собирательное наименование партнёров Монголии, не являющихся Россией и КНР (двумя историческими и географическими монгольскими соседями, Северным и Южным соответственно). Как правило, под этим термином прежде всего понимаются США и союзные им страны, хотя на официальном сайте МИД Монголии в официальный список данных государств, в том числе входят и некоторые представители Глобального Юга (см. подробнее: Базаров, 2017).

² МИД Монголии: Правительство больше не будет приглашать далай-ламу [Электронный ресурс] // ИА Регнум. 2016, 22 декабря. URL: <https://regnum.ru/news/2220633?ysclid=lz13ktg843291644843> (дата обращения: 23.07.2024).

³ Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] [Электронный ресурс] // Хууль зүйн үндэсний хүрээлэн. 1994. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=208070> (дата обращения: 23.07.2024).

⁴ Его Святейшество Далай-лама прибыл с долгожданным визитом в Монголию [Электронный ресурс] // Его Святейшество Далай-лама XIV. 2016, 19 ноября. URL: <https://ru.dalailama.com/news/2016/dalai-lama-visits-mongolia> (дата обращения: 23.07.2024).

⁵ Далай-лама провел подготовительные церемонии для посвящения Чакрасамвары [Электронный ресурс] // Его Святейшество Далай-лама XIV. 2023, 8 марта. URL: <https://ru.dalailama.com/news/2023/preliminary-procedures-for-the-chakrasamvara-empowerment> (дата обращения: 23.07.2024).

Буддизм в современной постсекулярной Монголии

Можно выделить ряд особенностей, которые перечисляют эксперты, характеризуя основные тенденции развития религий в исследуемой стране в начале XXI в. В частности, исследователями отмечается как «возрождение традиционной религиозной и этнической культуры», так и «масштабная урбанизация, пропаганда культуры потребления, с проявлениями вестернизации в монгольском обществе, которые привели к актуализации востребованности традиционных ценностей номунизма, среди которых буддизм занимает значимое место» (Романова и др., 2015: 96–97).

При этом исследователи считают, что именно государственная политика во многом обеспечивает «возрождение национального самосознания монгольского общества», и относят его к проявлению неотрадиционализма. Говоря о роли буддизма, они отмечают, что «буддизм встроено в конструирование идеологием общегражданской религии, основанной на дополнении таких понятий, как “Родина”, “Чингисхан”, “Будда”, “Тэнгри”, “Тэсэр” и др., что ведет к формированию гражданской, государственной идентичности, которая бы превалировала над конфессиональными и этническими различиями» (там же: 100).

Однако, если рассматривать данные процессы с точки зрения цивилизационной политологии, то целенаправленность действий государства и политического руководства будет не такой однонаправленной. Поскольку проявление буддизма как политического фактора можно также определить как проявление одной из скреп монгольского народа, возникшей в ходе цивилизационного процесса. А именно, опираясь на термины синергетики, как поиск аттрактора этнокультурной системой Монголии или даже самой монгольской цивилизацией. Иначе говоря, той формы, которая позволит обеспечить выживание и развитие цивилизации как сложной единой системы или организма. Буддизм как фактор религиозный, наряду с особенностями политико-правового статуса (Батунаев, 2011), позволил сохранить цивилизационную идентичность монголов в период зависимости от Китая на территории Внутренней Монголии. В том числе, успешно вступив в синкретические отношения с тенгрианством (основанием чему некоторые учёные видят близость конфессий индоевропейских и кочевых народов Центральной Евразии и Внутренней Азии (Аверьянов, Абаев, 2015)). Поэтому, вероятно, сейчас он также воспринимается, как монгольскими лидерами, так и обществом в целом, как ключевое средство обеспечения национальной безопасности и суверенитета.

И. В. Романова, О. И. Зимин, А. В. Жуков, А. А. Жукова также предположили, что под влиянием глобализации социокультурное пространство Монголии всё больше начнёт вовлекаться в мировые политические, экономические и культурные процессы, «вызывая ответную реакцию в виде активизации движений за национальный суверенитет» (Романова и др., 2015: 100). Мы же можем сопоставить данные процессы с проявлением влияния акторов «Третьего соседа», действующих на территории Монголии, в том числе в виде тысяч неправительственных организаций. Они стремятся посредством мягкой силы включить Монголию в унификации мировой культуры по образцу западных стран, что грозит стране потерей цивилизационной идентичности. Это не может не вызывать ответную реакцию внутри монгольского общества, и, в то же время, располагает монгольских политиков к развитию демократического имиджа и политической культуры в Монголии. Что отчасти также уже было заметно на примере рассмотренных выше визитов Далай-ламы в Монголию.

Народное восприятие китайцев монголами

Несмотря на то, что Внешняя Монголия во многом существовала в составе Империи Цин (с XVII по начало XX в.) на правах достаточно автономного вассала и не испытала на себе столь мощную политику культурной ассимиляции (китаизации), как Внутренняя Монголия, среди граждан современной независимой Монголии ходит много негативных предубеждений и суеверий в отношении китайцев. Некоторые исследователи прослеживают корни этого отрицательного восприятия с начала XX в., со времён пророчеств Богдо-гэгэна VIII о борьбе с «китайской болезнью» (Billé, 2015: 30)¹. Также в постсоциалистический период сохранились народные слухи о призраках китайских купцов², и

¹ «Еще в начале XX века Восьмой Богдо-гэгэн в своих пророчествах призывал монголов не носить китайскую обувь и не есть куриные яйца, чтобы не заразиться «китайской болезнью» (Сабилов, 2022: 119).

² «В Улан-Баторе одно время ходили слухи о людях, которые видели привидения — стариков с длинными бородами и в шелковых одеждах. Столичные жители интерпретировали их как души китайских купцов, которые привязаны к местам, где они проживали когда-то и где закопали свои богатства» (Сабилов, 2022: 119).

появились новые, обвиняющие китайцев в краже органов, распространении ВИЧ, и даже в засухе. Причём в последнем случае обвинения исходили от буддистов, проживающих на Юго-Востоке Гоби, которые уличили китайских рабочих в проведении особого ритуала, влияющего на погоду (Саби-ров, 2022: 119–120).

Подобные народные страхи и опасения во многом могут являться проявлением не столько особенностей межцивилизационного взаимодействия друг с другом на этнокультурном уровне, сколько специфики политических и экономических отношений двух народов. Хотя, конечно, в конце XX и первой трети XXI в. они всё также находят плодородную почву из опасений перед китайской экономической экспансией в современной Монголии и после нескольких столетий де факто вассальной зависимости, пусть и с довольно вольготными условиями существования. Однако роль монгольских буддистов в межцивилизационном взаимодействии Монголии и Китая всё же достаточно велика для того, чтобы усложнить существующую на уровне этнокультурного взаимодействия картину.

С одной стороны, Китай использует буддизм как инструмент мягкой силы для создания благоприятного имиджа КНР в Монголии. Например, китайские буддийские монастыри, дипломатические служащие и иные выдающие государственные, политические и общественные деятели и организации преподносят своим монгольским визави и самому монгольскому государству дорогие подарки в виде красивых статуй и значимых реликвий, а КНР привлекает монгольских лам к диалогу с китайскими деятелями и организациями по общественно-важным вопросам, например, борьбе с пандемией коронавируса (Саби-ров, 2022: 120).

С другой стороны, ряд монгольских лам опасается выстраивания излишне тёплых отношений либо с коллегами из Китая, либо, напротив, напрямую с Далай-ламой (вторые находят поддержку со стороны КНР, а первые — со стороны «Третьего соседа», причём как США, чей Конгресс законодательно установил недопустимость вмешательства КНР в выборы следующего Далай-ламы¹, и союзных им стран, так и Индии, ставшей резиденцией Далай-ламы XIV на время его «изгнания»). Фактически, внутри Монголии произошёл раскол буддийских монастырей по признаку ориентации на сотрудничество с Далай-ламой и буддистами КНР. Так, как отмечает Р. Т. Сабиров, установлены

«...хорошие связи с китайскими буддистами и чиновниками у монастыря Амарбаясгалант. Ламы монастыря встречаются с представителями Буддийской ассоциации Китая, включая одного из ее вице-президентов Панчен-ламу. Монгольские делегаты, посетившие Пятый Международный буддийский форум в Путяне, КНР, пригласили Панчен-ламу посетить Монголию» (там же: 121).

При этом, характеризуя особенности мягкой силы КНР и «Третьего соседа» в сфере буддизма, Р. Т. Сабиров упоминает, что «важное отличие китайского влияния от тибетского заключается в том, что китайцы не вмешиваются в дела монгольской сангхи в плане ее регулирования, навязывания своего видения того, что правильно, а что нет, в то время как у тибетских лам есть свое представление о «правильном буддизме», которое они продвигают» (там же: 123).

Особую сложность вопросу придаёт тот факт, что для КНР важнее добиться определения следующего воплощения Далай-ламы на выгодных Китаю основаниях, включая вопрос о его будущей легитимизации крупными буддийскими сангхами разных стран, в том числе Монголии. Тогда как нынешний Далай-лама уже сыграл значительную роль в легитимизации самого монгольского духовенства. Также важно выделить фактор исторического наследия регулирования института *тулку*, буддийских перерожденцев. Фактически, он сохранился в том виде, в каком существовал во времена Империи Цин, за исключением того, что в современном Китае «право утверждения перерожденцев теперь отведено Госсовету КНР, а не крупным тулку, как было раньше» (там же: 125). В то же время монгольских перерожденцев, хубилганов, легитимизирует Далай-лама.

Если два века назад Богдо-гэгэн, Панчен-лама, Далай-лама, монгольские, тибетские и китайские тулку существовали в рамках единой и государственной и религиозной системы, то теперь институты оказались фрагментированы, что представляет как новые трудности в развитии конфессионального буддийского диалога в рамках межцивилизационных отношений, так и определённые возможности. В целом, можно констатировать, что на фоне внешнего влияния вопрос развития международного

¹ Закон о политике США в отношении Тибета и его поддержке 2019 г.: H.R.4331 — Tibetan Policy and Support Act of 2019 [Электронный ресурс] // Congress.Gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/4331> (дата обращения: 23.07.2024).

буддийского сотрудничества Монголии вызывает глубокие внутренние противоречия среди буддийского духовенства Монголии, схожие отчасти с теми, которые есть в монгольском обществе по отношению проведения многосторонней и нейтральной политики балансирования на международной арене между Россией, Китаем и «Третьим соседом».

Заключение

Таким образом, исследование показало, что буддизм являлся и остаётся одним из значимых цивилизационных факторов, оказывающих влияние на ход политических процессов в Монголии и мире, с одной стороны, а с другой стороны — инструментом осуществления конкретной политики отдельных государств и политических сил, рычагом попытки влияния политического пространства на цивилизационное.

В связи с вышеизложенным предполагается рассмотреть возможность разработки и систематизации положений российско-монгольских договоров, затрагивающих цивилизационный аспект двухсторонних отношений, для рассмотрения религиозного фактора в качестве одного из направлений развития междивизиационного диалога и обеспечения цивилизационной безопасности двух государств-цивилизаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянов, Б. В., Абаев, Н. В. (2015) Принцип единства и целостности тэнгрианско-буддийской цивилизации // Вестник Бурятского государственного университета. № 3. С. 5–15.
- Базаров, В. Б. (2017) «Третий сосед» Монголии в восточноазиатском пространстве // Власть. Т. 25. № 5. С. 136–140.
- Бадмацыренов, Т. Б., Аюшиева, И. Г. (2017) Буддизм и политика во Внутренней Азии: история и современность // Вестник Томского государственного университета. № 421. С. 75–79. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/421/11>
- Батунаев, Э. В. (2011) К вопросу правового статуса Монголии в составе Цинской империи // Вестник Бурятского госуниверситета. № 8. С. 139–142.
- Железняков, А. С., Чулуунбаатар, Г. (2023) Евроазиатн туншлэлийн нөхцөл байдал дахь Монгол, Оросын соёл иргэншил хоорондын харилцан үйлчлэл [Междивизиационное взаимодействие России и Монголии в пространстве Евразии]. Улаанбаатар : Институт философии МАН. 328 с. (На монг. яз.).
- Кузьмин, С. Л. (2014а) «Контрреволюционный центр» в Монголии в 1930-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 4 (30). С. 5–13.
- Кузьмин, С. Л. (2014б) Пребывание Далай-ламы XIII в Монголии и планы провозглашения независимости // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 9. С. 33–39.
- Ленхобоева, Т. Р., Доржигушаева, О. В. (2024) Азиатская буддийская конференция за мир: история, деятельность, перспективы развития // Концепт: философия, религия, культура. № 8 (2). С. 69–82. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-2-30-69-82>
- Литвинова, Т. Н. (2017) Идея монгольской цивилизации как концепт многополюсного мироустройства // Полит. Политические исследования. № 5. С. 187–191. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.13>
- Никифоров, С. В. (2024) Перспективные направления развития российско-монгольских отношений с точки зрения цивилизационной политологии // Геоэкономика энергетики. Т. 27. № 3. С. 27–41. DOI: https://doi.org/10.48137/26870703_2024_27_3_27
- Родионов, В. А. (2017) Фактор Далай-ламы XIV в современных монголо-китайских отношениях // Власть. № 9. С. 153–157.
- Романова, И. В., Зимин, О. И., Жуков, А. В., Жукова, А. А. (2015) Религиозное мифотворчество в политической жизни современной Монголии // Вестник ЗабГУ. № 4 (119). С. 95–102.
- Сабиров, Р. Т. (2022) Между Дхарамсалой и золотой урной: монгольский буддизм в контексте религиозной политики КНР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 40(2). С. 105–127.
- Цыбенков, Б. Д., Юй, Шан (2018) Буддизм и национализм во Внутренней Монголии в первой четверти XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. Т. 26. С. 109–118.
- Эрдынеева, Б. В., Васильева, С. В. (2017) Политические репрессии в отношении священнослужителей Чесанского дацана Хоринского аймака (1920–1930-е гг.) // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. № 3. С. 68–71.

Billé, F. (2015) Sinophobia. Anxiety, violence, and the making of Mongolian identity, by Franck Billé: Honolulu, University of Hawai'i Press, 2015, 272 pp., \$80.00 (hardback), ISBN: 978-0-8248-3982-6, \$25.00 (paperback), ISBN: 978-0-8248-6774-4 // *Anthropology & Medicine*. № 25(3). P. 351–353. DOI: <https://doi.org/10.1080/13648470.2017.1381002>

Дата поступления: 04.10.2024 г.

Дата принятия: 29.10.2024 г.

REFERENCES

Averyanov, B.V. and Abaev, N. V. (2015) The principle of unity and integrity of the Tengrian-Buddhist civilization. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 5–15. (In Russ.)

Bazarov, V. B. (2017) The “third neighbor” of Mongolia in the East Asian space]. *Vlast*, no. 25(5), pp. 136–140. (In Russ.)

Badmatsyrenov, T. B. and Ayushieva, I. G. (2017) Buddhism and politics in Inner Asia: history and modernity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 421, pp. 75–79. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/421/11>

Batunaev, E. V. (2011) On the legal status of Mongolia within the Qing Empire. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8, pp. 139–142. (In Russ.)

Zheleznyakov, A. S. and Chuluunbaatar, G. (2023) *Intercivilizational interaction between Russia and Mongolia in the Eurasian space*. Ulaanbaatar, Institute of Philosophy of the MPR. 328 p. (In Mong.)

Kuzmin, S. L. (2014a) The “counterrevolutionary center” in Mongolia in the 1930s. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4(30), pp. 5–13. (In Russ.)

Kuzmin, S. L. (2014b) The stay of the 13th Dalai Lama in Mongolia and plans to proclaim independence. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, no. 9, pp. 33–39. (In Russ.)

Lenkhoboeva, T. R. and Dorzhigushaeva, O. V. (2024) Asian Buddhist Conference for Peace: history, activities, development prospects. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*, no. 8(2), pp. 69–82. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-2-30-69-82>

Litvinova, T. N. (2017) The idea of Mongolian civilization as a concept of multipolar world order. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 187–191. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.13>

Nikiforov, S. V. (2024) Promising directions for the development of Russian-Mongolian relations from the perspective of civilization political science. *Geoekonomika energetiki*, no. 27(3), pp. 27–41. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.48137/26870703_2024_27_3_27

Rodionov, V. A. (2017) The factor of the 14th Dalai Lama in modern Mongol-Chinese relations. *Vlast*, no. 9, pp. 153–157. (In Russ.)

Romanova, I. V., Zimin, O. I., Zhukov, A. V. and Zhukova, A. A. (2015) Religious mythmaking in the political life of modern Mongolia. *Vestnik ZabGU*, no. 4(119), pp. 95–102. (In Russ.)

Sabirov, R. T. (2022) Between Dharamsala and the golden urn: Mongolian Buddhism in the context of religious policy of the PRC. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 40(2), pp. 105–127. (In Russ.)

Tsybenov, B. D. and Yuy, Shan (2018) Buddhism and nationalism in Inner Mongolia in the first quarter of the 20th century. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, no. 26, pp. 109–118. (In Russ.)

Erdyneeva, B. V. and Vasilyeva, S. V. (2017) Political repressions against clergy of the Chesan Datsan of the Khori Aimak (1920–1930s). *Vestnik BGU. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii*, no. 3, pp. 68–71. (In Russ.)

Billé, F. (2015) Sinophobia. Anxiety, violence, and the making of Mongolian identity, by Franck Billé: Honolulu, University of Hawai'i Press, 2015, 272 pp., \$80.00 (hardback), ISBN: 978-0-8248-3982-6, \$25.00 (paperback), ISBN: 978-0-8248-6774-4. *Anthropology & Medicine*, no. 25(3), pp. 351–353. DOI: <https://doi.org/10.1080/13648470.2017.1381002>

Submission date: 04.10.2024.

Acceptance date: 29.10.2024.

Theoretical principles and criteria of historical and genetic differentiation of lexical parallels between Turkic and Mongolian languages

Senbek Utebekov

International University of Tourism and Hospitality, Republic of Kazakhstan,

Kenan Koç

Muğla Sıtkı Koçman University, Republic of Türkiye

In this article, we analyze the problems related to the theory of Altaic languages and lexical parallels between them. For this purpose, new findings and information in the work of the Kazakh linguist Janseyit Tuymebayev “Principles and Criteria of Historical and Genetic Differentiation of Lexical Parallels of Turkic and Mongolian Languages” published in 2024 are taken as a basis. In the Introduction section of the article, the historical development of the theory of Altaic languages and information about Tuymebayev’s other works on the Altaic theory are presented. In the main part, the researcher’s studies in the field of Altaistics to date, his opinions put forward, the historical and cultural contacts between the Turkic and Mongolian peoples, the results of their linguistic interactions, the evaluations and determinations on the historical development processes of cultural contacts between the languages in question are considered scientifically. In addition, Tuymebayev’s information about the linguistic features and vocabulary of Tuvan, which is more affected by Mongolian when compared to other Turkic dialects, and the similarities of Mongolian elements in Kazakh in terms of meaning and sound are analyzed.

Keywords: *Altaic languages; Turkic languages; Mongolian languages; Janseyit Tuymebayev; cultural borrowing; cultural relation; lexical parallel*

For citation:

Utebekov S. and Koç K. Theoretical principles and criteria of historical and genetic differentiation of lexical parallels between Turkic and Mongolian languages. *New Research of Tuva*, 2025, no. 1, pp. 198-211. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.15>

UTEBEKOV, Senbek, Doctor of Philology, Teacher, Language School, International University of Tourism and Hospitality. Postal address: 14A Rabiga Sultan Begim, 161200 Turkistan, Republic of Kazakhstan. E-mail: senbek.utebekov@iuth.edu.kz

KOÇ, Kenan, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Modern Turkish Dialects and Literatures, Faculty of Letters, Muğla Sıtkı Koçman University. Postal address: 48170 Köteklî Campus/Muğla, Republic of Türkiye. E-mail: kkoc@mu.edu.tr

Утебеков Сенбек — доктор филологических наук, преподаватель языковой школы Международного университета туризма и гостеприимства. Адрес: 14А Рабига Султан Бегим, 161200 Туркестан, Республика Казахстана. Эл. адрес: senbek.utebekov@iuth.edu.kz ORCID: 0000-0003-3557-6758

Коч Кенан — доктор филологических наук, доцент кафедры современных тюркских диалектов и литератур филологического факультета Университета Мугла Сытки Кочмана. Адрес: 48170 Köteklî Campus/Muğla, Republic of Türkiye. Эл. адрес: kkoc@mu.edu.tr

Теоретические принципы и критерии историко-генетической дифференциации лексических параллелей между тюркскими и монгольскими языками

Сенбек Утебеков

Международный университет туризма и гостеприимства, Республика Казахстан,

Кенан Коч

Университет Мугла Сытки Кочмана, Республика Турция

В статье анализируются проблемы, связанные с теорией алтайских языков, и лексические параллели между ними. С этой целью за основу взяты новые находки и информация в работе казахского лингвиста Ж. Туймебаева «Принципы и критерии историко-генетической дифференциации лексических параллелей тюркских и монгольских языков», опубликованной в 2024 г.

Во вступительном разделе статьи представлено историческое развитие теории алтайских языков и информация о других работах Туймебаева по теории алтайского языка. В основной части рассматриваются исследования исследователя в области алтаистики на сегодняшний день, высказанные мнения, исторические и культурные контакты между тюркскими и монгольскими народами, результаты их языковых взаимодействий, оценки и определения исторических процессов развития культурных контактов между рассматриваемыми языками с научной точки зрения. Кроме того, анализируются сведения Туймебаева о лингвистических особенностях и словарном запасе тувинского языка, на который в большей степени влияет монгольский язык по сравнению с другими тюркскими диалектами, а также сходство монгольских элементов в казахском языке с точки зрения значения и звучания.

Ключевые слова: алтайские языки; тюркские языки; монгольские языки; Жансеит Туймебаев; культурное заимствование; культурная связь; лексическая параллель

Для цитирования:

Utebekov S., Koç K. Theoretical principles and criteria of historical and genetic differentiation of lexical parallels between Turkic and Mongolian languages // Новые исследования Тувы. 2025. № 1. С. 198-211. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.15>

Introduction

Research on the theory of Altaic languages, the foundations of which were laid by the Swedish geographer Philip Johan von Strahlenberg (Strahlenberg, 1730) in the early 18th century, did not reach a successful conclusion due to its distance from the methods of comparative linguistics. This theory, which attracted many researchers, began to be analyzed in two separate branches, namely Uralic languages and Altaic languages, at the beginning of the 19th century. Scientists such as W. Schott (Schott, 1836), G. J. Ramstedt (Ramstedt, 1912, 1957), Z. Gombocz (Gombocz, 1912), W. Kotwicz (Kotwicz, 1938) N. N. Poppe (Poppe, 1960, 1965) etc. focused their research on Altaic languages and discovered the commonalities of the languages belonging to this language group (Turkic, Mongolian, Manchu-Tungus, Korean and Japanese) and obtained important information by comparing languages and dialects in terms of phonology and morphology. There are also opinions among some researchers such as W. Kotwicz (Kotwicz, 1938), L. Ligeti (Ligeti, 1971), V. I. Rassadin (Rassadin, 1980), N. I. Egorov (Egorov, 2006), A. A. Chechenov (Tuymebayev, Egorov, Chechenov, 2009), G. D. Sanjeyev (Sanjeyev, 1953, 1973), T. A. Bertagaev (Bertagaev, 1968, 1971, 1974) and T. Gülensoy (Gülensoy, 1974), etc. that homologues in Altaic languages may be borrowings arising from exchanges between the peoples living in close geographies. However, it is obvious that the sound similarities between Altaic languages such

as rotasism, lambdacism, zetatism and sigmatism are not identical. Nevertheless, starting from the common features such as regular vowel harmony, the presence of suffixes only, the order of sentence elements as subject+object+predicate, the precedence of genetives over determinatum in determinative groups, and the lack of grammatical gender of words, many scholars (including K. H. Menges, O. Pritsak, N. A. Baskakov, P. Aalto, H. W. Choi, T. Tekin, O. N. Tuna, A. Temir, T. Gülensoy, R. A. Miller, O. F. Sertkaya, S. Barutçu and N. Yüce) have supported the theory of Altaic languages (Akar, 2003: 22, 39).

The studies of these researchers present important information on the history of the formation and development of Turkic dialects and other Altaic languages, their periods and places in the world's linguistic system, similarities and differences between languages and dialects. Nevertheless, although some scientists have expressed their opinions on such questions as "Where is the homeland of the peoples who speak Altaic languages?", "How old are Altaic languages?", "Which of the modern languages is closer to pra-Altaic?" and "Which of the languages thought to be derived from pra-Altaic is older and which is newer?", no definite solution has yet been found. In addition, the question of whether similar words in Altaic languages are common words or intercultural borrowings remains on the agenda to this day.

The topic of the theory of Altaic languages is discussed in the works of many Kazakhstani authors. Particularly, in the studies of researchers such as K. Akhanov (Akhanov, 2003), Ä. Qaydar (Kaydarov, 1970), S. Kenesbayev (Kenesbayev, 1971), S. Sarybayev (Sarybayev, 1960, 1971), M. Orazov (Qaydar, Orazov, 2004), B. Bazilhan (Bazilhan, 1973), G. Qaliyev and A. Bolganbayev (Qaliyev, Bolganbayev, 2006), the Kazakh language as a dialect of Turkish and the languages belonging to the group of Altaic languages were compared in terms of phonetics, morphology, lexis, semantics and syntax and similarities were identified. Recently, J. Tuymebayev's works have brought a new perspective to this issue with his original approach, interpretations and evaluations in the light of new findings and information.

In 2024, with the support of the Turkic Academy, J. Tuymebayev, known as one of the representatives of the neo-Altaicists who combine the ontological processes of ethnolinguistic and cultural nature that take place at different levels in the Altai region with the processes of linguistic borrowing, has published a book entitled *Theoretical Principles and Criteria of Historical and Genetic Differentiation of Turkic-Mongolian Lexical Parallels* ("Teoreticheskie printsipy i kriterii istoriko-geneticheskogo razggranicheniia tiurksko-mongol'skikh leksicheskikh paralelei" / «Теоретические принципы и критерии историко-генетического разграничения тюркско-монгольских лексических параллелей») (Tuymebayev, 2024).

The study works through the historical and genetic dimensions of the linguistic similarities between Turkic and Mongolian languages under four main parts: "Theoretical, Scientific and Methodological Foundations of the Development and Formation of Altaicism", "Ethnohistorical Preconditions of Turkic-Mongolian Language Contacts", "The Problem of Anlaut Lip Consonants in Altaic Languages" and "Kazakh-Mongolian Lexical Parallels". In addition, the historical development of the languages belonging to Altaic languages family and the processes of cultural and linguistic borrowings between these languages are analyzed through historical and ethnological analysis methods. In this respect, the work is of great importance for Altaic and Turkological research. In this article, it is aimed to compare the work of the linguist with the research conducted in the field of Altaicism, to examine the issues identified, intersecting and diverging points with scientific perspective.

The methods of the study

Beyond introducing the work, this study aims to analyze and evaluate the new findings and determinations obtained in the book. In the study, which deals with Altaic languages in terms of phonetics, morphology and lexico-semantics in addition to descriptive methods, comparative, diachronic, synchronic, analytical and critical methods are also used.

Evaluation of studies on the unity of Altaic languages

There are two approaches to the theory of Altaic languages (hereinafter referred to as 'AL'): *genetic* (arguing that it is based on a single mother language) and *typological* (arguing that they are not genetically related but only structurally similar). While some of the proponents of the *typological* approach argue that the similarities between AL are due to the centuries-long relationships between them, their strong influence on each other, and the fact that they are different languages (Kotwicz, 1938), others state that the theory of AL needs to be further clarified, studied and researched (Castrén, 1857).

In fact, serious studies on this language theory have been carried out by researchers from various countries of the world, especially in the West, and remarkable opinions have been put forward (Kotwicz, 1938; Ligeti, 1971; Rassadin, 1980; Egorov, 2006; Tuymbayev, Egorov, Chechenov, 2009; Sanjeyev, 1953; Bertagaev, 1968; Gülensoy, 1974). Considering these ideas and opinions, we can categorize Altaicism into three types: traditional Altaicism, anti-Altaicism and neo-Altaicism.

In Tuymbayev's work, which constitutes the basis of our study, some issues related to Altaistics were discussed to obtain definite results, opinions on these issues were advanced and detailed examinations were made together with comparisons. More than 600 sources, including scientific works, dictionaries and literary works, etc. were used during the analysis. First, J. Tuymbayev, who tries to defend the theory of AL, states that until the 20th century there were no materials on Turkish, Chuvash, Mongolian, Tungus, Manchu, Korean and Japanese languages at the time when anti-Altaicists such as when anti-Altaicists such as V. Grønbech, J. Krueger, L. Ligeti, J. Benzing, D. Sinor, G. Dörfer, A. M. Shcherbak, B. A. Serebrennikov and D. Clauson attempted to refute the theory of AL. In other words, the researcher puts forward that the lack of resources lies as the cause of the defense that the Altaic linguistic unity is only a fiction (Tuymbayev, 2024: 16). In the meantime, the researcher tries to emphasize the importance of comparative and historical linguistics. Drawing attention to this in his work from time to time, the researcher emphasizes that other linguists do not give due importance to the principles of comparative and historical linguistics in analyzing the basic ethnic, linguistic and genetic problems between languages. In fact, the scholar argues that a holistic comparison of linguistic sources in such studies would yield more robust results (Ibid.: 11). In this context, he emphasizes the research of Altaicists such as Jean-Pierre Abel-Rémusat (1788–1832), Heinrich Julius Klaproth (1783–1835), Matthias Alexander Castrén (1813–1852), Wilhelm Schott (1802?–1889). However, Abel-Rémusat, who also draws attention to the common words specific to Eastern Turkish, Mongolian and Manchu languages and states that those common words are related to the concepts such as trade, culture and religion, etc., defends the opinion that the common words in Altaic languages resulted from various contacts among peoples (wars, political ties, trade relations, religion, etc.). Tuymbayev states that this opinion of Abel-Rémusat refutes the views on the true kinship of Eastern Turkish, Mongolian, Manchu and Tibetan languages. Nevertheless, he also notes that the materials Abel-Rémusat compiled on these languages provide important clues for later Altaistic studies (Ibid.: 17).

In the 20th century, important work on AL was also carried out. During this period, the basic assumptions of traditional Altaistic research were adhered to, but they began to be updated slightly. Many scholars, notably N. A. Baskakov attempted to syncretize the concepts of genetic, typological and developed kinship of languages (Baskakov, 1981). There was also a growing tendency to extend the boundaries of the Altaic community to other languages and language families. It is known that researchers such as V. M. Illich-Svitych (Illich-Svitych, 1963, 1965), A. B. Dolgopolsky (Dolgopolsky, 1964), A. V. Dybo (Dybo, 1996) tried to classify Altaic languages as Nostratic in terms of their macrofamilies (Turkish, Mongolian, Manchu-Tungusic) and microfamilies (Korean and Japanese). However, Tuymbayev states that all these steps were taken in a cursory manner and the basic problems of the theory of AL were not addressed, and researchers only tried to test the validity of the theory using the methods and techniques of glottochronology and lexicology (Tuymbayev, 2024: 55–56).

Since the 19th century, the most important common features of the languages belonging to AL have been revealed in the abundant publication of dictionaries and grammatical studies that deal with various languages both specifically and comparatively. However, he also highlights that the study of world languages, language families and communities within the framework of the historical and comparative perspective has become even more important in the 21st century (Ibid.: 11). In fact, this theory lost its momentum in the 1990s, but following the publication of the two-volume *Etymological Dictionary of Altaic Languages* (including Korean and Japanese) by S. A. Starostin, A. V. Dybo and O. A. Mudrak in 2003¹ and M. Robbeets' book *Is Japanese Related to Korean, Tungusic, Mongolic and Turkic?* in 2005 (Robbeets, 2005), the theory of Altaic languages was brought back to the agenda. It should be noted that the issue was further stimulated by the harsh and critical definitions written regarding the first work, and the responses given to them by the authors of the dictionary (Ünal, 2019: 503). J. Tuymbayev also criticized the work of S. A. Starostin, A. V. Dybo and O. A. Mudrak, stating that they did not reach any conclusions due to the obvious flaws of the initial materials (Tuymbayev, 2024: 56).

Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. *Etymological dictionary of Altaic languages* : in 3 vols. Leiden : Brill, 2003.

In this part of the study, he also includes the views of some anti-Altaicists. For example, he criticizes the Hungarian scientist G. Décsy, who sharply rejects the kinship of Altaic languages, questioning even the term 'Altaic'; and the Hungarian Mongolist L. Bese, who argues that Altaic languages do not denote their ancestral homeland, even approximately, and that this fantastic hypothesis cannot be verified by anyone (Ibid.: 82).

In conclusion, he states that O. P. Sunik defended the view that, despite the difficulties associated with the detailed research into the modern problems of Altaic studies, especially the explanation of the origin of the commonalities in Altaic languages, it is impossible to solve the issues of Turkology, Mongology and the Manchu-Tungus peoples without Altaic studies based on the historical comparative method (Sunik, 1976).

The researcher states that

“O. P. Sunik’s statement about the relevance and usefulness of Altaic studies for the research into the history of Turkic, Mongolian, Manchu-Tunguz and some other languages should be considered quite fair and convincing” (Tuymebayev, 2024: 56).

Are lexical parallels in Mongolian and Turkish indicative of the existence of the Main Altaic or a result of cultural communication?

The discovery of lexical parallels among the languages belonging to AL has led to the emergence of different opinions among scholars. G. J. Ramstedt (Ramstedt, 1912, 1957) and his proponents attribute these parallels to genetic (blood) ties, while W. Kotwicz (Kotwicz, 1929/1930, 1938) and his followers attribute them to cultural relations and believe that these similarities are due to borrowing. Here, it is seen that there are more lexical parallels between Mongolian and Turkic languages than among other AL. Also, Kotwicz states that there are 25% lexical and 50% morphological parallels between Turkic and Mongolian languages as well (Kotwicz, 1962).

According to the data presented by Tuymebayev (Tuymebayev, 2024: 215), more than 17,000 of the 70,000 words in *The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary* (2001–2002)¹ are common to Turkish and Mongolian languages. Therefore, we can see that common features in Turkish and Mongolian are generally included in the studies on the theory of AL. In fact, common and similar words in the two languages were first discussed in P. J. von Strahlenberg’s work *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia* (Strahlenberg, 1730). This phenomenon was studied by researchers such as J. P. Abel-Rémusat, P. S. Pallas, W. Schott, M. A. Castrén, J. Grunzel, V. Bang-Kaup in different ways until the end of the 19th century, the similarities in question were brought together and presented systematically by G. J. Ramstedt, N. N. Poppe, P. Pelliot and Z. Gombocz in the first quarter of the 20th century. Therefore, it gained the character of a scientific argument. According to this argument, which has many supporters, Mongolian may be the closest language to Turkish when compared to other languages belonging to Altaic languages. Some researchers including Ä. Qaydar and M. Orazov, argue that it is not correct to consider all the thousands of words and other linguistic elements in Turkish and Mongolian languages as borrowings. They indicate that

“Firstly, there are many common features between these languages. Secondly, all common elements have phonetic and grammatical parallelism in accordance with a systematic rule. Thirdly, common features are found at all stages of the language, especially in the structure of the main roots. If we add these to the parallels in dialects, there is no doubt that the rate of these commonalities will increase even more” (Qaydar, Orazov, 2004: 112).

D. Aksan also argues that aside from the word commonalities and changes in meanings between Turkish and Mongolian, the similarities and affinities in concepts such as *kulak* ‘ear’, *saç* ‘hair’, *karın* ‘abdomen’, *topuk* ‘heel’, *ayak* ‘foot’, *yürek* ‘heart’, *azı dişi* ‘molar’, *boyun* ‘neck’, *mesane* ‘bladder’ can easily be underestimated, and that these concepts have survived without significant changes since the earliest written texts in Turkish. He believes that the commonality of words such as *inek* ‘cow’, *öküz* ‘ox’, *buzacağı* ‘calf’, *teke* ‘goat’, *koyun* ‘sheep’, *koç* ‘ram’, *kuzu* ‘lamb’, and the relationship of words such as *eşek* ‘donkey’, *deve* ‘camel’, *ayı* ‘bear’, *porsuk* ‘badger’, *tavuk* ‘chicken’, *balık* ‘fish’ cannot be explained only by the coexistence and cultural relations of these peoples (Aksan, 2015: 115).

As understood from the opinions of D. Aksan, Ä. Qaydar and M. Orazov, the common elements and grammatical features of Turkish and Mongolian languages go beyond borrowings. In doing so, they try to

¹ *The great academic Mongolian-Russian dictionary*: in 4 vols. / ed. by A. Luvsandendev and T. Tsendendamb. Moscow, Academia, 2001-2002. (In Russ. and Mong.).

prove that the words used in parallel in both languages are not borrowings because they are used not only as forms but also as roots in both languages. Although the researchers, who advocate this idea, such as G. J. Ramstedt, E. D. Polivanov, N. N. Poppe, N. A. Baskakov, O. P. Sunik, S. Kenesbayev, Sh. Sarybayev et al., acknowledge that Turkish-Mongolian relations influenced the languages to a certain extent. They argue that such contacts cannot lead to the similarity of the system of languages, cannot take place in all stages of a language as much as in Turkish and Mongolian languages, and even if they do, they cannot be systematic. Many neo-Altaiacists (e.g., W. Kotwicz, L. Ligeti, V. I. Rassadin, N. I. Egorov, A. A. Chechenov, G. D. Sanjeyev, T. A. Bertagaev, T. Gülensoy, G. Smagulova, J. Tuymebayev) argue that the similarities between Turkish and Mongolian languages are the result of ontological processes of ethnolinguistic and cultural nature at different levels. Therefore, Tuymebayev comprehensively discusses the effects of historical interactions between the Turkish and Mongolian peoples on their languages. He particularly stated that the geographical regions and historical events that the two peoples shared played an important role in the emergence of similarities in these languages. For instance, the period of the Mongol Empire reveals how Turkish and Mongolian peoples interacted in terms of language use. He asserts that mutual borrowings between Turkish and Mongolian intensified during this period, especially military and administrative terms were interchanged. In the meantime, he focuses on the mechanisms of borrowing and their impact on Turkish and Mongolian languages. However, as a representative of the neo-Altai movement, he argues that most of the early scholars studying the history of Turkic and Mongolian peoples ignored the complex, multi-stage and multi-faceted adstratum, substratum, superstratum, interstratum relations that actively developed in the Middle Ages among Turkic and Mongolian communities (Tuymebayev, 2024: 210). However, in his study focusing more on the influence of Mongolian on Turkish, the author defends that from Yakutia in the east to Chuvashia and Turkey in the west, there is no Turkic language that has not been influenced by Middle Mongolian to some extent. In the meantime, comprehensively discussing the effects of historical interactions among the Turkic and Mongolian peoples on their languages, he argues that the geographical regions and historical events that the two peoples shared played an important role in the emergence of similarities in these languages (Ibid.: 97). He further states that the influence of the Mongolian language was not only on giving vocabulary. In the meantime, he argues that the influence of the Mongolian language was not only in the vocabulary, but also in the language of some Turkic tribes living in Mongolia and East Turkestan under the pressure of the sociopolitical factors of the Mongols in the 12th–13th centuries, and that this view can be proved by the Turkic elements in the languages of some Mongolian-speaking peoples living in these territories (Ibid.: 94). There are some sources that prove this assertion to be correct. For instance, laboratory studies on the skills of modern Mongolian speakers which are conducted by phonologists of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The results have shown that most of the Mongols living in Inner Mongolia are Turkic by origin. At the same time, the articulatory and acoustic base of modern Halha Mongols resembles that of ancient Turks. It was transformed in the 11th century at the earliest with a tripartite consonant sound contrast according to the degree of muscular tension of the speech apparatus (Seluytina, Urtegeshov, Dobrinina, 2014). This extremely important result gives good reasons for a radical revision of many accepted ideas about the ethnolinguistic history of the peoples of Central Asia in the field of Mongolistics.

J. Tuymebayev tries to divide them into periods by stating that Turkic-Mongolian language interactions date back to ancient times and that they went through various processes. By stating that the interaction between Turkic and Mongolian should be considered in three periods (the 4th–7th, 8th–12th and 13th–14th centuries), A. M. Shcherbak underlines that the influence of Turkish on Mongolian was stronger before the 13th century, but after the 13th century, on the contrary, the influence of Mongolian on Turkish increased (Shcherbak, 1970: 11; Shcherbak, 1986).

In his previously published work *The History of Turkic-Kazakh-Mongolian Ethnolinguistic Relations* (“Istoriia tiurko-kazakhsko-mongol’skikh etnoiazykovykh vzaimootnoshenii” / «История тюрко-казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений»; Tuymebayev, 2008), Tuymebayev analyzed the linguistic relations of the Turkic and Mongolian peoples considering the history of the Kazakh Turks and categorizing them into four periods:

- the 13th–14th centuries — Kipchak and Mongolian relationship;
- the 15th–17th centuries — Kazakh and Oyrat ethnolinguistic relationship;
- the 17th century — Kazakh and Kalmuk ethnolinguistic relationship that continues until the present day;
- Kazakh and Khalha ethnolinguistic relationship until the 19th century (Tuymebayev, 2008: 150–295).

In his work, which constitutes the basis of our study, he emphasizes that Turkic and Mongolian ethnolinguistic contacts go back a long way, starting with the Onogurs in the early 2000s BC and perhaps a little earlier, but that Mongolian lexical borrowings in the Turkish language generally began to increase after the penetration of Turkic languages during the Mongol Empire of Genghis Khan and the Golden Horde (Tuymebayev, 2024: 90, 92, 112). In the conclusion of the book, he chronologically divides the historical processes of Turkic-Mongolian ethnolinguistic relations into periods. In doing so, the linguist first divides them into three periods according to the time of Turkic-Mongolian contacts before the Kazakh Khanate and briefly describes the characteristics of each period:

1) The period of Ogur-Mongol contacts (the 10th–13th centuries; during this period, the Mongols assimilated the communities belonging to the Ogur tribes and forced them into the traditional nomadic lifestyle;

2) The period of Uyghur-Mongol contacts (the 12th–14th centuries; during this period, the Mongols assimilated the ancient Turkic tribes of Central Asia;

3) The period of Mongol expansion into the arid regions of Central Asia (the 10th–11th centuries; during this period, the Mongols were greatly influenced by the Turkic-speaking peoples living in the lands they conquered (Ibid.: 251).

Here, starting a comparative study of Turkic-Mongolian lexical parallels, Tuymebayev underlines that the Ogur substratum in Mongolian must first be identified (Ibid.: 92). As we will explain in more detail in the section on Tuvan, according to the researcher, all animal names and words related to animal husbandry in Mongolian derived from Turkic during the /r/- and /l/-speaking Ogur-Bulgarian-Chuvash language period (Ibid.: 110–111). In this context, a chronotopological stratigraphy of mutual borrowings at different times in both Turkic and Mongolian languages is required, as well as a periodization of Mongolian in Turkic languages by Turkic (including Kazakh) word-level interventions in Mongolian. It should be noted that it is extremely important to study the centuries-long history of Turkic, Kazakh and Mongolian ethnolinguistic relations. The researcher states that while determining periods of Kazakh-Mongolian ethnolinguistic relations, it is necessary to start from the Kipchak period:

1) the period of the Mongol conquest of Dasht-i Kipchak (the 13th–14th centuries);

2) the period of Kazakh-Oyrat relations (the 14th–16th centuries);

3) the period of Kazakh-Jungar relations (the 17th–18th centuries);

4) the period of Kazakh-Kalmuk relations (the 19th–21st centuries);

5) the period of Kazakh-Khalha relations (the 19th–21st centuries) (Ibid.: 251).

According to this classification, although we know that Turkish played a more active role than Mongolian before the 13th century, Mongolian also influenced Turkish in its own way. In addition, J. Tuymebayev tries to prove that there were no Mongolian tribes in the Central Asian steppes, starting from the Great Khingan Mountains to the west, during the Hiung-nu and Old Turkic Khaganates, and that there are no traces of Mongolian languages in Mahmud's Dictionary and all known ancient Turkic monuments, and that the influence of Mongolian on Turkish was mostly after the 13th century (Ibid.: 110). In fact, according to some scholars, Mongolian words can also be found in Turkish monuments dating back to the 12th century. For example, as T. Gülensoy states, "Many words of Mongolian origin that entered Old Turkish lived within Turkish for a long time, they even entered the most important dictionary of Turkish, *Divan-ü Lûgat-it-Türk*, and later survived in the works of Babür, Ebülgazi Bahadır Khan and Ali Şir Nevaî and came to Ottoman Turkish" (Gülensoy, 1974: 236).

Based on recent comparative studies in the field of Altai studies, J. Tuymebayev's work concludes that the ethnolinguistic relations between the Turkic-Mongolian communities were formed under conditions of intensive mutual contacts over a very long period of time, i.e. they are not related to genetic kinship ties. By stating that the contacts of the two peoples emerged at different times, at different regions and under different circumstances. The researcher, although he does not consider the phonetic and morphological similarities between Mongolian, Turkic and Manchu-Tungus languages as a coincidence, does not believe that there is an organic connection between these languages unlike the traditional classical Altaicists, starting with G. J. Ramstedt and N. N. Poppe (Tuymebayev, 2024: 215). Therefore, it is also clear that Poppe does not support the view that AL was first divided into "Mother Korean" and "Chuvash, Turkic, Mongolian and Manchu-Tungus language union", then into "Chuvash and Turkic language union" and "Mongolian and Manchu-Tungus language union" (Poppe, 1960: 8).

However, we can see that the exchange of words between Turkish and Mongolian, linguistic relations of which are extremely complex, takes place in several ways as adstrat, substrat, superstrat, interstratum and superstratum, because the process of interaction of languages does not happen only from one side. The Turkic and Mongolian peoples have been neighbors since ancient times. Therefore, even before Genghis Khan, these languages exchanged words with each other, but the Turkish language played a more active role in this exchange than the Mongolian language. Nevertheless, the influence of Mongolian on Turkic was still quite significant. As a result of Turkish encounters with the religions of Buddhism and Manichaeism, some Sanskrit religious terms and words entered Turkish either directly or through Mongolian (Gülensoy, 1974: 236).

On this basis, J. Tuymebayev puts forward an idea that the lexical parallels between Turkish dialects and Mongolian dialects can be analyzed in the following aspects:

- 1) Turkish borrowings in Mongolian languages;
- 2) Mongolian borrowings in Turkic languages (including Kazakh);
- 3) Kazakh borrowings in languages such as Mongolian (mostly in western dialects) and Kalmyk, etc.;
- 4) Mongolian borrowings in Kazakh (not found in other Turkic dialects);
- 5) Common borrowings through contacts with foreign languages, etc. (Ibid.: 217).

The author gives examples in this way because he mostly takes the words from the vocabulary of Kazakh Turkish. In fact, the content of the fourth aspect can be changed according to the vocabulary of the dialect taken as a basis. However, it can be criticized that J. Tuymebayev does not give any information about the reason why he evaluates their linguistic parallels as cultural borrowings, although he identifies some sound correspondences in Turkic and Mongolian languages other than features such as the presence of suffixes common to general Altaic languages, the absence of gender distinction, the plainness of words following numerical adjectives, and vowel harmony. Indeed, those who consider the lexical parallels between Mongolian and Turkish as borrowings made in ancient times generally argue that some of the elements that make up the basic vocabulary¹ and number systems² of these languages are different, and this situation is an indication that there is no genetic kinship between these languages. In particular, the Orientalist Sir G. Clauson, who reacted sceptically to the theory of AL, argues that even in Turkish and Mongolian, which are considered to be the closest to other languages belonging to AL, the ratio of common words related to basic concepts is not more than 2% and that these are not sufficient to prove genetic kinship, and that they can only be borrowings (Clauson, 1969).

However, some researchers emphasize that these lexical parallels are not ordinary borrowings, but substratum interactions which have a deeper character, dating back too far to be explained by a precise period, and therefore they can be found at all stages of the borrowing language, while recent borrowings can be used only in some areas of the language. Therefore, he emphasizes that substratum relations can go as deep as ethnogenetic ties, and it is difficult to discover the source of some of these borrowings. However, the viewpoints of those who argue that the parallels between Altaic languages are borrowings differ from those of the anti-Altaicists in that they argue that although these languages are not related in terms of their genetic resources, they have ethnic similarities in typological terms and due to their long interaction with each other.

Comparison of Mongolian elements in Kazakh Turkish at the semantic and phonetic levels

In the Kazakh academic world, Sh. Valikhanov was the first who expressed ideas about the common elements between Kazakh and Mongolian and wrote articles on this issue (Valikhanov, 1961: 657–658). In fact, almost all the researchers, notably G. J. Ramstedt and N. N. Poppe, working on the theory of AL used the vocabulary of the Kazakh language. Later, in the last quarter of the 20th century, this issue was discussed by K. Akhanov (Akhanov, 2003), Ä. Qaydar (Kaydarov, 1970), S. K. Kenesbayev (Kenesbayev, 1971), Sh. Sh. Sarybayev (Sarybayev, 1960, 1971), M. Orazov (Qaydar, Orazov, 2004), B. Bazilhan (Bazilhan, 1973), G. Qaliyev and A. Bolganbayev (Qaliyev, Bolganbayev, 2006) and many other Kazakh scholars.

¹ Generally, personal and demonstrative pronouns, some adjectives indicating size and color, vocabulary of society, family and kinship, general names of nature, animals and plants, organ names, basic verbs, etc. are considered as basic word types (Eker, 2006: 72).

² Indeed, it is seen that the number names in Altaic languages are not similar except for four in Mongolian (Ibid.: 70).

Recently, linguists such as J. Tuymebayev, G. Sagidolda, etc. continue their research on Mongolian elements in Kazakh Turkish. Linguists dealing with the historical formation and development of Kazakh Turkish generally attribute the lexical parallels, similar affixes and sound equivalences in the two languages to Kazakh-Mongolian sociopolitical and cultural relations. Suggesting that Kazakh-Mongolian ethnolinguistic relations can be a criterion for other Turkic dialects (Tuymebayev, 2024: 90), J. Tuymebayev devotes a significant part of his work to comparing linguistic elements in the written languages and dialects of Mongolian and Kazakh Turkish. In this section, the researcher evaluates Kazakh as one of the languages that are highly influenced by Mongolian, such as Tuvan, Khakas, Altai, Kyrgyz dialects in the modern period (Ibid.: 97). We can see the lexical parallels between Mongolian and Kazakh in the names of places, water, people and clans, in daily life and in the vocabulary related to administration, military, law, custom, etc. However, as noted by G. Qaliyev, A. Bolganbayev, apart from the words borrowed between Turkic and Mongolian dialects in various periods, there are many common elements whose origin is unknown. For example, according to the information provided by scientists who have studied this issue, there are hundreds of words in the vocabulary of Kazakh Turkish and Mongolian that are very similar in terms of root, structure and meaning (Qaliyev, Bolganbayev, 2006: 143).

Analyzing the words in Kazakh and Mongolian languages in terms of structure, root and meaning, B. Bazilhan has found that 60% of the 40,000 words in the Mongolian-Kazakh Dictionary are common to both languages (Bazilhan, 1973: 4–7).

In his study, J. Tuymebayev, while analyzing the Mongolian and Kazakh linguistic contacts, examines the historical events that took place between the Kipchaks and the Mongols in the 13th–14th centuries, between the Kazakhs and the Oyrats in the 14th–16th centuries, between the Kazakhs and the Jungars in the 17th–18th centuries, between the Kazakhs and the Jungars in the 19th–21st centuries, and between the Kazakhs and the Khalkhas in the same period.

Moreover, he deals with the linguistic elements of the Kazakh written language and dialects of the Turkic-Kazakh tribes, which some scholars believe to be of Mongolian origin, their distribution and language. After that, he evaluates the linguistic similarities underlying the theory of AL in historical, morphological and semantic terms. The similarities between Kazakh and Mongolian languages that this theory reveals are supported by various examples.

As an indicator of Kazakh-Kalmuk ethnolinguistic relations, J. Tuymebayev notes the parallel use of the words *nagashi* ‘maternal relative; uncle’ (< Mong.) and *jiyen* ‘nephew’ (< Trk.) in both languages. He considers this as an indication that despite the sharp political conflicts between the Kazakhs and the Kalmyks, they lived as friends, brothers and relatives in daily relations (Ibid.: 202). In the western dialects of Kazakh, *tas* ‘lime-free brick’, *moşka-* ‘to question’ (< Klm. *moşǵa* ‘to try’), *äydik* ‘big, huge’ (< Klm. *degĕd ik* ‘big, huge’), *žolım üj* ‘small felt tent’ (< Klm. *žolām* ‘house made of poles and felt’), *zorman* ‘squirrel’ (< Klm. *žurmān*, Khalha *zuram*, Buryat *zumbarān* ‘squirrel’), *terme üj* ‘felt tent’ (< Klm. *terēm* ‘the wall of a felt tent like a fence’), etc. are examples of Kazakh-Kalmuk ethnolinguistic relations (Ibid.: 205).

Table 1. Some examples of parallels of /ch/ ~ /sh/ sounds in the Bayan-Ölgii (Mongolia) dialect of the Kazakh language
Таблица 1. Некоторые примеры параллелей звуков /ч/ ~ /ш/ в баян-олгийском (монгольском) диалекте казахского языка

In the Bayan-Ölgii dialect of the Kazakh language	The Kazakh written language
<i>chapan</i> ‘caftan’	<i>Shapan</i>
<i>chataq</i> ‘fight’	<i>Sharaq</i>
<i>chini</i> ‘china, glass’	<i>Shini</i>
<i>cheke</i> ‘forehead’	<i>sheke</i>
<i>aqça</i> ‘money’	<i>aqsha</i>
<i>okche</i> ‘heel’	<i>okshe</i>
<i>emchi</i> ‘physician’	<i>emshi</i>
<i>kichi</i> ‘small’	<i>kishi</i>
<i>tilmach</i> ‘interpreter’	<i>tilmash</i>
<i>kuch</i> ‘power’	<i>kush</i>

While examining the phonetic parallels, he expresses his thoughts about the sounds that are different from the written Kazakh language and the ones in the language of Kazakhs living in Bayan-Ölgii region of Mongolia and the source of these differences. For example, he writes that consonants /ʃ-/ and /ʒ-/ in the front and inner voice in the Kazakh written language are /ç-/ and /ʒ-/ in Bayan-Ölgii. An important result that draws our attention here is that Tuymebayev states that although these features in the dialect of Bayan-Ölgii Kazakhs overlap with the language of the Khalha Mongols, this is not the influence of Mongolian, but a trace of the language of the Kereys who once lived here (Ibid.: 211–212). In other words, modern Kazakh Turkish converts /ç/ to /ʃ/ in all Turkish and loan words, in all positions of words in modern Kazakh Turkish (Koch, Dogan, 2013: 82). In the Eastern dialects of Bayan-Ölgii Kazakhs, however, /ch/ is preserved (Table 1).

In the subsection “Etymological Analysis of Kazakh-Mongolian Word Correspondences”, the researcher defends his own opinion against the viewpoints of G. J. Ramstedt, N. N. Poppe and their followers that /j-/ at the beginning of some words in general Turkish should be considered as /ʒ-/ in Kazakh Turkish and /d-/, /ʒ-/, /n-/, /j-/ and /s-/ in Mongolian. According to Tuymebayev, all the words with these sound parallels are not common words belonging to both languages, as traditional Altaicists say, but borrowings of Turkic origin in Mongolian languages. That is, the Turkish forms of these examples are primary and more archaic. Therefore, the linguist argues that “Such investigations should start from Turkic forms, not from Mongolian and Manchu-Tungusic forms” (Tuymebayev, 2024: 225). This point of view is remarkable and could be a milestone for Altaic studies.

Determinations on the place of Tuvan in Turkish dialects and its relationship with Mongolian

In the work of J. Tuymebayev, the linguistic characteristics and factors of Tuvan, like other Turkic dialects, are frequently mentioned. This information can be evaluated under two headings: “Evaluations Evaluation upon Lexical Similarities” and “Evaluations Evaluation upon Lexical Phonetic Parallels”.

Evaluation upon lexical parallels

Tuvan¹ is a contemporary Turkic language that most closely resembles the phonetic, morphological and lexical features of Old Turkic. The fact that Tuvan Turks have never been geographically separated from the oldest lands of Turks, and that they have lived around the area where the inscriptions were found since the early period has enabled them to preserve the features of Old Turkic. Although their interaction with Mongolian is high, their archaic features were not affected by this situation. Tuvan, which is thought to have close ties with the tribes mentioned in the Orkhon-Yenisey monuments, draws attention because of a good preservation of Old Turkish, Old Oghuz, Old Uyghur features, its long and guttural vowels, its closeness to Tofa, Sakha (Yakut) dialects, and the high number of loan words because its speakers lived in contact with various ethnic groups such as the Mongols and the Manchu-Tunguz peoples (Qaydar, Orazov, 2004: 322; Arikoğlu, 2007: 1151; Bizaqov, 2013: 252).

J. Tuymebayev, while talking about the distribution and frequency of Mongolian words in Turkic dialects, touches upon some important issues related to the vocabulary of Tuvan. Taking into account some studies, he emphasizes that the numerical proportion of Mongolian words in Turkic dialects gradually decreases from language to language, from east to west, so the total number of Mongolian words in Siberian and Sayan-Altaic languages is extremely high, especially the number of Mongolian words in Yakutian and Tuvan is higher than in other dialects and even ranks first (Tuymebayev, 2024: 97). The information the scholar gives while listing the effects of Mongolian on Turkic dialects is also noteworthy. According to him, the presence of many Mongolian elements in Tuvan can be explained by the constant contacts between the Tuvans and the Mongols, the fact that their lands are in the same region and well-known historical and political conditions. Khakas, Gorno-Altai, Kyrgyz, Kazakh and Karakalpak languages come next, followed by Uyghur and Uzbek languages. There are fewer Mongolian words in the Kuman-Kipchak group, which can be distinguished by the abundance of Mongolian lexical elements in Karachay-Balkars. Finally, Oghuz and Chuvash languages have fewer Mongolian elements than other dialects. Of these, Mongolian words in Chuvash were transmitted mainly through Middle Kipchak and mostly through Tatar (Ibid.: 97).

V. I. Rassadin identified more than 2200 borrowings from Mongolian in Tuvan. They are mostly evenly distributed in the three main Tuvan dialects (Rassadin, 1980: 58).

¹ In the colloquial language it is referred to as *Tuva*, *Kici*, and in written texts also as *Uryankay*, *Soyot*, *Soyon*, *Tanu-Tuva* (Qaydar, Orazov, 2004: 322).

According to the sources, Tuvan is highly influenced by Mongolian not only in terms of lexis and semantics but also in terms of phonology, morphology and syntax¹.

Evaluations upon phonetic parallels

Tuvan is one of the Turkic languages whose characteristic phonetic features are taken as an example to explain the phonology of Altaic languages. In fact, Tuvan is important because it is the only dialect that preserves the /d/ sound in the inner voice as it was in Old Turkic. While it has turned into /z/ in Khakas and Yellow Uyghur dialects, it has been replaced by /y/ in others. Generally, these edge effects are taken as a criterion for comparing Altaic languages. Taking this criterion into account, O. N. Tuna argues that /d/ after the root vowel is /d/ in Halach and Tuvan, /t/ in Yakut, /z/ in Khakas, /r/ in Chuvash, /d/ in Mongolian (/c/ before *i*), /d/ in Tungus (/c/ in Manchu and Goldi before *i*), /l/ in Korean, /r/ in Japanese (*y/ after *i* > Ø), and /y/ in others. From this he concludes that the status of this sound in Main Altaic may be */d/ (Tuna, 1992: 20).

When the rotacism and zetatism among the languages belonging to the Altaic family are mentioned, the scholar usually gives examples that the /z/ sound in general Turkish corresponds to /r/ in Chuvash, Mongolian and Tungusic, and to /l/, /t/ and sometimes /y/ in Korean. This view can be proved by the examples given by O. N. Tuna (Ibid.: 22) (Table 2).

Table 2. Some examples of sound parallels among Altaic languages
Таблица 2. Некоторые примеры звуковых параллелей между алтайскими языками

Turkish		Mongolian	Tunguz	Manchu	Korean	Main Altaic
General Turkish	Chuvash					
üz- 'to cut, abrade, tear off'		urü 'to rub, drive; file, rasp'	–	furu 'to crumble, to break into small pieces', furuku 'scraper, file'	phulda- 'to gouge, drive; to grind, file'	*pür(ü)-

Tuymebayev, referring to the opinion of A. Róna-Tas that all animal names and words related to animal husbandry in the Mongolian language are borrowed from the Oghuric-Bulgar-Chuvash dialects with /r/ and /l/, provides information about the usage of the General Turkish word *öküz* in other Altaic languages and some dialects of Turkish. Old Turkic *öküz*, Ogur **ökür* 'ox', Old Mongolian **üker*, Middle period Mongolian *xuker*, *xuger*, *ükär*, *üker* 'large horned animal; ox; cow', Khalkha Mongolian *üxër* 'large horned animal; bull, cow, ox', Buryat *üxër* 'large horned animal; ox; cow', Kalmyk *ükër* 'large horned animal; ox; cow', Oirat *ükër*, *ükür* 'cow', Ordos *ükër*, Dagurian *xukur*, *hukure*, Dunsian *fugie(r)*, Mongolian *fugor*, *xukur* 'large horned animal; ox; cow', etc. In addition, he notes that in Tuvan, the word *üger* has the meanings of 'cattle' and 'bull star', and that the stereotyped language unit *üger bō* means 'rifle used to shoot cattle or bulls'. The linguist also adds examples from the dialects of Manchu-Tungus such as Evenki (*hukur*, *ukur*, *huk ul*, *uk un*, *ekun*, *uku* 'large horned animal; cattle'), Even (*höken*, *hökön* 'cow') and Solonese (*uḡur*, *ukur(u)* 'horned animal') dialects of Manchu-Tungus. There is one more point to be noted here. According to Tuymebayev, the Tuvan word *üger* was borrowed from Mongolian at the end of the 18th century. However, Mongolian, in turn, borrowed this word from the Bulgarian-Chuvash (Ogur) dialect of Turkic in the 1st–2nd centuries AD (Tuymebayev, 2024:: 110–111).

According to some scholars, there is a *p- consonant in the front vowel of some words in Main Altaic. According to Poppe, this default *p- sound has different statuses in modern Altaic languages (Poppe, 1965: 197) (Table 3).

¹ Baran B. *Grammaticalization in Tuvan Turkish* : Unpublished doctoral dissertation. Ankara, Ankara University, 2023 (In Turk.); Findik A. Ş. *Tuvaca according to Radloff* : Unpublished doctoral dissertation. Ankara, Yıldız Technical University, 2023. (In Turk.).

Table 3. Statures of word-initial *p- consonant in Altaic languages
Таблица 3. Статус начальной согласной *p- в алтайских языках

Tunguz-Manchurian	Mongolian	Chuvash	Turkish	Main Altaic
P	F	Ø	ø	*p

In addition to this information, Osman Nedim Tuna further states that “in Halachic, the word-initial h is ø in all the remaining dialects and dialects of the Turkic language: h, x, f, sh, s, ø in Mongolian: Tungus p, h, x, f, ø: p in Korean, ph in Japanese, p, φ in Japanese, and argues that the sounds in these correspondences originate from the Main Altaic sound *p” (Tuna, 1992: 19). According to this information, the *p- sound developed in several stages, including */p/ > /f/ > /h-/ > /ø-/. Here, the sounds /h-/ and /ø-/ attract our attention. In fact, although Tuna states that the /h-/ sound is only found in Halachic and /ø-/ in other dialects, G. Doerfer argues that the /h-/ sound is also found in Old Turkic and that this sound is also shown in writing. J. Tuymebayev states that examples of these phonological features are found in Azerbaijani (Az.), Gagauz (Gag.), Turkish (Trk.), Turkmen (Trkm.), Salar (Sal.), Sari Uyghur (S. Uyg.), Uzbek (Uz.), Uyghur (Uyg.), Kumyk (Kmk.), Karakalpak (Kkp.), Karayim (Krm.) dialects as well as Tuvan Turkish and lists the following examples:

- *harı* ‘bee’ (Trk. *āri*, Trkm. *āri*, Kzk. *ara*, Uyg. *härä*, Kkp. *härre*, Alt. *arū*, Yak. *ıřırıa*);
- *hügü* ‘owl’ (Trk. *ügi*, *ükki*, Trkm. *hüvi*, Kzk. *üki*, Kkp. *ükü*, Mong. (*h*)*uyuli*);
- *hörüm* ‘drill’ (Trk. *ör-* ‘to knit’, Az., Uzb. *hör-*, Gag. *jör-*, Trkm. *ö:rüm*, Kzk. *örim* ‘weaving, knitting’), etc. (Tuymebayev, 2024: 168).

When the /h/ sound is mentioned, an important phonetic change in Tuvan comes to our mind. In modern Tuvan, there are glottal vowels. There are eight of these vowels that occur only in the first syllable. But when they are affixed (when the first syllable becomes toneless), this glottalization usually disappears. In 1937, O. K. Sagan-ool wrote these vowels with the letter /h/ to show the characteristics of other vowels: *paḥş* ‘head’, *paḥz* ‘his/her head’, *aht* ‘horse’, *aḥd* ‘his/her horse’, *oht* ‘his/her fire’, etc. (Iskhakov, Palmbakh, 1961: 24).

In today’s Cyrillic-based alphabet, this is indicated by the /ъ/ sign: *аѡт* ‘horse’, *эѡт* ‘meat’, *оѡт* ‘fire’, *каѡт* ‘floor’, *чаѡс* ‘rain’, *чуѡк* ‘load’, *чоѡн* ‘throat’, *дуѡш* ‘noon’, *аѡш* ‘food’, etc. (Qaydar, Orazov, 2004: 324). The origin of these vowels has not been analyzed. However, E. Arıkođlu argues that the origin of this sound is related to the /g/ sound in Mongolian: “It can be assumed that they derive their glottal characteristic from /g/, which was previously found in publications, but later disappeared. For example, there is an etymological connection between Tuvan Turkish *аѡт* and Mongolian *agt* ‘castrated horse’”¹ (Arıkođlu, 2007: 1154). This information is an essential material for Altaic studies.

Conclusion

In this study, the problems related to the theory of Altaic languages, which was put forward in the early 18th century but has remained a controversial issue until today, are evaluated in the light of new findings and information. In particular, the views and findings of neo-Altaicists, who argue that the parallels between Altaic languages are cultural borrowings, have been dealt with. We agree with J. Tuymebayev’s assumption that there have been close contacts between Altaic languages for centuries, even if there is no genetic link between them, and his claim that without Altaic studies, the history and developmental processes of Turkish, Mongolian, Manchu-Tungus, Korean and Japanese languages belonging to AL cannot be structured well.

In this case, as stated by neo-Altaicists, the adstratum, substratum, superstratum and interstratum categories should be taken as the basis for analyzing the interactions between Turkic and Mongolian languages. In other words, we believe that the interactions between these languages do not belong to only one side, they are reciprocal and these situations were developing differently during various periods. In Turkology and Mongolistics, it has been studied that many words passed from Mongolian to Turkish and the background of these words have been researched at a certain level, but the view that the history of relations between these languages dates back to ancient times (before the On-Ogurs) comes to the fore. It seems necessary to

¹ Cf. Alt., Kaz., Krg., Kkp., *akta*, Uzb. and Uyg. *ahta*, Tkm., *agta* ‘castration’, etc.

open new horizons in Altaic studies by analyzing the Ogur substrate in Mongolian languages in addition to knowledge and further works in this field.

REFERENCES

- Akar, A. (2003) *History of the Turkish language*. Istanbul, Otuken Publications. 339 p. (In Turk.).
- Akhanov, K. (2003) *Fundamentals of linguistics*. Almaty, Sanat Publishing House. 496 p. (In Kaz.).
- Aksan, D. (2015) *Language in all its aspects: Linguistics with main lines*. Ankara, Turkish Language Institution. 244 p. (In Turk.).
- Arikoğlu, E. (2007) *Tuvan Turkish. Grammar of Turkish dialects*. Ankara, Akçağ Publications. (In Turk.).
- Baskakov, N. A. (1981) *The Altaic family of languages and its study*. Moscow, Nauka. 135 p. (In Russ.).
- Bazilhan, B. (1973) *The grammatical grammaticalization of the Moñgol-Qazaq language*. Ölgii. (In Kaz.).
- Bertagaev, T. A. (1968) The Buryat language. In: *Languages of the peoples of the USSR : in 5 vols*. Leningrad, Nauka. Vol. 5. ed. by P. Ya. Skorik et al. 524 p. Pp. 13–33. (In Russ.).
- Bertagaev, T. A. (1971) Internal reconstruction and etymology of words in Altaic languages. In: *The problem of the commonality of Altaic languages / ed. by O. P. Sunik*. Leningrad, Nauka. 404 p. Pp. 90–109. (In Russ.).
- Bertagaev, T. A. (1974) *Vocabulary of modern Mongolian literary languages (based on the Mongolian and Buryat languages)*. Moscow, Nauka. 382 p. (In Russ.).
- Bizaqov, S. (2013) *All Turks*. Almaty, Republican School in Geography. 288 p. (In Kaz.).
- Castrén, M. A. (1857) *Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker nebst samojedischen Märchen und tatarischen Heldensagen*. St. Petersburg, Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. xviii, 257 p. (In Germ.).
- Clauson, G. (1969) A lexicostatistical appraisal of the Altaic theory. *Central Asiatic Journal*, vol. 13, no. 1, pp. 1–23.
- Dolgopolsky, A. B. (1964) *A long-range comparison of some languages of Northern Eurasia (Problems of phonetic correspondences)*. Moscow, Nauka. 26 p.
- Dybo, A. V. (1996) *Semantic reconstruction in Altaic etymology : Somatic terms (shoulder girdle)*. Moscow, School "Languages of Russian Literature". 390 p. (In Russ.).
- Egorov, N. I. (2006) Problems of chronotopological stratification of the Chuvash-Mongol lexical parallels and their historical interpretation. *Chuvashskiy Gumanitarniy Vestnik*, no. 1, pp. 144–163. (In Russ.).
- Eker, S. (2006) *Contemporary Turkish language*. Ankara, Grafiker Publications. 681 p. (In Turk.).
- Gombocz, Z. (1912) Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen. *Keleti Szemle*, vol. XIII, no. 1–2, pp. 1–37. (In Germ.).
- Gülensoy, T. (1974) Notes on Mongolian words in Old and Middle Turkic and common Mongolian-Turkish words. *Turkology Journal*, vol. 6, no. 1, pp. 235–260. (In Turk.).
- Illich-Svitych, V. M. (1963) Altai dental: *t, d, δ*. *Voprosy Jazykoznanija*, no. 6, pp. 37–56. (In Russ.).
- Illich-Svitych, V. M. (1965) Altai guttural: *k', *k, *g. In: *Etymology. Principles of reconstruction and research methodology / ed. by L. A. Gindin et al*. Moscow, Nauka. 397 p. Pp. 338–343. (In Russ.).
- Iskhakov, F. G., Palmbakh, A. A. (1961) *Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology*. Moscow, Publishing House of Oriental Literature. 472 p. (In Russ.).
- Kaydarov, A. T. (1970) Uyghur-Mongolian linguistic relations in the field of phonetics. In: *Research on the Uyghur language : in 2 parts / ed. by N. A. Baskakov*. Almaty, Nauka of the Kazakh SSR. Part 2. 172 p. Pp. 57–67. (In Russ.).
- Kenesbayev, S. K. (1971) On the issue of the Turkic-Mongolian linguistic commonality (based on the material of some grammatical phenomena of the Kazakh language). In: *The problem of the commonality of Altaic languages / ed. by O. P. Sunik*. Leningrad, Nauka. 404 p. Pp. 322–330. (In Russ.).
- Koch, K. and Dogan, O. (2013) *Kazakh Turkish grammar*. Istanbul, IQ Culture and Arts Publishing. 788 p. (In Turk.).
- Kotwicz, W. (1929/1930) Contributions aux études altaïques. *Rocznik Orientalistyczny*, vol. 7, pp. 130–234. (In Fr.).
- Kotwicz, W. (1938) Kilka uwag o turecko-mongolskich analogiach językowych. In: *VII Zjazd orientalistów polskich*. Krakow. (In Pol.).
- Kotwicz, W. (1962) *A research on Altaic languages*. Moscow, Publishing House of Foreign Literature. 371 p. (In Russ.).
- Ligeti, L. (1971) The Altaic theory and lexicostatistics. *Voprosy Jazykoznanija*, no. 3, pp. 21–33. (In Russ.).
- Poppe, N. (1960) *Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I: Vergleichende Lautlehre*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz. xii, 188 p. (In Germ.).
- Poppe, N. (1965) *Introduction to Altaic linguistics*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz. xiii, 212 p.
- Qaliyev, G. A. and Bolganbayev, A. (2006) *The lexicology and phraseology of the Kazakh language*. Almaty, Sozdik-Slovar. 258 p. (In Kaz.).

- Qaydar, Ä. and Orazov, M. (2004) *Turkitanuga kirispe*. Almaty, Aris baspa. 360 p. (In Kaz.).
- Ramstedt, G. J. (1912) Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. Helsingfors, Druckerei der Finnischen Litteraturgesellschaft. 86 p. (Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja, XXVIII, 3). (In Germ.).
- Ramstedt, G. J. (1957) Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I: Lautlehre. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura. 192 p. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, no. 104: 1). (In Germ.).
- Rassadin, V. I. (1980) *Mongol-Buryat borrowings in Siberian Turkic languages*. Moscow, Nauka. 115 p. (In Russ.).
- Robbeets, M. I. (2005) Is Japanese related to Korean, Tungusic, Mongolic and Turkic? Wiesbaden, Harrassowitz Verlag. 975 p. (Turcologica, Bd. 64).
- Sanjeyev, G. D. (1953) *A comparative grammar of Mongolian languages*. Moscow, Publishing House of Academy of Sciences of the USSR. Vol. I. 240 p. (In Russ.).
- Sanjeyev, G. D. (1973) On Turkic-Mongolian linguistic parallels. *Sovetskaya Tyurkologiya*, no. 6, pp. 73–78. (In Russ.).
- Sarybayev, Sh. Sh. (1960) On the issue of Mongolian-Kazakh linguistic relations. In: *Issues of the history and dialectology of the Kazakh language* : in 2 parts / ed. by T. N. Sauranbaev et al. Alma-Ata, Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Part 2. 175 p. Pp. 34–71. (In Russ.).
- Sarybayev, Sh. Sh. (1971) Mongolian-Kazakh lexical parallels. In: *The problem of the commonality of Altaic languages* / ed. by O. P. Sunik. Leningrad, Nauka. 404 p. Pp. 256–262. (In Russ.).
- Schott, W. (1836) *Versuch über die Tatarischen Sprachen*. Berlin, Verlag von Veit & Comp. 82 p. (In Germ.).
- Seluytina, I. Ya., Urtegeshov, N. S. and Dobrinina, A. A. (2014) Typological specifics of the Evenk consonantism (according to the data of digital roentgenography and magnetic-resonance tomography). *Siberian Journal of Philology*, no. 1, pp. 186–191. (In Russ.).
- Shcherbak, A. M. (1970) *Comparative phonetics of Turkic languages*. Leningrad, Nauka. 204 p. (In Russ.).
- Shcherbak, A. M. (1986) Turkic-Mongolian linguistic links. *Voprosy Jazykoznanija*, no. 4, pp. 47–59. (In Russ.).
- Strahlenberg, Ph. J. von (1730) *Das nord- und östliche Theil von Europa und Asia*. Stockholm, In Verlegung des Autoris. [26], 438, [16], [XII] p. (In Germ.).
- Sunik, O. P. (1976) Current problems of Altaic studies. *Voprosy Jazykoznanija*, no. 1, pp. 16–30. (In Russ.).
- Tuna, O. N. (1992) Theory of Altaic languages. *Turkish World Handbook*, vol. 2, pp. 7–58. (In Turk.).
- Tuymebayev, J. K. (2024) *Theoretical principles and criteria of historical and genetic differentiation of Turkic-Mongolian lexical parallels*. Astana, Turkic Academy. 296 p. (In Russ.).
- Tuymebayev, J. K., Egorov, N. I. and Chechenov, A. A. (2009) *Contemporary issues of the study of the languages of Central Asia. Turanian language union*. Kokshetau, Kokshetau State University. 108 p. (In Russ.).
- Tuymebayev, J. K. (2008) *The history of Turkic-Kazakh-Mongolian ethnolinguistic relations*. Astana, Astana Poligrafya. 366 p. (In Russ.).
- Ünal, O. (2019) Words of Turkic origin in the vocabulary of written and middle Mongol I (A–D). *Journal of Old Turkic Studies*, vol. 3, no. 2, pp. 502–615. (In Turk.).
- Valikhanov, Sh. Sh. (1961) *Collected works* : in 5 vols. Alma-Ata, Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Vol. 1. 777 p. (In Russ.).

Submission date: 12.10.2024.

Acceptance date: 03.12.2024.

Буддийская идея «упая–праджня» в контексте стратегии развития современного общества

Юлия Ю. Эрендженова, Валерий Н. Бадмаев, Мерген С. Уланов

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

Статья посвящена оценке эффективности идеи «упая–праджня», являющейся одной из базовых категорий тантрической буддийской традиции, как стратегии духовного развития современного общества. Актуальность исследования обусловлена необходимостью в разработке стратегий, предусматривающих приоритет общечеловеческих интересов и осознания целостности мира в духе «нового гуманизма». Методология межкультурной философии позволяет обратиться к буддийской культуре как источнику альтернативных стратегий.

Определено, что сущность идеи «упая–праджня» заключается в объединении метода (бодхичитты) и мудрости (осознание шуньяты). В тибетской традиции «упая–праджня» воплощается в ходе тантрической практики Всеобъемлющей йоги.

Применительно к стратегии развития общества идею «упая–праджня» можно трактовать как единство этического (метод) и рационального (мудрость). Отмечается, что принципы рационального и этического могут и должны быть взаимодополняющими элементами, что совпадает и с принципом дополнительности Н. Бора, который можно трактовать как существование специфической дополнительности между рациональностью и нравственностью, разумом и сердцем, мудростью и состраданием.

Приводятся мнения лидеров буддийских организаций Тибета, Бутана, России, относящихся к тибетской традиции, интервью с которыми были взяты в 2023 г. Материалы интервью показали, что подход сбалансированного сочетания метода и мудрости предлагается ими и для решения глобальных проблем человечества.

Ключевые слова: буддизм; глобальная проблема; глобализация; принцип дополнительности; межкультурная философия; буддийский мир; буддийская стратегия; упая–праджня; метод–мудрость

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-03-2024-113 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»).

Для цитирования:

Эрендженова Ю. Ю., Бадмаев В. Н., Уланов М. С. Буддийская идея «упая–праджня» в контексте стратегии развития современного общества // Новые исследования Тувы. 2025. № 1. С. 212-223. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.16>

Эрендженова Юлия Юрьевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, заведующий научной лабораторией «Комплексные буддологические исследования» Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Эл. адрес: yulia.er16@gmail.com

Бадмаев Валерий Николаевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник научной лаборатории «Комплексные буддологические исследования» Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Эл. адрес: badmav07@yandex.ru

Уланов Мерген Санджиевич — доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Эл. адрес: ulanov1974@mail.ru

BUDDHIST WORLD

Article

**Buddhist idea of ‘upaya-prajnya’
in the context of development strategy of modern society****Yulia Yu. Erendzhenova, Valeriy N. Badmaev, Mergen S. Ulanov***Kalmyk State University, Russian Federation*

The article evaluates the effectiveness of the ‘upaya-prajna’ concept, one of the fundamental categories of the Tantric Buddhist tradition, as a strategy for the spiritual development of modern society. The relevance of the study is determined by the need to develop strategies that prioritize universal human interests and the awareness of the world’s integrity in the spirit of “new humanism”. The methodology of intercultural philosophy makes it possible to turn to Buddhist culture as a source of alternative strategies.

It has been established that the essence of the ‘upaya-prajna’ concept lies in the union of method (bodhicitta) and wisdom (the realization of shunyata). In the Tibetan tradition, ‘upaya-prajna’ is embodied in the tantric practice of the All-Encompassing Yoga.

In relation to the strategy for social development, the concept of ‘upaya-prajna’ can be interpreted as the unity of the ethical (method) and the rational (wisdom). It is noted that the principles of rationality and ethics can and should be complementary elements, which aligns with N. Bohr’s principle of complementarity. This principle can be interpreted as the existence of a specific complementarity between rationality and morality, reason and heart, wisdom and compassion.

The article presents the opinions of leaders of Buddhist organizations from Tibet, Bhutan, and Russia, affiliated with the Tibetan tradition, whose interviews were conducted in 2023. The interview materials revealed that they propose a balanced combination of method and wisdom as a solution to global challenges facing humanity.

Keywords: Buddhism; global problem; globalization; principle of complementarity; intercultural philosophy; Buddhist world; Buddhist strategy; upaya-prajna; method-wisdom

Financing

The research was carried out under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. 075-03-2024-113 “Buddhism and global challenges of the modern world”).

For citation:

Erendzhenova Yu. Yu., Badmaev V. N. and Ulanov M. S. Buddhist idea of ‘upaya-prajnya’ in the context of development strategy of modern society. *New Research of Tuva*, 2025. no. 1, pp. 212-223. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.16>

ERENDZHENOVA, Yulia Yurievna, Candidate of Philosophy, Leading Research fellow, Head, Scientific Laboratory “Comprehensive Buddhist Studies”, Kalmyk State University. Postal address: office 111, Pushkin St. 11, 358000, Elista, Russia. E-mail: yulia.er16@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5387-9731

BADMAEV, Valeriy Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Professor, Chief research fellow, Scientific Laboratory “Comprehensive Buddhist Studies”, Kalmyk State University. Postal address: office 111, Pushkin St. 11, 358000, Elista, Russia. E-mail: badmav07@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1066-8314

 ULANOV, Mergen Sandzhevich, Doctor of Philosophy, Candidate of History, Head, Department of Philosophy and Cultural Studies, Kalmyk State University. Postal address: office 111, Pushkin St. 11, 358000, Elista, Russia. E-mail: ulanov1974@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6749-7424

Введение

Глобализация стала неотъемлемой частью реальности и требует выработки алгоритмов решения глобальных проблем, направленных в духе «нового гуманизма» на приоритет общечеловеческих интересов с одновременным пониманием целостности мира. Это актуализирует исследования в области стратегического планирования, что должно помочь человечеству правильно ориентироваться в этом мире в условиях глобализации (Philosophical aspects ... , 2022: 19–22).

Среди векторов современного развития, которые нашли отражение в научном и общественном дискурсе, можно отметить признание культурного многообразия и полицентричности мира. Осознается необходимость признания равнозначности западной и восточной культур, необходимость диалога Запада и Востока, Европы и Азии в современном глобализирующемся мире.

В этой связи особо можно выделить буддийскую культуру, которая, на наш взгляд, содержит в себе значительный потенциал для решения целого ряда глобальных проблем современного мира (см.: Абаев, Фельдман, 2016; Эрендженова, 2023; Уланов, Бадмаев, Хомутников, 2024; Green, 2016; Rocha, 2012).

Достаточно большое количество исследовательских работ посвящено анализу стратегического потенциала буддизма. В большей степени ученые пытаются понять алгоритмы деятельности буддистов для распространения своей религии в моно- и полиэтническом обществах (Абаева, 2020), для взаимодействия в межконфессиональном пространстве (Насонов, 2016), для общения с единомышленниками с применением новых медиатехнологий (Островская, Бадмацыренов, 2022). Есть исследования, в которых феномены буддийского мира осмысливаются с точки зрения их возможного использования в нерелигиозной сфере. К примеру, К. Шинде провел анализ эффективности буддийского паломничества как стратегии развития культурного туризма в Индии (Shinde, 2022).

Вместе с тем другие исследователи утверждают, что стратегический подход традиционно использовался буддистами для обоснования и трансляции буддийской философии. С. М. Малкина не только выявила стратегии философского мышления известного буддийского ученого Нагарджуны, но и сравнила их со стратегиями деконструктивиста Ж. Деррида (Малкина, 2015). В. Б. Коробов считает, что Абхидхарма, одна из частей буддийского канона, по сути является стратегией познания, исключая дихотомию «познающий субъект — познаваемый мир» (Коробов, 2024). Исследователи Ч. Хуанг и Л. Вэй раскрыли стратегический замысел использования буддийского учения о карме в романе вьетнамской писательницы Лан Цао для того, чтобы вьетнамские мигранты могли преодолеть невзгоды и исцелить душевные травмы после войны (Huang, Wei, 2024).

Попытку найти и раскрыть стратегический потенциал буддизма совершают и сами буддисты. Как отметил известный буддийский учитель Тхит Нят Хань,

«буддизм — глубочайшая форма гуманизма, которая у нас есть. Он может помочь нам научиться жить ответственно, с состраданием и любящей добротой. Мы имеем возможность решить судьбу нашей планеты. Если мы осознаем реальную ситуацию, в которой находимся, в нашем коллективном сознании произойдут перемены. Нам нужно предпринять что-то, чтобы пробудить людей. Мы должны помочь Будде пробудить людей, которые живут во сне»¹.

Вьетнамская организация «Buddhism Today Foundation» опубликовала сборник трудов современных буддийских мыслителей традиции Тхеравады, объединивших усилия для того, чтобы обосновать буддийский подход к ответственному потреблению и устойчивому развитию².

На основании этого возникает необходимость осмыслить потенциал идей другой традиции буддизма — Ваджраяны, широко распространенной в Тибете, Бутане, Монголии, России и получившей признание на Западе. Сегодня тибетским учителям и мыслителям «приходится переосмысливать многие буддийские идеи и концепции с целью применения их к новым социальным реалиям и глобальным вызовам» (Уланов, Бадмаев, 2023: 147).

¹ Тхит Нят Хань. Колокола осознанности // Буддийский ответ на климатический кризис / под ред. Дж. Стэнли, Д. Р. Лоя и Г. Дордже. М.: Ганга, 2021. С. 393–394.

² См.: Buddhist approach to responsible consumption and sustainable development. Ed. by Thich Nhat Tu and Thich Duc Thien. Hanoi: Hong Duc Publishing House, 2019.

Среди таких идей особое место занимает концепция «упая–праджня». Э. Конзе отметил, что в Ваджраяне только единство двух начал (упая как активное начало, праджня как пассивное начало) может привести к освобождению (Конзе, 2003: 257). Дж. Туччи обозначил «упаю» как метод и «праджню» как интуицию и считал их двумя важнейшими категориями буддийской практики, которые необходимо рассматривать в нераздельности (Туччи, 2005: 55–56). В исследовании Ю. Ю. Эрендженовой эта концепция представлена как одна из базовых категорий тибетской буддийской культуры (Эрендженова, 2022: 31).

В научном дискурсе нет работ, в которых была бы сделана попытка рассмотреть значимость данной концепции не только для буддистов, но и для всего общества в условиях современности. На основании этого необходимо выявить, обращаются ли последователи буддизма Ваджраяны к этой идее как способу решения общечеловеческих проблем и, соответственно, можно ли рассматривать эту идею в качестве альтернативной стратегии духовного развития общества. Исходя из обозначенной проблематики, целью настоящего исследования является оценка эффективности буддийской идеи «упая–праджня» в качестве стратегии духовного развития общества в условиях глобализации. Для достижения поставленной цели необходимо раскрыть сущность идеи «упая–праджня», выявить ее возможное воздействие на мнение буддистов о способах решения глобальных проблем, а затем определить стратегический потенциал этой идеи.

Материалы и методы

В этой связи важно обращение к методологии, связанной с феноменом межкультурной философии, которая решительно отвергает европоцентризм и предполагает принцип равноценности культур Востока и Запада (Степанянц, 2020: 25). Методология межкультурной философии включает в себя принцип «когнитивной скромности», который предполагает изучение культур Востока, не только с позиций западной науки, но «глазами ее представителей». Благодаря принципу «когнитивной скромности» мы можем лучше понять уникальность восточных культур и религий, несводимость их принципов и идей к западным установкам и парадигмам (см.: Степанянц, 2020).

На основании этого для выявления сущности идеи «упая–праджня» важно использовать работы буддийских авторов. Авторами статьи проанализированы трактаты «Сущность драгоценной сокровищницы советов отца Дхармы почтенным духовным сыновьям, называемой “Гирлянда драгоценностей бодхисаттвы”» Чжово Атиши, «Инструкции по природному единению махамудры» Кармапы Рангджунга Дордже, «Большое руководство к этапам пути пробуждения» Чже Цонкапы¹, а также труды Его Святейшества Далай-ламы XIV как одного из главных представителей традиции Ваджраяны в современном мире². Необходимость исследования механизма практической реализации идеи «упая–праджня» потребовала изучения буддийских текстов «Развитие бодхичитты Всеобъемлющей йоги» и «Святая махаянская сутра, называемая «Глава о секрете всех будд, искусных средствах, по просьбе бодхисаттвы Джняноттары»³.

Для того, чтобы выявить возможное воздействие идеи «упая–праджня» на мнение буддистов о способах решения глобальных проблем, авторы статьи провели ряд глубинных интервью с авторитетными представителями буддийского мира (всего 15 чел.) во время Международного буддийского

¹ bKa'a gdams glegs bam las btus pa'i chos skor [A Brief Cycle of Teachings from the Kadam Treatises]. New Delhi: Institute of Tibetan Classics, 2005. P. 21–23; mNyam-med bka'a-brgyud lugs-kyi phyag-rgya chen-po-dang 'brel-ba'i chos-skor [The Cycle of Teachings on the Great Seal of the Incomparable Kagyu Tradition]. New Delhi: Institute of Tibetan Classics, 2008. P. 91–102; Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути пробуждения : в 2 т. / пер. с тиб. А. Кутявичуса. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2007. Т.1.

² Далай-лама XIV. Революция сострадания. Призыв к людям будущего: написано Софией Стрил-Реввер на основе частных бесед с Его Святейшеством. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.

³ Thams cad rnal 'byor gyi sems bskyed pa ni [Развитие бодхичитты Всеобъемлющей йоги] // Тексты для ежедневных практик. М.: Издание Дрепунг Гоманг Центра, 2016. С. 99–101; 'Phags pa sangs rgyas thams cad ky'i gsang chen thabs la mkhas pa byang chub sems dra' ye shes dam pas zhus pa'i le'u zhes bya ba theg pa chen po'i mdo [Святая махаянская сутра, называемая «Глава о секрете всех будд, искусных средствах, по просьбе бодхисаттвы Джняноттары»] // bKa' 'gyur (stog pho brang bris ma) [Жагьюр (манускрипты из дворца Tor)]. Vol. 40. Leh: Smantsis Shesrig Dpemzod, 1980. P. 148–265.

форума «Традиционный буддизм и вызовы современности», проходившего 17–19 августа 2023 г. в г. Улан-Удэ (Россия). При составлении опросника авторы намеренно не упоминали идею «упая–праджня», чтобы проверить, станут ли буддисты апеллировать к ней в своих ответах. В статье приводится краткое содержание ответов руководителей буддийских организаций, относящихся к традиции Ваджраяны, из Тибета, Бутана и буддийских регионов России (Республика Бурятия, Республика Калмыкия, Республика Тыва, Республика Алтай).

Назовем их персонально. Джигме Гьяцо, буддийский монах, геше-лхарамба, является избранным настоятелем тибетского монастыря–университета «Дрепунг Гоманг», в настоящее время расположенного на территории Индии. Уджен Намгьял исполняет обязанности главного монаха Королевского храма Бутана. Буддийский монах, геше Еше Жигме (в миру — Дымбрыл Дашибалданов) является ректором буддийского университета «Даши Чойнхорлин» имени Дамба Даржа Заяева при Иволгинском дацане Бурятии. Буддийский монах, геше Тензин Чойдак (в миру — Мутул Овьянов) возглавляет буддистов Калмыкии в должности Шаджин-ламы (верховного ламы). Гелек Нацык-Доржу (в миру — Сергек Сарыглар) занимает пост IX Камбы-ламы (верховного ламы) Республики Тыва. Арам Кыпчаков является председателем Центрального духовного управления буддистов Республики Алтай. Видеоматериалы и расшифрованные тексты интервью находятся в базе данных, зарегистрированной в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (Роспатент)¹.

Изученные тексты и материалы интервью позволили посредством SWOT-анализа определить сильные стороны, слабые стороны, возможности и риски буддийской идеи «упая–праджня», чтобы оценить ее стратегический потенциал.

Сущность буддийской идеи «упая–праджня»

«Упая–праджня» (с санскр. ‘метод–мудрость’) считается специфическим термином в буддийской традиции Ваджраяны, где средства для достижения наивысшей цели буддистов — просветления, обязательно должны сочетаться с постижением природы реальности за счет обретения мудрости². В тибетской традиции концепт *thabs shes* (‘метод–мудрость’) имеет два значения. Во-первых, подразумевает единство двух собраний — духовных заслуг и мудрости. Во-вторых, под методом понимается бодхичитта, тесно связанная с любовью и состраданием, а под мудростью — воззрение пустотности³. При исследовании источников, связанных с тибетским буддизмом, в них обнаруживается установка на взаимодополняемость метода и мудрости.

Чжово Атиша (982–1054) в кратком руководстве по буддийской практике указывает на то, что результатом всех духовных практик, составляющих буддийский путь к просветлению, должно стать накопление духовных заслуг и мудрости, а это послужит залогом для избавления от омрачений⁴. Кармапа Рангджунг Дордже (1284–1339) наставляет о том, что необходимо медитировать до тех пор, пока сострадание и познание пустоты не станут нераздельными⁵. Чже Цонкапа (1357–1419), ссылаясь на канонические буддийские тексты, разъясняет, что достижение состояния Будды является невозможным, если практиковать только метод, или только мудрость⁶.

Современные тибетские мастера подчеркивают важность интеграции буддийских знаний с практикой, что способствует обретению глубинной доброты, основанной на мудрости. Так, Его Святей-

¹ Бадмаев В. Н., Бичеев Б. А., Уланов М. С., Эрендженова Ю. Ю., Спиридонова Л. Ю., Андреева А. А. Буддизм и глобальные вызовы современного мира (материалы экспертных интервью): база данных // Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент). Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024621493. Заявка № 202621134. Дата регистрации: 05.04.2024.

² Философия буддизма: энциклопедия / ред. М. Т. Степанянц. М.: Восточная литература, 2011. С. 531–532.

³ Mkhas dbang dung dkar blo bzang 'phrin las mchog gis mdzad pa'i bod rig pa'i tshig mdzod chen mo shes bya rab gsal zhes bya ba bzugs so [Dungkar Tibetological Great Dictionary]. Beijing: Khung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2002. P.1040.

⁴ bKa'a gdams glegs bam las btus pa'i chos skor [A Brief Cycle of Teachings from the Kadam Treatises]. New Delhi: Institute of Tibetan Classics, 2005. P. 22.

⁵ mNyam-med bka'a-brgyud lugs-kyi phyag-rgya chen-po-dang 'brel-ba'i chos-skor [The Cycle of Teachings on the Great Seal of the Incomparable Kagyu Tradition]. New Delhi: Institute of Tibetan Classics, 2008. P. 102.

⁶ Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути пробуждения: в 2 т. / пер. с тиб. А. Куявичуса. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2007. Т. 1. С. 579–598.

шество Далай-лама XIV подчеркивает связь мудрости и сострадания, отмечая, что при правильном понимании пустотности, взаимозависимости всех явлений, сострадание возникнет естественным образом¹. Известный буддийский мастер Геше Джампа Тинлей в своих наставлениях отмечает, что «мудрость без сострадания — суха и вредоносна. Сострадание без мудрости — слепо и немощно. Не пренебрегайте ни мудростью, ни состраданием»².

Единство метода и мудрости можно обнаружить в тантрическом буддизме, в частности, во Всеобъемлющей йоге, которая входит в процесс тантрического посвящения. В этой практике «упая–праджня» соотносится с двумя видами бодхичитты: упая — это относительная бодхичитта, а праджня — абсолютная бодхичитта. Во время инициации учеников в определенный момент им следует сосредоточиться на единстве двух видов бодхичитты.

Несмотря на то, что Всеобъемлющая йога является тантрической практикой и транслируется в сугубо религиозном контексте, в настоящее время с этой практикой может ознакомиться любой желающий. Дело в том, что Далай-лама адаптировал Всеобъемлющую йогу для ее применения широким кругом лиц. В ходе регулярных учений он призывает своих последователей выполнять практику Всеобъемлющей йоги с соответствующей визуализацией: относительную бодхичитту (метод) необходимо представлять в виде диска белой луны, абсолютную бодхичитту (мудрость) следует визуализировать как белую пятиконечную ваджру³.

В ноябре 2021 г. российские буддисты обратились к Далай-ламе с просьбой прокомментировать Всеобъемлющую йогу и дать рекомендации по ее выполнению. Духовный лидер обратил внимание на значимость анализа бодхичитты и пустоты, который должен присутствовать в сознании верующих в период совершения практики. Более того, Далай-лама посчитал неуместным требовать от учеников каких бы то ни было обязательств по количеству рецитации текста Всеобъемлющей йоги. Вместо этого он подчеркнул, что главным фактором этой практики должно быть осознание того, что самосовершенствование личности с благородной альтруистической целью обретения просветления ради всеобщего блага в обязательном порядке должно сопровождаться пониманием пустотности самобытия⁴.

Таким образом, суть буддийской идеи «упая–праджня» заключается в синхронизации метода и мудрости, что в традиции Ваджраяны на практике реализуется в тантрической йоге божества и в процессе Всеобъемлющей йоги. Это специфическое учение заключается в том, что средства для достижения наивысшей цели буддистов — просветления с альтруистической интенцией, обязательно должны сочетаться с постижением природы реальности за счет обретения мудрости. В процессе совершения Всеобъемлющей йоги буддисты размышляют о спасении всех живых существ в ракурсе тотальной взаимозависимости. Это означает, что результатом практики идеи «упая–праджня» является расширение сознания за счет объединения альтруизма и холизма.

Мнения буддистов традиции Ваджраяны о способах решения глобальных проблем

В попытке понять роль буддизма в современном мире буддисты разных стран объединили усилия в ходе Международного буддийского форума «Традиционный буддизм и вызовы современности», проходившего 17–19 августа 2023 года в Улан-Удэ (Россия). Авторам статьи удалось встретиться с лидерами буддийских организаций, относящихся к традиции Ваджраяны, и побеседовать с ними о способах, которые они могут предложить для решения глобальных проблем. В ходе интервью был задан вопрос: «Как Вы думаете, в чем состоит специфика буддийского взгляда на глобальные проблемы современного мира и что может предложить буддизм для решения этих проблем?»

¹ Далай-лама о главном. Беседы о гневе, сострадании и наших поступках [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет. 2014, 15 сентября. URL: <http://savetibet.ru/2014/09/15/dalailama.html> (дата обращения: 21.10.2024).

² Геше Джампа Тинлей. Буддийские наставления [Электронный ресурс] // Теософия в России. URL: <http://www.theosophy.ru/lib/buddnast.htm> (дата обращения: 21.10.2024).

³ Далай-лама. Практика всеобъемлющей йоги [Электронный ресурс] // YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=75hy90k6VPU> (дата обращения: 21.10.2024).

⁴ Далай-лама ответил на вопрос фонда «Сохраним Тибет» о практике всеобъемлющей йоги [Электронный ресурс] // YouTube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nR6f8M1djlA> (дата обращения: 21.10.2024).

Геше-лхарамба Джигме Гьяцо, настоятель тибетского монастыря-университета «Дрепунг Гоманг», подчеркнул, что решение глобальных проблем человечества последует за внутренним умиротворением людей. Для того, чтобы добиться этого человеку необходимо развивать мудрость, заниматься «тренировкой ума», то есть держать под контролем свои эмоции, чувства и мысли, возвращать любовь и сострадание ко всем живым существам, постепенно отказываясь от «зацикленности» лишь на собственном благополучии. В дополнение стоит рассуждать о том, что проблемы, возникающие в жизни людей, являются кармическим результатом их же действий в прошлом.

Уджен Намгьял, главный монах Королевского храма Бутана, акцентировал внимание на том, что применение буддийского учения в жизненных ситуациях способствует созданию гармоничного и счастливого общества. В качестве примера внедрения буддийских ценностей в социальную жизнь монах привел идею «валового национального счастья», которым измеряется благополучие жителей Бутана. Между тем Уджен Намгьял отметил, что проблемы являются неотъемлемой частью жизни человека, поэтому важно сосредоточиться на том, чтобы спокойно воспринимать происходящее, и заниматься саморазвитием. Буддийское образование, обретение мудрости, связанное с пониманием всеобщей взаимозависимости, и отказ от причинения вреда помогут человеку стать более открытым и принести счастье в окружающий его мир.

Геше Еше Жигме, ректор буддийской университета «Даши Чойнхорлин» (Бурятия, Россия) считает, что размышления о непостоянстве, непричинении вреда и взаимозависимом происхождении всех явлений способны помочь человеку справиться с его негативными эмоциями и сосредоточиться на любви, сострадании, позитивном взаимодействии с обществом. Благодаря постижению буддийской мудрости люди смогут ценить жизнь и сообща решать глобальные проблемы современности.

Геше Тензин Чойдак, Шаджин-лама Калмыкии, настаивает на том, что буддизм изначально ориентирован на решение проблем общества, поскольку основным постулатом буддийской философии является идея всеобщей взаимозависимости. Признавая свою зависимость от других людей, буддист автоматически осознает свою причастность к страданиям и трудностям, с которыми сталкивается человечество, проявляет сострадание и берет на себя ответственность в разрешении их проблем. Исходя из этого, любую буддийскую практику можно рассматривать как способ решения глобальных проблем. И главной такой практикой является буддийское сострадание, которое способствует развитию бодхичитты.

Гелек Нацык-Доржу, Камбы-лама Тувы, процитировал строфу из буддийского текста о том, что суть буддийского учения сводится к отказу от совершения негативных действий, стяжанию духовных заслуг и обузданию ума. По мнению ламы, следование данным принципам будет способствовать гармоничному существованию современного общества. Справиться с глобальными проблемами помогут также такие методы, как глубокое проникновение в суть буддийской мудрости, признание причинно-следственного закона, развитие любви, сострадания и веры. Таким образом, здесь также подчеркивается важность метода и мудрости.

Арам Кыпчаков, председатель Центрального духовного управления буддистов Республики Алтай, подчеркнул, что поощряемая в буддизме практика отречения вовсе не означает отстраненность буддистов от проблем общества. В большей степени буддисты должны руководствоваться идеей срединного пути, то есть воздерживаться от крайностей и соблюдать баланс. Такой подход, несомненно, может способствовать преодолению многих трудностей. В числе конкретных методов решения глобальных проблем буддийский лама назвал духовное саморазвитие, связанное с развитием чувств любви и сострадания, открытость и честность, отказ от концентрации на индивидуальном благополучии.

Исходя из ответов буддийских лидеров, следует сделать вывод о том, что почти все они склонны искать решение глобальных проблем в альтруизме, сострадании (упая) и признании всеобщей взаимозависимости (праджня). Это подтверждает, что идея «упая-праджня» в действительности оказывает серьезное воздействие на сознание последователей Ваджраяны. Более того, они уверены в том, что предлагаемые ими способы могут быть применены в мировом масштабе, а это обуславливает необходимость оценки стратегического потенциала идеи «упая-праджня».

Стратегический потенциал буддийской идеи «упая–праджня»

Как было отмечено, религиозно-философский смысл исследуемой идеи достаточно полно обоснован в трудах буддийских авторов и буддологов. В настоящем исследовании внимание акцентировано на обсуждении эффективности идеи «упая–праджня» как стратегии духовного развития общества. Проведенный SWOT-анализ позволил выявить сильные и слабые стороны этой идеи, а также связанные с ней возможности и риски.

Сильными сторонами «упая–праджня» являются альтруизм и холизм, подразумевающие идеи бодхичитты и мудрости постижения пустоты. Важно, что альтруизм и холизм в этой концепции мыслятся в неотрывной связи, что, несомненно, нивелирует риск излишней чувствительности либо рационализации в ходе принятия решений. Когда человек применяет бодхичитту в повседневной жизни, то, в сущности, он направляет свое сознание на альтруизм и берет на себя ответственность за всеобщее благополучие. Вместе с тем он размышляет об отсутствии самости, как у себя, так и у других, и приходит к выводу о тотальной взаимозависимости. Такой подход может положительно воздействовать на осознание человеком себя и своего места в мире, что позволит редуцировать проблему поиска идентичности и социальной адаптации, а это станет залогом для стабильности и устойчивости в условиях современности.

Следует отметить, что в исследуемой буддийской идее можно усмотреть и слабую сторону. Ввиду религиозного, в большей степени тантрического, контекста эта идея является недоступной для широкой аудитории. Между тем важно подчеркнуть, что исследования подтверждают позитивное влияние тантрических практик на усиление когнитивных состояний (Kozhevnikova, 2019). Тем не менее следует признать, что практическая реализация идеи «упая–праджня» является достаточно трудноосуществимой, поскольку речь идет о длительном и сложном процессе трансформации сознания. Если принять во внимание причины человеческих страданий, изложенных в буддийском учении, и глубокую степень их укорененности в сознании людей, то возникают опасения по поводу самой возможности обретения истинной интенции бодхичитты или понимания отсутствия самобытия, не говоря уже об их синхронном восприятии.

Однако успешная трансформация сознания вследствие постоянных размышлений о бодхичитте и шуньяте может повлечь за собой создание благоприятных условий для принятия сбалансированных решений. Даже если отдельные группы людей достигнут успеха в реализации идеи «упая–праджня», и в их сознании альтруизм будет уравновешиваться холизмом, то в глобализованном мире их образ жизни и действия смогут оказать благотворное воздействие на окружающих. И это, к примеру, может стать точкой сближения буддистов и последователей эффективного альтруизма, о чем пишет К. Бэйкер (Baker, 2021: 41–42).

Применительно к стратегии развития общества идею «упая–праджня» можно трактовать как единство этического (метод) и рационального (мудрость). Сегодня общество постепенно приходит к выводу о том, что принципы рационального и этического могут и должны быть взаимодополняющими элементами (Петиненко, 2003; Яскевич, 2017). Здесь можно вспомнить известный универсальный принцип дополнительности Н. Бора, который можно трактовать как существование дополнительности между рациональным и нравственным началами.

Важность единства рационального и этического можно видеть, в частности, на примере развития современного бизнеса. Как отмечает И. А. Петиненко, «при формировании культуры бизнеса руководством фирмы необходимо осуществлять ориентацию не только на прибыль и затраты, но и оценивать нравственные основы своего поведения. Это трудно проводить в реальной действительности в каждой отдельной хозяйственной операции, когда существует множество разнонаправленных факторов и руководству приходится выбирать из нескольких вариантов один» (Петиненко, 2003: 114).

Известно, что длительное время в развитии западной цивилизации преобладало рациональное начало, которое привело человечество к новым научным и техническим открытиям, приведшим к кардинальным изменениям в природе и обществе. Благодаря грандиозным открытиям в области науки и технике человечество смогло поставить себе на службу мощные силы природы. Однако такое однобокое рационально ориентированное развитие имело и отрицательные стороны, которые наиболее ярко проявились в экологических проблемах.

В современном мире набирает популярность новое направление общественной мысли, которое называется гуманистической рациональностью. Новое направление предполагает тесную связь рациональности и науки с нравственностью и ответственностью. В результате идея всеобщей нравственной ответственности становится важнее идеи рациональности. Современное развитие человечества и новые глобальные вызовы демонстрируют важность формирования принципиально нового мировоззрения, которое бы характеризовалось единством рационального и этического. Известный отечественный физик-механик, академик Б. В. Раушенбах отмечал, что человечеству необходимо целостное мировоззрение, в фундаменте которого лежит не только научно-рациональная картина мира, но и эмоционально-образное восприятие, а также нравственные ценности. Раушенбах сравнивал человека с птицей, которой для полета необходимы два крыла: «одно крыло — наука, другое — нравственность». Поэтому «биологическое наименование “человек разумный” следовало бы дополнить термином «человек моральный» (Раушенбах, 1991: 2012).

О взаимосвязи науки с этикой пишет и отечественный философ И. Т. Касавин в своей работе «Наука как этический проект». «Наука и техника, — по его мнению, — нуждаются в этической рефлексии, чтобы не входить в серьезное противоречие с ценностями гуманизма» (Касавин, 2019: 91). Авторитетный российский философ, академик А. А. Гусейнов в статье «Философия как этический проект» подчеркивает важность нравственного измерения философии, ее глубинную связь с этикой. «Этика, — пишет он, — не только часть (аспект) философии, но также ее внутренний пафос, в силу чего одна из важнейших задач философской этики заключается в осмыслении, обосновании и нормативном оформлении самой философии как этического проекта, нравственно достойного образа жизни» (Гусейнов, 2014: 16).

Духовный лидер буддистов Его Святейшество Далай-ламы XIV в своей книге «Революция сострадания» также затрагивает данную идею, говоря, что такая революция может способствовать появлению нового человека, отличающегося как мудростью, так и состраданием¹.

Заключение

Таким образом, буддийская идея «упая–праджня» заключается в равном соотношении альтруистических методов духовного развития с холистическим пониманием бытия. В тибетской традиции «упая–праджня» воплощается в ходе тантрической практики Всеобъемлющей йоги, когда адепты синхронизируют метод и мудрость. В целом, данная идея согласуется с общей установкой буддийской культуры, признающей взаимосвязь нравственности и мудрости. Согласно буддизму, безнравственный человек никогда не сможет постичь истину и стать мудрым.

В ходе глубинных интервью авторитетные буддийские лидеры продемонстрировали приверженность к альтруизму и признанию взаимозависимости, что обусловило их выбор средств для решения глобальных проблем человечества. Можно сделать вывод о том, что почти все они склонны искать решение глобальных вызовов в сострадании (упая) и признании всеобщей взаимозависимости (праджня). Это означает, что сами буддисты не только полагаются на эту идею в своем духовном развитии, но и видят целесообразность ее применения в мировом масштабе. Данный факт подтверждает гипотезу о том, что идея «упая–праджня» в действительности оказывает серьезное воздействие на сознание и социальные практики последователей Ваджраяны. Более того, они уверены в том, что предлагаемые ими способы могут быть применены в мировом масштабе, а это обуславливает необходимость оценки стратегического потенциала идеи «упая–праджня».

Применительно к стратегии развития общества идею «упая–праджня» можно трактовать как единство этического (метод) и рационального (мудрость). Очевидно, что принципы рационального и этического могут и должны быть взаимодополняющими элементами. При условии верной интерпретации идея «упая–праджня» имеет достаточно высокий потенциал в качестве стратегии духовного развития общества в условиях глобализации.

¹ См.: Далай-лама XIV. Революция сострадания. Призыв к людям будущего: написано Софией Стрил-Реввер на основе частных бесед с Его Святейшеством. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.

Конечно, здесь может встать вопрос о том, как претворить данную идею в жизнь. Известно, что ключевая проблема современного мира заключается не столько в отсутствии нужных и правильных идей, сколько в том, что во власти нередко оказываются люди безнравственные, совершенно далекие от вопросов морали и религии, а люди в своей массе поддаются эффекту толпы.

Однако, на наш взгляд, идея единства мудрости и сострадания все же может быть востребована в современной науке и философии, где постепенно складывается принципиально новая синергетическая картина мира, охватывающая не только естественно-научные области, но и социально-политическую сферу. В такой синергетической картине мира преобладают принципы коэволюции, нелинейности и кооперативности развития мира. Новая синергетическая картина мира дает нам определенную надежду на востребованность идеи единства рационального и этического, поскольку исходит из того, что развитие мировой истории не может быть предопределено и в значительной степени зависит от нравственности и ответственности людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев, Н. В., Фельдман, В. Р. (2016) Буддизм в контексте глобальных вызовов и кризиса современной цивилизации // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. № 3. С. 3–9.
- Абаева, Л. Л. (2020) Стратегии и тенденции развития буддийской конфессии в моно- и полиэтнических социумах монгольского мира // Власть. № 28 (6). С. 182–187. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7775>
- Гусейнов, А. А. (2014) Философия как этический проект // Вопросы философии. № 5. С. 16–26.
- Касавин, И. Т. (2019) Наука как этический проект // Вопросы философии. № 11. С. 90–103.
- Конзе, Э. (2003) Буддизм: сущность и развитие / пер. с англ. И. Беляева. СПб. : Наука. 288 с.
- Коробов, В. Б. (2024) Абхидхарма как когнитивная стратегия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. № 28 (1). С. 47–56. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-1-47-56>
- Малкина, С. М. (2015) Стратегии философского мышления в деконструкции и мадхьямике-прасангике // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. С. 70–78.
- Насонов, А. А. (2016) Миссионерские стратегии православных и буддийских адептов на юге Западной Сибири (рубеж XIX–XX веков) и особенности межконфессионального взаимодействия // Научный диалог. № 3(51). С. 233–244.
- Островская, Е. А., Бадмацыренов, Т. Б. (2022) Стратегии буддийских сообществ в новых медиа // Социологические исследования. № 7. С. 109–119. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250019277-7>
- Петиненко, И. А. (2003) Рациональный и этический аспекты ценового поведения российских фирм в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. № 279. С. 109–115.
- Раушенбах, Б. В. (1991) Религия и нравственность // Знамя. № 1. С. 204–216.
- Степанянц, М. Т. (2020) Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М. : Наука, Восточная литература. 183 с.
- Туччи, Д. (2005) Религии Тибета. СПб. : Евразия. 415 с.
- Уланов, М. С., Бадмаев, В. Н. (2023) Феномен социально вовлеченного буддизма в современном мире // Новые исследования Тувы. № 3. С. 138–150. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.9>
- Уланов, М. С., Бадмаев, В. Н., Хомутников, В. Х. (2024) Экологическая этика в буддизме: традиции и современный опыт // Новые исследования Тувы. № 1. С. 247–264. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.16>
- Эрендженова, Ю. Ю. (2022) Категории тибетской буддийской культуры в религиозной традиции калмыков. Элиста : Изд-во Калм. ун-та. 179 с.
- Эрендженова, Ю. Ю. (2023) Целесообразность дискуссий ученых и буддистов в контексте поиска решений глобальных проблем // Век глобализации. № 4 (48). С. 116–127. DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2023.04.09>
- Яскевич, Я. С. (2017) Рациональность, нравственность и модели управления в бизнесе и политике // Век глобализации. № 3 (23). С. 130–142.
- Baker, C. (2021) Buddhism and effective altruism // Effective Altruism and Religion: Synergies, Tensions, Dialogue. Ed. by S. Riedener, D. Roser and M. Huppenbauer. Baden-Baden : Nomos. 254 p. P. 17–46. DOI: <https://doi.org/10.5771/9783748925361-17>

Green, R. S. (2016) Buddhist Responses to Globalization, Edited by Leah Kalmanson and James Mark Shields // *Journal of Global Buddhism*. № 17 (May). P.32-37. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.1305872>.

Huang, Zhi, and Wei, Li (2024) Strategic Use of Karma in Lan Cao's Monkey Bridge // *Religions*. № 15 (404). P. 1–13 . DOI: <https://doi.org/10.3390/rel15040404>

Kozhevnikova, M. (2019) Enhancing Human Cognition Through Vajrayana Practices // *Journal of Religion and Health*. № 58. P. 737–747. <https://doi.org/10.1007/s10943-019-00776-z>

Philosophical Aspects of Globalization: A Multidisciplinary Inquiry (2022). Ed. by A. N. Chumakov, A. DeBlasio, I. V. Ilyin. Leiden ; Boston : Brill. 447 p.

Rocha, C. (2012) Buddhism and Globalization // *Buddhism in the Modern World* / ed. by D. McMahan. New York : Routledge. 352 p. P. 289–303.

Shinde, K. A. (2022) How Effective Is a Buddhist Pilgrimage Circuit as a Product and Strategy for Heritage Tourism in India? // *Heritage*. № 5. P. 3846–3863. DOI: <https://doi.org/10.3390/heritage5040198>

Дата поступления: 29.10.2024 г.

Дата принятия: 26.11.2024 г.

REFERENCES

Abaev, N. V. and Feldman, V. R. (2016) Buddhism in the context of global challenges and the crisis of modern civilization. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii*, no. 3, pp. 3–9. (In Russ.)

Abaeva, L. L. (2020) Strategies and Trends of Buddhist Denomination in Mono- and Multi-Ethnic Communities of the Mongolian World. *Vlast*, no. 28(6), pp. 182–187. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7775>

Guseinov, A. A. (2014) Philosophy as an ethical project. *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 16–26. (In Russ.)

Kasavin, I. T. (2019) Science as an ethical project. *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 90–103. (In Russ.)

Conze, E. (2003) *Buddhism: Its essence and development*. Transl. from English by I. Belyaev. St. Petersburg, Nauka. 288 p. (In Russ.)

Korobov, V. B. (2024) Abhidharma as a Strategy of Cognition. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*, no. 28(1), pp. 47–56. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-1-47-56>

Malkina, S. M. (2015) Strategies of philosophical thinking in deconstruction and Madhyamaka-Prasangika. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, no. 2, pp. 70–78. (In Russ.)

Nasonov, A. A. (2016) Missionary strategies of Orthodox and Buddhist adherents in the south of Western Siberia (late 19th–early 20th centuries) and features of interfaith interaction. *Nauchnyy dialog*, no. 3(51), pp. 233–244. (In Russ.)

Ostrovskaya, E. A. and Badmatsyrenov, T. B. (2022) Russian Digital Buddhism: Strategies of Buddhist Communities in New Media. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 7, pp. 109–119. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250019277-7>

Petinenko, I.A. (2003) Rational and ethical aspects of pricing behavior of Russian firms in modern conditions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 279, pp. 109–115. (In Russ.)

Rauschenbach, B. V. (1991) Religion and morality. *Znamya*, no. 1, pp. 204–216. (In Russ.)

Stepanyants, M. T. (2020) *Intercultural philosophy: Origins, methodology, issues, perspectives*. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura. 183 p. (In Russ.)

Tucci, G. (2005) *Religions of Tibet*. St. Petersburg, Evraziya. 415 p. (In Russ.)

Ulanov, M. S. and Badmaev, V. N. (2023) The phenomenon of socially engaged Buddhism in the contemporary world. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 138–150. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.9>

Ulanov, M. S., Badmaev, V. N. and Khomutnikov, V. Kh. (2024) Ecological ethics in Buddhism: Traditions and modern experience. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 247–264. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.16>

Erenzhonova, Yu. Yu. (2022) *Categories of Tibetan Buddhist culture in the religious tradition of the Kalmyks*. Elista, Publishing house of Kalmyk University. 179 p. (In Russ.)

Erenzhonova, Yu. Yu. (2023) The expediency of discussions between scientists and Buddhists in the context of searching for solutions to global problems. *Vek globalizatsii*, no. 4(48), pp. 116–127. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.30884/vglob/2023.04.09>

Yaskevich, Ya. S. (2017) Rationality, morality, and governance models in business and politics. *Vek globalizatsii*, no. 3(23), pp. 130–142. (In Russ.)

Baker, C. (2021) Buddhism and effective altruism. In: *Effective Altruism and Religion: Synergies, Tensions, Dialogue*. Ed. by S. Riedener, D. Roser and M. Huppenbauer. Baden-Baden, Nomos. 254 p. Pp. 17–46. DOI: <https://doi.org/10.5771/9783748925361-17>

Green, R. S. (2016) Buddhist Responses to Globalization, Edited by Leah Kalmanson and James Mark Shields. *Journal of Global Buddhism*, no. 17 (May), pp. 32–37. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.1305872>.

Huang, Zhi, and Wei, Li (2024) Strategic Use of Karma in Lan Cao's Monkey Bridge. *Religions*, no. 15 (404), pp. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel15040404>

Kozhevnikova, M. (2019) Enhancing Human Cognition Through Vajrayana Practices. *Journal of Religion and Health*, no. 58, pp. 737–747. <https://doi.org/10.1007/s10943-019-00776-z>

Philosophical Aspects of Globalization: A Multidisciplinary Inquiry (2022). Ed. by A. N. Chumakov, A. DeBlasio, I. V. Ilyin. Leiden; Boston, Brill. 447 p.

Rocha, C. (2012) Buddhism and Globalization. In: *Buddhism in the Modern World* / ed. by D. McMahan. New York, Routledge. 352 p. Pp. 289–303.

Shinde, K. A. (2022) How Effective Is a Buddhist Pilgrimage Circuit as a Product and Strategy for Heritage Tourism in India? *Heritage*, no. 5, pp. 3846–3863. DOI: <https://doi.org/10.3390/heritage5040198>

Submission date: 29.10.2024.

Acceptance date: 26.11.2024.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа.*
Редактор *Б. Н. Гайдин.*

№ 1, 2025

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/65>

Для иллюстрации обложки использована фотография Ч. Ламажаа

Подписано к публикации 24.02.2025 г.
Объем - 28,0 п. л.
Эл. адрес: article@tuva.asia